

ДАНА АРНАУТОВА

УЗБРАННАЯ
МОРСКОГО
ПРИНЦА

КНИГА ВТОРАЯ

Annotation

Жизнь подводного королевства и его обитателей в руках Джиад, жрицы-воина, желающей лишь свободы от навязанной ей судьбы вечного стража. Согласившись вернуться, чтобы спасти умирающего наследника морского народа, она еще не знает, что магия запечатления требует невозможного: искренне простить того, кто вызывает в ней только ненависть. Принц Алестар изо всех сил пытается искупить вину и преодолеть вековую вражду людей и иреназе, но измена и смерть следуют за ним по пятам. Чтобы выжить, Джиад и Алестар должны раскрыть убийство и заговор, удержать шаткую власть короля моря и, самое сложное, победить самих себя.

- [Страж морского принца-2. Избранная морского принца](#)
 - [ГЛАВА 1. Возвращение](#)
 - [ГЛАВА 2. Тихий шторм](#)
 - [ГЛАВА 3. На Арене принцев нет](#)
 - [ГЛАВА 4. Любовь чужая и своя](#)
 - [ГЛАВА 5. Новости и знакомства](#)
 - [ГЛАВА 6. Между судьбой и свободой](#)
 - [ГЛАВА 7. Свадьба Эрувейн](#)
 - [ГЛАВА 8. На краю Бездны](#)
 - [ГЛАВА 9. Стража земли и моря](#)
 - [ГЛАВА 10. Потери и находки](#)
 - [ГЛАВА 11. Тайны мастеров, жрецов и стражей](#)
 - [ГЛАВА 12. Золото и жемчуг](#)
 - [ГЛАВА 13. Большие Гонки](#)
 - [ГЛАВА 14. Похороны короля](#)
 - [ГЛАВА 15. Большой Совет](#)
 - [ГЛАВА 16. Родственная верность](#)
 - [ГЛАВА 17. Клятвы и молитвы](#)
 - [ГЛАВА 18. Тринадцатая кай-на](#)
 - [ГЛАВА 19. Правила игр и ритуалов](#)
 - [ГЛАВА 20. Замыкая круг](#)
-

Страж морского принца-2. Избранная морского принца

ГЛАВА 1. Возвращение

Вокруг было море. Холодная, темная, бескрайняя вода, и уже не ночное, но еще не рассветное небо смыкалось с ней где-то невообразимо далеко, пряча солнце в молочно-серых глубинах. От летящих брызг Джад мгновенно промокла насквозь, хотя стояла в воде только по пояс, а идущие к берегу волны прокатывались вокруг неё едва ощутимыми упругими толчками. Позади, на близком и одновременно бесконечно далеком берегу, остался Каррас, и Джад боялась обернуться, хотя встретиться с алахасцем взглядом все равно не вышло бы.

А впереди, всего в паре-тройке шагов, если бы воду можно было мерить шагами, качались в волнах двое иреназе, приподнявшись над спинами салту, то выныривая из морской мглы, то снова погружаясь в нее по грудь. Качались и молчали. И это, пожалуй, было самым умным, что они могли сделать, потому что Джад чувствовала себя натянутой до предела тетивой. Растяни ещё хоть на волос, тронь неосторожно — порвётся, хлестнув наотмашь.

— Вы сказали, — услышала она свой бесстрастный голос будто со стороны, — что не станете ни к чему меня принуждать.

— Это верно, — медленно, словно с трудом, ответил король иреназе. — Запечатление слишком неустойчиво, оно истончается, рвется, как сгнившая водоросль. Твоя ненависть убьет Алестара, а ты ведь его возненавидишь, если...

— Я его и так не слишком люблю, — уронила Джад. — Этого вы не боитесь?

Кариалл молча пожал плечами. Небо немного посветлело, и теперь было видно, что король обнажён до пояса, только на шее толстая цепь с тёмным круглым камнем.

— Принц умирает, — подал голос второй иреназе, и Джад узнала Ираталю. — У нас нет выбора, госпожа страж, мы можем лишь надеяться, что вы сумеете обуздать свою ненависть.

— И я должна поверить? После стольких предательств и лжи?

— Я поклялся Сердцем Моря, — в голосе короля слышалась такая бездонная тоска и усталость, что Джад едва не дрогнула, но тут же в памяти всплыл потолок её комнаты-темницы, напоминая, к чему ведёт доверчивость.

— Никакого принуждения к постели, — сказала она так же

бесстрастно. — Иначе, Малкависом клянусь, вы узнаете, как я могу ненавидеть. Никаких угроз. Вы больше не будете мне лгать — что бы я ни спросила. Когда истечет месяц, я вернусь на землю, но если Алестар снова оскорбит меня словом или делом, вы отпустите меня раньше. И вы никому не позволите причинить мне вред или проявить неуважение: ни принцу, ни жрецам, ни другим иреназе, ни распоследней медузе. Вы клянетесь в этом, ваше величество?

— Да, — так же бесцветно отозвался король, поднося к губам висящий на цепочке камень. — Клянусь Сердцем Моря, что хранит Акаланте, его сутью и силой. Я клянусь соблюдать все эти требования и беречь вас, как самую дорогую гостью. Но поспешим, прошу...

Камень в его пальцах вспыхнул тревожным кровавым огнем, словно на него упал солнечный луч, но вокруг по-прежнему был серый полумрак рассвета, а огромный рубин — чем еще могло быть такое чудо? — сиял сам по себе, изнутри, и Джиад поняла, что морские боги приняли клятву короля.

Она шагнула вперед, и еще раз, потом не выдержала, оглянувшись, и прикипела взглядом к одинокой фигуре у самой кромки воды. Волны лизали сапоги алахасца, стоявшего в обнимку с плащом и клинками Джиад.

— Возвращайся, Джи! — закричал Лилайн, словно только и ждал этого движения. — Я буду ждать здесь, на побережье! Месяц, два, три — сколько понадобится, слышишь?

— Слышу, — крикнула она в ответ, и порыв ветра сорвал слово с губ, унося к берегу, где Лилайн в ответ кивнул. — Я вернусь, Лил!

В глазах щипало от соленой воды, в горле так и стоял плотный комок, и Джиад торопливо сделала третий шаг, последний. Взяла из молча протянутой навстречу руки короля аквамаринный кулон, невольно отметив, что теперь в оправу камня продета не цепочка, а кожаная лента. Руками не порвать... Интересно, отберут ли у неё нож? Впрочем, неважно, если Джиад и в самом деле связана с жизнью принца, злить её попусту иреназе не станут.

Стоя теперь уже по грудь в воде, она с брезгливым холодком просунула голову внутрь ленты и почувствовала, как та, и без того короткая, съезживается, обхватывая шею мягко, но надежно...

— Не тревожьтесь, — торопливо сказал Иратель, поймав взглядом её невольное движение: — Так просто безопаснее. Чтобы не порвалась и не слетела случайно.

— Да, конечно, — усмехнулась Джиад. — Что ж, я готова...

Оказалось, быть готовым к такому невозможно, сколько раз ни уходи

под воду. Салту Ираталя подплыл рывком, начальник охраны протянул руку, помогая сесть в седло позади себя, — и тут же, стоило Джиад оказаться на спине рыбозверя, ушел в глубину.

Вода сомкнулась над головой беспощадной тяжестью, заливая нос, рот, глаза, уши. Ледяной хваткой сдавила тело, полилась в горло, заставив снова пережить дикий страх захлебнуться. Джиад впилась пальцами в плечи Ираталя, пытаясь вдохнуть, выдавить из себя солёное, плотное — и закашлялась, чувствуя, что дышит. Водой — но дышит!

— Нет, ничего, — с трудом проговорила она, задыхаясь и отплевываясь, тревожно обернувшись назад Ираталю. — Ничего... Что-то в этот раз...

— Другой морской ключ, непривычный, — виновато отозвался Ираталь. — Тот, что вы носили, остался у его высочества. Жрецы пытались найти вас по нему, но только испортили камень.

— Нашли же все-таки, — буркнула Джиад.

Больше они не сказали ни слова. Рыбозверь рванул с места, и Джиад могла только молча удивляться, как иреназе находят дорогу в совершенно тёмной воде. Даже на земле ночью легко заблудиться: темнота искажает привычные очертания, скрывает и меняет расстояния, путает тропы. А в море, где кроме привычного обзора по сторонам есть еще верх и низ, как можно держать верное направление?

Но спрашивать об этом Ираталя явно было не время. Начальник охраны лег на салту, слился с ним, плотно прижавшись к шкуре, и Джиад пришлось последовать его примеру, одной рукой обхватив за плечи иреназе, другой вцепившись в луку непривычного седла, рассчитанного на хвост.

Засомневайся она вдруг, что принц Алестар действительно при смерти, хватило бы этого бешеного заплыва-полёта в томительно медленно светлеющем море, чтобы понять: они спешат к умирающему. Впереди рассекал воду темный силуэт короля, и Джиад отрешенно подумала, что не зря иреназе плывут один за другим, хотя дорог здесь нет. Это как прокладывать тропу по снегу: труднее всего идти первому, зато следовать за ним куда легче. Ираталь — отличный наездник. А вот она бы ни за что не удержала зверя так ровно и чисто, прямо носом в хвост салту короля.

Снег, вода... Джиад напряглась, сбрасывая странное оцепенение мыслей, готовых крутиться вокруг чего угодно, только не того, о чем действительно следовало думать сейчас. Согласилась! Она сама, по доброй воле согласилась вернуться в подводное королевство, поверив уже раз обманувшему её владыке иреназе и его сияющему талисману. Да с чего она

решила, что морской народ не нарушает клятвы, данные на этой реликвии? С того, что они сами так сказали? Ей, двуногой чужачке? И с чего она взяла, что это именно Сердце Моря? Мало ли у короля иреназе диковин, способных при необходимости посветить, как уголек из-под пепла?

Джиад невольно вдохнула глубже, с отчаянием понимая, что снова бросила свою жизнь на кон смертельной игры неизвестно ради чего. Но Малкавис велел ей выбирать... Выбирать, а не верить на слово всему, что скажут подлые хвостатые! Ладно, потеряв голову, о серьгах не жалеют... Думать надо о том, как выдержать месяц рядом с рыжим ублюдком. Пусть он даже пожертвовал собой ради искупления вины, это не причина забыть и простить. Скорее всего, недоразумение, родившееся наследником трона Акаланте, вообще не думало, что с ним случится после расставания с запечатлённой. Не думать — это очень похоже на Алестара. Поддался первому порыву, случайно оказавшемуся благородным, захотел одним махом разрубить все узлы — и вот, любуйтесь!

Отец-король, жрецы и придворные — все сходят с ума, пытаются исправить то, что рыжий натворил безмозглым великодушным поступком. А Джиад...

Сердце резануло тоскливой виной, стоило вспомнить глаза Лилайна. Он-то чем такое заслужил? Верностью и заботой? Да за одно это рыжему хвост оторвать мало! Целый месяц... Дождется ли? А если дождется, как потом вымолить прощение? Как убедить, что иначе не могла? Лилайн поверил ей с полуслова, привёз к морю, рискуя жизнью и свободой, а что теперь будет с наемником, которого наверняка ищут люди Торвальда? Малкавис, помоги ему скрыться! Помоги понять, что не надо ждать на побережье, за месяц даже матерый зверь попадетсЯ в расставленные ловушки.

Они спускались все ниже, у Джиад уши заложило от давления воды. Она несколько раз сглотнула, открыв рот, и почувствовала, как в ушном проходе что-то щелкнуло. Вода сразу перестала давить, будто придя в непонятное равновесие.

Плечи Ираталя под обхватившей их рукой Джиад ритмично напрягались. Иреназе правил зверем, еле заметно смещаясь то на один бок, то на другой, помогая себе лоуром. Вспомнилось, как Алестар учил её морской верховой езде. Как один человек может быть таким разным?

Ведь рыжий действительно любит салту и понимает их, как на земле хорошие всадники любят и понимают лошадей. Это, конечно, не говорит о том, что человек добр, — сколько угодно мерзавцев холят и берегут зверей, а вот людям на их пути лучше не попадаться. Но в Алестаре временами

проглядывало растерянное отчаяние заблудившегося мальчишки... Да, он был жесток. Но совсем не так, как Торвальд. Мог, сорвавшись, мучить, даже убить, наверное, но лгать с таким ясным взором, предавать с красивым и спокойным расчетом... Это на принца иреназе было ничуть не похоже.

Джиад сильнее сжала колени, пытаясь удержаться на крутом повороте. По привычке, конечно, салту — это не лошадь, им коленями не правят. Мокрые штаны облепили ноги, босые ступни терлись о шершавую кожу рыбозверя. Сапоги остались на берегу. И перстень! Только сейчас Джиад, растерявшись, вспомнила, что перстень Аусдрангов так и лежит в каблуке её левого сапога. Если Каррас не вспомнит или решит, что она спрятала драгоценную реликвию где-то ещё, — конец перстню. Сапоги — это не клинки и даже не плащ, вряд ли алахасец заберет их с собой, скорее бросит на берегу. Что ж, это судьба... Рубин Аусдрангов хотел отправиться в мир — он это сделал. Впору поверить в этом Каррасу, иначе как объяснить, что перстень вылетел из памяти как раз в нужный момент?

Шпили Акаланте вынырнули прямо под ними, и Джиад поняла, что они плыли к городу напрямую, как и в ту ночь, когда рыжий её отпустил. Прямо — и вниз. Дворец надвигался стремительно, черноту его силуэта испещряли голубоватые и желтые светляки туарры в окнах. Похоже, многие там то ли встали спозаранку, то ли вовсе не ложились. Салту заложил последний поворот, от которого Джиад, будь она сыта, могло бы и вывернуть, застыл перед темным проемом в стене, где-то посередине между крышей и дном. Ну да, им здесь лестницы не нужны...

— Как вы, госпожа избранная? — в голосе Ираталя, соскользнувшего со спины рыбозверя и пристально смотрящего на Джиад, слышалось беспокойство. — Все хорошо?

Джиад кивнула и тоже попыталась слезть, сразу почувствовав, что невольно соврала — никакого "хорошо" и близко не было. Голова кружилась, пустой желудок скрутило жгутом, а перед глазами бешено мелькали разноцветные искры.

— Ваше величество... — услышала она сквозь плотную темную пелену, застелившую все вокруг.

Что-то говорил Ираталь, что-то отвечал ему король — Джиад, запрокинув голову, пыталась отдышаться, с бессильным отвращением думая, что силы, дарованные Малкависом, на исходе. Промедли она в предгорьях, не помоги ей Лилайн добраться до моря — и жрецы могли бы хвост узлом завязать, объясняя, как погубили избранную вместо того чтобы добыть. А что, хороша была бы шуточка...

К её губам прижалось горлышко кувшина, в рот полилась горьковатая влага, уже знакомая по прошлому разу. Джаад глотнула, допила до конца и, дождавшись, пока перед глазами немного прояснится, отдала кувшинчик подплывшему Невису.

— Быстрее, — умоляюще сказал старый целитель, заглядывая ей в глаза. — Госпожа избранная, прошу вас...

Её тащили за руку по коридорам, залитым светом туарры, и даже это мягкое сияние казалось тревожным, лихорадочным. Дверь — та самая, будто и не было недель свободы. И комната — знакомая и незнакомая одновременно. У стены клетка с мечущимся рыбёнышем. Надо же, как вырос... Погоди, малыш, не до тебя пока. Остальные стены от пола до потолка заставлены какими-то сложными приборами: зеркала, стеклянные трубки, сосуды с разноцветными жидкостями, то искристо мерцающими, то густыми, непрозрачными. И посреди всего этого до омерзения знакомая кровать с расprostертым телом. Мертвой змеей стелется по подушке тусклый рыжий жгут волос. К рукам, до синевы белым, почти прозрачным, тянутся стеклянные трубки, уходя в кожу хищными иглами. Даже хвост, всегда сияющий перламутром, поблёк, и безжизненно свешивается с ложа обвисший плавник. Лицо...

Джаад подплыла ближе, взглянула в холодную совершенную красоту мертвого принца Алестара. Нет же! Вот, грудь еле заметно поднимается и опускается. Но... так медленно...

— Прошу, — слышался рядом лихорадочный шепот короля иреназе. — Вы видите? Теперь — видите? Умоляю — не надо ненависти... Разве можно ненавидеть его сейчас?

«Нельзя, — согласилась она про себя. — Такого — нельзя. Просто не получится».

А вслух спросила:

— Что мне делать? Говорите же!

— Оставьте нас, ваше величество, — прозвучал удивительно властный голос Невиса. — Вы сделали, что могли, теперь оставьте нас и молитесь Троице — остальное в их власти.

Покорно кивнув, король выплыл из комнаты вместе с Ирталем, а целитель опять поймал взгляд Джаад своим — безмерно усталым и тревожным.

— Нет времени на ритуалы и обряды, — торопливо сказал он, беря её за руку и увлекая к постели. — Еще немного — и наследника не вернуть. Просто ложитесь рядом и прикоснитесь к нему. Так тесно, как... сможете. Прошу! — добавил он срывающимся голосом.

Джиад молча повиновалась, пытаясь убедить себя, что ничего страшного и отвратительного в этом нет. Ведь спасала же она рыжего дурня от дыхания Бездны, а потом и от сирен? И не думала тогда, насколько его ненавидит и может ли простить.

Постель была такой же мягко-мокрой, как помнилось, только теплее. Все равно гадко! Запрокинутое лицо принца оказалось совсем рядом, бледное, будто светящееся изнутри.

«Он и в самом деле уходит, — чутьём поняла Джиад. — Душа вот-вот улетит. Или уплывет? Ох, да какая разница...»

Придвинувшись еще ближе, она обняла рыжего одной рукой, прижалась к его боку, попыталась уловить ритм дыхания принца, не понимая, что делать. Да и что она может?

— Вы же слышали, что сказал король? — подсказал из-за спины бесцветный от усталости голос Невиса. — Забудьте о ненависти. Просто... постарайтесь вспомнить то, что могло вас связать. Что-нибудь хорошее! Ведь было же хоть что-то?

Судя по отчаянию в тоне, целитель и сам не очень в это верил. Джиад честно попыталась вспомнить. В памяти, как грязная муть со дна потревоженного источника, всплывали унижение, боль и ярость... Нет! Не думать... Не думать о том, что убьет последнюю исчезающую связь между ними. Это как тренировка на сосредоточение! Убрать ненужные мысли легко, но как и где найти нужные?

В отчаянии она уцепилась за единственное, что пришло в голову: принц держит за хвост малька салру, отчитывая безмозглого мальчишку. Он был рад, когда Джиад выпросила рыбёныша. Рад не убивать.

Джиад судорожно вдохнула воду, старательно гоня мысли о плохом. Алестар учил её плавать на салту. Высокомерно выпускал колючки, фыркал, но учил на совесть. И даже бросил обожаемую охоту, чтобы проследить за двуногой, защитить её от злоязыких сплетников вроде Миалары. Да уж, для рыжего — настоящий подвиг...

Память упорно подсовывала горячие руки на плечах, лихорадочный шепот в темноте между стенами загонов. Да, но ведь удержался! Совладал с собой, даже просил прощения...

Тело под её рукой дрогнуло. Джиад всмотрелась в мраморное лицо, на котором выделялись только темно-золотые брови и ресницы. Все остальное — шедевр великого скульптора, а не живая плоть. Но ведь явно принц вздрогнул! Осталось лишь надеяться, что это не агония.

— Да, — прошептал из-за спины Невис. — Да, еще... Прошу вас!

Еще? Джиад прикрыла глаза, чтобы не видеть ненавистную наглую

красоту. Если бы она отвечала перед Малкависом за свое глупое согласие вернуться в море, что бы она сказала?

Принц иреназе не лгал ей. Мучил, чуть не убил, но не лгал. Даже в тот последний раз, прогоняя наверх, умудрился сказать правду, только подал ее по-своему. Бились о камни волны, прибой чуть не утопил её, уплывающую, но позволил выбраться на берег, а Алестар остался, чтобы умереть. Это было на рассвете. Соль на губах, соль, пропитавшая тело и волосы, из-за нее щипало глаза и кожу... Но был ведь еще и день до этого? Турансайское вино и сырные лепешки, горячий песок и пламя костра... И Алестар глядел на неё восхищенными глазами из ласково плещущих волн, глядел молча, не в силах скрыть желание во взгляде, но хотя бы не выдавая его ни словом, ни делом.

Джиад невольно сжала пальцы на плече принца, снова вдохнула глубоко, с напряжением, не позволяя себе поднять тяжелые веки, удерживая в памяти золотые искры костра, вкус вина на губах, плотные струи воды, обтекающей тело, когда плывешь на салту. И кровь! Текущая в воду кровь Алестара, призвавшая его отца, пока Джиад отбивалась от сирен. Рыжий пытался выбраться из-за её спины, из убежища, которое могло подарить ему несколько лишних мгновений безопасности, а мгновения слишком часто решают, кому жить, а кому умирать. На руках подтягивался, полз, лишь бы драться рядом, хотя сам и нож не поднял бы. Малкавис, помоги! Помоги мне удержать его хотя бы за это! За то, что он был рядом со мной в бою...

Что-то говорил рядом Невис, тревожно и радостно, Джиад его не слышала. В прохладной воде она горела, словно бежала по раскалённому песку пустыни, задыхаясь от льющегося со всех сторон жара. Тяжело и жарко — ей даже показалось, что вода вокруг должна закипеть, соприкасаясь с её кожей. И эта тяжесть... Она снова напряглась, запрокидывая голову назад, выгибаясь, как лук с натянутой тетивой... Малкавис, как же тяжело! Тяжело... вытаскивать...

Упрямо вцепившись в осколки собранной мозаики, будто каждое доброе воспоминание об Алестаре было тщательно сберегаемой драгоценностью, Джиад отрывисто дышала, невольно облизывая губы. Это было как бой, а драться, выкладываясь без остатка, она умела. Сейчас ни просьбы короля иреназе, ни мысли о морском народе, обречённом, если принц умрет, — ничто не имело значения, кроме того, что решила она сама. Потому что только вся её воля, собранная воедино, могла удержать уходящего за край жизни.

И удержала! Когда что-то изменилось и стронулось, принц задышал

немного чаще, а где-то вдали радостно вскрикнул Невис, ослепительно алая волна боли накрыла Джад с головой, прокатилась по телу, заполняя каждую частичку. Застонав сквозь зубы, она еще плотнее прижалась к мелко дрожащему Алестару, даже положила подбородок на его плечо, но не в желании приласкать, конечно, а пытаясь еще теснее прихватить то, что ощущалось внутри скользким горячим жгутом, связывающим их, как пуповина связывает младенца с чревом. В другой раз это сравнение показалось бы кощунственным, но не сейчас. Принц рождался заново! И Джад пыталась помочь ему, как могла, вытаскивая в жизнь всеми силами души и тела. И лишь когда услышала слабый прерывистый стон, окончившийся всхлипом, позволила себе соскользнуть в полусон-полубеспамятство от страшного изнеможения.

Первое, что Алестар понял, вынырнув из мрака, — боли нет. Во имя Трои, может ли быть большее счастье? Боль ушла, и это было непостижимым блаженством, которым он просто наслаждался, боясь шевельнуть хоть мускулом. Вдруг вернется?

А еще ему было тепло, тоже в первый раз за бесконечно долгие и мучительные дни и ночи, когда холод проникал внутрь и не уходил, сколько ни лежи в горячей ванне, сколько ни грейся изнутри тинкалой. Тепло... Может, он уже умер и попал в Глубины Предков?

Но на загробный мир это было никак не похоже, потому что тело ощущалось — спокойной разнеженной истомой, теплом и негой в каждой мышце, умиротворением... Да, вот чем это было! Умиротворением. Словно все, наконец-то, стало именно так, как должно быть. Странное чувство, но какое же чудесное!

А еще он явно лежал не один. Чья-то рука обнимала его за плечи, и это тоже было так правильно — словами не передать. Как сытость после голода, отдых после усталости, безопасность после страха... Как удовлетворенное любовное томление, даже лучше.

Алестар глубоко вдохнул, пытаясь поймать это дивное ощущение, хотя бы запомнить его, как сладкий сон, исчезающий сразу, как проснешься, но незнакомое доселе счастье не проходило, и он рискнул, повернув голову, открыть глаза. Тяжелые веки ни в какую не желали подниматься, а когда все-таки поднялись, он несколько раз моргнул, не веря тому, что видит. Четкий профиль, словно вырезанный из темного янтаря, тень ресниц на щеках, по-детски подложенная под голову ладонь. А вторая — на его, Алестара, плече...

Замерев, боясь спугнуть видение, потому что не могло же это быть

явью, он всматривался жадно и вдохновенно, как глядят на то, что увидеть мечтали, но даже не надеялись. Джиад спала. Мерно поднималась и опускалась грудь, согнутые колени упирались Алестару в хвост, и даже во сне жрица выглядела так, словно вот-вот вскочит и рванет куда-то. Понятно, куда, — подальше отсюда...

Они все-таки её поймали! Поймали и притащили в Акаланте! Глубинные боги, что же теперь делать...

Наверное, он шевельнулся или вздрогнул, потому что Джиад мгновенно, словно и не спала, распахнула ресницы, в упор глянув черными каплями Бездны, что боги подарили ей вместо зрачков. Глянула молча, не шевелясь, и Алестар тоже затаил дыхание, пытаясь прочесть хоть что-нибудь в непроницаемой мгле её взгляда, — но куда там!

Дыхание перехватило. Наверное, впервые за всю жизнь он не знал, что сказать. Раньше слова всегда приходили сами, то стремительными рыбешками легко срываясь с губ, то падая с них тяжёлыми камнями или выползая, как ядовитые маару. А теперь, когда он так хотел сказать хоть что-нибудь, — их не было. Только пустота. Полная страшная пустота и в голове, и в сердце, да еще страх и понимание, что скажи он что угодно — это все равно будет не то, что надо. Потому что разве могут слова что-то значить, если рядом та, увидеть кого — величайшее счастье и величайшая беда?

— Проснулись, ваше высочество, — бесстрастно сказала Джиад, разрывая длящееся целую вечность молчание.

Это, конечно, был не вопрос, к чему спрашивать очевидное? Алестар молча кивнул, хотя по-настоящему вышло только чуть шевельнуть будто налитой свинцом головой.

— Лежите, — так же ровно и бесцветно-спокойно уронила жрица, убирая руку с его плеча. — Выздоровливайте...

У Алестара даже в глазах потемнело, словно его ударили под дых, а всего-то — исчезла почти невесомая тяжесть чужой руки. Нет, не чужой! В том-то и дело, что не чужой.

— Это ты... — выдохнул он беспомощно, только теперь осмеливаясь поверить, чтобы разом преисполниться и страха, и отчаяния, и надежды пополам с безнадёжностью. — Это, правда, ты... Я думал, сплю...

— С такими кошмарами вас только пожалеть, ваше высочество.

Холод в голосе, холод в глазах, а рука была такая тёплая, что непонятно, откуда столько зимней, пополам со льдом, воды во взгляде и словах. Алестар сглотнул горечь, вздохнул судорожно. Сказал, едва слыша сам себя:

— Ты здесь... Это отец, да? Что же... что теперь делать...

Что я, больной, недавно умиравший, могу сделать, чтобы снова отправить тебя на землю, — вот что было в этом вопросе, таилось в словах, как раковина в песке, и острые края резали сердце, потому что ответа не было и быть не могло, как нет жемчуга в раковине-пустышке.

— Мне — терпеть, вам — выздоравливать, — буркнула Джад, ложась на спину и глядя в потолок так внимательно, словно там за время её пребывания на суше что-то изменилось. — Да, и особо ни на что не надейтесь. Ваш отец обещал, что я пробуду здесь всего месяц. И гостьей, а не пленницей. Поэтому руки, ваше высочество, будьте любезны держать при себе, не говоря уж о прочих... частях тела. Я вернулась не для того, чтобы вас ублажать.

Ледяной крошкой, ядовитой слизью плыли холодные злые слова, но Алестар в растерянности пропустил их мимо ушей, расслышав только одно, самое важное.

— Вернулась? — переспросил он, боясь поверить. — Ты вернулась сама? По своей воле?

— Именно, — растянула губы в усмешке жрица, покосившись на Алестара и снова глядя в потолок. — Я здесь, потому что король иреназе просил спасти его сына и наследника. Ради мира между людьми и морским народом. И всё, на что я согласилась, — это быть рядом.

Что-что, а слышать только то, что хочется, Алестар всегда умел. «Быть рядом» — это ведь, на самом деле, очень много! Больше, чем он мог и смел надеяться! Джад, его Джад вернулась сама! Не надо думать, как спасти её снова, можно просто отдаться счастью быть вместе. А все остальное... Образуется как-нибудь!

Усталость навалилась внезапно, будто он не только что проснулся, а целый день охотился. Или даже разбирал счета, что куда утомительнее. Алестар закрыл глаза, но тут же снова их поспешно открыл, боясь, что Джад исчезнет. Нет, жрица-воин лежала рядом, угрюмая, но не собирающаяся пропадать. И Алестар позволил векам опять налиться тяжестью, а телу расслабиться, уплывая в тепло и спокойствие.

* * *

Принц уснул. Вот ведь существо! Глядит с таким чистым восторгом и радостью, как на лучшего друга или потерянную, но вновь обретённую любовь. Джад передернуло, внутри медленно поднималась загнанная на самое дно души злость. Словно ничего не было! Вообще ничего, кроме хорошего! Может, он еще ждёт, что она растает и согласится делить с ним

постель по-настоящему? Да скорее море закипит.

Рыжий обиженно всхлипнул во сне, словно услышав её мысли. Придвинулся ближе, закинул хвост на ноги Джад и бесцеремонно сгреб её в объятия. Задыхнувшись от возмущения, Джад приподнялась, собираясь вырваться, — и наткнулась на взгляд Невиса, так и качающегося у стены за спиной принца.

— Не надо, — тихо попросил целитель, потирая пальцами виски. — Он спит. Это его тело тянется к вам за исцелением. Ничего плотского, госпожа избранная, поверьте. Его высочество еще долго не сможет взглянуть с желанием ни на кого, даже на вас...

— Это к лучшему, — процедила Джад, заставляя себя замереть.

Потом, не выдержав, осторожно сняла руку принца, упрямо встретив просительный взгляд целителя, буркнула:

— Не могу я так. Лучше сама обниму... потом... если надо...

— Я понимаю, — так же тихо согласился Невис. — Вы и так сделали больше, чем я смел надеяться. Его высочество жив и на пути к выздоровлению, а обуздывать желания ему давно пора научиться. Просто не забывайте, что он еще не вполне владеет собой. Вы для него — как горячий источник для замерзающего.

Не найдя, что сказать, Джад передернула плечами, чувствуя, что и сама сейчас бы с радостью поспала. Но засыпать не хотелось: хотя умом она и понимала, что принц безопасен, тело и память предупреждали об ином. Слишком уж горели глаза Алестара при взгляде на неё. И принц, кстати, в отличие от своего отца, ни в чем не клялся.

В клетке у стены заметался салру, и Джад со стыдом подумала, что так и не посмотрела на него ближе. Малек наверняка давно выздоровел, почему его до сих пор не выпустили? Рыжему не хватало хоть какой-нибудь зверушки? Заменял двуногого питомца на хвостатого?

Мысли текли злые, горькие и вряд ли справедливые, но Джад было плевать. Слишком глубоко засела ненависть, чтобы исчезнуть от просьб иреназе и ласково-горячих взглядов рыжего мерзавца. Неизвестно, как обернется дело, когда принц выздоровеет. И даже если будет вести себя прилично, видеть его желание, постоянно ощущать на себе, ловить взгляды, от которых недалеко и до прикосновений... Месяц будет не из легких.

А салру она завтра же выпустит! Первым делом!

ГЛАВА 2. Тихий шторм

Дня два-три проплыли в полубеспамятстве. Алестар почти все время спал, просыпаясь лишь для того чтобы первым делом, подняв тяжелые веки, увидеть дремлющую рядом или сидящую у клетки с мальком Джаид и снова, послушно выпив тинкалы с какими-то зельями, уснуть. Боль, терзавшая все время разлуки с запечатленной, ушла, как вода в сухой песок, зато страх новой потери никак не хотел отпускать, это было мерзко и унижительно — бояться, но Алестар ничего не мог с собой поделать. И слабость... Каким же беспомощным он себя чувствовал! Тело, всегда такое ловкое, сильное, послушное, расплывалось по постели медузой, руки не могли удержать даже книжной таблички, да и читать не хотелось: строчки плыли перед глазами, а мысли путались. Однажды, с трудом сосредоточившись, он вяло и утомленно подумал, что хотел бы увидеть отца, но тот, раньше почти не отплывавший от его постели, теперь почему-то не показывался.

И все-таки слабость отступила следом за болью. Утром очередного дня Алестар проснулся, чувствуя себя все еще нездоровым, но голодным и почти бодрым. Джаид... Постель рядом была пуста! Нет, ничего страшного — вот она, жрица.

Джаид, одетая лишь в штаны и широкую нагрудную повязку, играла с мальком, сидя у клетки на полу. Отросшие темные волосы уже не топорщились задиристо, теперь их можно было собрать в хвост. Совсем короткий, правда, чуть ниже плеч. Или просто запустить пальцы в смоляные пряди, перебирая ласково и осторожно... Позволит? Или снова замрет под прикосновением, вроде бы не сопротивляясь, но так, что сам отдернешь руку?

Алестар жадно разглядывал смуглую спину и плечи, любовался, как перекачиваются под золотистой кожей плоские красивые мышцы, когда жрица водит железным прутиком перед носом у салру со своей стороны клетки. Тот метался у решетки, с упоением пытаясь схватить игрушку, но прутья клетки мешали, а коварная добыча то ныряла между ними, то вовремя отдергивалась, и малек только возмущенно клацал пастью. Зубы у него, кстати, были уже далеко не безобидные: железо не перекусит, а вот палец лучше не подставлять.

Джаид снова медленно повела прутом вдоль клетки, вытянув руку с игрушкой далеко в сторону и вверх, ложбинка вдоль позвоночника

дрогнула, напрягаясь, и Алестар даже сглотнул, так явно ему представился вкус кожи, если сейчас наклониться и провести языком. Откуда? Откуда он знает эту горячую шелковистую нежность, так не похожую на вкус иреназе? Ах да, пробовал однажды... Лизнул, когда...

Воспоминания обожгли стыдом. Алестар даже вздрогнул виновато, и тут же Джадд обернулась, встретившись с ним взглядом. Лицо её, как и боялся Алестар, закаменело, только глаза остались живыми и сердитыми.

— И долго вы его собираетесь в клетке держать? — холодно поинтересовалась жрица. — Все ведь зажило.

Действительно, зажило, даже шрамов не видно. И вымахал малек изрядно, теперь он был длиннее руки от пальцев до локтя. Интересно, кто его кормил все это время?

— Твой зверь, ты и выпускай, — отозвался Алестар, продолжая любоваться сидящей теперь к нему боком девушкой. — Он уже сам ест, наверное. Только место надо найти спокойное, без маару и подальше от города.

Джадд покосилась на малька, в глазах мелькнула растерянность. Ну да, откуда человеку разбираться в местных опасностях?

— Я помогу, — поспешно сказал Алестар, пока жрице не пришло в голову попросить об услуге кого-нибудь другого. — Есть долина, там не охотятся. И маару там нет. Я покажу.

Растерянность во взгляде сменилась угрюмой обреченностью. Жрица молча кивнула и снова отвернулась к клетке, а у Алестара внутри болезненно заняло тоской. Вернулась-то Джадд добровольно, только ясно, что ей здесь плохо. Почему? И понимает ли она, что в прошлый раз её пытались спасти, а не обидеть?

— Джадд! — окликнул Алестар напряженную спину и темное облачко волос, колышущихся вокруг затылка. — Ты позволишь с тобой поговорить?

— Как пожелаете, — бросила жрица, не торопясь, впрочем, поворачиваться. — Я вас прекрасно слышу, ваше высочество.

Намек был прозрачен, словно новорожденная медуза: возвращаться на постель, ближе к Алестару, она не собиралась. И даже смотреть на него не хотела!

Глубоко вдохнув, Алестар постарался унять поднимающееся раздражение. Это Джадд. Его Джадд.

— Прости, — сказал он вслух как мог спокойно и мягко. — В тот раз, последний... Я наговорил тебе... всего. Я не хотел тебя обидеть, клянусь.

— Знаю, — равнодушно уронила девушка. — Вы хотели меня обмануть. Чтобы я не стала думать, а просто уплыла наверх.

— Да! — выдохнул Алестар облегченно. — Я хотел спасти тебя, понимаешь?

— У вас получилось, — прозвучало так же бесстрастно, если только Алестару не чудился под штилем этого спокойствия зарождающийся шторм. — Может, мне вас еще и поблагодарить? За великодушие.

— Джиад, — безнадежно повторил Алестар, чувствуя, что тепло, обволакивающее его с прошлого пробуждения, стремительно исчезает. — Зачем ты так? Я просто хотел спасти тебя. Ты не заслужила смерти. И всего остального тоже. Я знаю, что виноват.... Но я хотел помочь...

— А просто сказать мне, в чем дело, вы не могли? Непременно надо было врать и унижать?

Все-таки это был шторм. И не простой, а королевский, из тех, что мешают небо с морем в круговерти волн и ветра. У Алестара даже во рту стало солоно от предчувствия беды.

— Надо, — упрямо сказал он. — Иначе ты бы не уплыла. Ты всегда думаешь о других, а о себе уже потом, если успеваешь. Я должен был тебя спасти.

— Пожалуй, я все-таки выражу вам глубочайшую благодарность, ваше высочество...

Жрица, не вставая, развернулась одним гибким и плавным движением — на зависть любой мурене-убийце, глянула на Алестара, растянула губы в подобии улыбки. Помолчав, продолжила:

— Вы ведь пожертвовали собой, верно? Это у вас семейное — делать с другими то, что хотите или считаете нужным. А плохое или хорошее — кому как повезет. Захотели — насильовали и мучили, захотели — спасли и отпустили. Правда, потом все головорезы побережья гоняли меня по городу, как дичь, пытаясь вернуть в море. А когда не вышло, ваши жрецы решили притянуть меня магией, словно рыбину, заглотившую наживку. Ничего, что крючок рвет нутро, — быстрее и вернее получится. Вы-то, конечно, ни при чем, за это мне надо благодарить вашего отца. Ну, считайте, что вы с ним по разу каждый меня убили и по разу спасли. Как в игре! Теперь что? Чья очередь быть хорошим, а чья — плохим? Да только игрушке все равно, кто ее ломает, а кто — чинит! Я вам не игрушка, ваше морское высочество...

Она прервалась, словно задыхаясь, даже губы побелели, но голос оставался ровным и почти спокойным — это пугало больше всего. Алестар не боялся шторма, волны ничего не сделают рожденному в них, но слова

Джиад были похожи на подводный поток-ловушку, текущий быстро, но почти незаметно, только попав в него, понимаешь, что выбраться не в силах. И остается смотреть, как летят мимо острые края скал, да гадать, на какую из них тебя вынесет.

— Джиад, — проговорил Алестар, вглядываясь в совершенно чужое лицо напротив. — Я не хотел... Ну чем поклясться, что я не желаю тебе зла? Давно уже не желаю!

«Чем поклясться, что все эти дни и ночи я думал только о тебе, — рвалось с языка. — Что видел тебя во сне, просыпаясь в глупых слезах и радуясь этим снам, как лучшему лекарству. Что мечтал еще раз увидеть наяву, а теперь, увидев...»

— Да какая мне разница? — яростно выплюнула жрица. — Из-за вас...

Она опять осеклась, но Алестар вскинулся, тоже срываясь в легко и радостно накатившую злость.

— Что из-за меня? — поинтересовался он звонким от обиды голосом. — Ты лишилась своего хозяина? Того, кто тебя предал? Это о нем ты сожалеешь?

— Вот уж не ваше дело!

— Может, и не мое, — согласился Алестар, приподнимаясь на локте и чувствуя, как слабость исчезает, смытая возмущением. — Но ты же во всем винишь меня? Я не хотел, чтобы ты возвращалась! Не хотел, слышишь? И звал тебя не я... А уж с этим аусдрангским ублюдком, что тебя продал, договариваться...

— Отчего же не продать, если есть покупатель? — процедила Джиад, надменно и как-то отчаянно вскинув голову. — Даже и не знаю, кто больше радеет о пользе своего народа — его величество Торвальд или его величество Кариалл. Все во имя государства — и никак иначе. Только он мне не хозяин! Как и вы, если уж на то пошло.

Алестар едва не захлебнулся очередным вдохом от обиды. За что с ним так? Сейчас-то он что успел сделать плохого? И это благодарность за спасение? Неужели его поступок ничего не стоит? Да, он так и хотел, отправляя Джиад наверх, был согласен, чтоб та никогда ничего не узнала, но теперь, когда все выяснилось... Пусть не благодарит, но хотя бы поймет!

— Если ты так обо мне думаешь, зачем возвращалась? — сказал Алестар, сам смутно удивляясь спокойствию, вдруг залившему его целиком. — Я же велел тебе уходить подальше от моря. Ну и убиралась бы...

Он осекся. Лицо Джиад заливала бледность, такая сильная, что даже

в свете туарры было видно: что-то с ней не то. На мгновение показалось, что вокруг и впрямь бушуют волны: холодные серо-зеленые волны зимнего моря. Только там, наверху, шторма ревут на десятки голосов, а в глубине они тихие, грозно-тяжелые и от этого не менее опасные.

— Джад, — выдохнул Алестар почти беззвучно, не слыша собственный голос. — Джа...

В клетке у стены заметался салру. Тревожно заметался, слишком быстро и резко для простой игры.

— Не смейте меня так звать, — прошипела жрица с тем же мертвенным холодом в голосе. — Никогда, слышите? Почему я вернулась? Спросите у своего отца и жрецов. Уж точно не потому, что мне здесь понравилось.

— Я бы спросил, — бессильно огрызнулся Алестар, — если бы...

Договорить он не успел. Джад прыгнула от клетки и мимо Алестара, изо всех сил стараясь плыть быстрее. Резко и от этого слишком размашисто загребая, достигла двери, неуклюже рванула ручку — в другую сторону.

— Джад! погоди!

Оклик пропал впустую. Истошно заверещал малек, но было не до него. Джад билась с дверью, как с врагом, тяжелая глухая плита не поддавалась, и Алестар кинулся следом, еще не зная, что сделает сам.

— Джа!

— Да не зови меня так!

Отпустив дверь, Джад зависла возле нее, скорчившись, подтянув колени к подбородку и обняв их руками, спрятав лицо. Её сотрясали то ли судороги, то ли рыдания, и перепуганный Алестар впервые пожалел, что в этот раз рядом нет целителя.

— Джад...

Таким же резким движением жрица сбросила с плеча руку Алестара, отдернувшись и согнувшись еще сильнее. Все-таки это были не судороги, а просто сильная дрожь. Слишком сильная для плача, да и представить плачущую Джад Алестар бы просто не смог, но...

Он снова осторожно коснулся плеча жрицы, опускаясь рядом, и тут накатило, завертело и понесло, как прибоем у скал.

Тоска... Боль... Страх... Три дня и ночи в проклятой комнателюрье. Целители молча сменяются, приносят еду, поят больного какими-то зельями и уплывают, все так же молча. Даже Невиса нет! И на все вопросы только виноватые уклончивые улыбки! А Джад... нет, Алестар... нет, все-таки Джад... Она остается с едва дышащим и шевелящимся телом, каждую ночь боясь, что дыхание прервется, — и что тогда?

Отпустят? Или решат, что виновна та, кто была рядом? Да что вообще происходит в этом дворце, чтоб ему еще дальше под дно провалиться? Клетка! Позолоченная клетка на троих: салру, иреназе и человека!

— Джаад... — прошептал Алестар, пытаюсь собраться с мыслями, как-то отделить свои чувства от чужих, но его все равно несло дальше, в глазах было темно, а во рту солоно-горько.

Страх... Не столько за себя, сколько за... Того, другого! Имени не было, имена остались где-то далеко, в настоящем мире, а здесь, в безмолвном королевском шторме, волны ярости бились о скалы отчаяния, и Алестар мог лишь ловить, задыхаясь, отдельные всплески. Тот... похожий на хищную птицу... Друг, любовник, спаситель... Темная фигура на рассветном берегу, в руках какой-то нелепый ворох... Погоня по пятам, а она, Джаад, нет — Алестар? Нет, все-таки Джаад, она ничего не может сделать! Даже крикнуть, чтоб не ждал, уходил... куда? В горы? Странное жилище, с углами, как шкатулка, очаг у стены, тепло, безопасность, нежные руки на теле, губы...

Он стиснул зубы, выдираясь из чужой памяти, опаленный стыдом и ревностью. Не помогло. Образы уплыли, на их место хлынула злость на самого себя и других, тех, кто снова решает за него. Это уже было так близко к собственным чувствам Алестара, что он едва не поддался, не принял бессильную ярость и злую горькую тоску за свои, родные. Чуть не растворился в боли и горечи.

— Джаад... — прошептал снова, цепляясь за имя, как за камень на дне. — Я не хотел... Да будь они прокляты с этим зовом!

Благодарность? Какая, к глубинным богам, благодарность? У Джаад даже ненависти к нему не было. Ненавидят равных, а он для жрицы, как... из череды образов Алестар выхватил то, что мог понять. Огромная волна, но не воды, пусть даже мутной, штормовой, а жидкой грязи. Сбивает с ног, несет, залепляя лицо, не давая дышать... Он, его отец, весь Акаланте...

Алестар всхлипнул.

— Джаад, — проговорил упрямо, не слыша собственного голоса. — Нет... Успокойся. Все... будет... Да где же эти лекари, когда они нужны?!

Уже не пытаюсь быть осторожным, он схватил девушку за плечи, стиснул их, прижимая к себе всем телом, обвиваясь вокруг хвостом. В виски била боль — чужая или своя, уже неважно — желудок пытался вывернуться наизнанку, да куда там... Джаад, ты что, и не ела ничего эти дни? Убью! Найду того, кто виноват, — и убью. Да только нет здесь других виноватых, кроме меня. Не-ту. Сколько ни ищи.

— Джаад... — прошептал он, утыкаясь губами в макушку, чувствуя,

как болезненными спазмами отдаются внутри сухие, без слез, чужие рыдания. — Все будет хорошо... Я...

Что он мог пообещать? Что больше не обидит? Что наизнанку вывернется и хвост узлом завяжет, лишь бы помочь и уберечь? Что... И почему ему должны были верить?

Проклятую дверь наконец-то открыли с той стороны. Невис! Вот уж кстати!

Алестар только глянул бешено, боясь выпустить едва ли что-то понимающую жрицу, — и снова замер, пока вокруг поднималась суматоха.

Стыдно. Как же стыдно ей было. Сорвалась, как изнеженная девчонка, устроила такое... И перед кем?!

Джиад сжалась еще сильнее, пытаясь отодвинуться, но рыжий — чтоб ему! — держал крепко, а сил сопротивляться не было. В глазах черно — какие тут силы? Темнота в глазах, тошнота, боль, странная такая, даже не боль, а ломота во всем теле... Она больна? Нет, болен рыжий...

— Да сделайте же что-нибудь! — прорычал принц над её головой. — Ей плохо!

Плохо? Нет, все в порядке. Пусть только дадут отлежаться. Побывать в тишине, одиночестве. Она страж Малкависа, она не может быть слабой, просто не должна. Отдохнет — и все будет хорошо, только отпустите...

К губам прижалось горлышко, в рот сама собой полилась густая горячая жидкость. Как ее... тинкала. Лучше бы вина, тоже горячего. А еще лучше — обычной воды. Холодной воды из черного лесного озера...

— Успокойтесь, ваше высочество, — попросил знакомый голос в темноте, обволакивающей Джиад. — Ничего страшного не происходит.

— Ничего страшного? Ничего?

В голосе рыжего злость мешалась с явным страхом. За кого боится-то? Джиад еще раз попыталась высвободиться, и на этот раз тяжелый скользкий хвост убрался, только плечи так и остались в кольце упрямых чужих рук.

— Да вы посмотрите на неё, Невис! Если это ничего страшного, то я медуза...

Голоса уплывали куда-то, возвращались, Джиад слышала их, словно сквозь стену, уже не стараясь освободиться, послушно глотая горячее и пряное, снова забыв, как оно называется.

— Ваше высочество, ваша избранная... много сил. Неприятно... но естественно, она ведь была... все эти дни. Дорога, переживания, последствия зова, бу-бу-бу...

Знакомые по отдельности слова вместе сливались во что-то непонятное. Джиад глубже вдохнула, мучаясь от того, что воздух какой-то плотный, тяжелый и вроде даже соленый. Ну почему никто не поймет, что с ней все в порядке, просто она устала. И как же стыдно...

Что такое настоящий стыд, стало ясно позже, стоило окончательно прийти в себя. Рыжая зараза... Его высочество твердо вознамерился искупать вину заботой, и Джиад успела даже пожалеть о тех временах, когда они честно ненавидели друг друга. Чувствовать себя немощной и без того унижительно, а принц подчеркивал это каждым словом, каждым перепуганным взглядом в ее сторону! И было жаль мальчишек-целителей, которых рыжий загонял требованиями принести еще тинкалы, сладостей, закусок, поменять это на то, подогреть уже остывшее, добавить одеял и подушек...

Самому Алестару Невис решительно запретил выплывать из комнаты, иначе — можно не сомневаться — хвостатая кара, определенная Джиад за неизвестные, но страшные грехи, сама метнулась бы на кухню и в кладовые, проверить, не осталось ли там чего-нибудь полезного человеку. Успокоился принц, только когда потерявший терпение Невис рывкнул, что больше всего госпоже избранной нужен покой. И тинкала, конечно, так что пусть остается, и немного еды тоже, а вот эти три подноса — убрать к муреньей прародительнице!

Ругающийся Невис — это было так же странно, как заботливый Алестар, так что Джиад разлепила свинцовые веки и подтвердила, что есть уже действительно не хочет и очень благодарна за заботу, но...

— Мы вас сейчас оставим, госпожа избранная, — тут же сменил тон целитель на привычный мягко-терпеливый. — Не беспокойтесь, ваша слабость — это временно, уже к вечеру вам станет гораздо лучше. Если бы его величество не восстанавливал сейчас силы, я бы давно попросил его воспользоваться Сердцем Моря и помочь вам, но, увы...

Невис тяжело вздохнул, и Джиад заметила, как осунулся целитель с их последней встречи. Седые волосы совершенно выцвели и засеребрились, будто в них пропали последние темные нити, морщины углубились, а под глазами залегли темные мешки. Целитель устал. А король болен? Но когда Кариалл приплыл к берегу Акаланте, больным он не выглядел и в седле держался — загляденье. Хотя мало ли что могло случиться за эти дни?

— Передайте отцу, что я молю Троих о его здоровье, — буркнул вмиг присмиревший Алестар. — Я бы сам навестил, но вы же знаете...

— Конечно, тир-на, — мягко подтвердил целитель, — ему сейчас

необходим только покой. Как и госпоже Джиад.

— Да понял я, — хмуро отозвался рыжий. — Невис, может, мне пока побыть у себя? Если я... мешаю.

С удивлением на проявляющего подобные чудеса великодушия принца воззрилась не только Джиад, но и целитель. И даже, кажется, малек из клетки.

— Решать госпоже. Если она настаивает на одиночестве, то временно...

— Не надо, — с трудом выдавила Джиад.

Остаться одной хотелось просто смертельно, только эта уступка ничего не решала: ясно ведь, что все равно им придется проводить вместе и ночи, и дни. Целитель и так разрывается между королем и его сыном, не стоит ему добавлять хлопот.

— Вот и хорошо, — с явным облегчением заключил Невис, выплывая и забирая с собой помощников.

— Его величество болен? — как могла ровно спросила Джиад, когда тишина в комнате стала совсем уж неприятной.

— Вулканы, — нехотя откликнулся принц. — Невис говорит, что Старший брат снова пытался проснуться. Их можно усмирить, но это требует сил, а потом чувствуешь себя, как высохшая на солнце медуза. Я, когда тренировался управлять Сердцем Моря...

Его заметно передернуло, даже хвост, расстелившийся по ложу, трепыхнулся.

— Разве это правильно, — осторожно спросила Джиад, — что вулкан просыпается так часто?

— Это совсем не правильно. И странно, вообще-то. Я знаю временные карты вулканов, мы ведем их веками. Старшему брату сейчас совсем не пора, а он вздрагивает во сне все чаще.

Да, рыжий определенно был озабочен. И когда повернулся к Джиад, вильнув хвостом по ложу, в потемневших синих глазах плескалась нешуточная тревога.

— Я знаю, что противен тебе, — начал он, глядя в упор, вздохнул порывисто и продолжил, едва заметно розовея скулами: — Но все-таки прошу — помоги мне быстрее набраться сил. Я нужен отцу! Сейчас Сердце Моря не делится с ним силой, а наоборот, тянет из него. Это временно, конечно, только времени у нас как раз и нет. Я не знаю, что происходит, но мне никто не верит. Никто, понимаешь? Кассия погибла, меня пытались убить, и гарната... Я так и не смог убедить отца, что не пил эту дрянь! Джиад, я не знаю, что творится, но чувствую — идет шторм. Буря, которая

грозит всему Акаланте, не только мне! А все ведут себя так, словно ничего не случилось!

Он был прав, если взглянуть на все беспристрастно, а Джаад и так натворила дел, поддавшись чувствам. Тварь из Бездны, сирены, взбесившиеся салту — Алестара пытались убить трижды, самое малое. Только глупо думать, что никто вокруг не видит очевидного, скорее это принца не посвящают в истинный ход дел.

— Ваше высочество, я-то что могу?

Набраться сил? Кое-что в запечатлении Джаад уже понимала, и ход собственных мыслей ей не нравился.

— Нет, — торопливо сказал рыжий, прочитав что-то по её взгляду. — Я не о постели! Это было бы проще всего, но я... понимаю. Просто будь рядом со мной, прошу! Позволь касаться тебя, хоть иногда. Ты не представляешь, как много это значит. Я умирал без тебя, помнишь? А теперь — почти здоров.

Еще бы не помнить, как, надрываясь, тянула уже не от края смерти, а прямиком из-за него. И вытянула — на свою голову. Просто быть рядом? Это не слишком сложно. Прикосновения... Это хуже, намного. Снова окатило стыдом, стоило вспомнить, как рыжий держал её за плечи. Сорвалась! Глупо, позорно, мерзко сорвалась!

— Я еще не попросила прощения за... утреннее, — с трудом выговорила Джаад, старательно не отводя глаз от какого-то незнакомого, горящего надеждой, просьбой и чем-то еще лица принца. — Мне, право, очень неловко...

— Прощения? За что?

Он не понимал. Действительно не понимал, смотрел удивленно, потом глаза едва заметно сузились, но тут же рыжий с подчеркнутым равнодушием пожал плечами:

— Тебе не за что извиняться. Виноват я, это из-за меня ты потеряла столько сил.

И это тоже было правдой. Голова до сих пор временами кружилась, хотелось растереть виски, закрыть глаза и дышать, дышать... Хорошо бы чистым горным воздухом или лесным... Опять! Не будет ни гор, ни леса, долго еще не будет!

Глаза напротив просили, почти требовали. Джаад на миг заколебалась, но не похоже, чтобы рыжий лгал или хитрил. Он предлагал честное перемирие и заслуживал честности в ответ. Даже если придется отказать.

— Я не знаю, — тихо сказала она. — Ваше высочество, я обещаю

попробовать, но не уверена, что смогу.

— Хорошо, — кивнул Алестар, улыбнувшись вдруг ясно, совсем мальчишески. — Это уже очень много. Я... тебе что-нибудь нужно? Прямо сейчас?

Джиад устало помотала головой.

— Тогда спи. Я пока прогуляюсь!

Оттолкнувшись хвостом от ложа, принц поплыл к двери, легко открыл ее, нажав на рычаг. Снова засадило стыдом, но Джиад прикрыла глаза, и слова сутр обволокли её не лживым утешением, но холодной чистой ясностью правоты.

«Нет стыда в слабости. Слабость — шаг на пути к силе, ступень, которую не миновать, ибо нет сильных изначально. Слабость не отменяет справедливости, не мешает милосердию, не отрицает разума. Слабость — не оправдание, но и не вина. Делай то, что можешь по силе своей, и она сохранится. Делай больше хоть на волос — и сила твоя умножится».

— Я могу это сделать, — прошептала Джиад. — Значит, я сделаю. Не ради слабости, а ради справедливости и милосердия. И разума.

Когда она проснулась в следующий раз, привычно определив, что проспала часа три, и действительно чувствуя, что мир вокруг и собственное тело ладят куда лучше, Алестар уже лежал рядом. Встрепенулся, глянул озабоченно, но тут же успокоился, просияв улыбкой. В руках принца колыхался мешок — не мешок, сеть — не сеть, что-то из просмоленных тонких веревок...

— Почти готово, — бросил рыжий, возвращаясь к прерванному занятию — вывязыванию хитроумных, судя по тому, как мелькали концы нитей, узлов. — Твоему надо не меньше, чем в три нитки плести. И ячейки погуще.

— Это что?

Джиад привстала, разглядывая рукоделье и уже ничему не удивляясь, даже принцу иреназе в роли вязальщика.

— Каймур. В них рыбу носят. С охоты или рынка... Или ты его за хвост потащишь? Я бы не рискнул. Там уже такие зубки...

— Каймур, так каймур, — пожала она плечами, — вам виднее. А когда?

— Когда захочешь.

Принц ловко затянул какой-то уж совсем головоломный узел, собрав несколько нитей, и ворох отдельных полосок вдруг превратился в изящную сеть-кошель.

— Как тебе станет лучше, так и отправимся.

Джиад повертела в пальцах плавно опустившийся ей на колени каймур, растянула и стянула аккуратные завязки, пропущенные по краю. Как и всякий страж, она знала десятка два нужных узлов не хуже любого моряка, рыболова или охотника, так что могла оценить: каймур был сплетен отменно.

— Хорошая работа, ваше высочество. Здесь принцев учат такому?

— Я же иреназе, — фыркнул рыжий, закладывая руки под голову. — Кто, по-твоему, учил вязать узлы вас... людей? У нас плести умеет любой мальчишка: плавать на охоту с чужим каймуrom — дурная примета, да и неумехой прослыть никому не хочется. Может, завтра?

Малек в клетке, словно почуяв, что о нем говорят, забеспокоился. Джиад оглянулась на серебристую молнию, что металась от одного края решетки к другому и обратно. Отпускать забавную зверюшку было жаль, но пора. И зачем тогда тянуть?

— А почему не сегодня?

Она снова проверила прочность каймура. Неужели не перекусит? Не должен, веревки просмолены на совесть.

— Сегодня? Надо бы Невиса спросить.

Джиад снова пожала печами. В ответ так и просилась какая-нибудь дерзость, но она понимала, что это играет обиженная недавним унижением гордость, потому проглотила большую часть просившегося на язык, уронив только:

— Неужели вы доросли до благоразумия, принц? Раньше вы бы спрашиваться не стали.

— А я и сейчас не стал бы, — обиженно буркнул рыжий, мгновенно попавшись в ловушку. — Если бы речь обо мне шла. А ты больна. Не хочу рисковать тобой.

Это было, как оплеуха от наставника, чтоб не задирала нос. Такого она не ожидала, но Алестару почему-то поверила сразу. И больше от растерянности уверила, что ей уже хорошо. Действительно хорошо! Это было почти правдой, её все еще познабливало, а день явно клонился к закату, но спальня-клетка так надоела, что она и полумертвой постаралась бы отсюда выбраться. Хоть ненадолго!

Алестар глянул недоверчиво, но взял каймур и отправился к клетке, где то замирал на одном месте, то метался малек. И верещал! Тонко, прерывисто то ли пищал, то ли свистел — у Джиад даже уши заложило.

— Я думала, рыбы молчат, — сказала она, глядя на перекошенное лицо принца, которому рыбеньш орал чуть ли не в самое ухо. — Как... рыбы!

— А разве они молчат? — в свою очередь удивился рыжий, пытаясь отловить скалящегося малька и не поплатиться рукой. — Это ты рыбы косяки не слышала. Гул от них такой — море гудит. И салту поют, особенно в брачный период. Ох, зараза!

В воде расплывалась темная муть, рыбеныш свистнул с явным воодушевлением, предупреждая, что дешево свободу, а может и жизнь, не продаст. Дурачок...

— Я же его кормил! — возмутился Алестар с такой обидой, что Джад невольно разобрал смех.

— Вы его зарезать хотели, — мстительно напомнила она, радуясь, что можно не говорить о неприятно тянущих внутри вещах вроде запечатления.

— Он не помнит! Он совсем мелкий был!

— Зато внимательный. Давайте вдвоем, что ли?

Но вместе загонять малька не пришлось. Едва Джад подплыла к клетке, приподняв второй угол решетки, малек рванулся к ней, ткнулся в пальцы, спасаясь и явно жалуясь — Джад только подивилась, сколько чувства слышалось в его визге. А будучи схваченным за хвост и водворенным в каймур, рыбеныш просто взвыл от непереносимого предательства!

— Сама свою заразу понесешь, — обиженный принц снова сунул в рот вытащенный оттуда для этих слов палец, хмуро глянул на Джад и трепыхающийся каймур, из которого неслись истошные жалобы. — Тебя он, значит, признает!

— Я с ним играла, — усмехнулась Джад. — Да и вспомните, вы сами сказали, что я салру сродни. Ну, идем? То есть плывем?

* * *

— Вот теперь я вижу, что вы точно родня, — невинно до ядовитости сказал Алестар примерно двумя часами позже.

Солнце уже почти село, мглу вечерней воды рассеивало призрачно-голубое, но довольно сильное сияние туарры, растущей здесь прямо на камнях. Это было похоже на земные сумерки, только гораздо холоднее. Джад отчетливо видела небольшую узкую долину, уходящую вдаль, по краям которой камни поднимались пологими холмами, окаймляя ровное дно. Правда, любоваться красотами ночного моря изрядно мешало настойчивое тыканье в колено твердого и острого носа.

— И что делать? — мрачно осведомилась она, чувствуя себя совершенной душой.

— А я откуда знаю? — веселился рыжий мерзавец. — Ну, поговори с

ним... По-родственному!

Дару и Кари, замершие рядом, тоже ухмылялись, на всегда невозмутимых лицах близнецов улыбки казались чем-то невероятным, но такой уж сегодня был сумасшедший день.

— Совсем сдурел? — рывкнула Джиад, когда острые зубы отчаявшегося привлечь внимание малька чувствительно цапнули её за облюбованное рыбенышем колено. — А за хвост?

Ловко увернувшись, рыбеныш замер чуть поодаль, игриво помахивая упомянутым хвостом.

— Может, успеем уплыть?

Джиад просительно оглядела троих иреназе. Принцу было весело, охране тоже, и даже салту разве что зубы не скалили. Уплыть они уже пытались. Оказывается, даже маленький салру способен легко догнать верхового собрата-салту. И обогнать. И вцепиться в чувствительный хвостовой плавник, приглашая к веселой игре в догонялки, как объяснил ей рыжий, отправляясь ловить взбешенного зверя, пока вылетевшую из седла Джиад — благо в море падать было некуда — охраняли близнецы.

— Тебе понравилось? — поднял бровь Алестар.

Слава лучшего наездника Акаланте принцем была заслужена, салту без седока он поймал быстро, и даже серебристая зараза, угрем выющаяся между взрослыми зверями, Алестару не помешала. Кажется, рыбеныш его слегка опасался. Зато Джиад он совершенно не боялся, а был влюблен в неё, как щенок-подросток в горячо обожаемую хозяйку. И вел себя совершенно так же! Играл, то набрасываясь, то отплывая, плыл рядом с салту Джиад, бестолково мечась у зверя перед носом, тыкался мордой и ловил момент схватить пастью — не всерьез, а тоже игриво, не понимая опасность роскошных, прямо бритвенной остроты зубов. И вообще веселился на славу, так откровенно радуясь свободе и прогулке, что Джиад даже разозлиться всерьез не могла. На кого злиться-то? На морского щеночка? Да еще впервые выпущенного из клетки.

— Сделайте же что-нибудь! Что мне, назад с ним плыть?

— Они быстро взрослеют, — хладнокровно утешил её Дару. — И дрессируются легко. То есть салту дрессируются.

На ошалевшего от свободы малька он смотрел с явной опаской, и Джиад поняла, что на покладистость салру охранник не рассчитывает.

— Мы полагали, вы знаете, — сказал со своей стороны Кару удивленно. — Вы же его сами взяли на выкармливание совсем маленького, как раз такого, как надо.

— Знаю — что? — выдохнула Джиад, переводя взгляд на Алестара,

так же беззаботно улыбающегося в седле. — Его высочество забыл меня о чем-то предупредить?

— Я не думал, что так получится, — быстро проговорил принц, почти перестав улыбаться. — Думал, ты его подлечишь — и все. Кто знал, что он так задержится? Да я понятия не имел, что салру тоже привыкают к первому кормильцу! Я думал, он ко мне привыкнет...

— Вы уж определитесь, что именно вы думали и знали, ваше высочество! — рявкнула Джад, не забывая бдительно отслеживать подозрительно притихшего малька. — Привыкают, значит? И надолго мне это... счастье?

Счастье, вылетев из-под брюха салту Алестара, впилося зубами в плавник зверя Кару и повисло, мотаясь на бешено бьющемся хвосте и самозабвенно вереща от восторга.

Над живыми существами и призрачно-сияющими камнями плескалось чернильное море. Джад прикрыла глаза, но это не помогло спрятаться от сумасшествия, что правило сегодняшним днем. Ругались, поминая глубинных богов и муренью прародительницу, охранники, метались их салту, верещал малек и смеялся, заливался хохотом с невозможным, немыслимым звонким упоением рыжий наследник иреназе.

ГЛАВА 3. На Арене принцев нет

Невис даже не ругался, лишь глянул на Джиад с такой усталой безнадежной укоризной, что это было хуже любых попреков.

— Она не виновата, это я захотел прогуляться, — кинулся с непрошеной защитой Алестар, но целитель только досадливо дернул плечом и вздохнул:

— Разумеется, ваше высочество. Госпожу избранную никто и не винит. Как и вас. Допейте зелье, будьте добры.

— Уже допил, — буркнул рыжий, протягивая опустевший кувшинчик, из которого последние несколько минут тянул что-то очень противное, судя по тому, как передернулся с последним глотком. — Невис, я же прекрасно себя чувствовал утром.

Да, а вечером, стоило вернуться с развеселой прогулки, свалился. До последнего утверждал, что все хорошо, хотя Джиад по лихорадочно горящим глазам и ярким пятнам на скулах видела — врет. Или в самом деле не чувствует слабости, при сильном жаре так бывает.

— Простите, — виновато сказала Джиад. — Мне следовало подумать...

Откровенно поскучевший Алестар свернулся на постели клубком, изогнув хвост, а руками обнял себя за плечи. К Джиад он лежал спиной, но близко, только руку протяни, и на спине этой можно было пересчитать каждый позвонок, не говоря о просвечивающих под кожей ребрах.

— Вам необходимо больше отдыхать, ваше высочество, — с бесконечной терпеливостью отозвался Невис, просительно глядя на Джиад поверх затылка принца. — Госпожа избранная побудет с вами, а мне нужно заглянуть к повелителю Кариаллу.

Возмущаться тем, что за неё снова все решили, было не время, и Джиад молча кивнула. Лишь когда Невис выплыл за дверь, она поняла, что осталась с рыжим наедине, без обычного присмотра дежурного целителя. Алестар лежал неподвижно, и только по едва заметным движениям плеч и спины можно было понять, что он дышит.

Джиад тоже легла на бок, прикрыла глаза. Тот еще денек выдался, но, хвала Малкавису, слабость от зова моря ушла, а усталость — это привычно. Тело ныло и ломило так, словно она весь день была по мешку с песком — самая нелюбимая тренировка. Не потому, что тяжело, просто трудно удерживать внимание, чтобы каждый удар был осознанным.

Она старательно расслабила мышцы, мысленно пройдясь по каждой, от лба и глаз до кончиков пальцев на ногах, пока тело не превратилось в кисель. Хорошо бы массаж, но просить об этом слуг не хочется. Ничего, справится и так.

Размеренно дыша, Джиад сосредоточилась на внутренних ощущениях, при этом следя за пространством вокруг и воспринимая его частью себя, как учили в храме. Плотность и тепло воды, чуть слышный писк снова водворенного в клетку малька, едва заметное колыхание от хвоста спящего иреназе...

Расслабившись, она зевнула, чувствуя, как засыпает, но тут Алестар заворочался, перевернулся на спину и что-то простонал во сне. Короткие пряди волос, выбившись из косы, окружили его лицо темно-медным ореолом, подчеркивая нездоровую бледность.

Джиад осторожно отвела одну прядь в сторону, пригляделась к мечущимся под веками зрачкам. Может, позвать целителя? Принц всхлипнул, повернулся лицом и, не просыпаясь, потянулся к Джиад. Нащупав ладонь, вцепился в нее и затих, другой рукой обняв себя за плечо.

Лежать так было неудобно, но руку Джиад отнимать не стала. Пусть, если больному спокойнее. Вот интересно, а что сам рыжий думает о том, что творится вокруг? Известно, что правителей подстерегает три вида опасности: их убивают ради власти, их убивают из личной ненависти, их убивают случайно. Здесь третий вид можно исключить: такой цепочки случайностей не бывает.

Кто может ненавидеть наследника настолько, чтобы пойти на убийство? Да кто угодно. Нрав у Алестара не шелковый, наверняка он успел обидеть многих, едва ли заметив это. Правда, магия крови защищает принца от мести подданных, но если обида так сильна, что обиженный не пожалел жизни... Мог Алестар взять кого-то в постель силой, послужить причиной чьей-то смерти или разбитой судьбы? Конечно, мог. Достаточно вспомнить, как он обошелся с ней самой, и вряд ли все в Акаланте считают таким уж великим счастьем лечь под избалованного паршивца или отдать ему сестру, дочь, возлюбленную. Вот и повод для ненависти.

Но, возможно, причина все-таки в политических дрызгах. Как правитель Алестар наверняка будет тем еще бедствием, хуже извержения вулкана, но лучше такой король, чем война. Значит, смерть принца выгодна очень многим. Но почему его решили убить именно сейчас? Без причины такие шаги не делаются.

Ах, как же плохо брести в тумане догадок. «Страж служит щитом трижды, — проговорила Джиад про себя одну из первых сутр. — Когда

закрывает господина собой, когда отражает удар, когда предотвращает удар до его нанесения. Из этих трех способов первый требует верности, второй — умения, третий — мудрости. И третий способ служения предпочтителен, ибо лучший удар — тот, что не был нанесен».

Пальцы принца сильнее сжали её ладонь, Алестар снова заметался на ложе. «Он не мой господин, — напонила себе Джиад со спокойной безнадежной усталостью. — Я не отвечаю за его жизнь. Но раз уж так вышло, что мы связаны, глупо будет погибнуть в очередной заварухе, когда убивать станут его».

— Ка-а-ас... — простонал Алестар, шлепнув по ложу хвостом, как человек дернул бы ногами во сне. — Кас, нет...

Не просыпаясь, он двинулся еще ближе и простонал сквозь зубы что-то неразборчивое, стиснув руку Джиад уже второй ладонью, до боли сжимая её пальцы, сминая их своими. Вот и что с ним делать? В храме учили, что дурные сны — послание от богов, их нужно принимать с благодарностью, как горькое лекарство или нож целителя. Но Алестар болен, вместо душевной ясности кошмары принесут ему только слабость.

— Кас, не на-а-адо...

Склонившись, Джиад положила свободную ладонь на растрепанную рыжую макушку. Никто не заслуживает снова и снова переживать смерть любимой — пусть и во сне. В клетке пронзительно пискнул малек салру — тоже кошмары снятся, что ли?

— Кас...

Лицо Алестара жалко и некрасиво скривилось, плечи затряслись. Разбудить? Или позвать целителей — пусть дадут лекарство. Или дать выплакаться?

Почти против воли ладонь Джиад скользнула по рыжей волне волос ниже, на плечи, и Алестар замер под её прикосновением, а потом тихо и монотонно заснул, как побитый щенок. Без слов, сдавленно и глухо, вжимаясь лицом в мягкую подушку, а ладонями все так же стискивая руку Джиад.

И снова в клетке у стены тревожно заметался малек, засвистел пронзительно и оглушительно громко в тишине комнаты. Джиад медленно погладила принца по голове и плечам, едва сдерживаясь, чтоб не вырвать руку из сведенных судорогой пальцев Алестара. Тот перестал стонать, но быстро и неразборчиво зашептал что-то в мягкую глушь постели, сжавшись под её прикосновениями, только хвост метался из стороны в сторону, как у рассерженного кота.

— Все хорошо, — негромко и насколько могла мягко сказала Джиад.

— Все хорошо... Это всего лишь сон, все прошло... Алестар, вы слышите меня? Все прошло...

Наконец лихорадочный шепот стал затихать, принц вздрогнул, вытянулся на ложе, невольно придвинувшись так близко, что уткнулся ей в плечо. Поморщившись, Джаад заставила себя лежать спокойно. Это всего лишь милосердие, обещанное королю иреназе и самому Алестару. Просто чтобы паршивец быстрее выздоровел. Память услужливо подсунула испуганные глаза наследника хвостатых, когда Джаад сорвалась утром, и быстрые движения пальцев над каймуrom, а потом эти же пальцы, крепко, но осторожно сжимающие хвост малька. И звонкий, такой искренний смех...

Джаад даже головой потрясла, отгоняя наваждение. Дурман дурманом, но неужели этот Алестар, заботливый и смешливый, был недавно другим, тем, о котором и вспомнить без омерзения не получалось? Может ли гарната, или как ее там, настолько изменить нрав?

Ладно, ничего с ней не случится от еще одной ночи рядом с рыжим, тем более что утром тот ничего не вспомнит. Или спишет на лихорадку.

* * *

Алестар и вправду провалился почти до полудня, насколько Джаад могла судить по внутреннему ощущению времени. Она успела вволю выспаться, расчесать спутавшиеся за ночь волосы и связать их в хвост, покормить малька, недовольно мечущегося по клетке, сделать разминку и вернуться обратно на постель, устроившись в самом изножье. Тяжелое мягкое покрывало, сотканное то ли из водорослей, то ли из какого-то морского мха, было так же насквозь пропитано водой, как и все здесь, оно с фальшивой ласковостью пыталось обнять, уговорить поспать еще, но куда мокрой губке до меховых одеял на земле — легких, теплых... сухих!

Джаад вздохнула, усевшись в привычную позу со скрещенными ногами, хотя под водой это получалось непривычно, тело так и норовило оттолкнуться, всплыть и повиснуть между полом и потолком. В самом деле, зачем иреназе кровати? Ну и спали бы прямо в воде.

Поежившись, она сплела пальцы перед собой, сосредоточилась на дыхании.

— Что ты делаешь? — раздался голос позади. — Молишься?

С трудом обретенный настрой слетел, как у малыша, что только учится слушать свою душу. Перед тем как ответить, Джаад заставила себя разжать стиснутые зубы и сделать пару вдохов-выдохов, чтобы убрать из голоса раздражение.

— Нет, — сказала она, не оборачиваясь. — Это не молитва. Просто

тренировка.

Алестар не ответил. Завозился на кровати, плеснул плавником хвоста, а немного спустя так же молча выплыл мимо Джиад из комнаты. Вслед ему громко и требовательно запищал рыбеныш, явно возмущаясь, что все плавают на воле, а его опять заперли в тесной клетке.

Джиад снова глубоко выдохнула, пытаясь унять злость. Да, разговор с собой — это не молитва, но даже в Аусдранге, где редко выдавалась свободная минутка, она находила время отрешиться от повседневности, чтобы услышать тихий голос внутреннего Я, той части себя, что говорит с Малкависом. А здесь уединиться можно только в уборной, похоже.

Дверь качнулась, но вместо Алестара в комнату вплыл Невис. Озабоченно глянул на Джиад, но не успела она сообщить, что драгоценный наследник уплыл совсем недалеко, тот и сам показался у входа, резкими размахистыми движениями заплетая свободно струящиеся волосы в косу.

— Мне уже лучше, — уронил он с вызывающей надменностью, глядя куда-то в стену мимо Невиса и Джиад. — И я хочу прогуляться.

— Ваше высочество, я не уверен...

— Зато я совершенно уверен, — жестко оборвал Алестар старого целителя, по-прежнему не глядя в его сторону. — Невис, я плыву в город. Если отец спросит, передайте, что я вернусь на закате.

Скрепив пряди внизу золотой заколкой, он перебросил косу на спину, подхватил с пола широкую набедренную повязку из плотной темно-красной кожи, застегнул ее так же торопливо, как до этого плел волосы и натянул первую попавшуюся тунику. Повернувшись, хмуро посмотрел на Джиад и тут же отвел взгляд, бросив:

— Тебе что-нибудь нужно? Говори, пока я не уплыл.

Джиад очень хотелось спросить, какая подводная муха укусила его высочество? Еще вчера Алестар заглядывал в глаза и только что хвостом не вилял, ночью жался к ней, как щенок, боящийся грозы, а теперь все вернулось к прошлому пренебрежению? Но спрашивать бесполезно, принц скорее плавник себе откусит, чем ответит правду.

— Нужно, — ровно сказала Джиад, поддавшись мгновенному порыву. — Я бы тоже не отказалась от прогулки. Ваше высочество покажет мне город?

Понять что-то по лицу принца было не легче, чем по куску мрамора, но хвост, до этого плавно колыхавшийся в воде, раздраженно дернулся. Из-за спины Алестара отчаянно закивал Невис, умоляюще глядя на Джиад, а по ней словно прокатилась волна гнева. Чужого гнева! И стоило понять это, как Джиад смогла пропустить волну через себя, отстранившись от чужих

чувств и недобрым словом помянув невидимые цепи между ней и рыжим.

— Я...

Алестар запнулся и резко выдохнул:

— Я плыву на Арену. Тебе будет неинтересно! Кто-нибудь из слуг проводит тебя в город.

— Но я давно хотела увидеть именно Арену, — безмятежно заверила его Джаад. — Раз уж вы осчастливили меня этим маленьким чудовищем, хоть увижу место, где их обучают.

— Я осчастливил? — вскинул Алестар брови в искреннем возмущении. — Я?

— Конечно, — хладнокровно подтвердила Джаад. — Вы не сказали, что этот паршивец ко мне привыкнет. И не выпустили его вовремя, пока меня здесь не было.

Несколько мгновений под прицелом яростно сияющих сапфировых глаз она думала, что никуда сегодня не поплывет. Просто не сможет заставить Алестара изменить решение. Но принц вдруг махнул рукой и рванул из комнаты, бросив слишком зло, чтоб это могло быть случайностью:

— Как хочешь! Отстанешь — поплывешь с Кари!

* * *

Город она и вправду не увидела. Успела только перемолвиться словом с Кари и Дару, и, кажется, близнецы были рады её видеть. Дару даже улыбнулся — зрелище совершенно невероятное, словно северный валун покрылся яркими садовыми цветами. Впрочем, тут же улыбка на лице старшего охранника сменилась привычной хмурой озабоченностью — с Алестаром творилось неладное.

Едва покинув дворец, принц круто взял вверх, подняв салту над жилищами иреназе, так что Джаад смутно различала сверху купола и невысокие шпили крыш. Улиц в подводном городе не было, но между строениями виднелись ровные площадки, где темнели островки растительности и мелькали хвостатые фигуры. Потом салту проплыли над скоплением одинаковых крыш, где сутилось особенно много иреназе, и Джаад решила, что это местный рынок. Вот туда она бы заглянула с удовольствием: мало что может рассказать о характере народа лучше. Но Алестар мчался вперед, и Джаад едва поспевала за ним и словно приклеившейся к принцу охраной.

Временами она чувствовала холодную рассудочную ярость. Чужая, мерзкая, она накатывала, как порывы ветра, предвестье бури, что вот-вот разразится. Пригнувшись к спине салту, Алестар летел к одному ему ясной

цели, и это уж точно не было похоже на прогулку.

Наконец рыбозверь принца заложил крутой поворот, немного снижаясь, зависая над барьером слегка обтесанного дикого камня, и Арена вдруг явилась из водной толщи, не способной скрыть ее пугающее величие.

— Вот это да, — выдохнула Джиад, забывая и о чужой злости, и о собственном дурном настроении.

Перед ней раскинулась необозримая, уходящая далеко вдаль каменная чаша, края которой терялись в темно-зеленой толще воды, а дно отливало жемчужно-серым. Из песка, а ничем иным гладкое ровное покрытие дна быть не могло, торчали редкие скалы-столбы, высясь в несколько человеческих ростов и все-таки далеко не доставая даже середины чаши.

Расстояние и коварная вода скрадывали пропорции и размеры, но Джиад увидела, как опускается вниз салту Алестара, и поняла, что поначалу ошиблась в оценке. Арена была так велика, что на ее дне могли поместиться самое меньшее два ипподрома — гордость великой Северо-Западной Империи. Вместе со службами и зверинцем.

— Кто мог построить такое? — проговорила она, не надеясь на ответ, но Кари, незаметно подплывший, пока Джиад переводила дух, откликнулся:

— Боги, госпожа избранная. Говорят, когда народ иреназе был еще юн, а глубинные боги только-только уснули и часто ворочались во сне, один из них пробудился и разгневался на тех, кто рубил камень и прокладывал пути в толще скал, мешая его сну. Гнев бога истек наружу кипящей лавой вулкана, равного которому не было и не будет, пока плещут волны. Никто из морского народа не спасся бы, но Трое защитили своих детей. Мать Море пролила свою кровь, и та застыла, смешавшись с кровью первого короля Акаланте и породив Сердце Моря, а Отец Небо дал его наследнику умение и силу править Сердцем. И когда оно впервые выплеснуло свою мощь, даже глубинный бог устрасился и отступил в Бездну, где снова уснул, затаив обиду. Но Трое увидели, что мощь Сердца слишком велика, и разбили его на части. Осколки они вручили достойнейшим иреназе и повелели им вести свои семьи в другие области вод и там устраивать себе жизнь, какую они захотят. А это — место, где сила Сердца Моря излилась, устрасив самого глубинного бога.

— Тут кто угодно устрасился бы, — пробормотала Джиад, с холодком в груди оценивая размеры кратера.

Кратера? Осознав, она повернулась к иреназе, воззрившись на него с ужасом.

— Так это... вулкан? Весь город построен вокруг вулкана, а это его жерло? И вы не боитесь?

— Чего? — с совершенно спокойным недоумением спросил в ответ Кари.

— Вулкана! А если он снова проснется?

Иреназе пожал плечами, совершенно человеческим жестом прикладывая руку к глазам и вглядываясь туда, где над Ареной неслась серая стрела салту.

— Боги любят Акаланте, — отозвался он безмятежно. — Если спящие в Бездне пробудятся слишком рано, не дождавшись конца мира, Сердце Моря и воля короля снова усмирят их

— С ума можно сойти, — проговорила Джад, передергиваясь от знобкого страха и понимая, что никогда не будет уже чувствовать себя в подводном городе в полной безопасности.

А впрочем, привыкли же сами иреназе? Живут и не боятся того, что в любой момент вулкан может ожить. Надеются на данный богами талисман и своих королей. Отличная шутка, если посмотреть на того, кто унаследует заботу о городе, только очень уж грустная. И чем думал рыжий недоумок, рискуя своей столь драгоценной, оказывается, шкурой?

— Почему король позволяет сыну рискованные забавы? — не удержалась она от вопроса. — Если от жизни наследника зависит так много.

— А что делать? — снова пожал плечами охранник. — Нельзя вырастить достойного повелителя, оберегая его от всех опасностей. Конечно, принцу Алестару следовало бы вести себя...

— Разумнее, — подсказала Джад, и Кари кивнул, слегка улыбнувшись и тут же продолжая:

— Но мы и так бережем его, насколько можем. Тир-на Кариалл не позволил его высочеству участвовать в войне с Суаланой, как и повелитель Суаланы не послал своего наследника в бой.

— А охота? Гонки эти?

Далеко внизу салту Алестара метался между каменных столбов, и у Джад вдруг заныло сердце, будто вспомнилось что-то страшное, горькое, мучительно болезненное. Как недавняя рана: вроде и затянулась, не кровоточит, а дернешься неловко или заденешь — окатывает тягучей болью так, что в глазах темнеет.

— Салту — дар Матери Море, и разумная охота на них угодна богине, — спокойно сказал Кари. — Где еще молодому принцу показать свою храбрость народу и заслужить его уважение? А гонки... Да, опасно. И

повелитель Кариалл часто просил принца отказаться от этой забавы, но...

Он не договорил, встрепenuвшись и подавшись вперед, но тут же успокоившись, когда еще один салту с седоком вынырнул из-за края Арены и спустился немного вниз.

— Дару, — пояснил с облегчением. — Проверил ряды. Видите склоны Арены? Там устроены места, откуда удобно смотреть гонки. Сегодня Арена пустует, разве что кто-то случайно заплывет. Ну, и служители здесь, но они заняты в загонах и со снаряжением. Хотите посмотреть ближе?

— Хочу, — согласилась Джиад, уже привычным мягким хлопком по носу заставляя салту плавно спуститься ниже. — Кари, разрешите спросить? Вы ведь были здесь тогда? В тот день...

— Когда погибла каи-на Кассия? Был.

И без того чеканный профиль охранника совершенно закаменел. Джиад его понимала: когда тот, кого бережешь, спасается чудом, это позор для стража. Пусть близнецы и готовы были отдать за Алестара жизнь, но одно дело — бой, другое — подлый удар исподтишка.

— Как у них вообще могло получиться? — спросила она совершенно безразличным тоном, оглядывая бесконечные зрительские ряды, заканчивающиеся на высоте пары человеческих ростов над дном Арены. — Все просматривается, неужели никто не заметил бы подмены?

— По правилам соперники носят специальные доспехи и шлемы, — неохотно ответил Кари. — Если салту просто столкнутся или кого-то прижмет к скале, они хорошо защищают. И под ними не очень-то разглядишь, кто где, так что доспехи красят в яркие цвета.

— То есть лица под ними не видно? Ладно, а что потом? Кассия доплыла бы до конца, оказалась среди других...

Охранник покачал головой, слегка успокоившись, что его не винят, даже напряженные плечи расслабились.

— Нет, госпожа избранная, продумали они все хорошо. Это была пятая гонка Годовых Игр. Понимаете, у каждой гонки свои правила. В этой соперники просто делают три больших круга по Арене. Самое простое, что может быть. Каи-на Кассия не смогла бы заменить принца ни в какой другой гонке, кроме этой, но скорость она держала умело и поворачивала красиво, а большего и не требовалось. Ей не нужно было выигрывать, совсем наоборот. Троих победителей чествуют судьи, а этого допустить было нельзя. На Арене свои правила, никто не простил бы тир-на Алестару обмана. Знаете, у нас даже пословица про это есть: на Арене принцев нет.

— Тогда как? — нетерпеливо спросила Джиад, и вправду не

понимая, как двое влюбленных безумцев собирались обмануть огромную Арену, наверняка полную зрителей.

— Награждают троих, — повторил Кари, не забывая осматриваться вокруг и поглядывать вниз, где выписывал петли и пируэты рыбозверь с прижавшимся к нему седоком. — А каи-на Кассии надо было просто войти в дюжину лучших. На салту принца и с его выучкой — дело нехитрое. Судьи отметили бы победу, а потом все салту сворачивают во-о-он туда.

Он показал на небольшое темное пятно в стене Арены.

— Это проход в загоны. Чтобы возбужденные звери не устроили драку, ездоки заплывают туда по очереди, как и wypлывают на Арену. По жребию, кому какой номер выпал. Принц должен был ждать в загоне, а мы с Дару — следить, чтоб никто туда не сунулся. Никто бы и не полез. Понимаете... каи-на Кассия... в общем, она частенько ждала его там после гонок...

Охранник смущенно опустил взгляд, и Джиад подумала, что очень даже понимает. Драка и состязания горячат кровь, а рыжий с ума сходит от гонок. Вон, как его накрыло после охоты, едва не разложил Джиад прямо на скотном дворе. То есть рыбном, или как его там. С Кассией же у Алестара была взаимная любовь, и после гонок возлюбленная ждала принца, зная, что все будет особенно страстно.

Джиад резко вздохнула, переживая внезапный острый приступ тоски. Руки Лилайна на теле, горячие бесстыжие губы... Как мало им досталось одного счастья на двоих, как недолго вышло погреться у разделенного огня. Но если бы она встречала Лилайна из боя или с охоты, неужели отказала бы еще в одной радости? Горячем мужском удовольствии брать податливое и радостно принимающее тело, праздновать общую победу общим же наслаждением... О да, она понимала Кассию!

— Да, ясно, — уронила Джиад вслух. — А как тогда его высочество все увидел?

— Так круги-то длинные, — пожал плечами Кари. — Он успел бы посмотреть два круга со среднего яруса, там есть закрытые места для тех, кто хочет видеть Арену, но не хочет, чтоб видели его. А на третьем тихонько спустился бы вниз. Но салту... они и четверть Арены не проплыли, все случилось как раз напротив принца. Хуже и придумать нельзя...

— А все думали, что это Алестар? — тихо сказала Джиад, пытаясь представить ужас целого города, на глазах которого бешеные звери рвут не просто наследника, а почти живое божество. Капризное, надменное, доставляющее хлопоты и беды, но единственный залог того, что жизнь

города продлится.

Кари мрачно кивнул. Его даже передернуло от воспоминаний: явно потом досталось и охране. Но глупость охраняемого — это то, от чего и лучшие стражи спасти не могут, наверняка Иратель и король это понимали, потому и оставили близнецов в прежней должности.

А еще у Джиад вертелось в голове что-то проскользнувшее в разговоре, такое маленькое, но очень важное... Что-то такое Кари сказал, совершенно на этом не задерживаясь, что она уже слышала раньше, только никак не могла вспомнить — где.

Она сломала себе голову, пытаясь поймать зудящую мысль, и почти уловила, но тут Алестар, описав последнюю сложную фигуру, поднял салту чуть ли не как коня — на дыбы, и рванул к ним. Разогнавшись так, что едва не проскочил мимо, все-таки остановился почти рядом: еще немного, и рыбозвери столкнулись бы носами. Похоже, это умение заставить салту быстро застыть на месте считалось у иреназе особенной лихостью, да Джиад и сама примерно представляла, какого мастерства требует подобное слияние с послушным, но тяжелым зверем. У нее бы и близко не получилось.

— Я предупреждал, что город сегодня ты вряд ли увидишь, — все с той же высокомерной надменностью бросил Алестар, не глядя на Джиад. — Арена же — вот она. Как, нравится?

— Не очень, — честно сказала Джиад. — Страшное место, ваше высочество.

— Страшное?

Рыжий воззрился на неё так, словно вообще первый раз увидел, у него даже брови взлетели вверх в растерянном удивлении.

— Ну да, — подтвердила Джиад. — Огромное, холодное и очень страшное. Простите, я понимаю, что это ваша гордость. То есть вашего города. Может, когда здесь не так пусто, все выглядит иначе, но сейчас...

— И ты... так легко говоришь, что боишься? — недоверчиво спросил принц, продолжая её разглядывать. — Ты? Не сирен, не ваших земных опасностей, а просто камней и воды? Ты, жрица бога войны?

Джиад молча пожала плечами, не зная, как объяснить, да и надо ли. Потом подумала, что все-таки стоит, очень уж жадно вглядывался в неё рыжий, даже вперед подался, прижавшись к спине салту так, что тот беспокойно пошевелил хвостом в ожидании приказа плыть.

— Ваше высочество, — сказала, наконец, Джиад негромко, чувствуя, что её слушает и принц, и Кари, и подплывший следом за Алестаром Дару. — Смелость не в том, чтобы ничего не бояться. Я не боюсь сирен, даже

если снова с ними встречусь. Я их опасаюсь. Огонь может обжечь, в воде можно утонуть, змея может укусить, а враг — убить или предать. Это все опасно, все может причинить смерть, но бояться нет смысла, надо просто избегать этой опасности или сражаться с нею. Не лезть в огонь, например. И следить за врагами. А как сражаться с тем, чего не понимаешь? Эта Арена... Она так красива, что душа замирает. Но это красота богов, а не людей. Я себя здесь чувствую, как во дворце великого короля, куда меня не звали. Даже хуже, потому что любой король — человек, а это — творение богов...

— Это — творение не богов, — прервал её Алестар, выпрямляясь в седле. — Арену создал мой предок, первый тир-на Акаланте. Когда победил глубинного бога силой Сердца Моря, отдав за это свою жизнь.

— Знаю, — кивнула Джиад. — Господин Кари рассказал мне. Но разве это была его сила? Дитя может поднять меч отца и даже ударить им, но оно не может ни выковать этот меч, ни победить им в смертельном бою. В настоящем бою...

— А разве бывает ненастоящий бой? — как-то очень тихо и напряженно спросил Алестар, снова неувловимо подаваясь вперед. — Не говори мне про учебу, это другое. Меня тоже учили драться. Только непонятно — зачем. Когда наши воины умирали за Акаланте, я читал карты и слушал волны. Ты боишься Арены, жрица? А чего бояться мне? Между мной и опасностью всегда будет чья-то жизнь, понимаешь?

— Не всегда, — так же тихо сказала Джиад на этот последний яростный полувсхлип. — Нет, ваше высочество. У вас просто другой бой. Вы правы, бой — всегда настоящий. Особенно с тем, чего боишься...

— Я. Не боюсь. Ничего.

Блестящее жало длинного лоура сверкнуло быстро и зло, ужалило чувствительный нос дернувшегося салту. Не глядя больше на Джиад, Алестар заставил зверя развернуться и рвануть с места — вперед.

— Что это с ним? — растерянно спросила Джиад то ли у себя, то ли у мрачно замерших рядом охранников. — Что я такого сказала?

Долгое молчание было ей ответом. Потом заговорил Дару, хотя Джиад привычно ждала ответа скорее от Кари. Охранник медленно и тяжело ронял слова, позволяя вслушаться в каждое и услышать то, что осталось несказанным.

— Когда каи-на Кассия ушла к предкам, его высочество долго болел. Лихорадка длилась не одну неделю, его высочество пропустил похороны. И шестую гонку Игр, конечно. Никто и не ожидал, что он выплывет на Арену в дни траура. В седьмой он тоже не стал участвовать. Восьмая пришлась на

то время, когда вы были на суше, а тир-на Алестар снова был болен. Правда, между ними было несколько малых гонок, и принц раньше их никогда не пропускал. Он вообще никогда не пропускал дни Арены. Раньше.

— Ох... — прошептала Джиад, понимая.

Яркие пятна жара на скулах, вцепившиеся в её руку пальцы. То ли стон, то ли плач: «Кас, Кассия... нет...» И целая ночь кошмаров — явно не первая. Увидев собственными глазами страшную смерть любимой, мог ли принц остаться прежним?

Да, Алестар держится холодно и надменно, он плавает на салту, даже охотится с таким бешеным вызовом опасности, что смотреть на него — и то страшно. А ему самому каково? Все считают, что принц справился с горем, пережил его и снова живет обычной жизнью. Спит с наложницами, нашел себе избранную, охотится и плавает на Арене... На пустой Арене, где нет ни зрителей, ни других салту. На Арене, где нет принцев и простолюдинов, где все равны перед песчаным дном, каменными столбами и холодной водой, заполняющей чашу гнева богов. На Арене, где он только и может посмотреть в лицо собственного страха, от которого не защитят ни охранники, ни отцовское войско, ни магия королевской крови. И если принц после ночи, наполненной ужасом и памятью о смерти, кинулся на Арену... биться наяву с тем, что не мог победить во сне...

Джиад глубоко вдохнула и выдохнула, глянула туда, где у дна снова металась между столбов яростная молния цвета старого серебра с едва заметным рыжим проблеском.

— А когда следующие гонки? — спросила она, не поворачиваясь к охранникам, не отрываясь взглядом от Арены, угрюмо нависшей над крошечной фигуркой, такой безрассудно нелепой, почти жалкой.

— Через полторы дюжины дней, — так же тяжело уронил Дару. — Девятые, последние.

— И он решил...

Решил, да. На Арену. Уже не пустую, а полную жадных глаз, следящих за каждым его движением. Глаз, помнящих другие гонки: кровавую муть в воде и мешанину тел... На Арену, к быстрой молчаливой смерти, выглядывающей из-за каждого столба, из оскаленной пасти собственного салту и других, плывущих впереди, рядом, позади...

Джиад затошнило от липкого холодного страха, хотя она никогда не отличалась особой боязливостью, да и сейчас вроде не с чего. Это не её дело... Рыжее хвостатое высочество хочет на Арену — пусть плывет. Но в памяти поднялся совсем другой страх: тугие порывы ветра в лицо, жесткая

толстая веревка на поясе — и вторая, под ногами, ее конец теряется на другой стороне пропасти. А потом мастер-жрец подходит и молча отцепляет крюк запасной веревки с пояса. Все верно: даже упав, Джиад успеет схватиться за веревку под собой и добраться на руках — проверено не один раз. Она сможет, это точно! Нет никаких причин для страха, она десятки раз перебиралась через эту пропасть с запасной веревкой, нарочно соскальзывая, чтобы приучить разум не бояться, а тело и руки действовать быстро и спокойно. Она сможет...

Старый, давно пережитый и намертво убитый страх скалился, спрашивая: «А помнишь, как тебе было? Тебе, с детства воспитанной воином, умелой, гибкой, с железными от постоянных тренировок пальцами и запястьями, верящей в свою судьбу и милость Малкависа. Чего ты боялась? Помнишь, как ступала по проклятой веревке, едва дыша, а потом тебя долго рвало водой и желчью на другой стороне, на маленьком, только развернуться, уступе над пропастью? И когда ты шла обратно, голова кружилась от слабости — ничего не ела накануне, не смогла. Ты дошла, села на землю, и мастер-жрец положил тебе ладонь на плечо, и счастливее тебя не было человека в мире. Помнишь, каково играть втроем? Ты, твой страх и твоя смерть...»

Двое близнецов-охранников, похожих друг на друга, как две ладони, и все же неуловимо разных, смотрели на Арену. И на мгновение Джиад показалось, что серые дуги рядов заполнены серебром чешуи, разноцветьем нарядов и причесок, лицами, машущими руками... Но нет, это просто снова окатило пришедшим издалека шквалом чужих чувств. Зато вспомнилось и резко, остро кольнуло: спящие в Бездне. Глубинные боги, о которых говорили близнецы — и сирены. Это спящие велели сиренам убить принца иреназе, наследника Сердца Моря, способного усыпить вулкан и напугать бога.

ГЛАВА 4. Любовь чужая и своя

На втором малом круге Алестар понял, что сегодня все впустую. Его Серый, обычно такой покладистый и старательный, упрямылся все сильнее. Алестар всем телом чувствовал, как растет напряжение в могучих мускулах зверя, как нервно и зло салту работает хвостом, огибая столбы, а останавливаясь, едва сдерживается, чтоб не попытаться укусить. Гонять верхового салту в таком настроении — бесполезно и даже опасно. А показав зверю, что можно и не подчиниться ездоку, загубишь труд многих тренировок.

И потому за очередным столбом Алестар остановил Серого не рывком, а плавно, позволив проплыть сколько хочется. Соскользнул с седла, погладил чувствительную кожу над глазами, и успокоившийся салту ткнулся мордой в его плечо, словно извиняясь.

— Что, малыш, настроения нет? — хмыкнул Алестар, почесывая Серому нос. — Понимаю, сам бы кого-нибудь покусал. На охоту махнуть, что ли?

Серый игриво махнул хвостом, не понимая слов, но чувствуя, что хозяин не сердится, и Алестар вздохнул. Охотиться с охраной — только рыбу сместить. Ну какое удовольствие гнать дикого салту или лезть в расщелину к маару, зная, что ничем не рискуешь? Разве это честная победа, когда за твоей спиной пара лучших бойцов королевства, всегда готовых прийти на помощь?

Он оглянулся назад, отыскал взглядом три парящих над склонами Арены фигуры. Лиц, конечно, с такого расстояния видно не было, но Джад держалась в седле совсем иначе, с близнецами её не перепутать. Вон, плавает между охранниками. Алестар закусил губу, вспоминая странный разговор, что случился у них. Жрица говорила о страхе. И её слова звучали, как ответ на самые потаенные мысли, те, в которых он даже самому себе признаваться не хотел. Можно ли победить собственный страх? Ночью ему снова снилась Арена, кровавая муть в воде, круговерть стремительных силуэтов и собственные крики...

— Тихо, тихо, — проговорил Алестар, глядя салту, беспокойно дернувшегося от его резкого движения. — Спокойно...

Судорожно вдохнув, он отвернулся и посмотрел на дальний конец Арены, уже тонущий в полумраке вечера. Не время вспоминать сны, тут бы разобраться с тем, что творится наяву. Отец до сих пор сомневается, но

ведь кто-то травил Алестара гарнатой. И кто-то убил чистильщика Галифа, а потом и целителя. Дыхание Бездны в его спальне, сирены чуть ли не в городе... Что творится в Акаланте? И чем вообще занимается Ираталь? А если завтра неизвестный враг устроит покушение на короля?

По спине пробежал озноб, как от ледяной струи придонного течения. Сама мысль, что кто-то может причинить вред отцу, казалась кощунственной, но разве не был он раньше уверен и в собственной безопасности? А оказалось, что родной, до капельки знакомый и любимый город полон ядовитых тварей, прячущихся за личинами подданных, близких, друзей. Раз уж даже во дворце... Но кто? Слуги? Наложницы? Жрецы или каи-на из королевского Совета? Как же мерзко подозревать всех, не зная виновного!

Салту тихонько заурчал, разомлев под его мерными поглаживаниями, и Алестар снова вернулся в седло. Арена и охота подождут. Отца сейчас беспокоить нельзя, но Ираталя-то можно? Самое время кое о чем расспросить того, кто должен беречь покой королевской крови!

Но не успел он тронуть салту лоуром, как тот вскинулся, задрал нос, вильнул хвостом, и пришлось глянуть вправо, куда тянулся мордой его зверь. Двое всадников спускались вниз, и одного Алестар сразу узнал по светлым волосам, будто светящимся в темной воде.

— Эруви, — радостно выдохнул он, подаваясь навстречу подплывшей девушке. — Чистой воды тебе! А это твой избранный?

— И вам чистой воды, мой принц! — просияла улыбкой Эрувейн. — Позвольте представить — Даголар ири-на Карианд.

— Рад встрече, — кивнул Алестар, с любопытством рассматривая высокого кариандца, почтительно склонившего голову и приложившего руку к сердцу. — Как вам нравится Акаланте, ири-на Даголар?

Что ж, ничего особенного в нем не было, даже непонятно, чем могла увлечься Эрувейн. Аристократы Карианда, приплывавшие в гости ко двору, на взгляд Алестара казались слишком бледными и тонкими, как растения, лишенные света, но Даголар больше напоминал суаланца или маравейца — крепкий, плечистый, со скуластым лицом и глубоко посаженными темно-синими глазами. Только бледная до полупрозрачности кожа выдавала в нем жителя глубин, да темно-русые волосы были убраны непривычно: подбриты на висках, а сзади и сверху заплетены в сложную косу, скрывающую их длину.

— Ваш город прекрасен, тир-на, — откликнулся кариандец низким голосом с тягучим кариандским выговором. — А за то, что Акаланте подарил мне счастье, я готов вечно просить у Тройх всех благ и

процветания для него.

По мнению Алестара, уложив на песок одну из знатнейших девушек двора, да еще и такое чудо, как Эруви, кариандскому купцу и впрямь следовало благодарить Троиx днем и ночью до конца жизни. Ведь одни Трое знают, как у них сладилось, если Эрувейн отказалась от блестящих партий, которые ей давно предлагали лучшие семьи Маравеи, Суаланы и того же Карианда. Положим, в Суалану родители никогда бы Эрувейн не отпустили: её старший брат погиб на войне. Но Маравея или Карианд — почему нет?

— Да, Трое и вправду взглянули на вас, — отозвался он вслух, улыбнувшись кариандцу как можно любезнее. — Я вижу, моя подруга детства счастлива. Но боюсь, Эруви будет нелегко привыкнуть к темным глубинам Карианда, она любит солнечный свет и теплые воды.

— Алестар, я привыкну к чему угодно!

Щеки Эрувейн вспыхнули румянцем, а кариандец чуть нахмурился и тронул пальцами спину своего салту, словно стараясь скрыть замешательство. Зверь у него тоже был хорош. Не такой крупный, как акалантские, но длинный и хороших пропорций. А главное, в седле кариандец лежал с непринужденным изяществом опытного наездника, и его лоур спокойно висел на крючке, что могут позволить себе немногие.

— Это верно, тир-на, — сказал вдруг Даголар, к удивлению Алестара не став спорить и защищать родной город. — Признаться, меня тоже беспокоит, как Эрувейн сможет жить там, где гораздо глубже и холоднее. И я хотел просить у вашего отца позволения остаться в Акаланте.

— Остаться? — вскинул бровь Алестар. — Вы хотите войти в семью Эрувейн?

Эруви снова покосилась на избранника так влюбленно и радостно, что у Алестара на языке замерла колкость о том, что кариандец — неплохой купец, если так быстро сообразил, что выгоднее войти в семью каи-на, чем взять девушку из нее в свою собственную. При ком другом мог бы съязвить, но не при Эрувейн...

— Мне все равно, — пожал плечами Даголар, встречая его взгляд спокойно и уверенно. — Жить в Карианде непросто даже тому, кто привык к этому с детства, а уж после теплых и светлых вод... Я хочу, чтоб Эруви была счастлива и здорова. Да и ей не придется уплывать от своих родных.

— А вам — от ваших? — спросил Алестар хмуро. — И как же ваша торговля?

Что ж, если этот кариандский маару искренен, за Эруви можно только порадоваться. Не каждый согласится ради избранной оставить

родной город и войти в чужой дом. Но это если он искренен. А вдруг нет?

— Родители давно присоединились к нашим предкам, а главой семьи станет мой брат, — безмятежно откликнулся Даголар, все так же неосознанно поглаживая спину салту перед седлом и будто невзначай показывая обручальный браслет. — Торговля же от меня никуда не уйдет. В последнее время торговать жемчугом выгоднее с Маравеей, а не с Суаланой, но вам, ваше высочество, это, наверное, неинтересно.

— Отчего же, — невозмутимо сказал Алестар, незаметно разворачивая салту, чтоб глянуть в сторону охраны и Джад, так и плавающих в сотне гребков от них. — Мне любопытно. Это из-за болезни жемчужниц в Суалане? Мне говорили, что жемчуг подорожал.

В глазах кариандца явно мелькнуло удивление, и Алестар мысленно поблагодарил Санлию, рассказавшую последние новости.

— Пока еще нет, — помолчав, ответил Даголар. — Цена на жемчуг еще держится прежней, но перламутр и вправду дорожает. Я не думал, что о болезни суаланских плантаций известно в Акаланте, суаланцы держат ее в секрете.

— Но вы же это знаете, — парировал Алестар, окончательно приходя к выводу, что Даголар ему не нравится. Слишком уж непринужденно держится для простого купца. И слишком по-хозяйски смотрит на Эруви, а та откровенно млеет и сияет, стоит взгляду глубинника упасть на неё. И вообще, что он о себе возомнил? Что наследный принц Акаланте не может знать того, что известно простому купцу?

— Да, я знаю, — коротко согласился Даголар, неуловимо подавая назад слишком приблизившегося к Алестару салту.

Это он сделал правильно. Зверь лез к Серому, чтобы потереться носами, как это при знакомстве делают самцы, но потом салту по каким-то своим непонятным законам или молчаливо признают главенство одного из них и ведут себя соответственно, или пытаются устроить драку. Алестар, конечно, не сомневался, что сможет совладать с Серым, а вот зверь кариандца выглядел хоть и обученным, но норовистым.

— Не беспокойтесь, ваше высочество, мой Таруш не кинется без разрешения, — ответил на его мысли кариандец.

Он еще и отличный ездок. Последней каплей стал блеск рукояти подаренного кинжала, когда кариандец наклонился, строго хлопая салту ладонью по носу. Ну да, Алестар сам сказал, что Эрувейн может отдать подарок жениху, но почему-то увидеть кинжал на чужом поясе оказалось особенно обидно. Он-то выбирал для Эруви!

— Не сомневаюсь, — ласково сказал Алестар, в упор глядя на

Даголар и старательно не замечая, как Эруви пытается что-то сказать. — Похоже, с салту вы управляться умеете... Но не все любят крепкую руку.

Глаза кариандца блеснули. Алестар ждал ответа, мысленно пообещав себе, что придерется к любой дерзости и поставит наглеца на место, вот только как бы сделать это без Эруви. И тут Даголар сам помог ему.

— Прошу прощения, ваше высочество, не ваша ли избранная плавает вон там?

— Моя... — уронил Алестар.

— Эрувейн хотела лично пригласить её на свадьбу, — безмятежно пояснил кариандец, поворачиваясь к нареченной и притрагиваясь к её плечу быстрым уверенным движением. — Верно, любовь моя?

— Да, конечно, — отозвалась Эрувейн с явным облегчением. — Прошу прощения, я покину вас ненадолго.

Она торопливо тронула салту с места. Даголар проводил девушку взглядом, потом повернулся к Алестару, снова хлопнув своего настырного зверя по носу, и заявил с полнейшей невозмутимостью и совершенно учтиво:

— Кажется, тир-на Алестар, я вам не нравлюсь.

— Вы очень откровенны для купца, — буркнул Алестар, слегка опешив от такого начала, но уже чувствуя азарт. — В торговле не мешает?

— Напротив, даже помогает, — улыбнулся Даголар, явно намеренно поправляя на поясе рукоять кинжала. — Кстати, прошу прощения, что еще не поблагодарил вас за прекрасный подарок.

— Благодарите Эруви, — отозвался Алестар и небрежно поправился: — То есть Эрувейн. Извините, я привык звать её так, мы дружим с детства.

— О да, я знаю, — снова блеснул глазами кариандец. — Как и о том, что моя избранная когда-то была влюблена в вас.

Даже его непривычный выговор не помешал расслышать едва уловимое ударение на словах «моя» и «когда-то». Ах ты ж, маару глубокий.

— И что? — вскинул Алестар бровь. — Полагаю, это никак не помешало вам проявить свои чувства?

— Не помешало и не помешает впредь, — улыбнулся Даголар той же быстрой легкой улыбкой, что и раньше. — Я верю своей избранной. И знаю, что в Акаланте, как и в Карианде, чужие брачные узы священны. Кому, как не повелителю, хранить традиции?

— Я смотрю, вы уже привыкли считать традиции Акаланте своими? — усмехнулся Алестар. — Не рано ли? Отец ведь может и не согласиться на вашу просьбу.

— Что ж, — пожал плечами кариандец. — Моя семья с радостью примет Эрувейн, и я постараюсь сделать её счастливой даже в Карианде. Конечно, если ваше высочество считает, что сделает благое дело, отправив подругу в купеческую семью глубинников, я никак не смогу это изменить.

Проклятые глубинные боги! Переиграл вчистую! Да, вышвырнуть нахала из Акаланте было бы делом нескольких оброненных слов, но это ударит по Эруви. Ей, и впрямь любящей солнце и теплые прибрежные воды, в Карианде придется несладко. И еще неизвестно, сможет ли она стать своей в купеческой семье, а каи-на Карианда вряд ли примут жену купца в свой круг. По всему выходило, что Эрувейн следует остаться здесь.

— Ваше высочество, — склонил голову Даголар в неожиданно почтительном, но не подобострастном поклоне и тут же выпрямился. — Простите за откровенность, но вы мне тоже не слишком нравитесь. Чересчур много слухов ходит по Акаланте о вас, вашей избранной и о... многом другом. Вы считаете Эруви другом? Что ж, вам лучше знать, хотите ли вы ей счастья.

— А вы уверены, что сделаете её счастливой? — тихо сказал Алестар немеющими от ярости губами. — Может быть, Эруви достойна большего?

— Это решать самой Эруви, — с мягким спокойным достоинством ответил кариандец. — Я горд и счастлив её выбором, и моя жизнь принадлежит ей в Карианде, в Акаланте, да хоть на краю света. И я бы очень хотел остаться в Акаланте и стать его верным подданным. Но если я пойму, что ваше внимание к Эруви далеко от... дружеского...

— Вы возьмете её в охапку и вернетесь в Карианд? — угрюмо съязвил Алестар, пытаясь скрыть замешательство от слов и тона Даголара и чувствуя, как отступает злость.

— Нет, в Маравею, — серьезно ответил кариандец. — Я маравеец по одному из родителей, там у меня родичи и торговые связи. Я люблю Карианд, но знаю, что он умирает. Уж вы-то должны понимать, почему я не хочу везти Эрувейн туда. Я бы и остальную семью забрал с радостью. Суаланские жемчужницы — это только начало. Всем нам предстоят тяжелые времена, но если Акаланте и вправду храним богами, лучше бы Эруви остаться здесь. Маравея — это на крайний случай.

Сейчас он держался совсем иначе, голос стал едва ли не просительным, хотя было видно, что просить Даголар не привык. И Алестару стало почти стыдно, потому что он ясно понимал: на самом деле кариандец просит за Эрувейн. Значит, он действительно любит Эруви? Если только это не маска, чтобы втереться в доверие, войти в богатую и

знатную семью, а потом еще и родичей сюда своих перетащить — сам обмолвился. Но причем тут жемчужницы Суаланы? И что Алестар должен знать об умирающем Карианде? С чего вообще Даголар несет такие глупости о древнем и могущественном городе? Хотя сейчас речь не об этом.

— Теперь послушайте меня, ири-на Даголар, — сказал он, отбросив пока все непонятное. — Чтобы ни говорили слухи и сплетни, я не прошу верить мне, но не смейте ни в чем подозревать Эруви. Она была мне дорога задолго до вашего появления, и сейчас ничего не изменилось. Мы всегда были только друзьями, слышите? И как друг, я сделаю для неё все что угодно. Хотите остаться в Акаланте? Извольте, я сам поговорю с отцом и попрошу его об этом. Но если я узнаю, что вы запечатлели Эруви ради выгоды или обидели её... Я вас в медузью слизь разотру, Даголар. Эруви мне как младшая сестра, клянусь Тремя.

— Я понимаю, ваше высочество, — так же ровно откликнулся Даголар. — И если так — тем лучше. Простите, вот она возвращается с вашей избранной. Могу я надеяться, что при Эруви...

— Можете, — буркнул Алестар, поворачиваясь к плывущим.

Быстрый внимательный взгляд Эрувейн он выдержал почти с чистым сердцем, даже заставил себя как можно теплее улыбнуться. И подтвердить обещание приплыть на свадьбу. Непременно с каи-на Джиад, как же иначе? Упомянутая каи-на Джиад тоже улыбнулась, причем куда искреннее. Кажется, Эрувейн и жрица понравились друг другу, и от этого немного потеплело на сердце. Даголар смолк, лишь изредка из вежливости роняя пару слов, зато Эрувейн разговорилась и болтала за всех, рассказывая легенды Арены, а потом потащила их к Камню Неизвестного Бога, и Алестар только молча подсадовал, что сам не сообразил отвести туда Джиад.

— Что это? — с любопытством спросила жрица, когда, проплыв всю Арену, они оказались у высокой каменной стелы, покрытой полустертыми письменами.

— Пусть Алестар вам расскажет! — провозгласила Эрувейн, устав поддерживать видимость беседы в одиночку. — Аль, пожалуйста!

— Я знаю не больше остальных, — пожал Алестар плечами. — Говорят, здесь написано имя Неизвестного Бога. То ли одного из детей Трои, рожденных ими для суши, то ли и вовсе глубинных. Но говорят, что раз в жизни можно приплыть сюда, оставить в жертву монету и попросить.

— О чем попросить?

Джиад и Даголар разглядывали Камень, подплыв ближе, Эрувейн

сияла, словно сам Неизвестный Бог только что лично обещал исполнить её желание, а Дару и Кари с непроницаемыми лицами терпеливо ждали, выглядя точь-в-точь, как родители, взирающие на неразумных чад. Не верят в силу Неизвестного Бога? Ну и ладно, их дело.

Сам он свое желание потратил давным-давно, еще в детстве. Отец первый раз взял его на Арену, а после гонок Алестар тихонько сплавал к Камню, о котором рассказывали друзья, и бросил к подножью камня монету, зажмурившись и прошептав самое-самое заветное, что мог придумать. Он впервые увидел в тот день последние большие гонки. Арена была полна звуков, красок, счастливых азартных лиц, а внизу, в плотной светлой зелени воды, летели десятки стремительных зверей с прикинутыми к их спинам седоками...

Что еще он мог тогда пожелать, кроме глупости? Ну вот, сбылось. Уже который год подряд его называют лучшим наездником Акаланте. Неизвестный Бог исполнил желание, но сейчас Алестар с радостью вернул бы тот момент, чтобы сказать на ухо себе, тогдашнему, что слава повелителя Арены не принесет ему ничего, кроме горя. Если бы он тогда отказался от предложения Кассии...

— О чем угодно, — хмуро сказал Алестар под скрестившимися на нем взглядами. — Говорят, что Неизвестный исполняет любое желание, если оно действительно заветное. Но только одно.

Даголар с решительным лицом полез в кошель на поясе, вытащил горсть монет, выбрал самую большую. Спрыгнув с салту, почтительно положил монету в горку других: ржавых, позеленевших, тускло поблескивающих или покрытых патиной. Все дно перед Камнем было усеяно круглыми, квадратными, целыми и продырявленными монетками из всевозможных металлов. Золотой кариандца упал в общую грудку, мгновенно слившись с ней, будто уйдя вглубь, пока Даголар, по-детски зажмурившись, что-то шептал себе по нос, а потом торопливо обернулся к избранной.

— А вы, госпожа Джиад? — Эрувейн улыбалась, явно не сомневаясь, что желание кариандца имеет отношение к ней. — Ваш бог не обидится, надеюсь?

— Малкавис? Нет, конечно... — как-то растерянно сказала Джиад, глядя на кучу монет, расстилающуюся у подножья Камня. — Но я...

Теперь все смотрели на человека, и Алестар подумал, что хотел бы узнать желание Джиад. Вдруг получится исполнить? Но о чем может просить жрица? О свободе? О мести ему? Или, может быть, у неё есть настоящая мечта? Заветная, невозможная...

Джиад, проведя ладонью по поясу, вдруг просветлела лицом. Только сейчас Алестар заметил, что у жрицы нет кошель, а золотой кругляш, блеснувший в пальцах, она вытащила откуда-то из одежды.

— Можно? — спросила Джиад то ли у них, то ли у Камня, но все иреназе разом закивали, даже Кари с Дару.

Покинув седло, жрица подплыла к Камню и несколько минут разглядывала знаки на нем, даже стерла рукавом легкий налет мха сбоку. Затем, будто опомнившись, бережно положила монету к подножью, шепнула что-то, склонив голову, и вернулась к салту.

К проходу с Арены возвращались молча. Даголар и Эрувейн, попрощавшись, уплыли дальше, и Алестар их понимал. Слишком часто смотрели эти двое друг на друга, и даже их салту плыли совсем рядом, повинувшись воле хозяев, так что кариандец мог постоянно касаться то плеча, то волос Эруви, а та всякий раз вспыхивала, как утренняя заря. Видеть это было сладко и больно, внутри ныла дурацкая мучительная обида, напоминая, что если бы не его глупость и жестокость, сейчас и он мог бы так... Но с кем? Если бы тогда он не запечатлел Джиад...

Окончательно запутавшись, Алестар не сразу понял, что Джиад, плывущая рядом, что-то спрашивает.

— Что? — переспросил он, выныривая из мерзких, как грязная вода, мыслей.

— Этот Неизвестный Бог, — терпеливо повторила Джиад. — Откуда взялся его камень?

— Понятия не имею, — снова пожал плечами Алестар. — В незапамятные времена то ли нашелся на затонувшем корабле, то ли штормом принесло.

— Ну, из Чарисы такую махину никакая буря не приволокла бы, — задумчиво отозвалась жрица. — Там на чарийском надпись. Но я старый чарийский почти не знаю, да и буквы полустертые. Всего одно слово разобрала.

— Слово? Какое? — Алестар никогда не слышал о Чарисе, где бы она ни находилась.

— Всеядное, — серьезно сказала Джиад, только глаза у неё подозрительно блестели. — Не знаю, как зовут Неизвестного Бога, но на камне написано что-то про всеядное жи.

— Жи?

— Да. А дальше ничего не видно, — с сожалением подтвердила Джиад. — Но надеюсь, что просьбы этот Жи-как его-там действительно исполняет.

— А о чем ты просила? — стараясь говорить равнодушно, бросил Алестар.

— Я? Ни о чем, — легко и как-то грустно улыбнулась жрица. — Моя судьба в воле Малкависа, ему и решать, что с ней делать. Это была чужая монетка. Я попросила, чтобы Неизвестный Бог исполнил желание того, кто дал мне ее. И чтобы это исполненное желание не пошло во вред, конечно. Люди не всегда осторожны в желаниях.

— Это... точно, — с трудом выговорил Алестар, понимая, что не может и не хочет узнавать, кому принадлежит проклятая монета и чье счастье для Джиад дороже собственной мечты. Без того слишком больно.

Хорошенькую юную иреназе с копной вьющихся светлых волос и нежным лицом Джиад помнила по охоте. Девушка еще осаждала тогда Миалару с удивительной для такого цветочка решительностью... Сейчас Эрувейн сияла от счастья, как начищенная пряжка на поясе новобранца. Или как обручальный браслет — широкий, золотой с россыпью синих камешков — что охватывал её запястье. Приглашая кай-на Джиад на свадьбу, девушка то и дело трогала явно тяжелое для её руки украшение, каждый раз поглядывая на него со смущенной радостной гордостью. Это было так умирительно, что Джиад невольно позавидовала и про себя от души пожелала счастья, вслух пообещав прийти, если на это будет воля принца Алестара и его отца.

И, конечно, её тут же поволокли знакомиться с женихом.

Пока Эрувейн щебетала, как целая стая веснянок, Джиад обменялась короткими вежливыми поклонами с Даголаром ири-на Карианд и, присмотревшись, решила, что кариандец — вполне достойная партия. Гораздо старше Эруви и не слишком хорош собой, он источал спокойную уверенность, а во взглядах на избранницу читались непоказные внимание и нежность. И тем более было непонятно, почему Алестар так мрачен и угрюм. Явно что-то не то звенело и дрожало между ним и опасно-спокойным кариандцем, будто невзначай пустившим салту как раз между принцем и своей нареченной. Неужели у рыжего что-то было и с Эруви? Но Миалара говорила, что наоборот...

Окончательно запутавшись, Джиад смиренно выслушала кучу и вправду интересных рассказов об Арене, проплыла за всеми к Камню и бросила бы монету — жалко, что ли? — но в последний момент поняла, что денег у неё как раз и нет. Вот ни монеты, в самом деле! Кошелек остался то ли в хижине наемников, то ли у Лилайна — она уже и не помнила. Но точно знала, что просить у Алестара не будет.

И вдруг Джад поняла, что одна монета у неё есть! Будто кто-то толкнул под локоть, рука сама потянулась к потайному кармашку в поясе, куда она еще в Адорвейне спрятала золотой рыжего конюшонка. И стоило тяжелому кругляшку лечь в ладонь, как Джад всей сутью поняла, что это правильно. Вот это — правильно.

Склоняясь к подножью чудовищно старого жертвенника Неизвестного Бога, она безмолвно пожелала счастья мальчишке. О чем попросил бы сам рыжик? О новой семье, настоящем достойном ремесле, удаче в жизни? Этого было слишком много для одного желания, и Джад, бросая монетку, проговорила про себя древнее благословение жрецов Малкависа: «Пусть судьба ведет его верным путем через достойную жизнь к счастливой нескорой смерти». А когда монета упала, странно мягко и тяжело даже для золота, поняла и поверила сердцем, что слова её кем-то услышаны.

Эруви с Даголаром уплыли, еще раз заручившись обещанием непременно и обязательно прибыть на свадьбу, а Джад осталась наедине с Алестаром, еще сильнее помрачневшим, хотя куда уж... Дару и Кари смотрели непроницаемо, им в отношении благородных каи-на не полагалось вмешиваться по должности, а Джад вдруг поняла, что устала. Не столько телом, сколько душой устала от недомолвок, дурного настроения рыжего, любопытных взглядов, как бы вежливы и сдержанны эти взгляды ни были. Арена давила, нависая чудовищной тяжестью каменных глыб, в висках ломило и тянуло, хотелось протянуть руки к огню, выпить горячего — и не опостылевшей тинкалы, а вина или даже молока...

— Возвращаемся в город, — хмуро бросил Алестар и тронул салту, выплывая вперед, за что Джад была рыжему почти благодарна: хоть не придется видеть по дороге его недовольную физиономию.

Подумалось, что сейчас она и на тинкалу согласится — лишь бы погорячее и послаще. Единственная радость в море — тепло. И попросить, что ли, земной еды? Достали же ее в прошлый раз, а теперь иреназе с людьми дружат куда больше. Уже привычно держа салту вслед зверю Алестара, Джад подумала, что напрасно прячет от себя самой собственные мысли. Еда — лишь предлог послать весточку Лилайну, узнать, что с упрямым наемником. Король иреназе должен разрешить, он клялся обходиться с ней как с гостьей, а не пленницей...

Черная громада дворца выросла впереди неожиданно, даже звездная россыпь огней туарры на стенах и в окнах почти не давала света в крошечной мгле ночного моря. Вдобавок, отчетливо похолодало, и Джад невольно зябко поежилась.

Но в комнате, куда они с рыжим так же молча всплыли, оставив за дверью охрану, показалось чуть ли не холоднее, чем снаружи. Принц даже буркнул что-то удивленно, потом подплыл к стене и тщательно осмотрел ее там, где когда-то открыл потайной ход, но лишь в недоумении пожал плечами:

— Холодно, как в Бездне... Тинкалы хочешь?

Джиад молча кивнула, устало опускаясь на ложе и по привычке натягивая на колени покрывало, хотя толку от этого в воде было чуть больше, чем никакого. Рыжий дернул за рычаг, рывкнул на кого-то и вскоре сунул ей в руки блаженно горячий кувшинчик.

Если бы еще тинкала не остывала так быстро... Спеша выпить поскорее, Джиад чуть не обожгла губы и язык, сама разозлилась на свою жадность. Алестар справился с горячим питьем так же быстро, но куда изящнее, глянул — показалось, что с насмешкой. А потом придвинулся ближе и, повернувшись лицом, обнял за плечи онемевшую от такой наглости Джиад. Забрал у неё кувшинчик, нависая сверху, заглядывая в лицо жадными, расширенными от возбуждения зрачками, нетерпеливо отбросил пустую посудинку в сторону...

— Мы так не договаривались, — едва разжимая губы, процедила Джиад, тоже глядя в упор, не отводя взгляд, как не отвела бы его от готового кинуться зверя.

— И что? Тебе пары поцелуев жалко?

На мгновение мелькнула мысль, что Алестар снова под какой-то дурью, так лихорадочно блестели у него глаза. Джиад замерла, не сопротивляясь, но уже рассчитывая, куда ударит в случае чего. И принц, словно почувствовав её готовность сопротивляться, чуть отодвинулся, запрокинул назад голову, отбрасывая с лица мешающие пряди, плеснул широким плавником хвоста, пустив по телу Джиад упругую волну. Проговорил зло и как-то беспомощно:

— Я обещал, что не трону. Поклялся. Ты мне не веришь?

— Простите, ваше высочество, — тихо и очень мягко отозвалась она. — Я верю, но у моего тела другая память.

Внутри и вправду поднималась холодная брезгливость, желание немедленно оттолкнуть, убрать от себя, вырваться любой ценой... Джиад напряглась, закаменела, не позволяя себе самое простое и подходящее — ударить.

— Я обещал! — яростно выплюнул Алестар. — Почему ты не хочешь поверить мне хоть немного? Я люблю тебя, понимаешь?

— Тех, кого любят, ни к чему не принуждают, — так же бесцветно

напомнила Джад, заставляя себя отвести взгляд от шеи рыжего, где так заманчиво и уязвимо билась маленькая жилка. — Вы не любите, вы хотите.

— А если и так? Я же хочу удовольствия для обоих, не только для себя. Память? Ладно, я понимаю. Так дай мне возможность все исправить, загладить, стереть...

Что он собирался заглаживать, сопляк дурной? Джад едва не всхлипнула от непредставимого желания врезать по нечеловечески красивому лицу с ярко горящими глазами. Чтобы хоть что-то понял...

Нет, он не понимал. Смотрел, как умирающий от жажды на воду, и даже голос звенел негодуя. И он, наверное, действительно хотел быть ласковым, Джад прислушалась к себе и той смутной связи, что протянулась между ними, но там, на другом конце трепещущих от напряжения нитей, не было гнева, похоти или желания унижить. Но какая разница?

— Пожалуйста, — прошептал принц, наклоняясь к ней и на удивление осторожно касаясь губами плеча через рубашку. — Просто позволь мне, прошу. Я буду нежным, я сделаю все, как ты захочешь... Это может быть так чудесно...

Ох, не к добру они встретили эту девочку, Эрувейн. Что уж там при виде чужого счастья сорвалось внутри Алестара с привязи, оставалось только гадать, но он дрожал всем телом, умоляя, и ясно было, что сам потом не простит этого якобы унижения.

— Джад... — рыжий поднял голову, глянул ей в лицо пьяными от желания глазами. — Моя Джад... Моя избранная...

— Не ваша, — с трудом выговорила Джад. — Никогда не была и не буду. Вы забыли, что обещали мне? Отпустите. Я не ваша избранная, вы меня взяли силой — и это забыли?

Напоминать о собственном позоре было мучительно больно и мерзко, но рыжего следовало остановить сейчас, пока совсем не обезумел. Прилив ли, оскорбленная гордость, Арена — все сразу плескалось в синих расширенных зрачках, кипело, как в ведьмином котле.

— Я просил прощения, — тающим ломким голосом напомнил Алестар. — Просил, умолял, помнишь? Мне действительно жаль. Сколько еще просить? А если ты никогда не простишь?

«А я должна?» — хотелось закричать Джад, но она лишь сильнее стиснула пальцы на длинном ворсе покрывала, а потом медленно разжала их, уже понимая, что сейчас сделает. Понимая и принимая это знание с шалым восторгом.

— Простить? Вы и правда этого хотите? — спросила она с той же

смертельной мягкостью, которой принц, знай он Джаад лучше, должен был бы испугаться.

— Да... — выдохнул Алестар, послушно отодвигаясь от нее, приподнявшейся и севшей на ложе.

Удар вышел безупречным. Резкий, прямой, вверх по кратчайшему пути к точно выбранному месту на скуле. Выбрасывая руку и доворачивая кулак пальцами книзу, Джаад уже знала, с каким звуком тот врежется в плоть. И что вода, скрадывающая силу движений, теперь сыграет на её стороне, не позволив сломать челюсть этому болвану. О, Малкавис, как же хорошо!

Мгновение растянулось, как падающая капля смолы, Джаад четким обратным движением отдернула руку, а в глазах Алестара только вспыхивали боль и недоумение. Недоумение!

— За что? — с трудом выговорил он побелевшими губами, медленно поднося и прижимая ладонь к распухающей щеке.

— Просто так. Потому что мне так захотелось. А теперь я прошу прощения. Очень прошу, от всей души. Действительно прошу прощения, понимаете? Ну как, сразу ведь перестало болеть?

Она слышала свой голос будто со стороны, певуче-ласковый, яростно-томный. И чувствовала себя натянутой тетивой, занесенным для удара клинком, готовясь — сама не знала к чему. Ударить еще раз? Отскочить, чтобы сдержаться? Бежать куда угодно?

Что-то изменилось в глубине смотрящих на неё глаз. Что-то дрогнуло. И сам принц открыл рот, но, не сказав ни слова, вдруг сорвался, оттолкнувшись хвостом, с постели. Взмыл над ней, развернулся и кинулся прочь из комнаты.

Джаад согнула колени, обхватила их руками, ткнулась лицом, чувствуя, как бьет тело дрожь. Если король решит, что она нарушила договор... Да плевать! Сколько же можно? Нет, она не будет просить ничего: ни земной еды, ни письма к Лилайну. Незачем лишний раз напоминать, что рядом есть близкий ей человек: побережье Аусдранга — это не далекая Аруба...

Но сожалеть о сделанном не получалось. Если рыжий решит пожаловаться — так тому и быть.

Сжавшись в комок, она просидела на постели не меньше получаса. А может, и дольше. Время то тянулось, то летело галопом, Джаад с трудом заставила себя дышать ставшей вдруг очень плотной и соленой водой. В клетке запищал малек, и только это немного привело в чувство. Подняв голову, она принудила себя встать и доплыть до клетки, откинуть задвижку.

Рыбеньш, словно боясь, что она передумает, вылетел из клетки, кинулся к столику, где кроме тинкалы стояли тарелки с какой-то едой. Сунул морду в одну, потом в другую, торопливо захватал куски.

Джиад вернулась на кровать, снова села, обняв колени, уставилась в стену, слишком уставшая даже для молитвы. И даже не вздрогнула, когда почти рядом на ложе опустился уже знакомый хвост.

— Прости, — через несколько десятков вдохов сказал Алестар.

Она молча пожала плечами, не в силах даже открыть рот. Да и зачем? Что-то объяснять, уговаривать, доказывать?

— Прости, — хмуро, но спокойно повторил Алестар. — Я понял, правда. Ты как?

— Ничего, — с трудом разжала губы она.

— Поешь хоть. И ложись спать. Хочешь — уплыву?

— Не надо.

Рыбеньш ткнулся в колени, попискивая, носом поддел ладонь, удивляясь, что его не чешут и не гладят. Пришлось гладить. С другой стороны протянулась рука Алестара, и в какой-то миг их пальцы встретились на плотной гладкой шкуре. Встретились — и не отдернулись.

— Он тебе одежду погрызет, — предрек принц, глядя, как салру с упоением хватает и тянет край штанов Джиад. — И съест.

— Да вроде не голодный, — Джиад недоуменно глянула на разоренные тарелки. — Что, это все он? Вот ведь существо... всеядное...

— Жи, — фыркнул Алестар, отцепляя возмущенно огрызающегося рыбеньша и запихивая обратно в клетку.

— Что?

— Жи. Всеядное. Или сама его назови, как хочешь. Джиад...

Он снова опустился рядом. Неловко потянувшись, накиннул ей на плечи покрывало, осторожно поправил, стараясь как можно меньше прикасаться. И Джиад молча легла, не столько принимая эту заботу, сколько не в силах отказаться от нее. Но, засыпая, с удивлением поняла, что не боится. Теперь — не боится. И вообще, легче — словно нарыв прорвало. У стены в клетке возился получивший имя Жи, а в спину плескали едва заметные волны — единственное, что выдавало присутствие Алестара. И подумалось, что надо бы поговорить. Обязательно надо. Но... завтра. Вот завтра, да.

ГЛАВА 5. Новости и знакомства

В отцовскую спальню Алестар вплывал осторожно, стараясь даже хвостом лишний раз не махнуть. Невис сказал, что королю лучше и он хочет видеть сына, но если уснул, то не надо будить. Это Алестар знал и сам, после долгой работы с Сердцем Моря всегда наваливается не просто усталость, а страшное бессилие. И хочется спать, спать...

Но отец не спал. Лежал в постели с книгой, рассеянно скользя взглядом по табличке, а увидев Алестара, сразу ее отложил.

— Отец... — выдохнул Алестар, подплывая и опускаясь на пол у ложа.

Поднял голову, вглядываясь в лицо, на котором помнил каждую черточку, но сейчас почти не узнавал. За несколько дней для повелителя Акаланте словно прошло десять лет — и лет нелегких. Под глазами набрякли темные мешки, морщины между бровями углубились, залегли резко, как трещины в гранитной скале. Зрачки — Алестар хорошо знал этот самый тревожный признак — помутнели, выцвели...

— Что, плохо выгляжу? — усмехнулся отец, как обычно прочитав все по его лицу. — Ничего, пока еще не все так страшно.

— В следующий раз к вулкану поплыву я, — сказал Алестар, опираясь локтем на край ложа по детской еще привычке. — Тебе нужен отдых, а я достаточно пришел в себя. Да и тренироваться надо.

Осекся, в последний момент поняв, что в его словах можно увидеть не один смысл, но отец медленно кивнул, разглядывая его пристально, будто хотел заглянуть внутрь.

— Надо, — сказал так же просто, словно не было всех этих сумасшедших недель, словно только вчера они разговаривали об обычных делах... — Скоро пригодится.

— Отец! — возмущенно выдохнул Алестар, плеснув хвостом так, что невольно всплыл над ложем. — Перестань, прошу!

— От того, что я перестану, ничего не изменится. Мое время уходит.

Он хлопнул ладонью по ложу рядом с собой, и Алестар послушно опустил хвост кольцом и обняв его руками. Это было совсем не по этикету, но так уютно... Если бы еще не разговор, который — уже было ясно — выдастся нелегким и неприятным. Приплыл, называется, узнать о здоровье.

— Как твоя избранная? — поинтересовался отец с мягкостью,

которая могла бы обмануть кого угодно, но не Алестара.

— Замечательно, — буркнул он. — Вчера гуляли, я показал ей Арену. Потом... поговорили. Она меня терпеть не может, но все-таки терпит, честь ей и хвала. Когда проснулся, она еще спала.

Спала, завернувшись в одеяло, подтянув колени чуть ли не к подбородку, явно замерзнув... И Алестар, тихонько соскользнув с ложа, проплыл в угол комнаты и повернул рычаг обогрева до предела, ругнув себя, что не сделал этого раньше. Человеческая девушка наверняка мерзнет под водой, а он, бестолочь...

— Терпит... — задумчиво повторил отец. — Что ж, и это неплохо. У нас не так много времени. Принцесса Маритэль прибудет за неделю до Звездной ночи. Этого хватит, чтобы освоиться, познакомиться с тобой и быть представленной Совету Двенадцати.

— Я понял, отец, — ровно сказал Алестар, понимая, что именно такого ответа от него и ждут.

Звездная ночь — ночь влюбленных, ночь заключения помолвок и брачных договоров, красивый праздник, который принято встречать с тем, кого любишь. Обмениваться подарками, вместе смотреть на темное небо, усеянное звездами, которые то и дело срываются вниз. И каждый раз торопиться загадать желание, но не для тебя, а для той, кто рядом... И молчать, не говорить ей, иначе не сбудется, только желать изо всех сил... Прошлую Звездную ночь он встречал вместе с Кассией — и где теперь все эти желания?

Что ж, значит, эту будет встречать с хрупкой большеглазой кариандкой. Совсем чужой, совсем не той...

— Рад, что ты понял, — согласился отец и протянул руку, положив ладонь на пальцы Алестара. — Нам нужен этот союз, очень нужен. Алестар, я хочу тебе счастья, разве может быть иначе? Но ты сам знаешь: наша жизнь принадлежит Акаланте. И наше счастье — тоже. Маритэль будет хорошей супругой, я узнавал. У нее мягкий нрав и прекрасные манеры, а ради нашего предложения король Карианда отказал несколькими завидным женихам.

— Еще бы он не отказал, — хмуро бросил Алестар, злясь на самого себя за упрямое раздражение, твердящее, что не нужна ему никакая покладистая красавица. — Отец, хватит, я все понял, правда. Союз с Кариандом нам нужен. Им, полагаю, он тоже не лишний. И если уж зашел разговор, то что там творится?

— О чем ты? — очень мягко и спокойно поинтересовался отец, только пальцы его, лежащие на руке Алестара, едва заметно дрогнули.

— О Карианде. О суаланских жемчужницах. О том, что сами кариандцы бегут из своих глубин. Что все это значит, отец?

Говорить о том, что ему известен самый краешек того, что знают едва ли не все вокруг, Алестар не стал. Раз он чего-то не знает, сам виноват. Но и обманывать отца не хотелось. Он вообще ненавидел врать, считая это признаком слабости и трусости, а уж отцу? Они всегда доверяли друг другу, и если отец о чем-то умалчивал, значит, на то были основания. Но сейчас... Сейчас все слишком серьезно. Для него, для Эрувейн и наглого глубинника, на которого подруга смотрит сияющими глазами, для будущего брака с Маритэль, в конце концов. Неужели отец не понимает, что Алестар уже вырос?

— Значит, тебе известно, — задумчиво сказал отец, убрав руку и потянув кончик заплетенной у виска, чтобы волосы не лезли в глаза, косички. — И что именно?

Ну да, глупо было и полагать, что с отцом удастся то, что прошло со жрецом в лабораториях.

— Почти ничего, — зло бросил Алестар. — И это неправильно, тебе не кажется? Я знаю, что Карианд умирает. Но как может умереть великий город? И что это как-то связано с тем, что в Суалане болеет жемчуг. Не скажу, что очень расстроен по этому поводу. Если Мать Море за что-то наказала Суалану — ей виднее.

— Перестань, — тяжело уронил отец, и Алестар мгновенно замолчал. — Недостойно радоваться чужой беде. А иногда еще и глупо. Жемчуг не болеет просто так, он чувствует, как меняется вода. Суалана ближе к Карианду, на них действовало раньше, но и нас ждут неприятности. Они уже начались, но мы пока справляемся. Подумай, Алестар. Я не говорил тебе ничего, надеясь, что ты задумаешься сам, но, кажется, ошибся. Впрочем, тебе было не до суаланского жемчуга, признаю.

Вот и все: вместо выговора — несколько тщательно отмеренных слов, а у Алестара запылали уши и щеки, будто он снова попался на детской шалости. Причем какой-нибудь очень глупой. Ну, или просто на глупости, будем уж называть вещи своими именами.

Помотав головой, словно это могло выплеснуть из мыслей обиду, он старательно задумался. Суаланский жемчуг знает, что вода изменилась. Как могла измениться вода в Карианде? Почему? И как это связано с Акаланте? Неприятности... начались... Проклятье! Он болван! Безмозглая медуза умнее него! Не видеть настолько очевидного!

— Вулканы? — выдохнул он, подаваясь к отцу, впиваясь взглядом в его лицо. — Старший Брат просыпается не вовремя, не по временным

картам. Бьют подземные источники, вода меняется, и суаланский жемчуг болеет!

— Верно, — уронил отец удовлетворенно, откидываясь на высокую подушку.

— Погоди, — торопливо выпалил Алестар. — Я сам! Если все дело в Карианде... У них тоже просыпаются вулканы? Но там их нет! Карианд живет над разломом, на краю великой Бездны... У них всегда было спокойно.

— Слишком спокойно, — уронил отец. — Кариандские короли щедро тратили силу своего Сердца Моря, сдерживая естественные изменения дна. Да, у них нет вулканов. Но есть разлом, уходящий в великую Бездну. Разлом, который за несколько тысячелетий должен был изменить свои очертания. Непременно изменил бы, не сдерживай его повелители Карианда.

— Зачем? — растерянно спросил Алестар и сам ответил на свой вопрос: — Город, да? И шахты...

— Город и шахты, — подтвердил отец, и по его губам проскользнула улыбка, как и всегда, когда Алестар решал сложную задачу. — Карианд выстроен на склоне разлома, он живет за счет редких веществ, добывая их из открытых жил. Его рыбные фермы и дома обогреваются не горячими источниками, как у нас, а механизмами, работающими на земляном масле и дыхании земных недр. Это тончайшее и очень хрупкое равновесие, которое Карианд боялся менять слишком долго. Но что случается, если удерживать весы, на которые падают все новые и новые гири?

— Ничего хорошего, — мрачно заключил Алестар. — Так весы покачались бы, да и успокоились, но если запретить изменения дна, они накапливаются. Я помню уроки, отец. Не держать, а управлять, не запирать, а спускать пар... Разлом меняется, так? И меняется так сильно, что силы Карианда не хватает. Смыкается или расходится? Хотя какая, к глубинным, разница?

— Никакой, ты прав. Разлом меняется, а как — будет известно еще не скоро, потому что теперь изменения непредсказуемы. Может, кариандские жрецы и вычислили что-то, но пока это неважно. Карианд обречен. Еще несколько десятков лет, самое большее — столетие, и его облик изменится неузнаваемо. Полагаю, никто из оставшихся в городе этих изменений увидеть не успеет.

— А нас, значит, задевают отголоски? И будят наши вулканы?

Алестар оттолкнулся от ложа, заметавшись почти под потолком, выплевывая яростно:

— Как они могли? О чем они думали столько веков подряд? Жрецы, короли... Не могли же они быть настолько слепы, глухи и безумны? Губить не только свой город, но и все морское дно?! А если завтра проснется не только Старший Брат? Акаланте стоит на кратере! Если все три Брата проснутся одновременно, толчок будет таким, что... Да Глубинные пробудятся от такого толчка!

— Успокойся, — тихо уронил отец, и Алестар, сплюнув воду, которой наглотался от возмущения, снова опустил на ложе.

Вода, взбаламученная его хвостом, колыхалась по всей комнате, и оттого казалось, что стены дрожат.

— Успокойся, — повторил отец устало. — Это свойственно всем, и людям, и иреназе: думать, что беда придет еще не скоро, что можно потянуть время, пожить в сытости и довольствии. Я и сам надеялся, что еще несколько поколений изменения будут незаметны, а кариандские жрецы и ученые искали способы мягко успокоить разлом. У них вполне могло получиться, они уже заростили несколько неглубоких трещин и проложили новые там, где было нужно. Просто... все случилось слишком быстро.

— Безумцы! — выплюнул Алестар зло. — Ладно, мы-то что можем сделать? И... куда они собираются из своего города?

Мысль была настолько простая и жуткая, что Алестар замер, осознавая ее, глядя на отца с испугом, и тот медленно кивнул, подтверждая.

— Они уйдут... — прошептал Алестар, с трудом узнавая собственный голос. — Уйдут из города в новые воды. А воды давно поделены, и лишних Трое не создали. Переселить целое королевство, найти всем пропитание... Будет война! Отец, это же... И мы тоже?

— Мы заключаем брачный союз с Кариандом, — тихо и ровно сказал отец. — И принимаем в город два десятка родов из тех, кто готов переселяться прямо сейчас. Знать Карианда разделилась надвое: одни требуют уходить немедленно, другие надеются выждать и даже предотвратить беду. В основном, это те, кто владеет шахтами, конечно. Акаланте примет тех, кто хочет уйти. Не всех сразу, но оставшиеся могут занять участки дна между нами и Суаланой. Там не слишком удачные места для жизни, но что-то всегда можно устроить, а кариандцы не в том положении, чтобы выбирать. Они благодарны и за это. Я мог бы потребовать руки не младшей принцессы, а любой из старших, но человеческая кровь...

— Кровь... Два десятка родов — это сколько?

Новости были чудовищными, Алестар чувствовал, что теряется под

ними, как под ударом штормовой волны, даже сжался в комок, словно пытаясь смягчить удар.

— Около пяти-шести сотен взрослых с семьями. Еще примерно столько же заселят окраины. Много, но мы выдержим. Придется тяжело первые лет двадцать, но Акаланте нужна новая кровь, да и знания кариандцев пригодятся. Ради этого стоит потесниться, а брак с Маритэль тир-на Карианд укрепит союз.

— А Суалана? Маравея? Миралайн?

— Маравея примет десяток родов, но не больше, просто не смогут. Миралайн еще думает. Полагаю, они тоже возьмут немного. Суалана отказала. Им самим не хватает милости Моря, сказал король Суаланы.

— И потому он оставит сородичей погибать? Или милость Моря заранее учтена в его казне?

— Он думает о своем народе, — утомленно сказал отец. — И в чем-то прав. Суалане тяжело далась недавняя война. Да, их никто не звал в наши воды, но сложно жить рядом с богатым соседом, заглядывая в его сети и зная, что твои почти пусты. Карианд не придет в новые воды с пустыми руками, у них еще есть время собрать необходимое даже с избытком, но в голодный год золото дешевле водорослей.

— У меня только один вопрос, отец, — Алестар глубоко вдохнул и выдохнул, со странным равнодушием наблюдая, как поднимаются к потолку пузырьки воздуха. — Когда ты собирался рассказать мне все это? Почему я узнаю такие вещи из болтовни наложниц и просьб кариандских купцов? Или я проспал день, когда перестал быть твоим сыном и наследником?

— Алестар, Алестар...

Отец укоризненно покачал головой в ответ на обиду, невольно просочившуюся в его голос.

— Ты помогаешь мне с делами уже дюжину лет. Последние пять — наравне с моими советниками. И ты ничего не замечал? Не видел, как определенная часть продовольствия перерабатывается для хранения и отправляется на склады? Как копится земляное масло и рыба кость? Как возделываются новые поля водорослей, куда больше, чем надо для прокорма Акаланте?

— Видел! Но я думал... это... Я думал, это просто запасы. На всякий случай. Водоросли на продажу...

— И это тоже, — кивнул отец. — Сейчас мы продаем в два раза больше водорослей, чем потребляем сами, а на прибыль закупаем то, что может храниться как можно дольше. Ты не слеп, Алестар, и умеешь делать

правильные выводы. Но ты слишком привык к тому, что видишь. И не всегда даешь себе труд подумать над тем, почему видишь именно это.

— Когда? — тихо спросил Алестар, потирая пальцами занывшие виски. — Когда все начнется? И почему... ты разрешил мне взять в супруги Кассию? В ней ведь нет крови человека. Не было... А если все это известно давно: и про мою кровь, и про Сердце Моря, и про Карианд...

— Потому и разрешил. Карианд не в том положении, чтобы торговаться, они отдали бы Маритэль и в наложницы — в крайнем случае. А ты мог передумать, запечатление с Кассией могло сорваться, жрецы Карианда — найти способ спасти свой город... Будущее меняется каждое мгновение, Алестар. Кто мог знать, например, что ты встретишь человеческую девушку и сотворишь такую глупость? Нет, помолчи. Я знаю, что ты раскаиваешься. Я даже верю, что ты не пил гарнату. Что-то неладное творится в нашем городе и в самом дворце, но после смерти Кассии ты вел себя, как дикий салту, не слушаешь ни слов, ни лоура. Как я мог говорить с тобой о столь серьезных вещах?

— Прости, — прошептал Алестар, теперь уже сам беря отцовскую руку со странно тонкими пальцами и с осторожной ласковостью сжимая их. — Прости...

— Ничего, мой мальчик, — вздохнул отец, отвечая на пожатие. — Лишь бы все обошлось. Боги любят Акаланте, помни это и не разочаруй их. Жрецы обещают разорвать запечатление без вреда для девушки с земли. И для тебя, разумеется. Если Маритэль окажется тебе совсем не по сердцу, мы найдем другой союз, хоть и будет сложно. Но я верю, ты не поставишь будущее города выше собственных прихотей. Ты очень нужен, Алестар. И городу, и мне. И, Алестар, я прошу тебя... обещай...

— Да, отец. Все, что смогу...

— Это ты сможешь. Обещай мне не участвовать в гонках. Ты слишком ценен, чтобы рисковать жизнью. Я позволил тебе быть загонщиком в охоте, потому что этого ждал народ. Все должны были увидеть, что ты не потерял смелости и заботишься о подданных. Гонки — другое дело. Неразумный риск ради честолюбия. Прошу тебя, сын...

— Я... отец...

Голос не слушался, осекался, срывался... Алестар даже тронул пальцами сжатое спазмом горло, отчаянно думая, как же объяснить? Как сказать, что ему нужно на Арену? Не для того же, чтобы заполучить очередную дурацкую раковину из золота с драгоценными камнями. Этих раковин и так полка целая в покоях... А ему надо на Арену, чтобы убить страх. Задавить мерзкую дрожь, которая всякий раз рождается внутри,

стоит подумать о том дне... Это не честолюбие, это стоит риска. Иначе как он сможет жить, зная в себе такой изъян? Но отец ждет, смотрит, и отказать ему невозможно...

— Я...

Внезапная тошнота и пронзительная тоска накатили вдруг и разом. Отголосок чужого ужаса, нет, не чужого...

— Джиад, — выдохнул Алестар, отталкиваясь от ложа. — Да, отец, конечно... Поговорим потом, ладно? Я... мне нужно...

— Плыви, конечно, — согласился отец, отпуская его руку и сползая ниже на постель. — А я посплю, пожалуй...

* * *

Ночью Джиад все-таки согрелась. Наверное, потому и снилось что-то спокойное, мирное, про храмовый сад, где она играла в прятки и рвала прямо с куста сладкую крупную береснику. Тяжелые, налитые пурпурно-фиолетовым соком ягоды поспевали круглый год, радуя послушников помладше, которых еще не пускали в город. Поэтому малыши смотрели на старших с завистью, а те приносили из города гостинцы, но сначала заставляли оттирать перемазанные темным ладошки и мордочки.

Когда Джиад открыла глаза, вкус бересники стоял во рту так ясно, будто она и вправду наелась ею во сне. И это было, как привет из дома, у нее даже глаза чуть-чуть защипало, так захотелось повидать друзей и наставников. Но вокруг тихо колыхалась непроглядная вода, и Джиад только выдохнула сквозь сжавшееся горло, снова опуская веки.

Когда она проснулась второй раз, уже по-настоящему, Алестара не было. Комнату ярко освещала подкормленная кем-то туарра, со столика исчезли тарелки с остатками пиршества Жи. Сам рыбеныш мотался по клетке кругами, задевая прутья хвостом, отчего они слегка постукивали в пазах. Видимо, этот негромкий мерный стук и разбудил Джиад.

Что ж, пора было вставать. Она выбралась из-под прилипшего к телу одеяла, невольно спросив себя, чем укрывался рыжий, если все одеяло оказалось намотанным на Джиад, как кокон. Но теперь ясно, почему согрелась.

В памяти непрошено вспыхнуло, как Алестар бережно кутает ее вечером, и Джиад закусил губу. Она ожидала другого. Злости, обвинений, выставленных условий... Но уж точно не извинений и заботы. И это после того, как Алестару досталось вдвойне: и физиономии, и гордости. Ладно, об этом надо будет думать позже, когда принц вернется, потому что настроение рыжего меняется чаще, чем погода в горах. А пока есть дела

важнее.

Одно такое дело уже всерьез ломилось наружу сквозь прутья, возмущенно вереща, что про него забыли, а он хочет есть, гулять, грызть вкусный кожаный пояс и еще чтоб нос почесали. Джиад прямо слышала все это в истошных руладах из клетки и теперь прекрасно понимала, почему иреназе держат своих любимцев не в покоях, а в общих загонах. Это же с ума сойти можно!

Зато оказавшись на воле, малек — да уже и не малек, пожалуй, — мгновенно притих. Деловито проверил стол, обиженно вякнув на отсутствие еды, метнулся куда-то в угол, и Джиад с опозданием подумала, что зверушке надо делать свои звериные дела где-нибудь подальше от спальни. К счастью, осознание этого пришло вовремя, так что удалось сразу оттащить не сопротивляющегося рыбеныша в комнату чистоты, поближе к ширакке. Что интересно, с шираккой тот отлично поладил и вообще вел себя, как очень благовоспитанное существо... Как оказалось — усыплял бдительность. А вернувшись в комнату, быстренько стянул пояс и спрятался с ним под свисающий с постели край одеяла.

— Нет уж, дружок, — мрачно сказала Джиад, отнимая изрядно пожеванный острыми зубами пояс. — Мы с тобой сейчас отправимся гулять. А если потеряешься или решишь слопать то, что само тебя слопает, я переживать не буду, так и знай!

Но в каймур, висающий у клетки, Жи лезть не пожелал, и оставалось только подивиться, как ловко его туда запикивал принц. Так что Джиад просто приспособила плетеный кошель вместо ошейника, взявшись за длинные завязки, и дотащила рыбеныша до внутреннего дворика, рассудив, что вряд ли там встретится опасная тварь. Мало ли что она сама говорит этому прохвосту, а завела животное — надо за него отвечать.

Почти сразу стало ясно, что о своей тренировке можно забыть. Салру был везде. Он вылетал из кустов и с разгону пытался врезаться Джиад в живот, он подкрадывался сзади, чтоб схватить её за полюбившийся край штанов, он мотался вокруг, так что голова кружилась следить за серебристой молнией.

— Ты когда-нибудь устанешь, зараза маленькая? — поинтересовалась Джиад примерно через час мучения, терпеливо принимая очередную добычу, которую ей принесли из зарослей, — лохматый пук водорослей был полон маленьких крабов, что тут же кинулись разбегаться по плитке двора.

Салру только хвостом помахал, ничуть не расстроившись, что кормилица не оценила подарок. У ног Джиад уже лежали полусгнивший

кусок толстой деревяшки, выбеленный рыбий череп длиной в пару ладоней и другой, из глазниц которого тянулись щупальца небольшого осьминога.

— Выгонят нас с тобой из приличного места, — пробормотала Джад, почесывая нахально подставленный нос, а потом и все маленькое тельце. — Ну вот где ты в королевском саду столько всякой гадости нашел?

Рыбеныш нежился, подставляя голову и бока, а когда Джад коснулась основания хвостового плавника, заверещал в экстазе, выгибаясь всем телом и чуть ли не силой всовывая хвост ей в руки.

— Что, нравится? — хмыкнула Джад. — Интересно... А вот у других... хвостатых... тоже так?

Она представила Алестара, с блаженным лицом чешущего хвост, и невольно фыркнула. Нет, а правда? Хвост, он и есть хвост, что у рыб, что у салту, что у иреназе... Или нет? Вот салту любят чесать нос, о хвосте и речи не шло, когда её учили править рыбозверем. Может, это только у малышей так? Но не спрашивать же принца.

От последней мысли Джад чуть не подавилась очередным вдохом, а отдышавшись, не сразу заметила, что маленький паршивец куда-то подевался. И только когда из-за высокого заборчика, оплетенного водорослями, донеслась невнятная ругань, спохватилась и кинулась за рыбенышем.

— Полагаю, это ваш... зверь? — кисло осведомился пожилой иреназе в богато расшитой золотом черной тунике, брезгливо держа за хвост дергающегося Жи.

Второй, такой же седоволосый и одетый не менее роскошно, но более ярко, почти пестро, парил в воде рядом со спутником, и Джад оказалась в перекрестье двух осуждающих взглядов.

— Прошу прощения, — отозвалась она насколько могла вежливо. — Мне очень жаль, если мой салру доставил вам неудобство или что-то натворил.

— Салру? — переспросил тот, что держал Жи, поднимая его выше и внимательно разглядывая. — А ведь и правда. Смотрите-ка, амо-на Тиаран, действительно, одиночка. Не вы ли убеждали меня, что это слухи и избранница принца приручила обычного салту редкой масти?

— Что ж, похоже, меня тоже ввели в заблуждение, — отозвался второй, пожимая плечами, так что бело-голубая туника с яркими полосами по воротнику и рукавам заколыхалась в воде. — Прошу прощения у каина... как вас зовут, дитя мое?

— Джад. Джад из Арубы. Я тоже прошу прощения, господа, что не имею чести и удовольствия знать ваши уважаемые имена.

Слова слетали с языка легко, но мысли не поспевали за ними. Кто эти двое? Почему они обсуждали прирученного им малька, но не помнят имени избранницы принца? И почему их взгляды такие... тяжелые?

— Джаид... — снова повторил одетый в черное. — Вы ведь не с нашего побережья?

— Нет, — ровно отозвалась она, невольно подаваясь назад под ощутимо давящим взглядом. — Аруба гораздо южнее Аусдранга.

Представляться сами они, кажется, не собирались. Что ж, пусть, лишь бы отдали Жи. Что он мог такого сделать, кого-нибудь цапнуть, что ли?

Но тут же, словно отвечая на её мысли, тот, что держал яростно бьющегося Жи, отпустил хвост. Малек кинулся к Джаид, тычась мордой ей в ладони и будто пытается спрятаться.

— Я Герлас, — отрывисто бросил иреназе, потирая руки, точно желая смыть с них грязь. — Старший служитель храма Глубинных богов. А это — амо-на Тиаран, высший жрец Троих.

Джаид склонилась в глубоком поклоне, задержавшись на несколько мгновений, а выпрямившись, опустила ладонь на спину рыбеныша, успокаивая его. Высший жрец и старший служитель? Теперь понятно, откуда такая властность...

— Аруба... — задумчиво сказал Тиаран. — Да, припоминаю... Мне рассказывали о служении ваших жрецов, каи-на Джаид.

— Служение, — презрительно фыркнул Герлас, засовывая большие пальцы рук за пояс и покачиваясь на хвосте. — Земным богам несть числа, но они лишь подобрали крохи силы, оставленные изначальными. Теми, кто ушел в глубины, когда земля еще была молода, а двуногие только учились одеваться в звериные шкуры.

— Вы говорите о глубинных богах, господин Герлас? — вежливо поинтересовалась Джаид, почесывая нос прижавшегося к ее колену Жи. — Да, они были первенцами создателей мира. Но разве родители не любят одинаково всех детей, и старших, и младших? Мой повелитель — такое же дитя Троих, как и те, что ушли в недра земли и подводные глубины.

— Не спорьте, амо-на Герлас, — попросил Тиаран со снисходительной благостностью в голосе. — Госпожа избранная защищает своего покровителя, это достойно уважения. А ваши слова обижают ее бога.

— Мне-то что, — снова фыркнул Герлас, глядя на Джаид с какой-то брезгливой жалостью. — Пусть служит, кому хочет, лишь бы не забывала, что здесь её молитвы стоят меньше пучка водорослей. Земные боги

остались на земле... Что смешного я сказал?

— Прошу прощения, — отозвалась Джиад, не переставая улыбаться. — Но мой повелитель Малкавис не нуждается в защите. Ни моей, ни чьей-либо еще. Разве оттого, что я назову море мелким, оно обмелеет? Разве бог обидится на чьи-то слова, как неразумное дитя? Сила Малкависа не камень, который может упасть в воду или остаться на земле. Она в сердцах тех, кто верит в него. И где бы я ни была, она со мной.

Она посмотрела на Жи, с блаженным тихим повизгиванием трущегося носом о её колено, снова подняла взгляд, уже слегка сожалея, что наговорила лишнего. Оба жреца молчали, рассматривая её в упор. Герлас — с откровенной враждебностью, у него даже хвост резко дергался, Тиаран — с интересом, пожалуй, словно редкую забавную зверюшку. А ведь они должны гораздо больше понимать в том, что здесь творится. Особенно Герлас — слугитель глубинных богов. Алестара едва не убило дыхание Бездны, да и сирены... Если это Герлас хочет смерти принца, у него и вправду нет оснований любить Джиад.

— Хорошо сказано, — усмехнулся одним уголком губ жрец глубинных, нарушая затянувшееся молчание. — Я смотрю, не только у салру здесь острые зубки. А все-таки поберегись, двуногая... Море любит смелых, но не путай смелость с дерзостью и глупостью.

Джиад молча поклонилась, не считая нужным отвечать, и Герлас, не переставая криво усмехаться, резко махнул хвостом, отталкиваясь от воды. Несколько движений руками, блеск широкого хвостового плавника — и жрец глубинных уплыл торопливо, как раздраженно уходящий человек.

— Я прошу прощения за амо-на Герласа, он не очень любит людей... — все с той же мягкой властной любезностью сказал Тиаран — и тут у Джиад перехватило дыхание.

Она узнала голос. Тяжелый властный голос, чьего приказа было невозможно послушаться. Голос велел возвращаться, и Джиад чувствовала его в бреду, как чувствовала бы удар кнута или раскаленное железо на коже.

Она сжала зубы, не собираясь выдавать, что вспомнила жреца и его зов. Обиженно пискнул Жи — пальцы слишком сильно стиснули загривок малька.

— Что-то не так? — вкрадчиво уточнил Тиаран.

— Нет, все в порядке, — с трудом улыбнулась Джиад. — Я не обижаюсь.

Этот взгляд... Он давил, сминал волю, заставлял гореть в бреду и задыхаться, будто на грудь положили каменную плиту. Это Тиаран звал её

— теперь Джад была уверена. И если сейчас уступить, значит, и впрямь цена ей, жрице Малкависа, меньше пучка водорослей.

— Я рад, — тоже улыбнулся Тиаран одними губами — глаза были холодными, внимательными. — Нравится ли вам Акаланте, госпожа избранная?

Еще и издевается... мразь. Не может ведь не знать, что почти убил её тогда.

— Очень нравится, — все так же старательно растягивая непослушные губы в улыбке, отозвалась Джад. — Город прекрасен и люди здесь гостеприимные. То есть иреназе...

— А его высочество, полагаю, очень дорожит вашими отношениями? — подсказал Тиаран, откровенно забавляясь.

Он плавно повел рукой перед собой, и Джад с трудом оторвала взгляд от ярких полос туники, сливающихся в одну, плывущую перед глазами. Бежать? Слабость накатывала холодными волнами. Джад задыхалась, как выброшенная на берег рыба. Ей бы передышку — хоть несколько мгновений... Сосредоточиться, как там, в спальне, призвать силу...

— Конечно, — выдавила Джад. — Иначе зачем бы мне возвращаться?

Она попыталась было отвести взгляд — не вышло. Тиаран держал её невидимой удавкой, и стоило дернуться — петля затягивалась туже. Да что ему нужно? Посреди королевского дворца, под окнами у короля... Что он творит? И зачем?

— О да, — мягко сказал Тиаран. — Для Акаланте огромная удача, что вы вернулись, госпожа избранная. Признаться, я был восхищен вашей стойкостью...

Он еще что-то говорил, плетя сеть словами, движениями холеных белых рук, уверенным тяжелым взглядом и плавными колыханиями яркой туники. Джад из последних сил скидывала с себя липкую тошнотворную одурь, но та наползала снова и снова, туманила остатки сознания, обволакивала...

— Пре-кра-тите... — выдавила она, не падая лишь потому, что вода держала.

Ладонь, слепо скользящая по поясу, не находила рукоять ножа. Джад еще смутно помнила, что должна почувствовать пальцами и ладонью другую рукоять, упругую, горячую, рождающуюся изнутри, но забыла, как это сделать. Она все забыла, даже, кажется, как дышать... самой... Грудь поднялась и опустилась в чужом, навязанном извне ритме, в

виски и уши бил тяжелый гул прибоя — откуда бы в глубине взяться прибою — но тут ладонь все-таки наткнулась на что-то... стиснула... сжала...

Обиженный визг врезался в сознание, распарывая липкую серую пелену. Следом пришла боль — резкая, острая, настоящая! Одна только боль и была настоящей среди тяжелого марева, в котором тонула Джад, и она жадно ухватилась за эту боль, вспоминая заново, как дышать — самой. Думать — самой. Со-про-ти-вля-яться...

ГЛАВА 6. Между судьбой и свободой

— Джи! Джиад!

Кто-то звал её, голос был знакомый и вроде бы неприятный, но, главное, он не был зовом, и Джиад ухватила за него тоже, упрямо выныривая, выкарабкиваясь, добавляя к осязанию слух, а затем и зрение.

— Джиад!

Алестар смотрел на неё сверху и сбоку, его лицо плыло перед глазами, и выражения было не разобрать, но в голосе звенел испуг, и Джиад, как пьяная, протянула руку, нащупала пальцами плечо принца, белое посреди отступающего серого марева, сжала тонкую ткань...

— Джиад! Да что здесь происходит, Тиаран?!

— О, боюсь, это моя невольная вина, — отозвался другой голос, мягкий, сочувствующий, обволакивающий...

— А-ле-стар... — выдохнула Джиад, впервые радуясь появлению рыжей заразы рядом.

— У тебя кровь на руке, — отозвался принц, держа ее за плечи. — Тиаран, позовите целителей. И я хочу знать, что случилось.

Голос у него был скорее злой, чем испуганный, но дрожали в нем нотки страха, еще как дрожали, и Джиад различала их даже сквозь навалившееся оцепенение.

— Не надо... целителей... — попросила она, поднимая к глазам и вправду раненую ладонь. — Все хорошо... Просто укус...

Жи, тихонько попискивая, лез в руки, виновато тыкался носом, и Джиад вяло подумала, что надо бы убрать рыбеньша — нечего ему чуют запах крови, да еще той, которую он сам пустил. А потом вспомнила боль...

— Не трогай, — сказала, едва шевеля губами, хмурящемуся Алестару. — Он не виноват...

Язык не слушался, в глазах все еще темнело, но уже было понятно, почему она так странно видит рыжего — принц склонился над Джиад, придерживая её за плечи. И было почти спокойно...

— Мне так жаль, — голос вползал в уши змеей, тек медом, плыл легкой струйкой дыма — нет, воды... — Это моя вина, тир-на Алестар... Я не подумал, что госпоже избранной вспомнится зов. Мы разговаривали втроем: амо-на Герлас, каи-на Джиад и ваш покорный слуга. Когда амо-на Герлас покинул нас, госпоже избранной стало... нехорошо...

— И при чем тут зов? — хмуро поинтересовался Алестар, подставляя Джаида плечо, на которое ей пришлось опереться, чтобы сесть.

— Наша память, мой принц, хранит гораздо больше, чем мы думаем, — сказал Тиаран с таким искренним сожалением, что Джаид едва не стошнило. — Память госпожи избранной скрыла от неё зов, чтобы дать душе залечить раны, но мой вид, голос... Они послужили камнем, который упал в омут памяти и взбаламутил ее. Мне так жаль...

Он все говорил верно, Джаид понимала это. И, кажется, искренне переживал... Действительно, просто воспоминание о зове, едва не убившем её. И жрец, пожалуй, не виноват, они ведь просто разговаривали...

Джаид снова глянула на ладонь, так и сочащуюся кровью. Она искала рукоять клинка и схватилась за... Жи. Сделала больно, и рыбеныш тяпнул за руку. Память возвращалась медленно, Джаид вытаскивала ее осторожно и терпеливо. Боль... она дала ей несколько мгновений передышки, вернула в сознание. Если бы не эта боль...

Она вспомнила. Она уже дышала по чужой воле. И пальцем шевельнуть не могла. И думать. И если бы не Жи и так вовремя появившийся Алестар...

Джаид глубоко вздохнула, сбрасывая с мыслей остатки почти ощутимой сети. Подняла голову и посмотрела поверх плеча Алестара в полные сочувствия глаза жреца. Улыбнулась.

— Ничего страшного, амо-на Тиаран. Вы правы, память хранит многое. Но это верно, я думаю. Ваше высочество, мне уже... лучше...

— С вашего позволения, тир-на Алестар, я вас оставлю. Госпожа избранная, мои самые искренние извинения.

— Не стоит, — откликнулась Джаид, глубоко дыша. — Благодарю вас, амо-на Тиаран.

— За что?

В голосе жреца слышался лишь легкий вежливый интерес, и Джаид усмехнулась:

— За встречу, знакомство и урок.

Она окончательно высвободилась из объятий принца — к явному неудовольствию последнего — села на плитку дворика, глядя вслед удаляющемуся хвосту жреца. Протянув руку, погладила Жи, трущегося носом о её колено.

— И почему у меня чувство, что я опять знаю меньше всех? — хмуро спросил Алестар, расстилая рядом по плитам роскошный хвостовой плавник. — Джаид, что случилось?

— Ничего, — бесстрастно ответила она. — Вы же слышали. Мне

просто стало... нехорошо. Ничего удивительного, я и правда едва не умерла от зова.

— Тиаран выполнял приказ отца, — помолчав, тихо сказал Алестар. — Я даже не вправе винить его за это. Прости...

— Не просите прощения за то, в чем не виноваты, — посоветовала Джаад. — Зов — это уж точно не ваша вина.

— Значит, только зов, да? — прищурился Алестар. — А этот паршивец тебя случайно укусил?

Паршивец крутился вокруг, работая хвостом, как мельница — крыльями. Джаад снова протянула руку, почесала немедленно ткнувшийся в нее нос. Наверное, надо было рассказать Алестару. Но что? А если она ошибается и все действительно так, как говорит Тиаран? Память иногда играет жестокие шутки, особенно, если это память о боли и страхе.

— Я пришла в себя от укуса, — с неохотой выговорила она. — Если бы не Жи, все было бы... сквернее.

«Гораздо сквернее, — подсказывал гаденький тошнотворный страх, лишь теперь поднимающий внутри голову. — Потому что нет ничего хуже, чем потерять себя».

— Тогда не буду отрывать ему хвост, — вымученно пошутил Алестар, тоже почесывая малька, радостно извивающегося от такого двойного счастья. — Ты... точно в порядке? Я чувствовал...

— Что? — осторожно поинтересовалась Джаад, незаметно убирая пальцы со спины Жи, чтобы не встретиться с рукой Алестара.

— Что тебе плохо, — просто ответил принц. — Так... не больно, а просто очень плохо... Может, все-таки позвать Невиса? И что ты там говорила Тиарану про урок?

Внимательный... Джаад снова подумала, не поделиться ли подозрениями. Ведь про урок она сказала единственно затем, чтобы увидеть, как отзовется жрец Троих. Никак не отозвался — просто вежливо поклонился и уплыл. А урок и вправду вышел хорошим, но за него стоит поблагодарить обоих, и жреца Троих, и служителя Глубинных. Да, она должна по-прежнему верить в Малкависа, но нельзя забывать, что это совсем чужая земля. То есть вода... Со своей силой, своими секретами и магией. А она, дура самоуверенная, расхвасталась и получила по носу, как... рыбеныш. Без которого все и вправду могло бы обернуться куда хуже.

— Мы беседовали о богах, — бесстрастно отозвалась Джаад, отталкиваясь от плиток и всплывая выше. — Это было очень интересно. Если позволите, я бы отвела Жи домой. Хватит с нас прогулок.

— Все время забываю, что ты жрица.

В дворцовом коридоре, благо тот был достаточно широк, Алестар плыл рядом, время от времени поглядывая на нее задумчиво и как-то осторожно. Потом, наконец, решился:

— Злишься за вчерашнее?

Джиад пожала плечами.

— Нет, ваше высочество. А вы?

— Нет, — буркнул Алестар, и, немного помолчав, добавил:

— Немного злюсь. Вот знаю, что ты права, а все равно... Ладно, забудь. Хочешь посмотреть город? Не сверху, а по-настоящему...

Лицо его застыло от внутреннего напряжения, и Джиад невольно оценила, каких усилий принцу стоило и признание, и предложение. Алестар изо всех сил делал вид, что занят только Жи, который гонялся за его хвостом, и Джиад решила.

— Хочу, — призналась она, подплывая к их покоям. — Только... без этого зверя, ладно?

— Само собой, — выдохнул принц, хватая в охапку не ожидающего такого коварства рыбеныша. — Подожди, я мигом!

Скрывшись за дверью с возмущенно вопящим Жи, он и вправду вернулся почти сразу. Перебросил на спину косу, наспех перехваченную золотым кольцом-заколкой, поправил простую темную тунику.

— Салту бы оставить, — протянул задумчиво. — Но как ты поплывешь тогда?

Про салту Джиад вскоре поняла. Оказалось, в городе иреназе плавают без своих верховых зверей или оставляют их наверху, спускаясь к лавкам, открытым галереям и просто домам. Джиад во все глаза глядела на маленькие площади, окруженные жилищами иреназе. Что это жилища, она поняла только по круглым окнам, врезанным прямо в плоские или слегка выпуклые крыши. Окна были то ли стеклянные, то ли слюдяные, за многими светилась туарра.

— А во дворце стекол нет, — сказала она немного растерянно, приглядевшись к странным постройкам.

— Во дворце вода теплее, — объяснил Алестар. — Он построен на горячих источниках. Часть воды идет по трубам, но часть проточная, так что через окна она меняется. А в городе нужно беречь тепло. На каждые несколько домов — труба с горячей водой, она и жилища греет, и еду. Ну что, в сады или на рынок? А хочешь — храмы посмотрим.

— Нет, — слишком быстро, пожалуй, отозвалась Джиад. — Храмы... не сегодня. Можно на рынок?

Алестар глянул на нее внимательно и кивнул, разворачивая салту. Джад с опозданием и некоторым смущением вспомнила, что на рынке придется только глазеть, — единственную монету она оставила на Арене, о чем, конечно, нисколько не жалела. Вдруг и правда тезка её рыбеньша окажет милость рыжему конюшонку?

Они уже спускались к огромной площади, исчерченной хорошо видимыми сверху рядами каменных столов. Скамей не было: зачем они там, где никто не сидит? Только столы да коробка с товарами — тоже каменные.

Алестар соскользнул с салту, обернулся к охранникам, бросив что-то вполголоса. Кари, молча кивнув, принял повод его зверя, потянулся за поводом салту Джад и брата. Дару так же молча покинул седло.

— Идем, — нетерпеливо позвал Алестар, подавая ей руку. — И смотри, не отказывайся от подарков — это не принято. Подарить что-то избранной перед свадьбой — к удаче...

А вот этого Джад не ожидала. И знай о таком — носа бы не сунула на рынок. Она же не настоящая избранная! Нельзя так обманывать! Но было поздно. Алестар потянул её за собой, опускаясь к рядам, и Джад окунулась в круговерт блестящих хвостов, заплетенных и струящихся в воде волос, ярких туник и вездесущих водорослей, среди которых сновали мелкие рыбешки.

«Как мухи на базаре», — подумала она, отмахиваясь от рыбьей мелюзги. Рыбешки действительно вились над прилавками со снедью, причем торговцы этому вовсе не препятствовали. Напротив, один из них, как заметила Джад, размашистым жестом сгреб серебристую россыпь над столом соседа, перегнав на свой.

— Зачем ему эта мелочь? — не утерпела Джад, украдкой кивая на прилавков, мимо которого они как раз плыли.

— Это симсарель, — отозвался рыжий. — Она ест только самую свежую еду. Если над столом полно симсарели, значит, рыба поймана сегодня утром. О, а вот и курапаро...

Он протянул руку к очередному лотку, бесцеремонно прихватив с него плоскую толстую лепешку величиной с тарелку. Торговец — коротко стриженный пожилой иреназе — только разулыбался, низко кланяясь рыжему.

— А что, платить здесь не принято? — сдержанно поинтересовалась Джад.

— Да кто же у меня возьмет? — хмыкнул принц. — Думаешь, мне жалко? Подержи-ка.

Он сунул ей в руки сочную лепешку, сочащуюся зеленой слизью из надлома, повернулся к прилавку, выудил из кошелька на поясе монетку...

И Джад сама смогла убедиться, как акалантцы относятся к своему принцу. Торговец оскорбился! Он воздел руки к небесам, то есть туда, где они должны были находиться, совсем как купец на родном арубском базаре. Он призвал Троиш в свидетели, что никогда ничем даже в мыслях не оскорбил благословенную богами королевскую семью, так за что же тир-на Алестар так обижает его! И видят Трое, и даже глубинные увидели бы, но пусть лучше спят, что у него свежайший товар во всем городе, так что если благородный тир-на и его прекрасная избранная не отведают хоть чего-нибудь еще, ему только на скалы броситься от позора...

— Видишь? — мрачно спросил Алестар, когда они отплыли от прилавка с полными руками всякой снеди. — И так всегда... Дару, заberi. Нет, это оставь, пожалуй. Попробуй, Джи.

Он протянул тонкий длинный прутик с уже знакомыми прозрачными кусочками маару вперемешку с ломтиками синеватого мяса и такими же зелеными лепешками, только маленькими.

Джад осторожно надкусила. Мякоть курапаро оказалась сочной, приятно-кисловатой и тугой, напоминая виноград...

— Вкусно, — сказала она, обдирая с прутика лепешечки. — Во дворце такого не подавали.

— Это не дворцовая еда, — хмыкнул Алестар сожалеюще. — Курапаро... он для тех, кто победнее. А мне нравится.

Про себя Джад подумала, что лучше бы там не кормили изысканными лакомствами вроде чьих-то глаз, а рыжий уже тащил её дальше, к рядам с гарпунами и сетями, одеждой, посудой и оружием. Джад рассматривала длинные низки жемчуга, кожаные и тонкие туники, богато украшенные и совсем простые пояса. У очередного прилавка её поймали за край рубахи, кланяясь и умоляюще протягивая красивую шкатулку, выложенную перламутром.

— Бери, — уголком рта прошипел рыжий, милостиво кивая торговцу. — И не вздумай деньги...

— Благодарю, — поклонилась Джад, обеими руками принимая подарок. — Да благословят вас боги.

Благословение, в отличие от денег, торговец принял с радостью. И пока они плыли по рынку, только немалый опыт принца помог не оказаться нагруженными, как пара караванных верблюдов. Алестар как-то определял на глаз тех, кто готов был всучить им полприлавка, умело уклоняясь и лавируя между рядами. И все-таки Джад достался набор фигурных

бутылочек в коробке из толстой кожи, бусы из красивых ракушек, вышитый жемчугом широкий пояс и книга. Ничем иным тонкие жестяные таблички с выбитыми значками быть вроде не могли.

А еще им улыбались, кланялись, желали счастья, здоровья и многочисленного потомства — как яиц у маару. От последнего пожелания Джиад едва не поперхнулась вкусным, несмотря на подозрительный цвет, мясом с прутика, а любезная улыбка Алестара на пару мгновений стала больше похожа на оскал.

— Ну, посмотрела? — выдохнул рыжий, помогая ей выбраться из водоворота счастливых лицезрением наследника подданных.

Джиад прижимала к себе подарки, не представляя, куда их можно сунуть, если сейчас придется снова править салту.

— У седла сумка есть. Давай...

Алестар махнул рукой, подзывая плывущего поверху Кари, и подал пример, сунув свои дары в кожаный мешок на боку зверя.

— Раз в храм ты не хочешь...

— Ваше высочество, — сказал Кари, отдавая ей повод салту и помогая сгрузить подарки. — Только что приплывал гонец. Каи-на Иратель просит о встрече, как только вам будет угодно.

* * *

Увидеть Алестара вместе с Джиад Иратель явно не рассчитывал. Почти ничем не выказав неудовольствия, разве что губы на мгновение сжались в узкую линию, начальник охраны поклонился жрице так же почтительно, как и самому принцу, осведомился о здоровье и делах и лишь затем очень вежливо поинтересовался, не уделит ли ему тир-на Алестар время для личной беседы?

Алестар и сам уже понял, что зря привел Джиад с собой, но теперь просить её уплыть было неловко. Однако жрица, нисколько не обидевшись, кивнула:

— Разумеется, господин Иратель. Позвольте вас оставить. Только мне бы тоже хотелось как-нибудь побеседовать с вами.

— Так, — решительно сказал Алестар. — Не знаю, что это за тайны, но не собираюсь опять узнавать о них последним. Джиад, рассказывай при мне.

Ох, как не понравился ему быстрый обмен взглядами между жрицей и Ирательем. Но Джиад тут же пожала плечами, снова опускаясь на кушетку у стены.

— Собственно, я лишь хотела спросить у каи-на Ирателя, — сказала

она ровно, — кто такие спящие до конца мира?

— Это... — Иратель на мгновение осекся. — Мне, в свою очередь, хотелось бы узнать, где вы слышали эти слова. И от кого.

— Конечно, — кивнула Джад. — Я слышала их от сирен. Они были не слишком-то разговорчивы, да и говорили очень странно, но между собой парой слов обменялись. А я тянула время и спросила, зачем им принц. Один из них сказал...

Джад прикрыла глаза и старательно, как ученица наставнику, повторила:

— Он сказал: «Иреназе должен умереть. Это приказ спящих. Спящих до конца мира».

— Вот как... — задумчиво протянул Иратель. — Что ж, мы подозревали, что это не простая случайность, но не были уверены. Почему вы не рассказали сразу, госпожа моя?

И снова Алестару не понравился его тон, вроде бы вежливый, но очень уж мягкий, прямо как хорошая рыболовная сеть.

— Сначала я забыла, — просто сказала Джад. — Да и не было желания с кем-либо здесь откровенничать. А потом не представилось случая. Это важно, господин Иратель? И не соблаговолите ли ответить и на мой вопрос?

Что ж, у нее голос был не менее любезным и мягким, так что Алестар решил в кои-то веки попридержать язык и не кидаться с непрошеной защитой. А подумать лучше о том, что многовато вокруг странностей, взять хоть утреннюю, где были два жреца. И один из них как раз...

— Так иногда называют глубинных богов, — суховато, но вежливо ответил Иратель прямо-таки на его мысли. — Сирены поклоняются им, но есть и иреназе, которые считают глубинных... своими покровителями.

— Что за бред? — вырвалось у Джад.

— Еще какой, — кивнул Иратель. — Весьма опасный бред, который никак не удастся искоренить. Служители спящих — так они себя зовут. И не гнушаются ничем: от клятвопреступления до убийства. Госпожа избранная, вы очень разумная... девушка. И достаточно опытни в определенных делах как страж. Не вам объяснять, что тайные вероучения — это... серьезно. Так что если вы когда-нибудь от кого-нибудь услышите упоминание спящих, я надеюсь на ваше благоразумие и осторожность.

— Я поняла, — спокойно отозвалась Джад, чуть подаваясь вперед и сцепляя пальцы на колене. — Но если я не смогу обратиться к вам сразу, кому еще можно довериться?

Начальник охраны задумался. И это уже говорило о том, что в королевстве творится неладное. Нет, Алестар знал о ненормальных, всерьез считающих себя избранниками глубинных богов, но даже предположить, что они перешли от просто глупостей к опасным глупостям? А ведь Иратель именно так и думает!

— Охрана принца, — уронил Иратель. — Полагаю, они достаточно надежны.

— Охрана принца, — очень тихо и почти бесцветно сказала Джад, — вывела его на сирен. И готова была погибнуть рядом с ним, я помню, но как раз это ничего не доказывает. Если уж мы говорим о поклонниках темных богов.

— Ты с ума сошла!

Алестар взвился под потолок, неверяще уставившись на жрицу.

— Ты... Ты же была там! Ты приняла от Дару нож! Ела и пила с ними потом! Как ты... можешь?

Иратель, на которого он перевел возмущенный взгляд, будто призывая в свидетели, молчал. И так смотрел на Джад... Да если бы Алестар увидел такой взгляд у кого другого и по иному поводу, он бы с ума сошел от ревности.

— Я доверю им собственную жизнь, — так же бесстрастно сказала жрица. — И прошу прощения у Малкависа и у них за свои мысли и слова. Но жизнь охраняемого страж не доверяет никому. В этом деле нет ни друзей, ни родни, ни любви. Вы просто не знаете, ваше высочество, на что способны те, кто искренне служит своим богам. И неважно, что это глубинные боги. То есть важно, от этого все только гораздо хуже.

— Я понял, госпожа моя, — так же тяжело уронил Иратель. — Если что... пошлите за мной кого угодно. Весь Акаланте, от Совета Двенадцати до уличных мусорщиков знает, что любые известия для меня следует передавать немедленно и точно.

Джад молча кивнула, поднимаясь.

— Ты куда? — спросил Алестар угрюмо. — Нет уж, сиди. Иратель, говорите при ней. Если оказалось, что я не могу верить собственной охране, то чем она хуже них?

— При охране я бы тоже ничего не обсуждал, — хмыкнул Иратель, устало растирая виски пальцами. — Но... вы правы, ваше высочество. Как ни странно, я и вправду сейчас скорее доверюсь человеку. Тем более, что госпожа Джад уже достаточно доказала свою... непричастность.

— И увязла во всем этом по уши, — бросил Алестар. — А по-вашему, Иратель, я и вам доверять не должен. Или уж точно меньше, чем

ей. От сирен-то меня спасла она. Если считать еще и запечатление, от которого я едва не умер, то я дважды должен Джиад свою жизнь.

— Тогда уж трижды, — вздохнул Иратель. — Если еще и Дыхание Бездны добавить. Не смотрите на меня так, ваше высочество. Или вы... не знали?

— Не знал — что? — выдохнул Алестар, стремительно оборачиваясь на скромно сидящую на кушетке жрицу, ответившую ему очередным пожатием плеч.

— Что это ваша избранная отогнала его своей жреческой магией. Точнее, перетянула на себя, — раздался из-за спины спокойный, почти скучающий голос Ирателя. — Вижу, не знали. Мои извинения...

— Да я вообще хоть что-нибудь знал? — рявкнул Алестар. — Карианд, гарната, жрецы эти, сирены... Иратель!

Задыхаясь от возмущения и почему-то нестерпимого стыда, он повернулся к Ирателью, замершему у стены. Вода в комнате будто сгустилась, и Алестар задрожал, как от холода. Сглотнув комок в горле, он выдавил, едва слыша свой голос и пытаясь удержаться на краю раскаленной бездны ярости, которая не грела, но жгла изнутри:

— Не смейте от меня больше ничего скрывать. Ничего, слышите? Да, я натворил глупостей. Да, я не лучший наследник своего отца. Но уж какой есть. И случись что — это мне придется принимать Сердце Моря. А если это что-то случится из-за вашего молчания...

Иратель молча и глубоко поклонился, на несколько тягучих мгновений застыв в поклоне, потом осторожно выпрямился.

— О чем вы хотели поговорить? — спросил Алестар, усмиряя бушующий внутри шторм.

— О многом, — бесстрастно отозвался начальник охраны. — Но теперь это приобретает несколько... иной смысл, и я прошу у вашего высочества отсрочки с докладом.

— Иратель...

— Больше не будет секретов, тир-на Алестар. Но мне и в самом деле нужно многое... пересмотреть. Именно потому, что вы хотите все знать.

Как будто раньше он не хотел. Но Иратель снова сжал губы, показывая, что не уступит, и Алестар кивнул. Пусть так. Он устал, будто скалу сдвинул. И, кивнув, — даже сил не было на этикетные прощания — поплыл к выходу.

* * *

От Ирателя они выплывали в полном молчании. Рыжий хмурился

так, что брови едва не сошлись на переносице, а на скулах играли желваки. Сейчас он казался гораздо старше, чем при их первой встрече, да и вообще изменился за время болезни. Лицо похудело, осунулось, в глазах появилась и не исчезала настороженность. Он даже двигался иначе, более резко и неуверенно. И постоянно бросал короткие взгляды на Джаад, когда думал, что она не видит.

Сейчас, впрочем, взглядов не было. Принц размышлял о чем-то своем и наверняка неприятном. Оно и понятно: услышанного от начальника охраны вполне хватало для тяжелых мыслей. Джаад, конечно, с разговорами лезть не собиралась. Не её это дело — интриги подводных королей. Вот если бы еще короли с этим согласились и не впутывали её...

Послушно следуя за принцем, она выплыла во двор, где в хвост Алестару немедленно пристроились близнецы. Джаад они приветливо кивнули, и подумалось, что вот кого еще можно расспросить. Охрана всегда много знает, и подумать у нее время есть.

А рыжий свернул не во дворец, как ожидала Джаад, но к выходу из него. Вот же неугомонный. Правда, уже седлая салту, соизволил обернуться и хмуро поинтересоваться:

— Ты как, сильно устала? Хочешь — вернемся...

— Не очень, — откликнулась Джаад. — Если ваше высочество желает еще погулять, я — с удовольствием.

Не рассказывать же, что она могла бы бежать несколько часов с утяжеляющими браслетами на руках и ногах. Или тащить взрослого человека... А уж поплавать по городу в седле огромного рыбозверя и посидеть на диванчике во время разговора — невелик труд. Но это бы, конечно, прозвучало хвастовством.

Принц решительно и так же хмуро кивнул. Сам поправил её седло, подтянув ремешок, дождался, пока Джаад возьмет в руки лоур, и лишь тогда обернулся к охране.

— Выплывем из города — отстаньте немного. Никуда не денусь, обещаю. Но чтобы нас не слушали.

Близнецы так же слаженно склонили головы. И действительно отстали, стоило миновать красивую каменную арку, покрытую сложной резьбой. Странно, кстати, зачем арка под водой? Ладно — на суше, там все ходят и ездят по дорогам, но ведь в море дорог нет, ту же арку можно миновать хоть сбоку, хоть сверху. Может, дело просто в красоте? И в том, что глазу надо за что-то цепляться, чтоб город и на морском дне выглядел городом, а не скопищем жилищ? В традициях дело, в упорядоченности, к которой стремятся все разумные существа.

За размышлениями Джад не особо замечала, куда они плывут. Вода везде одинакова, и скалы кажутся похожими. Да, поднялись выше, потому что стало заметно светлее и даже теплее вроде бы. Раньше она не улавливала таких тонких, еле заметных изменений света и тепла, но после дворцовых коридоров, темных и прохладных, чувства обострились, жадно ловя каждую маленькую побрякушку. И потому она не заметила... А поняв, где оказались, невольно хлопнула салту лоуром, как натянула бы повод коня.

Алестар остановил своего зверя рядом, обернулся на замершую немного позади охрану, убедившись, что те ничего не слышат. На Джад он не смотрел, зато уперся взглядом в темный каменный столб-скалу. Вокруг, на песочном дне, все так же росли кустики водорослей и валялись камни, металась стайка рыбок, солнечные лучи просвечивали воду, и зеленый мох казался бархатно-мягким, да и был таким... Все было тихо, спокойно, красиво...

У Джад перехватило дыхание. Если присмотреться, можно даже найти взглядом ту ветку, за которую зацепился перстень Аусдрангов. Если присмотреться...

— Поговорить надо, — уронил рыжий, цепляя лоур на крючок у седла.

— Здесь? — выдохнула она, не понимая, что это: полная дурость, изоощренное издевательство или все-таки расчет.

— Здесь, — подтвердил Алестар, чуть разворачивая зверя и пуская его вперед, чтобы оказаться к Джад лицом и совсем близко.

Салту терлись носами и боками, покачивались в воде, будто ловя растворенное в ней солнце спинами. И до поверхности было совсем недалеко, а там и берег... Что он опять задумал, хвостатое отродье?

— У тебя такое лицо, будто ты мне еще раз хочешь врезать, — невесело усмехнулся Алестар. — Если нужно — давай. Уклоняться не буду. И охрана поймет, я думаю.

— Обойдусь, — процедила она, едва разжимая зубы.

Дать придурку по морде и правда хотелось нестерпимо, но не такой уж он и придурок, если все понимает, но зачем-то притащил сюда.

— Сейчас уплывем, — пообещал Алестар с неожиданной серьезностью. — Прости. Но раз уж здесь все началось, то здесь я и сказать должен. Во дворце ты прячешься. Уходишь в себя, как в раковину. Всегда вежливая, всегда спокойная, всегда рассудительная... Лучше бы ты кричала. Или еще раз — по челюсти. Да что угодно, только не смотрела бы на меня так. Будто у тебя гарпун в руке, а ударить нельзя. И до того жалко,

что нельзя...

Джиад, не выдержав, фыркнула. Нет, не совсем придурок. Но зачем тогда?

— Бить не будешь? — снова усмехнулся Алестар одними губами. — Значит, слушай. У нас осталось всего-то недели две. Потом приплывет эта... чудо кариандское. И мне придется быть с ней. Знакомиться, знакомить её со двором, узнавать... ближе... Нет, не в постели... Она ведь ожидает запечатления, вот я и буду разыгрывать галантного жениха, пока жрецы не разорвут... И знаешь, я ведь это сделаю. Мне её заранее возненавидеть хочется — а придется улыбаться. И так, чтоб поверила, если не дура. Особенно, если не дура...

— Мне вас пожалеть, ваше высочество? — зло поинтересовалась Джиад, и вправду раздумывая, кинется ли охрана их разнимать в случае чего.

— Не надо. Тоже... обойдусь. А вот её, наверное, стоит. Она ведь все узнает: и про Кассию, и про тебя. И тоже будет... улыбаться. Знать, что её выбрали, как племенного салту, за кровь и выучку. Ну, и мордашку миленькую... И ждать запечатления, ага. Вместе будем ждать. А потом жить долго и счастливо. Как в сказке.

Он уже не говорил — выплевывал слова, задрав голову и смотря не на Джиад, а наверх, туда, откуда лился бирюзовый солнечный свет. И непонятно было, что сказать ему сейчас, вот такому. Выдернутому из тепла всеобщей любви, в первый раз осознавшему, что родиться принцем недостаточно. Что это не удача, а совсем даже наоборот...

— Я сегодня плыл по рынку, — помолчав, снова заговорил Алестар, — и смотрел на них на всех. Слухи плавают... Слухи всегда плавают, это понятно. Из-за меня погибла Кас. Из-за моего желания быть первым, взять этот проклятый приз, еще раз всем доказать, что я лучший... А все говорят, что это боги меня уберегли. И сохранили. Для Акаланте, понимаешь? И тебя, кстати, тоже боги привели в море. Ты не знала? Ну да, чтобы спасти меня от сирен. Боги любят Акаланте. И мою семью тоже... А если с этой... Маритэль... что-то случится... Мне и это простят? Что угодно, лишь бы я остался жив? Да кому я нужен — ты правильно тогда сказала! Нужен наследник, а потом и король. Который сделает еще одного наследника, а лучше двух-трех. И Акаланте будет жить! И...

Он задохнулся, еще сильнее запрокинув голову вверх, всхлипнул, поднял ладонь ко рту. Всхлип перешел в смешок. Убрав руку, Алестар опустил голову, глянул на Джиад тоскливо.

— И это правильно, понимаешь? Они правы. Город должен жить, а я

не могу подвести всех еще раз. Для этого я родился, поэтому меня и любят. И так уже однажды взбрыкнул, как дурной салту, — до сих пор за мной воду чистят.

Джиад молчала. Что тут можно было сказать-то? Что Алестар прав, как правы и все акалантцы? Что это судьба правителя — жить так, как положено? Не худшая судьба, кстати. Всем приходится чем-то жертвовать, боги не дают даром ни власти, ни счастья. И выбирать между ними приходится почти всегда.

— Молчишь, — устало сказала Алестар. — Ну и правильно. Сам все знаю. Просто хотел сказать... Я уже просил прощения — толку-то. И за две недели уж точно ничего не исправить. Да и зачем? Ты уплывешь... к нему. Нет, пожалуйста, помолчи еще. Пока ты молчишь, я хоть на что-то могу надеяться. Не простишь — это понятно. А я не знаю, как объяснить... Я бы что угодно отдал за твое прощение, да только мне и отдавать-то нечего. Без отцовской короны и Акаланте — что я такое? Но у нас еще две недели, слышишь? Я не прошу любви, я ничего не прошу, но позволь мне хоть попробовать... что-то сделать? Чтобы ты... забыла эту проклятую скалу! И все остальное... тоже...

— И что... вы хотите... попробовать? — услышала Джиад свой бесстрастный голос будто со стороны.

— Любить тебя, — просто сказал принц. — Быть рядом, исполнять желания, ласкать... Я ничего не сделаю без разрешения, но разреши мне хоть что-нибудь. Я... узнать тебя хочу. Что тебе нравится, как ты жила, о чем мечтаешь... Джиад, я не о постели прошу. Хотя... Если позволишь, я смогу все исправить...

— Исправить? — выдохнула Джиад, резко откидываясь назад и соскальзывая с салту. — Хорошо, идите сюда!

Она в несколько взмахов руками подплыла к скале, повиснув над тем самым местом. Оглянулась на подплывшего Алестара.

— Исправить, значит... — повторила очень мягко. — Ладно, я согласна. Раздевайтесь.

— Что?

Алестар смотрел недоуменно, он действительно не понимал, даже подумать не мог о таком, и Джиад стало почти весело, только нехорошее это веселье было.

— Раздевайтесь, — снова повторила она, окидывая рыжего внимательным взглядом от наконец-то загоревшихся щек до кончика хвоста. — Правда, нужного органа у меня нет, но что-нибудь придумаю. О, а вот!

Она отцепила от пояса нож Дару с гладкой, отполированной многочисленными прикосновениями рукоятью достаточно подходящей формы. Многозначительно взвесила на ладони, в упор глянула на Алестара. И снова порадовалась, что охрана осталась вдалеке. Пожалуй, при ком-то постороннем на подобную выходку ей бы не хватило бы шальной злости. А вот так, наедине...

Толстые кожаные ножны удобно легли в ладонь, и рукоять торчала вверх нагло и вызывающе.

— Ты...

— Ага, я, — с той же злой, туманящей рассудок веселостью подтвердила Джиад. — А что тут такого? Хотите все исправить — попробуйте, примерьте сами хоть что-нибудь из того, что сделали со мной. Раздевайтесь, ложитесь... Скала та же самая, песок — тоже, и даже зрители не изменились. Говорить легко, ваше высочество. И ласкать — тоже. А вот так — сможете? Вам ведь проще будет, охрана присмотрит, чтобы я ничего лишнего не сотворила. И вас-то им точно никто не отдаст, как вы грозились сделать со мной...

— Джиад...

Покрасневшие было щеки принца теперь заливала смертельная бледность. Его было бы жалко, ведь и вправду хотел все исправить, загладить вину, но Джиад устала жалеть. Слишком близко был этот проклятый песок и бархатный мох на камнях.

— Джиад, я...

Пальцы его легли на поясную пряжку, но тут же отдернулись, будто обожглись, а по скулам снова поползли красные пятна.

— Джи... — повторил Алестар беспомощно.

Оглянувшись на охрану, снова глянул на неё... Джиад устало вздохнула. Пора было прекращать эту дурость. А то вдруг и вправду ляжет? Ничего подобного она делать, конечно, не собирается, но такого позора ей рыжий точно не простит. Да и просто — довольно уже. Самой противно.

— Ладно, хватит, — сказала она, отводя взгляд. — Я знаю, вы хотели, как лучше. Я верю, правда. И мне жаль, что у вас так сложилось с браком. Но это ваша судьба — беречь и защищать свой народ. Жениться ради этого — еще далеко не самое худшее. И лучше вам забыть про меня, как только можно будет. И постараться, чтоб никто вашей будущей супруге и вправду не напел в уши лишнего — вам с ней жить еще. Королевством править и детей растить.

— Джиад, — повторил Алестар уже почти беззвучно, не отрывая от неё отчаянного, сумасшедшего какого-то взгляда.

— Что Джиад? Нет уж, теперь вы помолчите! — все-таки сорвалась она, радуясь предусмотрительности принца, оставившего охрану вдали. — Я слушала, теперь послушайте вы. Кого вам жалко, принц, себя, меня или Маритэль? Вы уж решите, самое время. Да, я верю, что вы все поняли. И что больше такого не сотворите — тоже верю. И про то, как отпустили меня — помню. Потому и вернулась. Но остальное забыть не могу. Каково было вам даже не почувствовать — представить? А я с этой памятью живу. И с вами разговариваю. И в одной постели сплю. В той самой, между прочим, где...

Она остановилась, сжавшись от накатившей боли и стыда, с усилием разжала стиснувшиеся в кулаки пальцы. Отвела взгляд от полупрозрачного, алеющего скулами лица Алестара. Заговорила снова из чистого упрямства да еще желания покончить с этим раз и навсегда.

— Две недели, говорите? Вот и думайте о том, что будет через две недели. О тех, кто вас убить хочет. О своем отце, которому ваша помощь нужна. О стране, в конце концов. А я... Если вам мое прощение нужно, считайте, что получили. Нельзя всю жизнь наказывать за то, за что вы уже сами себя наказали. Но опять с вами лечь? Да это все равно, что в открытую рану ткнуть...

Она задохнулась, в последний момент проглотив на язык просившееся, злое, что не всякому целителю такое позволишь, а уж самому палачу? Этого Алестар все-таки не заслужил. Уже не заслужил.

— Давайте вернемся, — попросила она тихо, снова смотря на Алестара, опустившего под этим взглядом голову. — И не надо жалеть, поверьте. Из меня все равно плохая возлюбленная. Неудобная. А вас ждет совсем другая жизнь, и теперь вы можете поступать правильно.

— Правильно... — эхом откликнулся Алестар, подаваясь к ней и вдруг отшатываясь назад. — Конечно, так и будет.

Хотел сказать еще что-то, даже рот скривил, но, махнув рукой, отвернулся и вильнул хвостом, оплывая Джиад.

Сверху все так же лился свет, такой близкий и недостижимо далекий. На душе было удивительно тошно, Джиад даже поежилась. Подплывший салту за спиной шевелил хвостом и плавниками, упругая вода передавала это движение невидимыми волнами, мягко толкая в спину. И все действительно было правильно. Она вернется на землю, увидится с Лилайном, может, даже проведет с ним еще немного времени, потом отправится в храм. Это её судьба, которую надо принять с благодарностью. Свобода — это ведь не тогда, когда делаешь, что хочешь.

А рыжий принц освободится от ненужной обоим связи, женится,

успокоится... Если выживет, конечно, и переживет своих врагов. Но это дела подводные, людей они не касаются. Джад — уж точно. Только почему так тошно и мерзко?

ГЛАВА 7. Свадьба Эрувейн

На четвертый день Джиад начала беспокоиться всерьез. Известно ведь: открытый котел кипит шумно, но вреда от этого никакого, зато закрой крышку плотнее, и рано или поздно ее сорвет. Принц был в точности как тот котел, в котором кипело и бурлило непонятно что. Каждый день с раннего утра и до обеда Алестар, как рассказали близнецы, занимался делами. Затем, не появляясь у Джиад, уплывал на Арену и тренировался там до изнеможения, а поздно вечером возвращался и почти без чувств опускался на постель, но не засыпал, а подолгу смотрел в потолок.

Джиад старалась быть незаметной, как и положено стражу, когда он не нужен, но безделье откровенно тяготило. По утрам просыпалась от возни Алестара, но, не подавая виду, ждала, пока тот соберется и уплывет. Потом вставала сама, завтракала и кормила Жи. Выгуляв стремительно растущего рыбеньша, отводила его в комнату, а сама возвращалась во внутренний дворик и отрабатывала связку за связкой. Вечером снова гуляла с Жи, старалась поесть до возвращения Алестара и ложилась, отвернувшись от рыжего, на своей половине. Так тянулись дни, и одиночество было плохо только тем, что в голову лезли мысли о земле, Лилайне, Торвальде. Джиад гнала их, нарочно выбирая самые сложные упражнения, требующие полного внимания, а потом в постели, слушая неровное дыхание Алестара, твердила сутры, пока сознание не растворялось в пустоте.

Но четвертое утро оказалось иным. Проснувшись, рыжий не стал, как обычно, переплестать заново косу и надевать тунику. Вместо этого он повернулся на живот, воспарил над ложем и повел носом совсем по-собачьи.

— Что это с водой?

— Не знаю, — пожала плечами Джиад. — Вы что-то чувствуете?

— Что-то — слабо сказано. Я вчера думал, мне показалось, но...

Лицо принца приобрело восхитительно растерянное выражение. Он даже кончик растрепавшейся косы подергал в глубокой задумчивости. Затем проплыл по комнате, тщательно ее осматривая, заглянул в клетку Жи — пустую, рыбеньш упорно не хотел в ней ночевать, поднимая шум, — и осмотрел кровать.

— Да что такое? — Джиад искренне недоумевала, отчего так брезгливо морщится иреназе.

— Ты человек, тебе не понять, — бросил Алестар, разминая в пальцах покрывало.

Наклонившись к ложу, он вдруг ухватил его край и немного приподнял. Джиад впервые заметила, что кровать не сплошь деревянная, а заканчивается кожаной шторкой, под которую сейчас сунул руку, а потом и голову Алестар.

— Та-ак... — протянул принц. — Ах ты отродье глубинных!

Почти целиком просунувшись под ложе, он вынырнул из-под него, фыркая, отплевываясь, и что-то бросил на пол.

— Полюбуйся!

Любоваться было нечем — огромный гниющий краб выглядел весьма противно.

— Откуда? — растерянно спросила Джиад, уже подозревая ответ.

— А то непонятно? — фыркнул Алестар, снова заползая под кровать и выпихивая оттуда несколько крупных рыбьих костей, кусок кожи, обмытую водой деревяшку, какие-то веревки...

— Жи... — простонала Джиад.

Виновник крутился вокруг разоренной сокровищницы, то хватая что-то и пытаясь утащить назад, то закапываясь в складки покрывала.

— Кажется, все, — донеслось из-под кровати. — Нет, еще...

Выбравшись, Алестар с обескураженным видом покрутил в руках что-то длинное, белое.

— Это что за дрянь? — спросил он изумленно. — Первый раз вижу.

И неудивительно. Приглядевшись к находке принца, Джиад не знала, плакать или смеяться, но охотно верила, что наследнику подводного королевства никогда в жизни не попадалась такая добыча.

— Копыто, — выдавила она, только прославленной выучкой арубских стражей сохраняя подобие серьезности, и сообщила зачем-то: — Коровье...

— Что такое копыто?

Небрежным взмахом хвоста Алестар отогнал Жи, пытающегося утянуть обрывок спутанной сети.

— Ну... нога... Коровья, — поспешно уточнила Джиад, стоило принцу в неподдельном ужасе покоситься на её ноги, будто сравнивая. — Корова — это такое животное. Большое... Вроде лошади...

Что такое лошадь, принц, видимо, знал, потому что лицо его понимающе просветлело, но тут же вновь омрачилось.

— И что эта... корова делает под кроватью? — ехидно поинтересовался он то ли у Джиад, то ли у самого копыта, то ли у

мечущегося вокруг Жи. — Они же вроде бы не плавают? В наших водах так уж точно. Ладно, краб, но где можно было взять это? Я кого спрашиваю, морда наглая?

Все-таки он обращался к Жи. Тот усердно завилял хвостом, приняв столь невинный вид, что Джаад бы поверила, не будь уже знакома с повадками паршивца.

— А где остальное? — с язвительным весельем допрашивал наследник иреназе рыбеныша. — Сколько у этой... коровы... ног?

— Четыре, — послушно откликнулась вместо салру Джаад, стгорая со стыда. — Но я, правда, не знаю, когда он это все натащил и откуда.

— И я, — неожиданно согласился рыжий. — Зато теперь я понимаю, почему Иратель не может никого поймать. Если в моей собственной спальне творится такое!

О том, что это, вообще-то, её спальня, Джаад благоразумно промолчала. Рыжий, внимательно рассмотрев здоровенный коровий мосол с копытом, швырнул его в кучу изъятых ценностей, возвел глаза к потолку и вдруг цапнул неосторожно подкравшегося к мослу Жи. Стиснув морду возмущенно вякнувшего малька, заставил раскрыть пасть, заглянул в нее и деловито заключил:

— Зубы чешутся. Рановато...

— Как чешутся? — только и спросила Джаад, сама видевшая в пасти Жи треугольные зубы, давно прорезавшиеся и отлично заточенные.

— Обыкновенно, — пожал плечами Алестар. — Второй ряд. Или уже третий... Пока все пять рядов не вылезут, будет грызть.

Отпустив салру, он выразительно глянул на ворох подкроватной гадости, увенчанный мослом.

— Я уберу, — с отчаянием сказала Джаад. — Он же еще маленький...

Рыбеныш, повизгивая, метался вокруг кучи, тыкаясь в нее носом.

— Оставь, — буркнул помрачневший вдруг Алестар. — Краба только пусть выкинут. Ну, и что там еще... гнилое. Они на воле в пещерах прячутся, пока мелкие. Вот и этот логово устроил. Пусть грызет.

Он вильнул хвостом, поднимаясь вверх, оглянулся на Джаад, сидящую на разоренной кровати. Помолчав, сказал отрывисто:

— В середине дня нас ждут на свадьбе. Эрувейн... ты её знаешь. Я скажу наложницам, чтобы тебе помогли одеться и подготовиться.

— Это... обязательно? — осторожно уточнила Джаад, почесывая нос расстроенного Жи, приплывшего за утешением.

— Да. Иначе, можешь не сомневаться, я бы не стал обременять тебя

своим присутствием, — ядовито выплюнул Алестар.

Серебристый веер его хвоста скрылся за дверью. Джад посмотрела на кучу, прикинула, что может сойти за точилку для зубов. Жи, будто поняв её мысли, вцепился в мосол, прижался к нему и даже хвостом обвил, всем видом показывая, что с главной драгоценностью не расстанется ни за что.

— Как же ты все-таки это натаскал? — в полном недоумении пробормотала Джад, принимаясь за разбор кучи.

А в самом деле, как? Утром и вечером Жи плавал с ней во двор, но оттуда подобную гадость не приносил. Сложно было бы не заметить коровье копыто, откуда оно ни возмись под водой. Так что как салру удалось собрать столько игрушек, было решительно непонятно.

Долго предаваться поискам разгадки не позволили. Пара хвостатых красоток, вплывших в комнату, только руками одновременно всплеснула, увидев, чем занята Джад. Госпожа избранная не бережет свои нежные пальцы!

«Нежные пальцы» Джад покорно стерпела. И даже согласилась, чтобы слуги убрали за зверем госпожи избранной, пока её ждут более важные дела. Спешно вызванный молоденький слуга, предупрежденный, чтоб не трогал рыбы кости, деревяшку и копыто, опасливо косился на Жи, а потом вовсе попросил закрыть салру в клетке. Рыбеныш злобно поглядывал на мальчишку, не в силах бросить копыто, чтоб защитить остальные сокровища, но уже теряя терпение. Притом за последние дни он изрядно прибавил в размере и весе, став длиной с пастушескую овчарку, а уж зубам его и вовсе любая собака позавидовала бы, так что слугу Джад понимала.

— Госпожа избранная, — взмолилась одна из иреназе, просительно складывая ладошки перед грудью. — У нас так мало времени...

Вот у неё пальцы и впрямь были красивыми, холеными, а Джад вспомнила мельком брошенную фразу рыжего, что готовить к празднику её будут наложницы. Получается, и в первый раз это была не простая прислуга? Да, Санлия же говорила, что она старшая...

— Скажите, сколько наложниц у его высочества? — не утерпела Джад, стараясь не разглядывать слишком откровенно этих двух и третью, встретившую их в знакомой комнате для ухода за собой.

На человеческий глаз им было не больше лет двадцати, пожалуй, да и то если хорошо присмотреться. Светлоглазые, с округлыми нежными лицами, иреназе порхали вокруг Джад, щебеча совсем как человеческие девицы. У двух, похожих, как две капли воды, соломенного оттенка волосы были убраны в толстые косы, у третьей копна мелких косичек отливала

благородным золотом, а на лице виднелось куда меньше краски, зато очень умело наложенной.

— Шесть, — отозвалась та, что с косичками, осторожно втирая в волосы Джаид скользкую мазь. — Ири-на Санлия — седьмая. Вы хотите увидеть остальных, госпожа избранная?

— Нет, — поспешно сказала Джаид. — Это подождет. Я прошу прощения, что не познакомилась раньше... Можно узнать ваши имена?

— О, это честь для нас, — радостно выдохнула иреназе, и две других согласно закивали. — Я Леавара из семьи каи-на Таруна. А это Мирисса и Мирилла. Они сестры. Ну, вы и сами видите...

— Очень похожи, — вежливо улыбнулась Джаид, невольно краснея, потому что именно сейчас ловкие пальчики Мириссы (или Мириллы?) гуляли там, где она предпочла бы вымыться сама. — Мне, право, неудобно доставлять вам хлопоты... Может, я...

— Никаких хлопот, — с улыбкой заверила Леавара, которая в этой троице явно верховодила. — Санлия велела не докучать вам понапрасну, иначе мы давно бы заглянули поболтать. Какие прекрасные волосы, словно ночное небо... Когда отрастут хотя бы до пояса, вы затмите всех при дворе, каи-на Джаид. Здесь мало у кого такой редкий цвет!

— А кожа! — подхватила то ли Мирисса, то ли Мирилла. — Как темный опал! О госпожа избранная, вам непременно надо носить жемчуг закатного оттенка, пусть его высочество подарит вам именно такой!

— Жемчуг? — презрительно фыркнула Леавара, заплетая волосы Джаид во что-то сложное. — Скажешь тоже! К подобной коже пойдут рубины в золоте, а не жемчуг. Ну, или изумруды, но не темные...

Потом близняшки приволокли ворох длинных туник, споря, какая лучше подойдет. Перемерив полдюжины, Джаид просто отказалась снимать очередную, заявив, что она вполне хороша. Леавара, удовлетворенно оглядев её прическу, метнулась куда-то, вернувшись с ящичком красок, и Джаид про себя возблагодарила Санлию, велевшую не докучать избранной. Каждый день она такого точно не выдержит — уж лучше опять к сиренам.

— Вам понравилось, как я накрасила вас в прошлый раз?

Леавара сияла такой искренней радостью, что Джаид заставила себя улыбнуться и кивнуть, надеясь, что улыбка вышла не слишком кривой. Размазанная по лицу подолом туники краска, бешеные глаза Алестара, а потом... Вспоминать прошлый раз не хотелось. Но и обижать девочку тоже ни к чему.

— Было очень красиво, — почти правдиво ответила Джаид. — Только у нас не принято, чтобы женщины так ярко красились. И столько

украшений носить тоже... не принято. Можно мне этого не делать?

— Совсем? — растерялась Леавара, застывая с кисточкой, которую уже макнула в какую-то баночку. — Это же праздник!

— Но ведь не мой, — мягко возразила Джаад. — Это свадьба госпожи Эрувейн, а я только одна из гостей. Давайте обойдемся?

— Тир-на Алестар будет недоволен, — почти жалобно протянула Леавара. — Он велел, чтобы вы были...

— Чтобы я была что? — еще мягче уточнила Джаад, одергивая нарядную тунику из мягкой золотистой ткани и остро жалея о своей рубашке, не говоря уж о штанах.

— Чтобы вы были довольны! И наряднее всех! — выпалила то ли Мирисса, то ли Мирилла, до этого молча перебивавшая гору украшений в знакомом сундучке.

— Боюсь, это совсем разные вещи, — вздохнула Джаад, опять не зная, злиться или смеяться. — Я скажу принцу, что сама так захотела, хорошо?

— Как пожелаете...

Леавара отложила кисточку, погрузнев так резко и явно, что Джаад заподозрила неладное.

— Я чем-то обидела госпожу Леавару? — шепотом поинтересовалась она у близняшек, когда золотоволосая иреназе, подхватив ненужные кисти с красками, куда-то уплыла.

— Ну... нет... — замялась наложница.

— Да она просто надеялась, что все увидят её работу на вас, — фыркнула вторая, поправляя на запястье Джаад обручальный браслет. — Лера жить не может, чтоб кого-нибудь не причесать и не накрасить. Вот и хочет открыть цирюльню, когда тир-на Алестар отпустит нас. К бывшей наложнице принца приплывут многие, а если еще рассказать, что она красила и заплетала саму избранную... У Леры даже госпожа Санлия иногда красоту наводит, а ведь больше никому не доверяет. Сама и волосы плетет, и снадобья делает. И даже тинкалу варит сама, по-суалански. По мне так слишком сладко, а ей нравится...

— Меньше языком болтай, — хмуро посоветовала вернувшаяся Леавара. — А то распустила длиннее, чем косы.

— Простите, — Джаад виновато глянула на расстроенную иреназе. — Я не хотела испортить вам случай показать работу. Вы прекрасная мастерица, просто у нас и вправду такое не принято.

Она посмотрела на обручальный браслет, кровавыми огоньками переливающийся на запястье. Надо же, следов от драки с сиренами совсем

не видно, браслет как новый. И Леавара права, рубины в золоте на её смуглой арубийской коже смотрятся великолепно. Только вот браслет чужой, а чужое, будь оно каким угодно прекрасным, счастья не приносит. Интересно, будет ли он к лицу Маритэль?

— Простите, — повторила она, и, видя, что Леавара слегка успокоилась, неловко пошутила: — Честное слово, будь это моя свадьба, я бы никому не доверилась, кроме вас.

— Правда? Вы обещаете?

Иреназе просияла, словно Джиад посулила ей невесть что, у неё даже глаза распахнулись, как у ребенка, увидевшего долгожданный подарок.

— Когда будет ваша свадьба с принцем, я смогу вас накрасить и заплести волосы? — уточнила она.

— Я...

Свадьба с рыжим? Они что же, не знают про Маритэль? Или думают, что король изменил решение? И что ответить? Свадьба с принцем — бред какой... Но Леавара даже вперед подалась, заглядывая в лицо растерявшейся Джиад, и снова обижать её не хотелось. Ладно, сама потом все поймет, а Джиад уж точно не соврет, обещая то, что исполниться просто не может.

— Конечно, — кивнула она. — Если такое случится — делайте со мной что угодно, перечить не стану.

Само собой, её в три голоса принялись уверять, что на своей свадьбе госпожа избранная будет самой прекрасной, что его высочество глаз не сможет отвести... Джиад кивала, изнывая от неловкости и мечтая, чтобы все поскорее закончилось. И когда в дверях показалась рыжая шевелюра и привычно хмурое лицо этого самого высочества, она почти обрадовалась.

На миг даже подумалось, что все в порядке и таким останется хоть ненадолго. Подумаешь — свадьба. Чужая же, так что кому какое дело до еще одной гостьи? А она побудет немного рядом с принцем для приличия, потом тихо отпросится и уплывет домой. И, может, вечером они даже поговорят о чем-нибудь, нарушая тягостное молчание последних дней. Да вот хоть бы о том, где и как Жи брал свои игрушки...

* * *

Плыть на свадьбу Эрувейн Алестару хотелось не больше, чем оказаться среди косяка диких салту во время гона. Может, и не смертельно, однако с целыми шкурой и хвостом не выберешься. Эруви, конечно, не виновата, и в другое время Алестар был бы рад пожелать подруге счастья, но слишком много жадно-любопытных взглядов ждет их с Джиад на чужом

торжестве. Конечно, как же упустить случай пересчитать все чешуйки на хвосте наследника. И не дай Трое, кому-то хватит ума, глядя на его избранную, вслух вспомнить Кассию...

Алестар зло передернул плечами, вплывая в комнату красоты, где готовили Джаад. Обещал — придется плыть. И напомнить, кстати, любопытствующим, что он не только друг Эруви, но и наследник Акаланте. Все-таки такое событие, как свадьба одной из каи-на, нельзя пропустить. Чего доброго, кто-нибудь решит, что Эруви в немилости у королевской семьи. Да и Джаад будет интересно посмотреть.

Джаад... Алестар недоуменно воззрился на совершенно не готовую жрицу. За все время её успели только переодеть и заплести? А где украшения? Почему на лице ни следа краски, даже глаза не подведены?

— Ты еще собираешься? — спросил он, стараясь не злиться. — Мне подождать снаружи?

— Я готова, ваше высочество, — сдержанно отозвалась жрица, слегка склоняя голову.

Леавара с виноватым видом замерла возле неё, близняшки вовсе отплыли подальше, усердно прибирая разбросанные гребни и ленты.

— Джи... — Алестар глубоко вздохнул, посчитал про себя до двенадцати, но помогло плохо, и он с тихой злостью поинтересовался: — Ты хочешь меня опозорить?

Теперь и Леавара решила, что у неё срочные дела совсем в другом конце комнаты. Джаад же только удивленно вскинула брови и уточнила:

— Чем именно?

— Своим видом! — не в силах сдержаться, рявкнул Алестар. — Ты избранная наследника! А это даже не охота, на свадьбу принято надевать самое лучшее. Да последний слуга, принимающий салту у гостей, выглядит наряднее тебя!

Краем глаза он увидел, как умница Лера подхватила близняшек под руки, почти вытолкнув из комнаты и исчезнув вслед за ними.

— Если ваше высочество не устраивает мой вид, — негромко и очень спокойно сказала Джаад, — есть отличный выход. Полагаю, госпожа Эрувейн ждет именно вас, мое присутствие не обязательно.

— Муренья праматьер... — Алестар зло крутнул хвостом, поднимая вверх пару опустившихся на пол туник. — Джаад, ты можешь просто вести себя так, как принято? Я не хочу плыть один! Что плохого в том, чтобы украсить себя?

Он указал взглядом на собственные широкие браслеты, унизывающие обнаженные руки почти до предплечий.

— Вашему высочеству идет, — согласилась жрица уже совсем чужим голосом, очень вежливым и сдержанным.

Она смотрела мимо Алестара с привычным холодным упрямством, всем видом показывая, что уступить не намерена. И, даже не накрашенная, выглядела так, что Алестар с бессильным злым восхищением залюбовался. Тонкая в поясе, с точеной линией плеч и грудью, обрисованной мягким золотом туники, с такой гордой посадкой головы... Заплетенные в сложную прическу волосы переливаются в свете туарры, как агат, и если бы запустить в них пальцы, попробовать, действительно ли тонкие пряди, будто наполненные светом изнутри, такие гладкие...

Прилив накатил совсем некстати. Алестар с трудом выдохнул ставшую вдруг вязкой воду, отчаянно подумал, что целый вечер на свадьбе — это совсем не то, что так нужно сейчас. Но все равно ведь не позволит! Проклятое запечатление жаром пылало в крови, требуя обнять, расстегнуть наборный янтарный пояс, такой тусклый по сравнению со смуглой нежной кожей, просунуть ладони под тунику, льнущую к теплому гибкому телу...

— Плыви, как хочешь! — яростно бросил Алестар, крутнувшись на месте и торопливо рванув прочь из комнаты.

До самого порога дворца каи-на Герувейна, отца Эруви, они не сказали друг другу ни слова. Джиад молчала, как всегда, Алестар же боялся открыть рот, чтобы не сорваться в приступе несправедливого и оттого особенно злого раздражения. Хотя так ли уж несправедливого?

Он ведь ничем в этот раз её не обидел! Хотел угодить, порадовать. И как, ради Троих, проявлять нежность и заботу, если она шарахается от этой заботы, словно дикий салту? Алестар нарочно велел Леаваре посмотреть, что из украшений понравится жрице, чтобы подарить, — сама же точно не попросит. Обручальный браслет еле согласилась носить, а потом дуры вроде Ми говорят, что наследник жалеет подарков для избранной!

Проплывая под аркой, украшенной изумрудными полосами мха и яркими разноцветными лентами, Алестар мрачно покосился на жрицу. Ага, проняло! Глаза Джиад изумленно расширились, она даже рот приоткрыла, хоть и не проронила ни слова, упрямица.

Посмотреть и вправду было на что. Обычные свадьбы в Акаланте праздновались при храме Троих, но семья Эрувейн считалась одной из старейших и богатейших в Акаланте, так что их дворец уступал по размерам только королевскому. Потолок и стены главного зала сверкали бесчисленными огнями туарры, как звездное небо в ясную погоду, а самые крупные шары спускались сверху на тонких цепочках, освещая воду пятнами ровного теплого света. Посреди зала возвышался вынесенный из

внутренних помещений семейный алтарь — кусок скалы, испещренный именами членов семьи. Точно такой же алтарь тщательно скрывался от посторонних глаз в покоях отца, появляясь на свет только в самые большие праздники. Алестар надеялся, что однажды там появится имя Кас...

Он и сам удивился, что вместо привычно резкого укола на этот раз воспоминание о Кассии отдалось лишь глухой тоской. Неужели отец прав, и он в самом деле забудет любимую? Время лечит, твердили все вокруг, но как же это подло. Они ведь клялись в вечной любви...

— Алестар!

Откуда-то сбоку налетела буря цветных шелков, сверкающих украшений и светлых косичек, усеянных жемчугом. Даже не думая стесняться, Эрувейн повисла у него на шее, расцеловала в обе щеки и, тут же отпустив, кинулась к Джиад.

— Госпожа избранная! Счастье приплыло в мой дом вместе с вами!

Сияя улыбкой, глазами и всем своим существом, как солнышко в ясный весенний день, Эрувейн обняла слегка опешившую жрицу, чмокнула её в щеку.

— Вы ведь никогда не были на свадьбе? На нашей свадьбе, в Акаланте?

— Нет, — призналась Джиад, с некоторым страхом косясь на разноцветный веселый шквал.

— Вам понравится, — уверенно пообещала Эруви, отпуская жрицу и отплывая на пару взмахов, чтобы раскинуть руки, будто обнимая весь зал. — Посмотрите! Говорят, когда двое любят друг друга, на их свадьбу приплывает Мать Море!

Что ж, если это правда, к Эруви и глубинному нахалу богиня должна была явиться непременно. А вот и он. Алестар наткнулся на внимательный взгляд кариандца, держащегося немного поодаль. Тот склонил голову с безупречной учтивостью, словно отсалютовал перед поединком, и Алестар ответил тем же. Да, он тоже постарается быть вежливым. Ради Эруви, это её день и её избранный.

— Не уплывайте слишком рано, — попросила Эрувейн, встряхивая копной косичек, рассыпающихся по плечам. — Госпожа Джиад, с меня лента!

Толкнувшись хвостом, она снова сорвалась с места, прежде чем жрица успела что-то ответить, и скрылась среди толпы. Джиад вопросительно посмотрела на Алестара.

— Обычай, — хмуро ответил Алестар на незаданный вопрос. — Тот, кто получит ленту, которой связывали руки супругов перед алтарем, станет

следующим.

— Спасибо, что предупредили, — вежливо отозвалась Джиад. — постараюсь держаться подальше...

— Не беспокойся, силой тебя никто к алтарю не потащит, — прошипел Алестар. — Мало ли какие у нас обычаи, тебе-то на них плевать!

Да что же это такое! Обида бурлила внутри, как вырвавшийся из-под дна горячий источник клубится мутной горькой взвесью, пачкая и отравляя чистую воду. Ну сколько можно? Что ей сделала Эруви? Еще откажется от ленты, упрямица двуногая! Тогда точно разговоров не оберешься, а главное, Эруви расстроится!

Он закусил губу, из последних сил сдерживаясь, и вдруг наткнулся на искренне недоумевающий взгляд Джиад.

— Ваше высочество?

— Развлекайся! — бросил Алестар, отчаявшись просить и объяснять. Все равно что в глухую скалу биться!

На них уже смотрели с понятным любопытством, кто-то явно прислушивался, и Алестар растянул губы в отработанной любезной улыбке, старательно не глядя на жрицу. Поискал взглядом столик с тинкалой и закусками, как же на свадьбе без этого, и решительно поплыл к нему.

Однако и тут — да что за день такой! — ждало разочарование. Среди серебряных тарелочек с кучей лакомств возвышалось несколько кувшинчиков с тинкалой, но кариандской, сваренной по рецепту, который Алестар с детства терпеть не мог. Не иначе, поставили из уважения к жениху и его родне...

— Ой, простите, тир-на...

Лавирующая между гостей служанка не рассчитала стремительного движения и сцепилась с ним плавниками.

— Простите, простите!

— Успокойся, — хмыкнул Алестар, невольно присматриваясь к хорошенькой мордашке. — Ну-ка, погоди... Где я тебя видел, золотце?

И стоило назвать девчонку словечком, что само подвернулось на язык, как Алестар вспомнил.

— Ты раньше во дворце работала, да?

— Да, тир-на, — пролепетала служанка, замерев под его взглядом. — Я и сейчас... на кухне. Нас позвали помочь на свадьбе.

— А, ясно, — равнодушно сказал Алестар. — Принеси-ка мне тинкалы. Только не такой сладкой, как в прошлый раз. Не люблю...

— Да, тир-на! — просияла светленькая и умчалась, будто её краб за

хвост ущипнул.

Алестар обвел взглядом зал, где знал каждого гостя. Не так уж много в Акаланте высокородных, и почти все они здесь: кто-то с искренними поздравлениями, а кто-то и злорадствует втихомолку, обсуждая неудачный брак Эруви. Да что они понимают, медузы гнилые! Им и Кассия казалась недостаточно хороша, сколько раз Алестар слышал за спиной пересуды, что наследник должен избрать в супруги только такую же королевскую кровь. Что ж, теперь поводов для возмущения еще больше: у него в избранных человек. И будь это по-настоящему, Алестар был бы... счастлив?

Он замер от неожиданной мысли, пришедшей резко и ясно. И ведь думал уже об этом до болезни, но потом все уплыло в горячечном мареве, оставив только память о боли и стыд, разделенный на двоих. А в самом деле, если бы Джадд осталась с ним? Искренняя, верная, умеющая любить всем сердцем...

— Вот ваша тинкала, тир-на!

Светленькая служанка, о которой он успел забыть, едва на хвосте не плясала, протягивая ему кувшинчик.

Рассеянно кивнув, Алестар принял горячий сосуд, поднес к губам. Глотнул тинкалы, сваренной на этот раз вполне прилично, разве что со специями опять перебор. Но ничего, вкус даже приятный.

— Что-нибудь еще?

Девчонка заглядывала ему в глаза, и заискивающая улыбка начинала раздражать. Точно, она и тогда, в спальне, именно этим не понравилась. Хотя... Алестар глотнул снова, чувствуя, как приятное тепло волнами катится по телу. Интересно...

— Нет, ничего. Вернешься во дворец, расскажи этот рецепт моему повару. Я велю, чтоб тебя наградили. А теперь возвращайся к гостям.

— Да, тир-на.

Разочарование в светло-бирюзовых глазах было таким явным, что Алестар хмыкнул, провожая взглядом удаляющийся темно-синий хвост. Когда уже они поймут, что стыдно быть развлечением на один раз. Хоть бы кто-то отказался!

Он сделал еще глоток, но тинкала вдруг показалась противной. Нет, вкус был по-прежнему хорош. Просто вспомнился тот поцелуй со светленькой и жадная готовность в красивых глупых глазках... Алестар поставил кувшинчик на стол, возле которого плавал, поискал взглядом Джадд. Жрица была не одна! Глубинные боги, стоило на несколько минут оставить! Накраситься, значит, она не может, а кокетничать с парой красавцев из королевской гвардии — запросто!

— Мой принц...

Что-то сегодня все подкрадываются к нему незаметно. Впрочем, это и немудрено: гостей много, от каждого движения расходятся волны. Только вот что здесь делает именно эта гостья? Как еще Три брата не начали извергаться от удивления... Или ей все равно, что ее здесь не ждали, лишь бы покрасоваться?

— Миалара, ты в опале, если вдруг забыла, — сухо сказал Алестар, поворачиваясь.

И замер, таким жаром окатило от вида хрупкой фигурки, обтянутой почти прозрачным дымчатым шелком. Словно в первый раз он разглядел полуприкрытые пухлые губы, такие сочные и наверняка сладкие... Жемчужную нежность кожи в глубоком вырезе туники, изящные ключицы, стройную округлость бедер и линию хвоста, манящего притронуться, сплести плавники...

— Ваше высочество, — умоляюще сказала Миалара, подаваясь навстречу и быстрым движением ловя его руку в свои ладошки. — Мои самые искренние извинения! Я бы не осмелилась показаться на глаза, но нам нужно поговорить.

— Поговорить? — повторил Алестар, сглатывая наполнившую рот слюну и старательно отводя взгляд от складок туники, как назло прилипшей к бедрам Ми.

— Да... — выдохнула та, облизывая острым язычком бесстыдно блестящие и яркие губы. — Прошу вас! Только где-нибудь не здесь, чтобы нас не увидели.

Словно сквозь сон Алестар почувствовал, как его тянут за собой. И подчинился, думая только о том, что в укромном месте их действительно не увидят. Как же раньше он не замечал, насколько Ми хороша собой? Считал её даже неприятной — глупость какая!

Огни туарры на стенах сливались в качающиеся и мерцающие полосы. Шум голосов то наплывал, то исчезал совершенно. «Как прибой, — подумал Алестар и едва сдержал глупое хихиканье, уворачиваясь от рванувшегося навстречу подвешенного шара с туаррой. — Когда я успел так набулькаться? И, главное, с чего? Не с кувшинчика же тинкалы?»

Он всего на минуточку закрыл глаза, просто передохнуть, а когда открыл, вокруг было гораздо темнее и вода отдавала затхлостью. Непроточная комната...

— Ми, не надо... — прошептал он, с трудом поднимая тяжелые руки и пытаясь оттолкнуть кудрявую головку от своего, уже почему-то голого, живота.

— Мой принц, — мурлыкнула Миалара, деловито стягивая с него широкий парчовый пояс и спуская его вниз, к хвостовому плавнику. — О, как же я вас люблю! Мы созданы друг для друга, поверьте! Не эта гадкая двуногая, а я...

— Ты рехнулась?

От изумления Алестар очнулся и попытался выдраться из цепких, как у маару, объятий.

— Вы поймете... — жарко шептала Миалара, пятная поцелуями его плечи, грудь и живот, проводя языком по чувствительной границе тела и чешуи. — Мой принц, я спасу вас от этой жалкой твари.

Это она Джи — жалкой тварью? Зарывав от бессильного бешенства, Алестар отпихнул наглые руки, но пытаясь вырваться, лишь толкнулся бедрами в лицо Миалары, готовно прильнувшей губами к его чешуе...

* * *

Джиад во все глаза смотрела на сказочную пещеру, полную разряженных иреназе. Среди огней туарры на стенах виднелись венки из водорослей, перевитых цветными лентами и блестящими цепями. Повсюду россыпью золотых и серебряных монеток мелькали стайки крошечных рыбешек, отчего море мерцало тысячью бликов. Голоса и смех, приглушенные водой, дрожали, словно струны огромного дутара, и Джиад чувствовала их кожей.

Иреназе были прекрасны. На охоте она видела, оказывается, лишь малую часть высокородных Акаланте, а здесь собралось не меньше сотни: молодых, старых и совсем детей. Малыши играли подвесными шарами туарры, носились между старшими, и никто их не одергивал, разве что иногда, если наткнутся на кого-то, взрослый ловил постреленыша за хвост и брал на руки, обнимая барахтающееся тельце, целовал смеющуюся мордашку и отпускал.

Взрослые иреназе собирались у маленьких круглых столиков на высоких ножках. Некоторые столики были в виде лесенки — очень удобно для тех, кто подплывает сверху и снизу, другие походили на большие плоские цветки с несколькими лепестками. Вот как раз к такому и уплыл рыжий. Какой овод его укусил?

Недоуменно посмотрев вслед, Джиад глубоко вздохнула и постаралась выкинуть странности принца из головы, жадно разглядывая красоты подводного торжества. Здесь не было музыкантов, как на земных свадьбах, но залитый теплым светом зал иногда пронизывали густые тяжелые звуки гонга, в который бил иреназе, одетый в длинную белоснежную тунику. Несколько пар, держась за руки, кружились в

странном танце высоко под потолком, не мешая остальным, кто-то чинно беседовал в углу...

Алестару, вообще-то, пора было вернуться. Или он оставил Джиад одну на целый вечер? Зачем тогда было вообще тянуть с собой?

Начиная злиться, Джиад поискала взглядом его рыжее высочество, успела заметить, как тот разговаривает со светловолосой девицей в короткой простенькой тунике и с подносом в руках, и тут её отвлекли.

— Каи-на Джиад?

Подплывший сбоку незнакомый плечистый иреназе в ярко-синем одеянии с золотым поясом был изрядно навеселе, если Джиад правильно понимала блеск глаз и чересчур размашистые движения. Впрочем, держался он неплохо, только вот перекрыл широченной спиной вид на принца и воззрился на Джиад с явным восхищением.

— Простите, не имею чести знать вас, — вежливо отозвалась Джиад, на всякий случай прикидывая пути отступления.

К счастью, пока никто на них не обращал особого внимания. Гости угощались, беседовали, чинно плавали. Джиад даже разглядела немного поодаль знакомое лицо. Санлия, как всегда безупречно утонченная в струящемся изумрудном одеянии, распекала только что говорившую с принцем служанку, судя по недовольному лицу наложницы и опущенной голове девчонки. Слишком далеко, не услышит, если позвать.

— О, это вы простите! — с той же стороны подплыл второй, явно более трезвый. — Я Камриталь из рода каи-на Таруна. А мой друг, сраженный вашей красотой настолько, что слегка утратил понятия о приличиях, ири-на Семариль. Прошу, не считите оскорбительным наше искреннее желание выразить вам восхищение.

Джиад почувствовала, как щеки заливают краска. Иреназе смотрели так откровенно! Семариль и вовсе только что слюной не капал, скользя взглядом по её телу, как назло подчеркнутому облегающей туникой. И где, интересно, принц, когда его присутствие в кои-то веки было бы кстати? А может, и хорошо, что рыжий это не видит?

Она немного отодвинулась назад под жадными взглядами и припомнила, почему имя второго кажется знакомым.

— Каи-на Таруна? Госпожа Леавара, случайно, не ваша родственница?

— О, вы знаете Леру? — возрадовался Камриталь. — Хотя, что это я, конечно, знаете! Леавара — наша гордость, хотя до вас ей, признаться, далеко. Скажите, на суше все женщины так прекрасны?

— Мне трудно судить, — холодно отозвалась Джиад.

«Это подводное королевство, — напомнила она себе. — Они здесь людей нечасто видят, вот и смотрят на тебя, как на диковинку».

В Аусдранге Джад ловила немало презрительных взглядов. Как ни скрывали они поначалу с Торвальдом свою связь, но от слуг такое не утаишь, если ночевать в одной постели. А потом уже было все равно. Джад, во всяком случае. Случались и другие взгляды, жадные и липкие, но непременно украдкой. А эти двое смотрели так, словно готовы были хоть сейчас уединиться с ней где-нибудь. Да где же принц?

Семариль покачнулся, совсем как подвыпивший человек, и за его плечом Джад увидела, как Алестар уплывает едва ли не в обнимку с Миаларой. Вот как, значит? А помнится, накладывал на нее опалу...

Было не то чтобы обидно... Странно — да. И очень неприятно. Но это дело принца, с кем проводить время, не будет же Джад ревновать. Чушь какая! Они с Алестаром совсем чужие друг другу, она сама рада держаться от рыжего подальше. Пусть спит, с кем захочет: с Санлией, другими наложницами, всем Акаланте по очереди. Только зачем так явно?

— Что-то не так, кай-на?

Камриталь все-таки был повнимательнее друга, и Джад привычно спрятала чувства внутрь, не выпуская их на лицо.

— Нет, ничего, — сказала она так же бесстрастно. — У вас очень красивые свадьбы. Простите, а скоро будет сам обряд?

— Совсем скоро. Вот еще три-четыре гонга...

Как иреназе определяют время, Джад так и не поняла, но то ли Трое, то ли Малкавис вспомнили о ней, потому что между двух иреназе, бесцеремонно растолкав их хвостом, протиснулась Эрувейн.

— А я вас повсюду ищу. Кай-на Джад, Алестар... А где Алестар?

— Его высочество где-то здесь, — вежливо отозвалась Джад, жалея, что не может провалиться под красивую каменную плитку пола или раствориться в воде.

— Где-то? — нахмурилась Эрувейн. — Он вас оставил? Камриталь, вы не видели тир-на?

— Я ви-и-идел! — вылез Семариль, на которого будущая новобрачная глянула, поморщившись. — Он за-а-анят...

— Я думаю, его высочество вскоре нас найдет, — поспешно сказала Джад, про себя пожелав болтливому пьянчуге подавиться чем-нибудь.

Вот теперь стало по-настоящему стыдно. Эрувейн не заслуживала скандала на собственной свадьбе, а именно это Миалара и решила устроить, если Джад хоть что-то понимала в жизни. Наглая дура, она где угодно наглая дура, хоть на земле, хоть в море.

— Занят? Где? С кем?

Эрувейн нахмурилась, и как-то сразу вспомнилось, что эта хрупкая девочка, вообще-то, высокородная.

Джиад только зубы стиснула, изнывая от позора, когда через несколько мгновений её решительно потащили в ту же сторону, куда уплыл принц.

— Не надо, — попробовала она взмолиться перед закрытой дверью в коридорчике, прилегающем к залу. — Пусть... Лишь бы никто не узнал...

— Не узнал? — разъяренным львенком обернулась к ней Эрувейн. — Не бойтесь, на вас этот позор точно не ляжет. С Алестаром я сама поговорю! Ох, как я с ним поговорю... На моей свадьбе! Оставить вас и уплыть с этой! Да он совсем разум потерял! А этой мурене... Я ей косы повыдергиваю!

— Не надо!

С неожиданной для такого хрупкого существа силой Эрувейн врезала по двери плечом. И еще раз — хвостом. Дверь подалась, она и заперта не была. В падающем из коридора луче света Джиад разглядела рыжие волосы на запрокинутой назад голове и копну блестящих светлых кудрей у бедер Алестара. Оттолкнув Джиад и влетев внутрь, так что дверь снова прикрылась, Эрувейн что-то крикнула. Мгновение, второе — в коридор вывалилась Миалара, суматошно крутя хвостом и собирая растрепанные кудри.

— А ты! В моем доме! С этой дрянью! — раздалось изнутри.

Миалара, фыркнув, отплыла к стене и покосилась на Джиад с наглой опасливостью.

Что отвечал принц, Джиад не поняла. Зато четко расслышала удивленный возглас Эрувейна:

— А это еще кто? Вы что, втро...

Похолодев, она пнула злосчастную дверь, проплыла внутрь. Там было темно, только один шар туарры качался под потолком. И потому Джиад не сразу разглядела...

Сзади истошно заорала сунувшаяся следом Миалара:

— Убили! Эрувейн убили! Принц убил Эрувейн!

Копна светлых косичек, рассыпавшихся по рукам Алестара. Безумный взгляд рыжего. Какой-то отблеск в углу, мгновенно исчезнувший. Нож — в руке принца.

Джиад смотрела, казалось, целую вечность. А потом вечность взорвалась криками, светом фонарей и звериным рыком кариандца.

ГЛАВА 8. На краю Бездны

— С ума сошел? Это не я! — только и успел выкрикнуть Алестар.

Мимо, отшвырнув Джад, мелькнула серебряная молния, ударила в рыжего, обернувшись Даголаром, и вода закипела. Кариандец молча рвался к горлу принца, тот прикрывал шею предплечьями и молотил хвостом. «Жабры! — мгновенно поняла Джад. — Самое уязвимое место! Если их разорвать...»

— К стене! — крикнули ей.

В бешеную круговорот влетел иреназе, в котором Джад с удивлением узнала Камриталя.

Теперь жених Эрувейн дрался с двумя, и все равно Джад еще подумала бы, на кого ставить. Оба акалантца казались крупнее и сильнее, зато Даголар был потрясающе быстр. А еще он не жалел себя, словно не замечая удары Камриталя, который пытался оттеснить противника от принца. Даголар хотел убить Алестара, а не уцелеть сам. Позади в коридоре слышались голоса, там кто-то кричал, даже ломился в комнату, но пробиться не мог — просто не было места.

— Прекрати! — снова крикнул Алестар. — Эруви жива! Дай мне ей помочь!

Еще несколько мгновений огромный клубок метался по комнате, затем распался. Мимо Джад протиснулся Семариль — судя по четким движениям, абсолютно трезвый. Вдвоем с Камриталем они скрутили кариандца, заломив ему руки за спину, и Джад увидела принца.

Растрепанный, с рассеченной скулой, Алестар метнулся к лежащей на полу Эруви, приподнял ее голову, взглядевшись в белое личико.

— Целителей!

На взгляд Джад целители тут помочь уже не могли. Кто бы ни ударил девочку-невесту ножом, валявшимся теперь на полу рядом с телом, вышло это смертельно удачно: прямо под левую грудь. Из раны через прилипшую к телу тунику сочилась кровь, разводя в и так темной воде облачко черной мути. Странно было только, что Эруви еще дышала.

— Ваше высочество...

С появлением Иратора в крохотной комнатке стало по-настоящему тесно. Джад влипла в стену, стараясь быть незаметной, но начальник охраны, словно почувствовав ее взгляд, обернулся, коротко глянул и снова повернулся к остальным.

— Тир-на, за целителями послали. Камриталь, уведите этого...

— Нет, — коротко велел Алестар, не отрывая ладоней от головы девушки. — Оставьте. Он держит Эруви.

— Ваше высочество...

— Замолчите, Иратель, — с той же ледяной сосредоточенностью приказал принц. — Я не дам ей умереть. Хватит смертей из-за меня.

Склонившись еще ниже, он рванул ворот туники, обнажив маленькую острую грудь, и накрыл ладонью темное пятно раны.

— Ваше высочество, — тихо сказал Иратель, едва шевеля губами. — Не надо... Прошу вас. Оставьте это целителям...

Что теперь могло случиться с принцем, раз уж его не прибил Даголар? Джад чуть подалась вперед, пытаясь рассмотреть, и услышала отчетливый всхлип кариандца, повисшего на руках придворных. А парочка-то не проста. В зале эти двое выглядели развязными пьяными бездельниками, зато теперь отточенная слаженность движений выдавала опытных бойцов, причем привыкших работать в паре. Тайная стража? Похоже на то.

Алестар запрокинул голову, словно пытаясь рассмотреть что-то на потолке, но тут же зажмурился. Его лицо осунулось, на бледной коже проступили кровоподтек под глазом и царапина на скуле. Принц закусил губу, и Джад увидела, как вздулась от напряжения вена у него на шее.

— Что он делает? — спросила она шепотом, не особо надеясь на ответ, но Иратель откликнулся так же тихо:

— Обращается к морю. Сердце Моря слышит королевскую кровь, кровь Акаланте.

— Отпустите его, — так же отрывисто бросил Алестар, не открывая глаз. — Даголар — сюда.

Кариандец вывернулся из послушно разжавшихся рук стражников, одним взмахом хвоста оказался рядом с Эрувейн и замер, глядя на Алестара с яростной надеждой и мольбой.

— Возьми ее за руку. Держи. Связью вашей держи.

И тут Джад вспомнила. Так же было с ней на рыбном дворике, когда обломок лоура показался лучшим выбором, чем жизнь. Она убила себя. Убила старательно и умело, острый прут вошел в сердце, но Алестар как-то умудрился удержать ее в мире живых, пока не подоспел король. А потом Сердце Моря спасло её, залечив смертельную рану. Но ведь Даголар не королевской крови! Или любой иреназе может помочь тому, с кем запечатлен? Тогда что делает Алестар?

— Эруви... — выдохнул кариандец, прижимая ладошку невесты к

своей груди напротив сердца. — Эруви моя...

А Джад смотрела и запоминала, зная, что память очевидцев ненадежна и мельком увиденное сотрется с той же быстротой. Эрувейн сказала про троих. Она точно сказала про троих, только непонятно — про кого. Третьего в комнате не было. Но Миалара — она должна была его видеть. Хотя... почему тогда кричала про Алестара?

Джад тронула плечо Иратель и шепнула оглянувшемуся иреназе:

— Миалара. Она свидетель.

Начальник охраны поднял ладонь — Камриталь осторожно придвинулся ближе и, выслушав несколько тихих слов, быстро выплыл из комнаты. А Джад снова глянула на принца, бледного, как сама Эруви. Второй рукой Алестар взял за руку кариандца, образовав кольцо, в котором, как поняла сейчас Джад, циркулировала магическая сила. Кариандец — якорь для избранной, принц — источник силы, и бессильно раскинувшаяся Эруви со все медленнее сочащейся из раны кровью.

— Не отпускай ее, Даголар, — сказал принц звонким от отчаянья голосом. — Иратель, не вздумайте помешать.

— Ваше высочество... — тяжелым низким голосом проговорил Иратель, вдруг постарев на десять лет. — Вы нужны Акаланте...

— Держи, Даголар!

Что-то было не так. Иратель подался вперед, едва сдерживаясь, чтоб не сделать — что? Алестар, прозрачно-бледный, наклонился к самому телу Эруви, Даголар держал их руки с искаженным, застывшим лицом, и ясно было, что он скорее умрет, чем разожмет пальцы. Да что же тут творится?

— Ваше... Алестар, не смей!

Это Иратель принца — по имени? Ого! А в следующее мгновение Джад то ли почувствовала, то ли увидела внутренним зрением, как тончайший баланс рушится. Сила, льющаяся от Алестара к Эруви, начала стремительно иссякать, и невидимые весы склонились. Даголар, пожалуй, должен был выбраться, он был молод и здоров. Эруви же уходила в смертельный мрак все глубже и дальше, и Алестар, связанный с ней нитью, тянувшейся от сердца к сердцу, оказался посредине. Он мог разорвать эту нить и, возможно, остаться в живых — откуда-то Джад знала это совершенно точно. Он мог — и это она тоже знала — вместо себя столкнуть в бездну Даголара и тогда спастись обязательно.

Кариандец даже ожидал этого, он бросил на рыжего быстрый понимающий взгляд, сказав что-то. А вот что — Джад уже не слышала.

Время стало вязким, как всегда, когда ей приходилось пользоваться силой жрицы. Мраморными статуями замерли в стороне Иратель и

Семариль, а вот принц с Даголаром светились изнутри, как стеклянные сосуды-подсвечники. Даже Эруви сияла ясным, хоть и угасающим огоньком.

Джиад оттолкнулась от стены, медленно и неуклюже подплыла к троим на полу. Алестар посмотрел ей в лицо, его глаза сияли, как небо, пронизанное светом бесчисленных звезд. Ярко-синие, такие искристые... Он что-то сказал, но Джиад не поняла ни слова. Она только сделала то единственное, что могла сделать: опустилась рядом и обняла принца за плечи, не разрывая цепь, но вливаясь в нее всей своей силой и жизнью.

Тихо простонал Даголар: ему, не жрецу и самому обычному иреназе без капли королевской крови, приходилось худо. Джиад всем телом чувствовала, какая дикая мощь течет через Алестара, и как тот изо всех сил старается её сдержать, словно плотина — напор воды. Не будь преграды в виде рыжего, искусавшего себе губы в кровь, и Эруви, и Даголар сгорели бы изнутри от божественной силы Сердца. А не будь Даголара, упрямого, похожего на жесткий волосяной канат, что выдерживает вес корабля и не рвется, Эруви давно соскользнула бы по ту сторону жизни, а следом за ней и рыжий.

Теперь Джиад понимала отчаяние Ираталя, который не мог остановить принца и должен был смотреть, как тот снова рискует жизнью. То, что делал Алестар, служа источником энергии и балансиром, было опасно, как идти над пропастью по веревке, теряя с каждым шагом кровь из глубокой раны. Но теперь она, обученная жрица, была рядом — и качнула чашу весов в спасительную сторону. Своей жизненной силой и мощью Малкависа, который — Джиад чувствовала! знала! — был рядом и одобрительно улыбался. Эрувейн приняла ее в своем доме и своем сердце, как равную. Эрувейн предложила ей дружбу, а ее жених был учтив и доброжелателен с Джиад. И встать третьей рядом с Алестаром и кариандцем, чтобы спасти эту светлую девочку, было меньшим, что она могла и должна была сделать.

Сила текла и текла, Джиад чувствовала, как теряет ее, но терпела, доверяя Алестару. И тот, словно приговоренный, которому вдруг объявили помилование, воспрял духом. Алое сияние из его сердца лилось в Эруви и растворялось внутри девушки. Эрувейн вдыхала его, впитывала, и страшная рана закрывалась, зарастала плотью под чуткими и неожиданно умелыми пальцами Алестара, перебиравшего нити силы, как опытная пряжа.

— Все! — выдохнул рыжий, выдергивая руку из ладони кариандца.
— Жива-а-а...

Шевельнув хвостом, он лег на спину, глядя в потолок, и Джад его понимала. Сама бы сейчас... Тело ныло, как после дневного перехода в полном вооружении и еще с мешком припасов. Она как-то пережила такое неделю подряд, и каждый вечер хотелось упасть и тихо помереть во славу Малкависа — точно, как сейчас.

— Эруви...

У Даголар еще были силы говорить. Только имя невесты, не больше, но все-таки! И держать ее за руку, вглядываясь в порозовевшее лицо. А может, это были не силы, а упрямство? В любом случае, Джад считала, что Эруви очень повезло с супругом.

— Даголар ири-на Карианд, — сухо и ровно прозвучал голос Иратора, и кариандец, нежно улыбнувшись спящей невесте, отпустил ее пальцы, всплыв наверх.

— Мне жаль, — уронил Иратор странным тоном.

Даголар пожал плечами.

— Теперь, когда я знаю, что принц не виноват, мне тоже. Но это уже не важно.

— Не важно — что? — выдавила Джад, слушая обмен словами, за которым крылось что-то опасное, как ядовитая колючка под венчиком цветка. — Господин Иратор, о чем вы?

— Пару мгновений, пожалуйста, — попросил Даголар и, подплыв к Джад, глубоко и почтительно поклонился, сложив ладони перед собой. — Каи-на, мне очень жаль, что я не смогу отблагодарить вас чем-то, кроме слов. Но я непременно передам домой, что обязан вам жизнью своей избранной. Знайте, род Соларо ири-на Карианд у вас в долгу.

Выпрямившись, он так же церемонно склонил голову перед Иратором, бросив:

— Я готов.

— Готов к чему? — отчаянно спросила Джад.

Слишком ей был знаком такой взгляд: ясный, спокойный и полный бесстрашной готовности встретить беду.

— Нападение на королевскую кровь карается смертью, — тяжело уронил Иратор.

— Что? — выдохнула похолодевшая Джад. — Но он же...

Замерший у стены Семариль, Иратор, даже сам Даголар — все они смотрели на нее сочувственно, словно извиняясь.

Нападение? Да, он пытался избить рыжего... Нет, убить, — с беспощадной честностью поправила себя Джад. — И мало на свете стран, где покушение на царственную особу карается иначе. Но он ведь думал, что

Алестар виноват в смерти Эруви!

Она произнесла последние слова вслух отчаянно дрожащим голосом и уже по виноватому взгляду Ираталья поняла, что это ничего не изменит.

— Мне жаль, — горько повторил начальник охраны.

— А уж мне-то как жаль! — раздался от другой стены ядовитый, несмотря на дикую усталость, голос Алестара. — Этого глубинного недоумка казнят, а я потом буду объясняться с Эруви? Вы представляете, что она со мной сделает? Да я пожалею, что меня вместо него не казнили! Нет уж, Ираталь, не сходите с ума. Подбитый глаз моя королевская кровь как-нибудь переживет, если вдруг кого-то интересует и мое мнение. Так, для разнообразия!

Поднявшись и сев в воде, принц скрестил руки на груди с чрезвычайно мрачным и надменным видом, который не портил даже роскошный кровоподтек, черным пятном расплывшийся на щеки.

— Ваше высочество, — осторожно, будто шел по тонкому льду, начал Ираталь, — закон не знает исключений. Мне жаль, клянусь Тремя, мне действительно жаль, но ири-на Даголар...

— Не сделал ничего преступного, — тем же невыносимо надменным тоном перебил его Алестар. — Ираталь, вы думаете, что принц Акаланте может позволить какому-то глубиннику расквасить себе физиономию? Между прочим, подобным предположением вы меня только что оскорбили!

— Прошу прощения, тир-на, — очень серьезно отозвался Ираталь, низко кланяясь.

— Прощаю, — милостиво кивнул Алестар. — Ири-на Даголар просто пытался подплыть ближе к своей избранной. И столкнулся со мной. Случайно.

Он потрогал кончиками пальцев распухшую щеку, скривился, глубоко вздохнул:

— Неудачно так столкнулся... Несколько раз, но об этом говорить не обязательно. Вот ири-на Семариль все видел, не так ли?

Он в упор взглянул на Семарилья, и тот, вытянувшись, приложил к сердцу ладонь, истово подтвердив:

— Истинно так, тир-на Алестар. Вы случайно столкнулись. Очень неудачно! И Камриталь тоже это видел, не сомневайтесь.

Джиад потерла пальцами ноющие виски. Губы сами тянулись в счастливой улыбке. Она смотрела, как с облегчением прячет улыбку Ираталь, как Даголар переводит взгляд с Эрувейн на принца, потом на Ираталья, на нее, на Семарилья — и снова на Эрувейн. Как холодное отчаяние в его взгляде тает, сменяясь радостным недоумением, и тут же

кариандец, позабыв про них, снова опускается на пол к мерно дышащей Эруви.

— А теперь, может, кто-нибудь позовет целителей? — хмуро предложил принц. — И объяснит мне, ради Троих, что здесь случилось?

Джиад вдруг почувствовала, что еще немного — и упадет в обморок. Только падать здесь некуда — одно хорошо в жизни под водой. В глазах вдруг потемнело, она сглотнула вязкую горькую слюну. Шум из коридора плеснул сильнее, она увидела рванувшегося к ней принца и поняла, что замерзла. Так сильно замерзла... И почему-то вокруг совсем темно.

* * *

Управляться с вулканами было легче. Алестар, конечно, учился исцелять силой Сердца Моря, но под присмотром отца и Невиса, да и раны были не такие опасные. И сейчас он понимал — почему. Так легко уйти следом, особенно, если пытаешься спасти кого-то близкого! Осознание того, что едва не случилось, накатывало неудержимо, как прилив, и Алестара затрясло. Сквозь слабость, сквозь черно-золотые искры в глазах и вкус крови, которым пропиталась вода, он слышал шум в коридоре. Кажется, в комнату пытался проплыть отец Эруви, кто-то знакомый удерживал его, мягко уговаривая, что ничего страшного не случилось... Ах да, это Иратель. Бесценный Иратель, да благословит его Мать Море. Ничего страшного?

Ложь, спокойная и наглая. Случилось — и еще как. Эруви едва не погибла из-за него. Или вместо него. Мысли путались, в висках пульсировала тяжелая боль, и Алестар едва не пропустил миг, когда Джиад беспомощно всхлипнула и зябко обняла себя за плечи.

— Джи...

Она не любит, когда ее так зовут...

— Джиад!

Хорошо, что комната маленькая: хватило пары взмахов хвоста, чтоб оказаться рядом. Краешком уха Алестар слышал, как Иратель выпроваживает каи-на Герувейна, как целитель говорит, что опасности нет, но двигать Эруви нельзя, как...

Все это было уже неважно. Джиад плохо! Алестар чувствовал это через обострившуюся, как никогда, связь. Ощущал, как свои, её боль, усталость, отголоски медленно уходящего страха и смутную, глухую обиду. Обиду?

— Все хорошо... — старательно улыбнулась жрица серыми губами. — Просто устала... немного...

Немного устала, пропустив через себя мощь Сердца?

— Иратель, пошлите кого-нибудь за тинкалой, — велел Алестар, вглядываясь в осунувшееся лицо Джиад.

Начальник охраны понимающе кивнул, бросил пару слов гвардейцу Семарилю, оказавшемуся вдруг не только гвардейцем, и тот поспешно выплыл в коридор. Алестар придвинулся еще немного ближе и остановился, наткнувшись на мрачный взгляд жрицы, как на кончик остроги, — до болезненного укола.

— Джиад...

— Каи-на, — окликнул его сзади Иратель, и Алестар позорно обрадовался отсрочке. — Здесь кто-то еще был?

Трое и глубинные боги! Да что же он за болван такой? Не о тех оправданиях сейчас думать надо! Но и правда...

Алестар с трудом отвел взгляд от жрицы, обернулся.

— Я... не помню, — с трудом сказал непослушными губами. — Иратель, я почти ничего не помню! Даже как оказался здесь...

— А что последнее помните? — мягко уточнил Иратель, бросив взгляд за плечо Алестара на Джиад.

— Зал... Свадебный зал. Я разговаривал с Миаларой, напомнил ей про опалу...

Алестар боялся поднять глаза на Джиад. Осекся, но выдавил все-таки с отчаянием обреченного:

— А потом поплыл сюда. Трижды клянусь... я даже не думал.

— Что-нибудь пили?

Алестар устало пожал плечами, старательно припоминая, но все случившееся в зале было похоже на спутавшуюся сеть. Дернешь за один кончик — и только сильнее затянешь узлы. Вроде бы пил... а может — и нет...

— Тинкалу, — сказала вдруг Джиад. — Его высочество пил тинкалу. Не со столика, а принесенную откуда-то. Молодая служанка, светлые волосы, темно-синий хвост. Туника светлая...

Она замолчала на несколько мгновений, потом добавила извиняющимся голосом:

— Я, кажется, видела её раньше, но... Нет, не помню. Она была далеко, я не уверена...

Холодная, воняющая кровью вода вдруг показалась Алестару нестерпимо горячей, словно из-под пола вдруг ударил глубинный источник. Джиад все видела! Как Алестар болтал с откровенно льнущей к нему служанкой, как уплыл с Миаларой, тридцать три мурены ей в постель...

— Джиад! Я... Не было ничего!

Собственный голос показался нестерпимо фальшивым, глупым, трусливым...

— Вы совершенно свободны в выборе... круга общения, тир-на. И полагаю, это сейчас не самое важное.

А вот голосом Джиад можно было штормовую волну на лету заморозить. Алестар однажды видел такое — отец показывал... Он судорожно сглотнул, боясь повернуться к жрице. И впрямь, не время и не место сейчас... Кто-то едва не убил Эрувейн — вот что главное. И получается...

— Я вспомнил, — сказал он вслух. — Да, была служанка. Я видел ее во дворце. И тинкала...

— Что тинкала? — прозвучали два голоса в унисон.

— Странная она была, — тихо отозвался Алестар, только сейчас осознавая неизмеримую бездну собственной глупости. — Очень пряная... Но она и раньше ее варила... слишком сладко...

Безмозглая медуза. Тупая каракатица...

Алестар дернулся, мечтая сгинуть, провалиться в Бездну, сгореть в кратере Старшего Брата — да что угодно, лишь бы избавиться от мучительного стыда, залившего все его существо прямо-таки осязаемо: от кислого металлического вкуса во рту до противной дрожи в хвосте.

— Она уже приносила мне тинкалу, — выдохнул он, глядя мимо Ираталя куда-то в темный угол. — В то утро... когда...

Начальник стражи смотрел выжидающе, а к Джиад Алестар сейчас не повернулся бы даже по велению Троиых...

— В то утро, когда я встретил Джиад на рыбном дворе. И...

— Я понял, — быстро отозвался Ирताल, выразительно покосившись на кариандца, так и замершего возле Эруви. — Вы не знаете ее имени?

Алестар молча помотал головой.

— Госпожа Санлия может знать, — негромко подсказала Джиад. — Она говорила с этой девушкой, пока принц беседовал с госпожой Миаларой.

— Здесь был кто-то еще, — тихо сказал Алестар, вдруг озаренный мгновенной вспышкой памяти. — Тремя клянусь, здесь был кто-то еще... Я сказал Ми, чтоб она убиралась. Но... все как в мутной воде...

Тошнота, медленно колыхавшаяся внутри последние пару минут, наконец поднялась к самому горлу. Алестар зажал рот ладонью, сгибаясь пополам, задержал дыхание... Что-то тревожно воскликнул Ирताल, подхватывая его за плечи, потом рядом оказался Невис...

* * *

— Нет, ваше величество, — Джад устало посмотрела на короля. — Я бы и рада помочь, но они были слишком далеко. Я просто не рассмотрела ее достаточно хорошо. По виду обычная девушка. Короткие светлые волосы, одета просто. Я немного отвлеклась, а когда глянула во второй раз, она разговаривала с госпожой Санлией. И все, больше я ее не видела.

— Благодарю и за это, каи-на, — вздохнул король, поворачиваясь к Ирталю. — А что говорит наложница моего сына?

— Ничего полезного, мой повелитель. Она действительно разговаривала с молодой светловолосой служанкой, но всего лишь сделала замечание, что нужно осторожнее плавать по залу. Увидела, как девушка незадолго до этого столкнулась с тир-на Алестаром. Это так, тир-на?

— Столкнулась, — мрачно подтвердил принц, устроившийся в глубоком подобии кресла, позволяющем свернуться в нем вместе с хвостом. — Тогда я и попросил ее принести тинкалы. Ну откуда мне было знать?

— Действительно...

Ирталъ виновато глянул на короля.

— Полагаю, это моя вина. Мы проверили всю еду и напитки на кухне, каждый кувшин тинкалы и коробку с пряностями. Мои стражники присматривали и за поварами, и за прислугой, и за гостями. Я бы Тремя поклялся, что на свадьбе каи-на Эрувейн принц и его избранная в полной безопасности.

Джад могла бы сказать, что безопасности не бывает никогда, но промолчала. Она и так чувствовала себя лишней, допущенной к разговору то ли из милости, то ли по недосмотру. И вообще, в королевских покоях ей было неуютно. Слишком хорошо помнился первый разговор с его величеством Кариаллом как раз в этом кабинете. В этот раз четыре круглых кресла расставили полукругом, чтобы его величеству было всех видно, и Джад, дождавшись, пока принц устроится в крайнем правом кресле, заняла крайнее левое. За спиной короля укоризненно посматривала со стены рыжеволосая девушка, удивительно похожая на Алестара, но ее улыбка казалась уже не сияюще-радостной, а поблекшей, вымученной.

— Полной безопасности не бывает, — уронил король, и Джад вздрогнула от такого созвучия своим мыслям. — Успокойтесь, друг мой. Вы не могли предусмотреть все, включая глупость моего сына.

В кабинете повисла тяжелая тишина. Точнее, расплылась, как облако мути в воде, Джад прямо увидела ее внутренним взором: грязную,

горькую, липкую. Алестар молчал. Он вообще очень мало говорил с момента, как едва не потерял сознание в той комнатке. Молча пил лекарства Невиса, даже не кривясь по своему обыкновению. Молча слушал разговор, открывая рот лишь для того, чтобы ответить на прямые вопросы. Да и слова отмерял скупой, совсем не походя на себя прежнего. Словно огонь, который так ярко пылал в принце во время спасения Эруви, погас, и теперь Алестару было отчаянно холодно.

— Ваше величество, — с обычной мягкой осторожностью сказал Иратель, — принц не так уж виноват. Если преступник — слуга, он мог отравить уже готовое питье, пока нес его с кухни.

— Иратель, перестаньте его выгораживать, — в тусклом то ли от болезни, то ли от усталости голосе короля слышалось раздражение. — Алестар виноват не в том, что выпил тинкалы. И даже не в том, что уплыл с Миаларой. Кстати, Невис, вы уже выяснили, что это была за дрянь?

— Да, мой повелитель, — отозвался старый целитель. — Смею предположить, что каи-на Миалара невольно оказала его высочеству огромную услугу. Судя по исследованию крови тир-на Алестара, в тинкале был сильный яд, но каи-на использовала приворотное зелье, нанесенное на тело и волосы. Растворившись в воде, которой дышал принц, оно лишило его способности ясно мыслить и загло плотское желание, но вместе с тем случайно ослабило действие яда. А сила Сердца Моря, проходя через тело тир-на Алестара, выжгла остальную отраву.

— Я же говорил, что не хотел с ней плыть, — бросил Алестар, ни к кому не обращаясь, и было бы слишком самонадеянно со стороны Джиад полагать, что это говорилось для неё. Или не слишком?

— Если бы не каи-на Миалара, — размеренно продолжил целитель, сидящий как раз рядом с Джиад, — принц был бы отравлен буквально через несколько минут. По приказу каи-на Ирателя на свадьбе было два моих ученика, но я не уверен...

Он смолк, глубоко вздохнул и закончил то, что уже и так все поняли:

— Я не уверен, что они успели бы помочь.

— Боги хранят Акаланте, — глухо сказал король, и тишина снова наполнила кабинет.

Джиад снова посмотрела на фреску. Дальняя прабабка Алестара, вечно взлетающая на волне к солнцу, знать не знала, что благополучие и сама жизнь её страны будет висеть на волоске. Длинном рыже-золотом волоске одного глупого юнца, только чудом в который раз избегнувшего смерти. Или все-таки здесь не чудо, а расчетливый путь судьбы? Если бы Алестар не кинулся безрассудно спасать Эруви, Сердце Моря не очистило

бы его кровь. Ну, а если бы он погиб во время спасения?

Снова Джиад чувствовала, что слишком мало знает об иреназе и их жизни. Для чего Миалара опаивала принца приворотным зельем? Ведь он связан запечатлением с Джиад, вряд ли эту связь можно разорвать таким простым способом?

— Значит... — медленно заговорил король. — Алестара хотели отравить? Тогда зачем убийца поплыл за ним с ножом? И почему был уверен, что успеет скрыться?

А вот это были хорошие вопросы, Джиад и сама хотела услышать на них ответ. Она уже знала, как убийца покинул комнату: стражники Иратора нашли в стене потайной люк. Простенькая защелка открывалась буквально хлопком ладони по нужному месту, а люк вел всего лишь в соседнюю комнату, но и это необходимо было знать, чтобы вовремя воспользоваться...

— Что говорит Миалара? Почему она выбрала именно эту комнату? — спросил король, нервно поглаживая золотую цепь на шее.

Край цепи прятался в глубоких складках одеяния, оттянутый немалой тяжестью, судя по форме. Наверное, это и было то самое Сердце Моря, мельком увиденное Джиад, когда король клялся им на берегу.

— Много чего говорит, но все не то, — вздохнул Ираторь. — Каи-на Миалара рыдает и клянется Тремя, что хотела только добиться благосклонности принца. Зелье она купила у какого-то целителя, не сказав, естественно, для кого покупает. Целитель содрал с нее кошелек золота, поклявшись, что если пропитать этой дрянью волосы и намазать на кожу, целый час никто не сможет устоять. Даже запечатленный.

— Зачем? — не выдержала Джиад. — Зачем ей нужен был этот час? Ведь потом зелье перестало бы действовать!

— Я не уверен, но...

— Говорите, Ираторь, — бросил король.

— Кажется, у каи-на Миалары сейчас самая горячая луна... Полагаю, она хотела воспользоваться единственной возможностью...

— Медуза безмозглая, — с отвращением буркнул Алестар и снова замолчал.

Джиад поняла, что ничего не понимает.

— Горячая луна? — растерянно уточнила она.

— Время, наилучшим образом подходящее для зачатия, — негромко объяснил Невис. — В это пору лунного цикла при телесной связи зачатие почти неизбежно. Обычно супружеские пары используют ее, чтобы завести потомство или подождать с этим. Если бы каи-на Миаларе удалось

задуманное, она, скорее всего, подарила бы Акаланте первого королевского внука. Запечатление этим не разорвать, но быть матерью королевского отпрыска — огромная честь. Каи-на Миалара стала бы членом королевской семьи, а её дитя — младшим принцем или принцесой Акаланте.

— Медуза безмозглая, — с тихой яростью повторил Алестар.

Джиад от души стало его жаль. В очередной раз принц получил ясное подтверждение, что нужен кому-то не сам по себе, а только в придачу к своему титулу. Как породистый жеребец, которого вяжут ради потомства...

— Комнату она выбрала случайно, а принца обвинила в убийстве, потому что сама не заметила убийцу. Надышалась собственным зельем до одурения, — закончил Иратель.

Действительно, безмозглая медуза — лучше не скажешь. И это тупое наглое существо могло стать матерью ребенка Алестара? Провести всю жизнь рядом с принцем? Пожалуй, такого наказания Алестар точно не заслужил.

— Я подтверждаю опалу, наложенную моим сыном на Миалару, — тяжело уронил король. — Чтоб чешуйки с её хвоста больше не упало во дворце и его окрестностях. Не будь она дочерью советника Лорасса... Но хватит о Миаларе, если она не связана с покушением. Что еще известно?

— Почти ничего, мой повелитель. Да, многие видели девушку в неброской светлой тунике. Слуги из дома каи-на Герувейна думали, что она из дворца. Дворцовые слуги были убеждены, что местная, хотя вроде бы видели её и раньше. То ли на кухне, то ли в чьих-то покоях. Гости и вовсе ничего не заметили: каи-на редко обращают внимание на слуг. Я так понимаю, вблизи ее видел и запомнил только сам тир-на Алестар.

— Запомнил, — буркнул принц. — На всю жизнь. Смазливая нахальная дрянь. У нее и вправду темно-синий хвост, при таких светлых волосах даже странно. Глаза бирюзовые... Иратель, вы ничего не путаете? Она же оба раза передо мной хвостом крутила, как салту в гоне. Зачем?

— Возможно, хотела подобраться ближе, — пожал плечами Иратель. — А возможно, кто-то ее просто использовал. Хладнокровно управляться с ядом и ножом в таком юном возрасте? Не думаю... Но очень уж много совпадений. Обещаю, мы весь город перевернем в поисках. Не может быть, чтоб никто её не знал.

— Если только она из Акаланте... — тихо сказала Джиад. — Ведь ни один акалантец не может причинить вреда принцу. С ядом еще можно было как-то вывернуться, но удар ножом — это прямое нападение. Либо эта девушка не убийца, либо она из другого города. Либо убийца не один. Но

эта дверь... Прошу прощения... — смутилась Джад, увидев обращенные на нее взгляды.

— Нет, напротив, я прошу вас продолжать, — с мягкой властью велел король, слегка подаваясь вперед и продолжая гладить цепь. — Мы забыли, что среди нас есть та, чей опыт заслуживает несомненного внимания. Что скажете обо всем этом?

Джад глубоко вздохнула, собираясь с мыслями.

— Я буду думать вслух, хорошо? — предупредила она, сплетая пальцы на коленях. — К сожалению, я очень мало знаю об иреназе. Но примем за несомненную истину, что принца хотели именно убить, а не похитить или опорочить. Иначе не стали бы подливать яд. В этом деле есть то, что является безусловным, и то, что можно назвать случайным. Безусловно, что принц должен был явиться на свадьбу каи-на Эрувейн ради этикета и их дружбы. Значит, убийцы рассчитывали застать его там. Безусловно, что рано или поздно он захотел бы взять угощение. Но ведь решение послать на кухню именно эту девушку было случайным. Принц мог взять тинкалу со столика...

— Я такую не пью, она кариандская, — тихо буркнул Алестар со своего места.

— Убийцам это было неизвестно, — резонно возразила Джад. — Кто-нибудь мог, конечно, знать, что ваше высочество не пьет этот сорт напитка. Но в другом месте нашлась бы другая тинкала, или вы послали бы за ней кого-то еще. Если бы с вами не столкнулась эта служанка. Вы встречали её два раза, так? В день свадьбы и до этого. Каждый раз она приносила вам тинкалу. И это заканчивалось отравлением. В тинкале было что-то необычное?

— Да. Первый раз она была сладкая просто до отвращения. И пряная. Во второй раз — просто пряная. Какой-то незнакомый вкус...

Голос у принца был сконфуженный, но в этом случае Джад не стала бы его сильно винить. Всю жизнь проведя в безопасности и обожании, трудно поверить, что смерть подстерегает тебя повсюду и в самых привычных вещах.

— Сладость отбила вкус гарнаты, — задумчиво сказал Ирताल. — Но тир-на Алестар не любит слишком сладкое питье, поэтому выпил меньше обычного. Иначе не смог бы хоть немного сдержаться на рыбном дворе.

— А в этот раз гарнаты в питье не было, — подхватила Джад. — Только пряности, чтобы скрыть яд. Принц должен был выпить и через несколько минут упасть замертво, так? В суматохе убийца легко бы

скрылся. Все это легко просчитать. Но что, если бы он не стал пить отраву?

— Тогда они могли подождать другого удобного случая, раз убийца имеет доступ во дворец, — принял предложенную игру Ираталь.

— Или выманить принца в более удобное место.

— Что? — прошептал через несколько мгновений сообразивший первым Ираталь. — То есть Миалара...

— Госпожа Миалара вряд ли подходит на роль заговорщицы. Но мне кажется, ей несложно управлять. Она ведь знает принца очень давно, могла уже не раз попытаться использовать зелье. Но почему-то эта мысль пришла ей в голову только сейчас. Или, я бы сказала, именно сейчас. Если бы принц не стал пить отравленную тинкалу, он бы все равно через некоторое время оказался за пределами зала в обществе госпожи Миалары. Охрана не придавала этому значения, только господин Семариль все-таки решил привлечь внимание к отсутствию принца...

— У этих двоих был приказ охранять лично вас, — хмуро сказал Ираталь. — И не покидать ни в коем случае.

— Прикинувшись обычными гостями, слегка перебравшими хмельного, — кивнула Джад. — Я так и поняла. Удачная маска, между прочим. Но они увидели, что принц оставил зал, и забеспокоились. А где в это время была охрана самого принца? Я не видела ни Дару, ни Кари.

— Обычай, — вздохнул Ираталь. — Появиться на свадьбе вооруженным или с явной охраной — оскорбление гостеприимства хозяев. А уж сколько разговоров было бы! Дару и Кари знает весь город. Я приставил к принцу еще двоих. Они следили... Но госпожу Миалару они давно знают, а принц плыл с ней по собственной воле... Они... решили подождать в зале. Болваны безмозглые. Отправил на границу к муреньей прародительнице. Моя вина...

— Такое случается, — ровно отозвалась Джад. — В общем, я не смею вмешиваться, но очень уж удачно госпожа Миалара не просто вывела принца из зала, но и привела именно в ту комнату, куда убийца мог незаметно попасть и так же незаметно уплыть. Мне кажется, стоит выяснить у госпожи, с кем она говорила о своем замысле.

— Сейчас же сделаю. Мой повелитель?

Дождавшись разрешающего кивка короля, Ираталь сорвался с места. Джад проводила его взглядом, подумав, что теперь одно из двух: или начальник охраны окончательно одарит ее своим расположением, или, что вернее, невзлюбит двуногую выскочку, ткнувшую его носом в очевидные промахи на глазах у короля. Ну да что теперь поделать? Не он первый, не он последний. Дело храмового стража — предотвращать покушения, а для

этого приходится знать, как их обычно устраивают. Интрига с Миаларой — очень даже простенькая, но именно потому могла увенчаться полным успехом.

— Я от всего сердца благодарю вас, госпожа Джиад, — тяжело уронил король. — Полагаю, вы считаете нас беспечными глупцами. Но причина в том, что слишком долго королевства иреназе жили в равновесии. Воевали — это случалось. Однако честный бой — совсем не то же, что подлое убийство. Королевские семьи моря — это звенья цепи, сдерживающей ужас Бездны, на краю которой мы живем. Ослабить одно звено — ослабить всю цепь, и все мы понимаем это. Я не знаю, что изменилось в мире, госпожа Джиад, но старые законы чести и разума больше не правят нами. Если Акаланте падет, многие выиграют, но цена будет неизмеримо высока, и я представить не могу, какой безумец решился на это...

— Да хранят нас Трое, — откликнулся из своего кресла Невис. — Не тревожьтесь, мой повелитель, все обойдется. А сейчас вам следует отдохнуть.

— Отдохнуть, да...

Король вдруг показался Джиад одряхлевшим и изможденным.

— Отец, — тихо сказал Алестар. — Позволь помочь тебе. У меня еще много сил, я могу...

— Хочешь помочь — не доставляй мне хлопот хоть какое-то время, — отрезал Кариалл с тенью былой властности, и Джиад закусила губу, увидев, как сник в кресле принц, понуро обхватив руками свернутый хвост.

ГЛАВА 9. Стража земли и моря

Приглашения на следующий королевский совет Джиад не ждала. Никому не понравится показывать чужестранке пороки своего народа и делиться семейными тайнами, пусть даже чужестранка и увязла во всем этом не меньше местных. Так что она немало удивилась, когда утром следующего дня сразу после завтрака на пороге спальни появился слуга с весточкой для тир-на Алестара и его избранной.

Стоило двери за пареньком закрыться, принц повернулся к Джиад.

— Ты и правда думаешь, что Миалара во всем этом замешана?

За остаток прошлого дня и утро нынешнего рыжий едва ли дюжину слов произнес, а теперь ему срочно понадобилось выяснить виновность Миалары? Джиад глубоко вдохнула, отгоняя смесь обиды и глухого раздражения, но ответила:

— Я думаю, её использовали. Подсказали, как обеспечить ваше внимание и, заодно, куда увести из главного зала. Госпожа Миалара не похожа на ту, кто...

— Много думает? — уточнил принц. — Ну да, это не про неё. Джи, я тебе Тремя клянусь: ничего между нами не случилось.

— Это ваше дело, тир-на, — прохладно ответила Джиад, поднимаясь с ложа и расправляя складки рубашки.

Жи, решивший, что его сейчас поведут на прогулку, радостно заметался вокруг.

— То есть тебе все равно?

Принц закончил переплетать косу и раздраженно отбросил тяжелый рыжий жгут на спину.

— Нет.

Джиад спокойно посмотрела ему в лицо.

— Мне не все равно, ваше высочество. Но я понимаю, что вы были под дурманом.

— Тогда на что ты злишься? — тихо спросил Алестар.

Он не глядя почесал нос рыбеныша, сунувшегося под ладонь, помял тому загривок, не сводя с Джиад внимательного и какого-то тоскливого взгляда, заговорил снова:

— Я же действительно не хотел. Глубинные боги, да если бы я даже решил... То уж точно не с Миаларой! От нее же потом не отцепишься!

— Вот в это я верю, ваше высочество, — невольно улыбнулась

Джиад. — И я не злюсь. Мне просто не нравится происходящее вокруг. И то, что я ничего не могу с этим сделать.

Только сейчас она вдруг поняла, что если Алестар молчал все это время, то и сама она была не слишком разговорчива. А принц принял это за обиду?

— Через два дня большие королевские гонки.

Алестар отвернулся от Джиад, старательно оправил тунику и отпихнул рыбеныша, втихомолку мусолящего конец его кожаного пояса. Подплыл к двери и открыл ее, придерживав.

— И что? — осторожно поинтересовалась Джиад, вслед за принцем выплывая из комнаты.

Жи, поняв, что его с собой брать не собираются, обиженно вякнул и попытался выскользнуть первым, но тут же попятился назад, отброшенный ловким взмахом хвоста Алестара.

— И ничего, — усмехнулся принц, глядя мимо Джиад в пустой коридор. — Ты же слышала, я не должен причинять новых хлопот...

Джиад могла бы сказать, что обойтись без любимой забавы — это не такая уж великая жертва ради спокойствия больного отца, но промолчала. Ясно же, что гонки для принца не просто развлечение, а способ вернуть себе утраченную, как он сам думает, смелость. И тут неизвестно, что лучше: побережь Алестара от новой опасности или позволить ему победить страх Арены. Еще недавно Джиад сказала бы, что первое безусловно важнее. Сейчас она не знала. Алестар замкнулся в себе, мучительно переживая случившееся с Эрувейн, а его отец продолжал вести себя так, словно принц — прежний безрассудный мальчишка. Что ж, может, и безрассудный временами. Но грань между отвагой и безрассудством тонка, а трусость не равна благоразумию.

Размышляя об этом, она проследовала за вновь смолкнувшим рыжим по коридору к королевскому кабинету. Проплыла внутрь — и вежливое приветствие замерло на языке под внимательными взглядами уже собравшихся там иреназе. Сам король, начальник охраны Иратель и... два жреца, знакомых Джиад по встрече в королевском саду. Как же их зовут...

— Доброго дня, отец, — поздоровался принц, низко поклонившись королю и кивнув остальным. — Доброго дня, кай-на Иратель и почтенные амо-на.

Джиад тоже поклонилась, мысленно окружая себя сияющим щитом Малкависа, — предосторожность, возможно, и лишняя, но успокаивающая.

— Доброго дня, — отозвался король, взглядом указывая им на два свободных кресла посередине.

Джиад предпочла бы сесть подальше от Алестара, как и в прошлый раз, но крайние кресла уже заняли жрецы и Иратель. Что ж, разве она не избранная принца? Вряд ли Тиаран — всплыло в памяти имя, отозвавшееся болью, — снова учинит что-то на глазах у всех.

Дождавшись, пока Алестар выберет себе место рядом с жрецом Троих, она опустилась в последнее свободное кресло, оказавшись между принцем и Иратель. Круглое глубокое сиденье для человека не предназначалось, так что Джиад устроилась на краю, пользуясь тем, что вода все равно держит ее над креслом. Зато со своего места она видела не только короля и обоих жрецов. Тиаран и Герлас... А обращаться к жрецам, значит, следует «амо-на». Интересно, почему тогда саму Джиад король зовет не жреческим титулом, а титулом подводной аристократки, дарованным за спасение принца от сирен? То ли не задумывается, что Джиад тоже жрица, то ли так называют только подводных жрецов, то ли дело в чем-то еще... Ее размышления прервал негромкий голос короля:

— О случившемся на свадьбе каи-на Эрувейн известно в городе. Разумеется, слухи плавают самые противоречивые. И, как водится, нелепые. Отыскать преступника пока не удалось, мы даже не знаем доподлинно, кто это. Но скорее всего служанка, потому что её до сих пор не могут найти.

«Или она убита своими сообщниками и спрятана, — подумала Джиад. — Будь я заговорщиком, непременно обрубил бы этот след и заодно запутала стражу короля».

— Впрочем, Иратель утверждает, что девчонка может быть уже мертва, — продолжил король, подтверждая мысли Джиад. — В любом случае, эта волна для нас пока потеряна. Иратель, что у вас нового?

И снова Джиад почувствовала, что упускает нечто очень важное, прозвучавшее не так давно. Тинкала... Что-то с тинкалой. Но что? Голос Ирателя отвлекал, не давая сосредоточиться. Начальник охраны говорил дельные вещи, перечисляя, как опрашивал подданных других городов, живущих в Акаланте, и местных жителей, кто недавно вернулся издалека... Оказывается, придворный художник успел нарисовать примерный портрет служанки со слов Алестара — вот куда принц вчера уплыл на пару часов. Портрет показали всем во дворце, но лишь несколько слуг вспомнили, что такая девушка действительно бывала на кухне и, вроде бы, служила в чьих-то личных покоях. Но вот в чьих? Да, несколько раз варила тинкалу, но в этом никто ничего особенного не увидел...

И опять все упиралось в тинкалу. Она была слишком сладкая и пряная — это принц хорошо запомнил. Только для того чтобы скрыть

примеси? Что-то еще недавно говорили Джиад про слишком сладкую тинкалу, которую кто-то варит...

Она усилием воли заставила себя отпустить эту мысль, зная, что теперь воспоминание выплывет само через некоторое время. Служанку вряд ли найдут... Но ведь принца не только травили! И стоило бы задуматься, почему сначала использовали не обычный яд, а гарнату. И не только яды!

— Значит, пока ничего, — сухо подытожил король. — Что скажете, почтеннейшие амо-на? Высокий Совет просит у меня объяснений поведению наследника. Пока еще просит, но мы все понимаем, что это значит.

А Джиад вот не знала. Высокий Совет смеет указывать королю, как должен вести себя наследный принц? Хотя если речь зашла о будущем королевства и безопасности самих высокородных... Ах, как же мало она знает об иреназе! Не может даже понять, почему король совещается обо всем этом с жрецами, а не с собственными советниками!

— Храм Троих всецело поддерживает королевскую семью, как и всегда, — раздался мягкий низкий голос Тиарана. — О происшествии на свадьбе юной Эрувейн мы будем рассказывать народу часть правды, которую можно рассказать. И я дам своим младшим братьям указание прислушиваться к любым разговорам, которые могут привести на след преступника.

Значит, здесь, как и наверху, сила храма в том влиянии, которое он оказывает на верующих. Иногда явном, иногда скрытом, но всегда огромном. И в слухах...

— Я бы тоже дал такое указание, — фыркнул со своего места Герлас, — но только в мой храм сплетни не несут.

Жрецы не ладят между собой? Судя по вызывающему тону Герласа, не упустившего возможность съехидничать в присутствии короля, еще как не ладят.

— Сила вашего храма в другом, почтенный амо-на, — обронил жрец Тиаран с мягкой снисходительностью, что наверняка должна была уязвить Герласа хуже жестокой насмешки. — И перед лицом беды следует забыть давние разногласия...

— Вот именно, — властно оборвал их король, выпрямляясь в кресле, насколько это было возможно, и подаваясь вперед. — Я жду помощи от каждого из вас. И потому у меня есть повеление...

А все-таки морскому владыке было нехорошо. Джиад видела, как изменилось его лицо то ли от болезни, то ли от постоянного напряжения:

веки набрякли, под глазами не проходили темные мешки, а черты лица заострились, так что поблекшая морщинистая кожа туго обтянула скулы. Если Алестар погибнет, это наверняка добьет короля, и тогда...

Что будет тогда — она не успела додумать.

— Я прошу каи-на Джад из Арубы, жрицу Малкависа и стража его храма... помочь в расследовании покушений на моего сына.

Что? Джад замерла, надеясь, что ослышалась или поняла неверно, но уже осознавая, что так оно и есть.

— Я даю каи-на Джад дозволение задавать любые вопросы и получать на них верные и подробные ответы. Любые, я сказал!

Король лишь слегка повысил голос, но этого оказалось достаточно, чтобы Герлас, возмущенно привставший в кресле и уже открывший рот, молча опустил на сиденье. А вот Тиаран не говорил ни слова, и это беспокоило гораздо сильнее. Но король! Он должен был посоветоваться с Джад! Предупредить хотя бы!

Алестар обернулся и тревожно глянул, будто почувствовав кипящее в ней возмущение. Но ничего не сказал, только снова прикусил уже припухшую губу и отвернулся — сдержанность давалась принцу нелегко.

— Желание повелителя — закон для Акаланте...

— Поручить такое двуногой?!

Два голоса слились воедино. Мягкий, вкрадчивый, лишь слегка удивленный — и возмущенный рык.

Джад безмолвно и неподвижно выжидала.

— Такова моя воля, — слова упали тяжело и медленно, словно камни сквозь плотную воду.

— Она двуногая... — упрямо продолжал Герлас. — Мой повелитель, это против закона и традиций. Двуногие — исконные враги Акаланте.

Алестар беспокойно пошевелился. Джад видела его с той стороны, где лицо не было обезображено все еще заметным кровоподтеком: мраморно-белая щека, линия скулы, завитки выбившихся прядей... Принц был бледен, только на скуле горело ярко-розовое пятно, и Джад вдруг стало тревожно.

— Она каи-на Акаланте. Избранная моего сына. Сердце Моря признало ее.

Ах, как же тихо стало после этих слов. Словно вода вдруг застыла льдом, не пропускающим ни звуки, ни колебания. И только щит, поставленный Джад больше ради спокойствия, внезапно дрогнул, как от тяжелого удара. Плотнее сжав губы, она смотрела прямо на короля, чувствуя, как чья-то бесцеремонная и упорная воля шарит по невидимой

броню, отыскивая в ней малейшую щель и не находя. Пока не находя. Кто из двоих? Тиаран или Герлас? Служитель Троиц или Глубинных? Второй всячески выказывает неприязнь к двуногим, но первый, безусловно вежливый и вкрадчивый, уже пытался подчинить ее своей воле. Кто из двоих сейчас ломает ее защиту и зачем?

Она сосредоточилась, с бессильной злостью понимая, что говорить вслух о происходящем неразумно и опасно. Возвала к Малкавису, одновременно погружаясь внутрь собственной души и поднимая на поверхность спокойное ровное сияние — силу посвященной жрицы. Золотистый свет окутал ее, создавая еще один слой защиты, и жадные щупальца, будто обжегшись, отдернулись. Джиад вздохнула свободнее.

— Что ж, — задумчиво произнес Тиаран, — это многое меняет. Не так ли, амо-на Герлас?

Жрец глубинных то ли недоверчиво, то ли презрительно фыркнул, испустив фонтанчик крошечных пузырьков. В другом месте и в другое время это было бы забавно, а сейчас лишний раз напомнило Джиад, что она на морском дне, где сама ее жизнь зависит от маленького камушка на кожаной ленточке — амулета, дарованного морским владыкой.

— Госпожа Джиад, — устало сказал король. — Вы хотите о чем-либо спросить почтенных амо-на, каи-на Иратора или меня?

Джиад глубоко вдохнула, отрешенно наблюдая, как свет от шаров туарры падает на поверхность предметов, лица и чешую иреназе, окрашивая все в комнате в теплые тона. Медленно обвела взглядом всех, начиная от сидящего слева Иратора и заканчивая хмурым Алестаром, упорно разглядывающим фреску со своей прародительницей, судя по сходству. Подумала, что король иреназе совсем в отчаянии, если доверяет подобное дело ей, двуногой чужачке. А впрочем, так ли плох выбор подводного правителя? Иреназе за века покоя и обожания королевского семейства и впрямь разучились должным образом это семейство охранять, полагаясь на традиции и всеобщую любовь. Теперь же заговор сплелся таким клубком ядовитых змей, что сразу и не распутаешь. А она здесь чужая и именно потому может взглянуть на все беспристрастно. Только вот вести допрос жрецов и Иратора явно лучше по одному — так будет легче подобрать к каждому свой ключик.

— Если позволите, ваше величество, — сказала она вслух, — я бы поговорила с вашими почтенными подданными немного позже и с каждым по отдельности. Мне нужно обдумать вопросы.

Жрец Глубинных снова отчетливо фыркнул.

— Впрочем, — ровно продолжила Джиад, поворачиваясь влево, — к

почтенному амо-на Герласу у меня есть вопрос уже сейчас.

— А почему именно ко мне? — ожидаемо вскинулся служитель глубинных, картинно скрестив руки на груди поверх черно-золотой туники. — Не к Ирталю или Тиарану!

Джиад пожала плечами.

— Если бы принца пытались убить с помощью силы Трои, я бы обязательно спросила об этом амо-на Тиарана. Однако на его высочество напустили Дыхание Бездны, а это, как мне сказали, проявление могущества глубинных богов. Кого же еще мне спрашивать об этом?

Герлас яростно выпустил струйку пузырей под скрестившимися на нем взглядами. Даже Алестар соизволил оторваться от созерцания картины и обратить на жреца мрачный взор. Выражения лица Ирталя Джиад не видела, но король смотрел на служителя Глубинных богов с уже привычным утомлением, а Тиаран — с обычной мягкой полуулыбкой.

Наконец Герлас отозвался, по-прежнему упорно не встречаясь взглядом с Джиад:

— И что именно хочет узнать госпожа... избранная?

В последнее слово он ухитрился вложить столько яда, что Джиад невольно улыбнулась. О да, жрец явно дал понять, что воспринимает ее только как временную игрушку наследника. Не равная Герласу по положению жрица земного бога, даже не кай-на — аристократка подводного королевства. Всего лишь избранная принца, а обстоятельства этого избрания все присутствующие знают.

— Все, — со спокойной терпеливостью ответила она. — Все, что вы можете рассказать о Дыхании Бездны. Кто способен его применить, что для этого нужно и можно ли выследить сделавшего это?

— В моем храме виновных можете не искать, — процедил Герлас. — Мы не служим Глубинным, что бы об этом ни болтали, мы бережем их покой ради жизни всего сущего. И ни один жрец Глубинных не способен на такую глупость, как вызвать в наш мир Дыхание Бездны.

— Почему? Разве это не надежный способ расправиться с врагом?

— А пробудить вулкан и уничтожить весь город вместе с этим врагом было бы еще надежнее, — съязвил жрец. — Дыхание подчиняется вызвавшему не больше, чем разъяренный салту. Его можно направить в нужную сторону и указать цель, но после этого зверь будет рвать всех, кого еще встретит на пути. Так и Дыхание Бездны — оно опасно и для жертвы, и для тех, кто рядом, и для самого вызывающего.

— Тогда почему применили именно его? — тихо спросила Джиад. — Господин Герлас, вы во всем этом понимаете больше, чем кто-либо.

Наследника пытались отравить, его отправили на встречу с сиренами — это способы куда надежнее, так? Тогда почему именно Дыхание Бездны? И кто еще, кроме жрецов вашего храма, мог бы это сделать?

— Кто угодно, — нехотя откликнулся Герлас, помолчав немного. — Кто угодно, знающий ритуал и владеющий чашей. Я предупреждал, что ее пропажа обернется бедой, но кто меня слушает? Чаша в руках святотатцев, да поглотит их души Бездна!

— Возможно, стоило тщательнее охранять такую опасную святыню? — сладко заметил Тиаран. — Попросили бы нас о помощи, в кладовых нашего храма довольно места.

— Не смейте... — огромной черно-золотой коброй зашипел жрец Глубинных, подаваясь из кресла навстречу сопернику. — Не смейте издеваться, Тиаран... Я потерял самого надежного и верного ученика. Мальчик жизнью заплатил за попытку уберечь чашу. И его смерть не повод для насмешек. А по вашей милости на рынке распевают песенки о глупых жрецах, то ли уронивших святыню в Бездну, то ли пропивших ее в таверне. Постыдитесь Троих, Тиаран, если не боитесь гнева Глубинных!

— Амо-на Герлас!

Сжавшись от окрика короля, жрец медленно опустился в кресло, закрыв лицо рукавом туники.

— Амо-на Герлас, — мягче повторил Кариалл, — мы сочувствуем вашей беде. Никто не винит вас в небрежении, а чашу ищут. Но найти небольшую вещь в целом городе — непростая задача. Поверьте, ее будут искать еще старательнее...

— О, конечно, — выдохнул Герлас, отнимая рукав от лица и кривя рот в злой усмешке. — Мы только и делаем, что ищем. Похитителей, убийц, заговорщиков... Пора бы найти уже хоть кого-нибудь. Ах да, прошу прощения, наш наследник, да продлятся его дни, нашел себе избранную. Великолепный выбор, поздравляю, тир-на. Достойный потомка убитой двуногими Ираэли.

— Герлас... — очень тихо и ровно сказал Алестар, — остановитесь...

— Я-то остановлюсь! — огрызнулся Герлас, отчаянно вскидывая голову. — Кто я такой, чтобы требовать отчета от любимца богов? Я всего лишь страж у двери в Бездну. Жрец, у которого не просят ни благословения, ни совета. Но что вы ответите народу Акаланте, тир-на Алестар? О гарнате, о забавах с двуногой, о девушках, которыми прикрываетесь от убийц? Что вы скажете послу Карианда и собственной невесте, что ждет от вас запечатления? Что променяли достойный брачный

союз на двуногую девку? То ли жрицу, то ли наложницу, то ли натасканную на слезку мурену...

Медленно, как во сне, Алестар толкнулся хвостом из кресла... Джад протянула руку, уже понимая, что не успевает, но пальцы сомкнулись на запястье принца за мгновение до непоправимого.

— Нет, — выдохнула она, — нет, прошу... Это говорит горе и обида... Не надо, Алестар...

— Герлас! Алестар!

Джад вцепилась в подлокотник кресла, живым якорем удерживая принца. Тот, как натянутая тетива, выгнулся вверх — и вдруг обмяк. Повернувшись, взглянул на Джад и ее пальцы у себя на запястье, длинно выдохнул и опять опустил в кресло. Только побелевшие скулы и бьющаяся жилка на виске показали, чего ему это стоило.

— Простите, ваше величество, — бросил Герлас далеким от раскаяния тоном. — Я лишь сказал вслух то, что уже носят волны. Найдете чашу — найдете и того, кто натравил на принца Дыхание Бездны, а мне здесь делать нечего. У вас и без меня хватает советчиков и помощников, один другого полезнее.

В полном молчании он проплыл к двери, надменно задрав голову, у самого порога обернулся.

— Если у госпожи избранной будут еще вопросы — добро пожаловать в мой храм.

Джад склонила голову, и Герлас, на прощанье снова зло фыркнув, выплыл из комнаты.

Когда дверь за жрецом Глубинных закрылась, король измученно потер пальцами виски.

— Каи-на Джад, я приношу вам извинения...

— Не стоит, ваше величество. Вы-то меня ничем не обидели.

Она с некоторым усилием разжала пальцы, стиснувшие запястье Алестара, — на мраморно-белой коже виднелись отчетливые следы. Принц, передернув плечами, коротко глянул и принялся молча разминать пострадавшую руку.

— Вас обидел мой подданный, — заметил король. — И попросит прощения, не сомневайтесь.

— Еще как попросит, — мрачно подтвердил Алестар. — Отец, Эруви скоро придет в себя, а она видела убийцу. Совет не может обвинить меня.

— Совет обеспокоен отнюдь не только этим.

Король помолчал, снова растирая пальцами виски и верхнюю часть лба, поморщился.

— Каи-на Джиад, вы хотите спросить еще о чем-нибудь? Я не очень хорошо себя чувствую, признаться...

— Только один вопрос, — негромко сказала Джиад, — но если ваше величество позволит, я хотела бы задать его наедине. Или, — покосилась она в сторону принца, — в присутствии его высочества, если он пожелает.

— Вот как? — король недоуменно вскинул седую бровь. — Что ж, полагаю, на сегодня мы можем закончить. Иратель, я надеюсь на ваше рвение. Амо-на Тиаран...

— Я буду молить троих о вашем здравии и благополучии королевства, мой повелитель.

Жрец одним изящным движением выскользнул из кресла, цветная туника заколыхалась вокруг его тела, мелькая пестрыми полосами и пятнами. Следом поднялся над креслом Иратель, молча поклонился и поплыл к двери вместе со жрецом. Дождавшись, пока в комнате остались только Джиад с Алестаром, король глубоко вздохнул, откидываясь на спинку кресла, и стало ясно, каких усилий ему стоило не выказывать слабости во время аудиенции.

— Отец, прошу, позволь тебе помочь...

В голосе Алестара звенела мольба, он даже вперед подался, готовый сорваться с места при любом одобрительном знаке, но король медленно покачал головой.

— Не трать силы, Алестар. Сердце Моря не спасает от старости и тоски. Лучше...

Не договорив, он махнул рукой, и принц отшатнулся, снова опуская голову уже привычным жестом.

— О чем вы хотите спросить, госпожа страж?

Удобнее устроившись в кресле, король протянул руку, взял что-то со стола и положил в рот.

— О самой простой и нужной для расследования вещи, — сказала Джиад, сплетая пальцы, чтобы сосредоточиться, раз уж четок у нее не было. — О том, кому выгодна смерть принца.

— Никому, — утомленно уронил король. — Я уже говорил. Да, у нас есть враги. Та же Суалана с радостью отплатила бы за поражение в недавней войне, но не такой ценой. Если род королей Акаланте прервется, наше Сердце Моря погаснет, и некому будет сдерживать вулкан, лежащий в основании города. Суалана не настолько безумна, чтобы желать этого.

— Хорошо, — согласилась Джиад. — Это понятно. И все же не дай Малкавис, Трое и все боги мира, но представьте на мгновение, что эта беда случилась. Кто займет трон после вас? Ведь вулкан не проснется в то же

мгновение? Есть законный король — вы. И вы сможете сдерживать его какое-то время, если я правильно поняла...

— Какое-то время — смогу, — тяжело уронил король. — Теперь я понимаю, почему вы предпочли спрашивать наедине, и все больше убеждаюсь в верности своего выбора. Госпожа страж, надеюсь, вы злитесь на меня не настолько, чтобы отказаться?

— Не настолько.

Джиад поморщилась.

— Хотя я предпочла бы узнать о ваших намерениях заранее. И если ваше величество придумает для блага королевства еще что-нибудь подобное...

На губах короля появилась слабая, но все же улыбка. Он сплел пальцы, копируя жест Джиад, и слегка склонил голову, рассматривая их с Алестаром.

— Знаете, в чем ваша сила и беда, госпожа страж? Вы ставите честь и верность превыше всего. Это прекрасная черта, но опасная для вас.

— Знаю, — коротко ответила Джиад, досадливо встряхивая волосами, которые за последнее время отросли так, что стали лезть в глаза. — Давайте о деле, ваше высочество. Я понимаю, что вы нездоровы, и не хочу показаться неучливой.

— Давайте, — согласился король, беря со стола еще одну крупную горошину, как показалось Джиад, и снова кладя в рот. Несколько ударов сердца он посидел, прикрыв глаза и рассасывая лекарство, потом глубоко вздохнул и заговорил:

— Я слишком стар, чтобы зачать другого наследника, если Алестар погибнет. Мне следовало озаботиться этим раньше, но я так любил его мать... Не знаю, поймете ли вы... Совет каи-на просил меня взять наложниц, я подчинился требованию, но... лишь для вида. И дело не в запечатлении. Просто я не мог предать память той, что ушла... Хватит об этом. Так или иначе, моя слабость привела к тому, что наследник у Акаланте один. У меня две родные сестры, но они давно прошли запечатление и живут в семьях супругов, отказавшись от крови Акаланте. Верность городу не делится пополам, нам приходится делать выбор...

Он перевел дух, на щеках появился румянец, но Джиад подумала, что это скорее тревожный признак, чем благоприятный, очень уж резкими пятнами легла краснота и глаза короля заблестели неестественно.

— А других родственников у вас нет? — осторожно поинтересовалась она.

— Они не могут править. Кровь должна быть чистой, а право

наследования — переданным по прямой линии. Есть потомки боковых линий, но их кровь недостаточно сильна, чтобы удержать Сердце Моря в повиновении, оно просто сожжет изнутри того, кто окажется слаб. Или неугоден святыне.

— Вы поэтому сказали, что оно признало меня?

— Именно, — с удовлетворением кивнул король. — Я дал вам титул каи-на, госпожа страж, это великая честь, но вы ее заслужили спасением Алестара. И все же каи-на в Акаланте немало, а Сердце позволяет прикоснуться к себе лишь избранным. Теперь все будут знать, что вы отмечены его милостью. Возможно, это вам пригодится... Но поверьте, никто из живущих в Акаланте не может претендовать на престол. Я знаю, у королей суши все иначе...

— Совсем иначе, — подтвердила Джиад, вспомнив проклятого герцога, из-за которого оказалась на морском дне. — Хорошо, я поняла и это. А кто-то из другой королевской семьи — может? Вы говорили о войне...

— Разумеется, — снова склонил голову король. — Если наш род прервется, право на воды Акаланте будут оспаривать Суалана и Карианд, у остальных просто не хватит сил. Суалана вечно голодна, а Карианд медленно гибнет: их единственная надежда — новые владения, куда можно переселиться. Но это означает истребить большинство исконных жителей Акаланте. Без Сердца Моря и правителя, способного им управлять, город станет легкой добычей, но кто бы его ни завоевал, ему будет трудно удержать добытое. Когда Изначальное Сердце было разбито на осколки, Мать Море не зря повелела, чтобы будущие короли иреназе унесли каждый свою долю в разные области моря. Части Сердца хранят лишь тот город, в котором их чтят изначально. Присоединить новые владения... это требует огромных сил правителя и может слишком истратить силу Сердца.

— То есть Суалана не хотела вас завоевать? — уточнила Джиад, в самом деле начиная что-то понимать.

— Нет, конечно. Они лишь хотели права охотиться в богатых областях дна, принадлежащих нам. Возможно, я даже позволил бы это. Не даром, конечно, а с выгодой для обеих сторон. Однако Суалана никогда не хотела платить за то, что рассчитывала получить силой.

Король вздохнул.

— Это стоило нам потерь... Но о политике вам лучше расспросить Ираталя или кого-то из моих советников. Да хотя бы Алестара — он знает достаточно. Что-нибудь еще?

— Прямых наследников, кроме Алестара, нет. Соседним

государствам завоевать вас выгодно, но слишком опасно для равновесия. Хотя они могут так и не думать, или выгода способна перевесить риск, — задумчиво подытожила Джаад. — И еще я не могу понять, почему принца пытались то убить, то довести до безумия — это все-таки разные способы избавиться... И еще ваш Совет... Но об этом и вправду лучше спросить каи-на Ираталя... Последнее, ваше величество. Насколько тяжело вы больны? Простите, что спрашиваю об этом при вашем сыне, но вы и сами видите: он искренне озабочен этим. И... имеет право знать.

— Мой сын слишком рано станет королем, — промолвил Кариалл, с горькой нежностью глядя на поднявшего голову Алестара. — Видит Мать Море, ему бы принять эту ношу позже... Целители предсказывают мне еще год-два... Но это в самом благополучном случае. Война с Суаланой обошлась мне дорого. Да и вулканы, что просыпаются из-за Карианда... Об этом тоже расскажет Алестар. Но я определенно не собираюсь покидать этот мир в ближайшее время — слишком большая роскошь...

Король почти весело усмехнулся.

— А Сердце Моря не способно вам помочь?

— Увы, нет. В любом случае, я не стал бы тратить силу, которой может не хватить моему сыну для действительно важных дел. Сердце за все берет плату, и оно далеко не бездонно. Спасая Эруви, Алестар был очень... неосторожен.

— Отец! Но я же не мог...

— Я тоже не мог оставить без помощи наших раненых, — жестко сказал король. — И посмотри, к чему это привело. Я умираю от истощения, Алестар. Моя жизнь, может, и достойная цена за несколько десятков моих подданных, но ты не готов принять корону и Сердце. В спокойное время — может быть...

— Никто и никогда не готов потерять родителей, — тихо сказала Джаад. — Но рано или поздно сыновья принимают бремя отцов. Да, принц был неосторожен. Он мог погибнуть, как и тогда, отправив меня на землю. Но разве вы предпочли бы видеть своим сыном и наследником труса?

— Я... — король осекся, внимательно глянув на Алестара, кажется, даже затаившего дыхание. — Я предпочел бы видеть мудрого и осторожного правителя. И знающего, что иногда приходится жертвовать чем-то...

— Или кем-то, — мягко подсказала Джаад. — О да, бремя королей, я помню. Что ж, мне приходилось и видеть такого принца, и даже служить ему. Торвальд, ныне его величество Аусдранга, умеет жертвовать. Я бы даже сказала, это его большой талант — жертвовать кем-то с огромной

выгодой. Очень полезный для правителя. Торвальд, конечно, не обменял бы свою жизнь ни на чью. Прекрасный пример для подражания...

— Вы не понимаете, — раздраженно отозвался король. — Вы просто не понимаете, насколько ценен Алестар для Акаланте!

— Кажется, уже понимаю, — спокойно сказала Джиад. — Мне все только и твердят об этом. Но ваши подданные не стадо салту, которое можно загнать, куда вздумается. Хотя, сдается мне, кто-то и пытается это сейчас проделать. Народ любит вас, ваше величество. И наверняка многие знают, какую цену вы заплатили за победу в войне. Эти раненые... Они были из семей каи-на?

— Нет, конечно, — буркнул Кариалл. — Словно я выбирал бы... Они все — мои дети...

— И они благодарны за это, — еще более мягко подытожила Джиад. — Я слышала, как теплеют голоса, и видела, как светятся глаза, когда подданные говорят о вас. Любовь к вашему сыну пока что больше ваша заслуга. Принца любят, но как милое и красивое дитя.хлопотное, но и это ему пока прощают. Только вы сами сказали, что ваш срок на исходе. Значит, Алестару пора заслужить собственные любовь и уважение подданных. Если станет известно, что он оставил умирать девушку, которая прикрыла его от убийцы, что скажет народ иреназе?

— Джи... Я же не из-за этого... — растерянно и почти с ужасом вставил Алестар.

— Я вас достаточно знаю, ваше высочество, чтобы Малкависом поклясться, — усмехнулась Джиад, — о народной любви вы в тот момент вообще не думали. И хорошо, что не думали, пожалуй... Второго Торвальда ваш народ не заслужил. Вы и сами сказали, — снова обратилась она к королю, — Акаланте предстоят тяжелые времена. Подданным нужен мудрый правитель, но рядом с принцем будут советники и жрецы. Они постараются сдержать в узде его нрав и остерегут от ошибок. Однако любовь и доверие он может заслужить только сам. Я не говорю, — поспешно добавила она, — что следует кидаться в любую опасность! Просто не судите его слишком строго за спасение госпожи Эрувейн. Поверьте, это стоило риска...

— Я подумаю над вашими словами, — медленно уронил король.

Действие снадобья, похоже, заканчивалось, и он снова стал говорить тише, лицо побледнело, а глаза утратили яркий блеск.

— Простите, ваше величество, я оставлю вас, — поклонилась Джиад, с некоторым трудом поднимаясь из кресла, в которое все-таки сползла во время разговора. — Мне тоже нужно подумать.

Она поплыла к двери кабинета, но у самого порога, уже почти выплыв в коридор, не выдержала и обернулась. Алестар полулежал у кресла короля, уткнувшись лбом в отцовский хвост там, где у человека были бы колени, а Кариалл медленно гладил его волосы, низко склонившись и говоря что-то. Джиад поспешно закрыла дверь и несколько раз глубоко вдохнула очень плотную, как всегда при усталости, воду. Ей казалось, что она только что выдержала тяжелый поединок, причем не учебный, а настоящий, с боевым оружием и опасным соперником. Жрецы, король, сам принц... В глазах темнело от напряжения, которым в покоях короля была полна даже вода. Нет, надо вернуться к себе и хорошенько подумать обо всем этом. Погулять с Жи, съесть чего-нибудь...

Она оглянулась на дверь, за которой остался принц, раздумывая, стоит ли ждать его здесь? По всему выходило, что это глупо. Если отец и сын помирились, разговор может быть долгим, а у нее еще много дел...

Приняв решение, Джиад доплыла до поворота, за которым ожидали неизменные близнецы, и сообщила, что принц остался у его величества, а ей бы отдохнуть... Кивнув, Дару отрядил с ней Кари, а сам остался терпеливо дожидаться.

— Скажите, Кари, — поинтересовалась Джиад, пока они плыли к ее спальне. — Что говорят в городе? Принца сильно осуждают?

— Многое говорят, — подумав, отозвался Кари. — Больше радуются, что жив остался. Ну, и госпожу Эрувейн жалеют. Молодая ведь совсем, красавица и добрая... Очень ее любят...

— Значит, принц хорошо сделал, что ее спас? — допытывалась Джиад, уже сама сомневаясь в том, что так уверенно защищала перед королем. — А если бы он погиб? Сердце Моря ведь могло взять его жизнь в уплату. И Акаланте остался бы без наследника.

— Я вам так скажу, каи-на... — помолчав еще больше, сказал Кари и в подтверждение своей серьезности посмотрел на Джиад. — Его высочество вам причинил немало зла, да и характер у него... хм... непростой. Только трусости за ним никогда не замечали. Иначе он бы и на охоту не плавал загонщиком, поберег себя. Охота, это ведь не Арена, чести там особой нет, а погибнуть — запросто. И с каи-на Эрувейн вот тоже... Не таков он, чтоб не помочь, если помочь может, понимаете? А город... Город, он из жителей состоит. Сегодня — госпожа Эрувейн, завтра еще кто-то. Если каждого по отдельности в беде оставить, то что с городом будет?

— Благодарю, Кари. Это вы очень верно сказали, — с чувством ответила Джиад. — Я тоже так думаю... Хотя хорошо, что все обошлось.

— Понятное дело, хорошо, — ухмыльнулся охранник. — Хоть принц

и дурной по молодости, да без него нельзя. Ничего, вырастет, поумнеет. Лишь бы его величество был здоров.

— Да хранят его Трое, — согласилась Джиад. — Кажется, сейчас только король Кариалл — истинный страж спокойствия моря и суши.

ГЛАВА 10. Потери и находки

В спальне Джад устало опустилась на кровать и позвала Жи, но рыбеныш только высунул морду из-под кровати и снова спрятался. То ли обиделся, то ли у него там было что-то интересное, судя по колыханию воды. Заставив себя расслабиться, Джад немного полежала, затем уже привычно дернула рычаг вызова прислуги и попросила еды. Тот же мальчишка, что чистил клетку рыбеныша, мигом притащил с кухни целый поднос, уставленный тарелками и коробочками, заверив, что всю еду для тир-на Алестара и его избранной проверяет специальный целитель, а его самого с подносом провожал один из стражников.

От важности порученного дела мальчишка смешно и мило пыжился, топорщил короткий хвостовой плавник, совсем не такой роскошный, как у Алестара, и то и дело дергал себя за короткую прядку волос, выбившихся из тщательно заплетенной косички. На Джад он смотрел с восторгом и слегка боязливым любопытством, совсем как прислуга в Аусдранге, и Джад вздохнула, вспомнив Рыжика. Как он там? Не наказали ли мальчишку за помощь беглой жрице? От Рыжика мысли коварно попытались перескочить к Каррасу и Торвальду, но Джад усилием воли прогнала их. Его величество вряд ли стоит воспоминаний, а думать о Лилайне было больно и стыдно.

Рыбеныш, почуяв, что в комнате кто-то еще, высунулся из-под кровати наполовину, подозрительно посмотрел на парнишку и полез обратно. Завозился там, явно подозревая слугу в недобрых намерениях. Неужели помнит, как тот игрушки отбирал?

— А это у вас и правда салру? — спросил мальчишка, набравшись смелости и умоляюще глядя на Джад. — Они же не приручаются...

— Правда, — вздохнула она. — Жи, сюда!

Взяв с тарелки кусочек рыбы и постучав по раме кровати, она подманила рыбеныша. Тот выплыл наружу, благосклонно принял угощение и даже разрешил радостно забулькавшему пареньку погладить себя и почесать нос. Потом, впрочем, все равно показал зубы. Так, для порядка...

— О, еда, как вовремя...

Ворвавшийся в дверь Алестар хищно глянул на поднос. Парнишка, поклонившись, мгновенно исчез, а Жи заплясал вокруг принца, то тыкаясь носом в его ладонь, то пытаясь прихватить зубами за хвост, но не всерьез, а так, игриво... Алестар пару раз взмахнул хвостом, словно уворачиваясь,

отчего рыбеныш пришел в полнейшее восхищение. Глядя на их игры, Джад клятвенно пообещала себе вечером хорошенько погулять с малышом — скучно же ему в комнате. Опять вон что-то грызет под кроватью. Копыто, наверное...

Она присоединилась к принцу, разоряющему накрытый стол, и мельком покосилась на клетку. Нет, любимое копыто Жи лежало на месте, да и остальные игрушки вроде тоже. Откуда он их взял, все-таки? Не самая важная вещь, чтоб об этом думать, но интересно...

— Как себя чувствует его величество? — спросила она, когда принц, насытившись, развалился на постели, лениво поддергивая хвостовым плавником для удовольствия Жи — словно играя с кошкой или щенком.

— Плохо, — мгновенно нахмурился Алестар. — И не верит, что я могу помочь. Я...

Свернув хвост кольцом и приподнявшись на кровати, он посмотрел на Джад. Она уже поела и теперь отщипывала кусочки курапаро, лакомясь сочной мякотью.

— Жи...

Принц нерешительно отвел взгляд, но тут же снова поглядел на нее и продолжил:

— Спасибо тебе. Я даже не знаю, как благодарить. Мы поговорили, представляешь? За долгое время первый раз просто поговорили! И он сказал, что верит — я буду хорошим королем...

Голос Алестара осекся, принц смущенно и беспомощно улыбнулся, пряча взгляд, а Джад подумала, какой же он еще, в сущности, мальчишка. Избалованный, заласканный и привыкший к безнаказанности, но любящий отца. Да король мог из него веревки вить, почему же Алестар вырос настолько неуверенным в том, что сможет хорошо править? В его возрасте сыновья земных правителей уже ведут войны, собирают налоги и плетут интриги. Зачастую — против собственных отцов. Не в этом ли дело? Да нет, рыжий отца боготворит — видно же. И старается помочь: еще не совсем оправившись от болезни, почти каждый день хоть по часу-два, но проводит за повседневными делами королевства...

— Я рада, ваше высочество, — сказала она искренне. — Очень рада. Его величество в самом деле любит вас, разве можно в этом сомневаться?

— Ну... — Алестар пожал плечами. — Жи, отдай! Это что еще за новая гадость?

Потянувшись с кровати, принц поспешно дернул за клоч спутанных белесых то ли водорослей, то ли ниток, которые увлеченно трепал рыбеныш. Почесывая нос, уговорил салру расстаться с незнакомой

игрушкой — раньше Джад ее точно не видела. И замер, озадаченно разглядывая расправленный лоскут тонкой кожи, с которого свисали не водоросли, как сначала показалось, а волосы. Светлые волосы длиной в пару ладоней... На мгновение Джад окатило ужасом — почудилось, что они сняты вместе с кожей с чьей-то головы. Потом она поняла, что это просто парик.

Молча взяв протянутый Алестаром лоскут, она расправила плотную тонкую ткань, примерила к себе, и принц длинно выдохнул в воду:

— Она...

— Та служанка? — дотошно уточнила Джад. — Вы узнали волосы и прическу?

— Точь в точь! Жи, где ты это взял?

Они одновременно глянули на рыбеныша, гордо помахивающего хвостом, — в этот раз ему удалось принести достойную добычу, раз к ней такое внимание.

— Ненастоящие волосы... — растерянno проговорил Алестар. — Но зачем?

— Чтобы скрыть настоящие, — пожала плечами Джад. — Значит, они у нее не светлые, как мы думали. И...

Она пригляделась к длине волос и форме прически. Воспоминание вспыхнуло так ярко! Светлые волосы, приятная улыбка, бирюзовые, как и говорил Алестар, глаза. И темно-синий хвост! Она не узнала эту девочку на свадьбе Эрувейн, потому что видела издали, но они встречались раньше. И не просто встречались... Проклятая девчонка была рядом в то самое утро... Да что там рядом — она вывела Джад навстречу одурманенному гарнатой Алестару. Вывела так же мило и спокойно, как делала ей массаж, щебетала о пустяках и подавала еду...

— И я ее знаю, — закончила Джад, опуская руку с париком. — То есть думаю, что знаю. Она звала себя Каришей. Такая славная девочка...

Алестар молча взял у нее из руки парик, стиснул в пальцах и закрыл глаза. Джад смотрела, как белеют его плотно сжатые губы, а на скулах расцветают темно-розовые пятна. Пару минут принц молчал, не двигаясь, только на виске под кожей билась набухшая жилка. Потом заговорил, очень тихо и ужасающе спокойно:

— Все это время она была здесь. Рядом с тобой, с отцом, со мной... Она дышала нашей водой и плавала по дворцу. Она подливала мне отраву. И — светлые волосы! Ненастоящие светлые волосы! Тварь!

Он взмыл с ложа одним мощным толчком хвоста...

— Подождите! — крикнула Джад, подаваясь вперед. — Я не

понимаю! Почему цвет так важен?

Испуганный Жи метнулся к ней, ткнувшись в колени и едва не повалив на постель, — сил у выросшего рыбеныша прибавлялось каждый день. Алестар, на мгновение замерев, как вставший на дыбы, но осаженный уздой конь, обернулся, глянул непонимающе. Потом, глубоко вдохнув, сказал уже обычным голосом:

— Цвет... Правда... Я все время забываю, что ты не иреназе. Много ты видела в Акаланте темноволосых?

— Н-нет, — неуверенно признала Джиад то, на что до этого не обращала внимания. — Ваша наложница Санлия, да еще Дару с Кари...

А ведь и в самом деле, у иреназе она видела все оттенки белых, рыжих, золотых и светло-каштановых волос, но черные или просто темные были всего у троих знакомых ей морских жителей. Да и в городе как-то не попадались.

— Что, это такая редкость?

— Это — Суалана! — сказал, как выплюнул, принц. — Дару и Кари — маравейцы, там встречаются темноволосые, хоть и редко. А Санлия — суаланка. Это у них светлой головы не встретишь, как у нас — темной. И дети всегда рождаются в того из родителей, в чьем городе живет семья. Ну как я мог быть таким безмозглым мальком! Видел же темный хвост...

Он заметался по комнате, рассекая воду резкими взмахами хвоста и движениями рук, то ли чтобы успокоиться, то ли просто не справляясь с чувствами. Жи, решивший, что с ним играют в догонялки, упоенно бросился следом, а Джиад изо всех сил сосредоточилась.

— Значит, девица не из Акаланте, — проговорила она вслух, собирая воедино сказанное принцем и собственные мысли. — Темные волосы у вас слишком приметны, и потому она носила парик. А цвет хвоста замаскировать труднее, но в этом ей пришлось рискнуть, верно? Только... почему вы уверены, что она именно суаланка? Сами говорите, что темные волосы встречаются и в других государствах моря...

— У маравейцев оттенок немного не тот, — хмуро бросил принц, подплывая и круто опускаясь рядом на постель.

Не успевший вовремя остановиться Жи ткнулся ему в хвост, был немедленно перехвачен и блаженно замер в руках Алестара. Рыжий, мельком глянув на рыбеныша, принялся почесывать ему тельце от носа до хвоста...

— Сильно отличается? — дотошно уточнила Джиад.

— Ну...

Принц передернул плечами и нехотя признал:

— Перепутать можно. Только Маравея нам не враги. Мы воевали с Суаланой, соседи нас ненавидят. Бедная Санлия... Если выплывет, что меня хотела убить суаланка...

— Госпожа Санлия разговаривала с той девицей, — сухо напомнила Джиад. — Как она могла говорить с соотечественницей и не понять этого?

— Санлия не виновата! Она не могла причинить мне вред!

— Ваше высочество, — тихо сказала Джиад, сочувственно глядя на опустившего глаза Алестара, — я снова слишком мало знаю о вашей жизни, но в этой истории многовато совпадений. Скажите, как еще можно опознать иреназе из Суаланы, кроме цвета волос? Язык у вас одинаковый?

— У них выговор другой, — мрачно буркнул принц. — Но если постараться, тоже можно исправить. Сан... Она просто не могла. Она столько времени рядом с нашей семьей, почему раньше ничем не вредила?

— Ваше высочество...

Джиад тяжело вздохнула, чувствуя себя ужасной мерзавкой.

— Мне жаль госпожу Санлию, ей досталась тяжелая судьба. Ваш отец поступил с ней великодушно, да и вы не обижали, я уверена, но... если бы не Акаланте, всего этого с ней бы не случилось. Я не говорю, что она виновата. Но ей было достаточно просто промолчать... Не прищипоривайте диких коней...

Она увидела непонимание в глазах Алестара и поправилась:

— Не будьте слишком поспешны в решениях и словах, не говоря уж о делах. То, что принес Жи, нужно показать господину Ирталю. И меня по-прежнему беспокоит мысль, где он это взял?

— Меня теперь тоже, — хмуро уронил принц. — Если девчонка сняла парик, значит, он ей больше не нужен. Сбежала домой?

— Или убита сообщниками. В любом случае, нельзя прекращать поиски. Жи, где же ты это нашел?

Она беспомощно посмотрела на малька, увлеченно подбирающегося к роскошному хвосту Алестара.

— Там же, где и... копыто?

Алестар покосился на клетку салру, где предательски белел дочиста обглоданный мосол.

— Хотел бы я посмотреть на место, где можно отыскать такие любопытные вещицы.

Он снова взял с постели растрепанный парик и, покрутив его в руках, решительно заявил:

— Я плыву к Ирталю.

— Мы плывем, — мягко поправила Джиад, одергивая тунику и

поправляя волосы, которые упрямо лезли в глаза и ореолом окружали лицо.

Она уже приготовилась напомнить, что сам король велел ей расследовать покушения на наследника, но рыжий, против ожиданий, не воспротивился, ответив кивком и хмурым взглядом. И даже не поленился лично залезть под кровать, чтобы проверить, не найдется ли там еще чего-нибудь интересного, пока Джадд удерживала возмущенного вторжением Жи за хвост и спинной плавник.

— Пусто, — сообщил принц, выбираясь из-под ложа с обломком большой раковины в руках. — Только вот это...

Повертев раковину в руках, он отбросил ее, и салру, одним стремительным движением вывернувшись из объятий Джадд, на лету поймал игрушку зубастой пастью.

— Надо же... — проследил за ним взглядом Алестар. — А салту такому учатся гораздо позже... Ну, поплыли?

Он придержал для Джадд тяжелую дверь комнаты и уже в коридоре, оглянувшись на молча следующего за ними Кари, тихо сказал:

— Я все равно не верю, что это Санлия. Не говори пока никому, кроме Ираталя, хорошо? Он-то не станет... как ты там говорила про спешку...

— Пришпоривать диких коней?

— Вот-вот. Люди на них ездят, как мы на салту, да? Дикие — это я понимаю... А что значит «пришпоривать»?

— Подгонять. Шпоры — это как лоур, — попыталась объяснить Джадд. — Острие, которым понукают лошадь, чтобы быстрее бежала.

— И никто в здравом уме не станет колоть лоуром необъезженного салту, — усмехнулся Алестар. — Да, я понял. Все-таки у людей и иреназе больше общего, чем можно подумать. Недаром Мать Море и Мать Земля — родные сестры...

Он плыл неторопливо, явно приноровляясь к движениям Джадд, и она уже привычно почувствовала себя ужасно неуклюжей. Плотная вода сковывала движения, делала тело неповоротливым и медлительным. Как ей вообще удалось отбиться от сирен, такой беспомощной?

Джадд тихо вздохнула, отгоняя внезапную острую тоску по солнцу и воздуху. Слабость сейчас совсем не к месту... Впрочем, слабость никогда не бывает вовремя. Просто... очень хочется погреться у огня и надеть что-нибудь сухое, теплое... И еды хочется обычной, человеческой. Совсем уж некстати вспомнилось, что она так и не попробовала знаменитый двойной шванг с козьим сыром в таверне «Лысый еж». И даже не знает, еда это или напиток?

Она с усилием отогнала предательскую мысль, которая от шванга с готовностью перескочила на Лилайна. Зябко поежилась в прохладной струе воды, сменившей теплое течение, и осмотрелась в комнате, куда вплыла вслед за Алестаром.

— Каи-на Иратель у себя? — спросил принц немолодого иреназе в короткой синей тунике, при их появлении согнувшегося в почтительном поклоне.

— Да, тир-на, — откликнулся тот. — Беседует с каи-на Миаларой.

— Позови, — велел принц, прежде чем Джиад успела сказать, что не надо бы прерывать допрос.

Снова поклонившись, стражник кинулся исполнять приказ, и через пару минут Иратель выплыл к ним.

— Тир-на Алестар, госпожа избранная...

Взгляд начальника охраны наткнулся на спутанный клубок парика, который принц так и не выпускал из рук, не доверив даже Кари, и мгновенно стал внимательным и очень холодным.

— Это то, что я думаю? — ровным тоном уточнил Иратель. — Где вы это взяли?

— Смотря что вы думаете, — съязвил принц, протягивая улику. — И я сам хотел бы знать, откуда взялась эта дрянь у меня под кроватью, да вот беда — Жи не умеет разговаривать.

— Жи? Ах, ваш салру...

«Вообще-то, у меня под кроватью, — про себя усмехнулась Джиад. — Все-таки эта комната считается моей... Но не поправлять же его высочество в подобной мелочи. Моя комната и мой салру...»

Иратель принял парик из рук принца, повертел в руках, рассматривая, тяжело вздохнул:

— Как нехорошо...

— А что говорит Миалара? — поинтересовался Алестар, брезгливо потирая руку об руку, словно смывая грязь.

— Ничего не говорит, — меланхолично отозвался Иратель. — То есть ничего полезного. Каи-на Миалара клянется, что не хотела плохого. Только доказать вам свою любовь и подарить наследника королевскому дому.

— Дура... — передернулся Алестар.

— О да, — устало согласился Иратель. — К сожалению, эта дура — дочь советника... Не представляю, как у хитрой мурены Лорасса родилась такая глупая рыбешка-дочь? Госпожа Джиад, а вы что можете сказать про эту... вещь?

— Про эту — только то, что уже сообщил его высочество, — сказала Джиад. — Ее принес Жи и спрятал среди остальных своих игрушек. Откуда — я не знаю. Но мне бы поговорить с вами кое о чем еще, каи-на Иратель...

— К вашим услугам. Все равно с госпожой Миаларой от меня никакого толку.

Иратель измученно вздохнул, и Джиад от души ему посочувствовала. Выглядел начальник охраны уставшим и разочарованным.

— А что, если с ней побеседует его высочество?

Оба иреназе воззрились на Джиад: принц — с недоуменным возмущением, начальник охраны — с интересом.

— Тир-на? — переспросил Иратель. — О... а ведь и вправду... Вам, ваше высочество, она расскажет все, что угодно...

— Все, что у нее хватит ума вспомнить, вы хотели сказать? Ради Троих, Иратель, ну о чем мне с ней говорить?

Алестар даже назад попятился, кинув на дверь допросной комнаты взгляд, полный отвращения.

— О том, кто подсказал ей такой способ добиться вашего расположения, — негромко подсказала Джиад, до глубины жалея, что уж с ней красotka Миалара слова по доброй воле не молвит. — Кто посочувствовал ее беде и назвал целителя, готового помочь? Подруга, служанка, родственница? Вряд ли госпожа Миалара говорила об этом с мужчиной...

— Да понял я, понял, — буркнул Алестар, смиряясь с неизбежным. — И что мне, наедине с ней разговаривать?

— Конечно, наедине!

Иратель проплыл вперед, освобождая путь к круглой двери, на которую принц косился так, словно за ней ждали сирены.

— А мы с госпожой избранной слушаем вас из другой комнаты, соседней. Там есть потайное окно.

Он поманил Джиад за собой, и она послушно проследовала в крошечную комнатку, дверь в которую даже не заметила за висящим на стене кожаным пологом.

— Признаться, я и сам хотел просить тир-на Алестара побеседовать с этой... упрямцей, — негромко сказал Иратель, стоило им остаться наедине. — Благодарю, госпожа жрица.

— Не за что...

Джиад с любопытством осмотрелась в камерке, почти всю стену которой занимало большое мутноватое стекло. Подплыв к нему, Иратель

нажал несколько рычагов у шаров туарры, окружающих окно, и те разгорелись, освещая комнату и то, что за стеклом.

— А с той стороны ничего не видно? — уточнила Джаид, разглядывая небольшое помещение и девушку, полулежащую на низком ложе.

Полукруглый потолок, туарра на стенах, подушки и покрывало... Для тюремной камеры комната выглядела слишком уютно, но ведь Миалара — дочь одного из высших сановников подводного королевства, — напомнила себе Джаид.

— Ничего, — подтвердил Иратель, тоже наблюдая, как Алестар всплывает к узнице, вскинувшей ему навстречу. — Зато мы увидим все и услышим каждое слово.

И действительно, из круглого отверстия над окном раздался радостно-удивленный голос Миалары:

— Мой принц! Как я рада!

— Доброго дня, Ми...

Алестар осторожно приблизился к постели, так и не решившись опуститься на нее.

— Любой день добрый, если я вижу вас...

Красотка-иреназе сложила унизанные перстнями пальцы перед собой и томно вздохнула, так что легкая туника из блестящей ткани натянулась, обрисовывая восхитительную грудь.

— Ми, зачем ты это сделала? Я бы все равно на тебе не женился.

Джаид поморщилась от такого откровенно грубого начала — вести допрос Алестар умел еще хуже, чем разговаривать с влюбленными дурочками. Но Миалара лишь пожала красиво круглящимися плечиками:

— Мне все равно! Я люблю вас, мой принц. Мой Алеста-ар... Разве ты не знаешь, что мы предназначены друг другу?

— Неужели?

Наконец-то голос Алестара наполнился вымученным подобием игривости, и Джаид увидела, как Миалара подалась вперед, опираясь на руку и подергивая хвостом по ложу.

— О да! — выдохнула она. — Со мной ты забудешь всех и станешь счастливым!

— Ми...

Принц затравленно окинул взглядом комнату, пытаясь угадать, откуда за ним наблюдают, и Джаид стало почти смешно.

— Ми... — обреченно повторил он, старательно улыбаясь девушке. — Прости меня. Я не знал, что ты так сильно меня любишь...

Он слегка двинул хвостом, еще немного подплыв к ложу, и осторожно продолжил:

— Но... Я запечатлен, понимаешь?

— Это ничего не значит! — радостно отозвалась Миалара, глядя на принца с выражением, которое Джиад назвала бы предвкушающе-голодным: — О, Алестар, твоё запечатление — просто ошибка. Злая шутка богов!

— Никогда бы не подумала, что соглашусь с ней хоть в чем-то, — не удержавшись, пробормотала Джиад, и Иратель рядом фыркнул, будто подавившись смешком.

— Ошибка?

Актер из принца был никакой. Джиад на мгновение даже посочувствовала — так явно на лице рыжего отражалось желание придушить дуру.

— Вы сказали, что хотели поговорить со мной? — негромко напомнил Иратель, тоже не сводя взгляда со сцены за потайным окном.

— Да. Я вспомнила эту служанку, когда увидела парик. Она ухаживала за мной, когда я... первый раз была здесь.

Джиад с трудом вдохнула воду, не позволяя памяти о боли и унижении вырваться на волю. Не сейчас!

— Я понимаю, — бесстрастно прозвучало рядом. — Когда вы видели её последний раз?

— На рыбном дворе, — выдавила Джиад. — Это она привела меня туда. Может, и случайно... Но...

— Его высочество действительно понятия не имел, что ему подливают гарнату, — тихо сказал Иратель. — Если бы он начал пить её сам, то не отказался бы так легко... А он потом ни разу не пытался...

Джиад молча согласилась: те, кто принимает дурман, привыкают к нему душой и разумом не меньше, чем телом. Принц же, узнав, что его опаивали этой мерзостью, был в откровенном ужасе.

— Она назвалась Каришей, — тихо сказала Джиад вслух. — Каришей ири-на Акаланте. И была очень милой...

— Конечно, ошибка, — с бесконечной уверенностью подтвердила Миалара, влюбленно глядя на Алестара. — Эта... жрица... Она двуногая. Алестар, ты никогда не будешь с ней счастлив. Я понимаю, ты до сих пор скорбишь по Кассии... Но двуногая заняла не своё место! Тебе нужна невеста-акалантка, с хорошей кровью и способная оценить твою любовь.

— Ты полагаешь, что можешь об этом судить?

А вот теперь голос Алестара стал по-настоящему мягким. Но на

месте Миалары Джад бы этому не радовалась.

— Кариша... — повторил Ираталь. — Вы, конечно, не могли тогда понять, откуда она?

— Я бы и сейчас не смогла, — призналась Джад. — Только сегодня я узнала, что в Акаланте почти все жители светловолосы, а темные волосы — признак ваших соседей.

— Все следы ведут в Суалану, — уронил Ираталь. — Но ведут так явно, что я начинаю сомневаться в их верности.

— Я люблю тебя, Алестар, — звонко и упрямо повторила Миалара. — Я бы подарила тебе ребенка, истинную кровь и силу Акаланте по обеим линиям, без примесей! Тебе не пришлось бы брать в жены кариандку. А наш малыш стал бы великим правителем!

— А вот это... уже интересно, — прошелестел Ираталь, мягко шевеля хвостом, будто собираясь плыть куда-то.

— Ты так в этом уверена, Ми? От смешанных браков дети получаются крепче и умнее.

Голос принца прозвучал резко и как-то мертво. Джад нащупала аквамарин, позволяющий дышать, провела пальцами по толстой кожаной ленте, будто лаская ее. Или пытаюсь вдохнуть глубже. Нет, аквамарин работал по-прежнему, это в груди что-то болезненно сжалось.

— Ну, уж точно в этом я лучше твоей двуногой, — фыркнула Ми с презрительной гримаской. — Все знают, что кариандцы вырождаются, детей у них появляется все меньше, да и те все слабее, а от двуногой у тебя и вовсе не будет ребенка. Да может ли она вообще понести и родить?

— Чем это интересно? — спросила Джад, пытаясь отвлечься от пронзительного голоса, презрительно выплевывающего ядовитые слова.

— За чистоту крови ратуют Служители Спящих, — тихо пояснил Ираталь. — Госпожа Джад, вы еще что-нибудь знаете о Карише?

Джад молча покачала головой. Потом все-таки сказала, слушая свой голос с отвратительным равнодушием:

— Вы ведь помните, она говорила с Санлией тогда, на свадьбе. Госпожа Санлия утверждает, что это был случайный разговор, но она тоже суаланка. Его высочество просил пока не обсуждать это ни с кем, кроме вас.

— Ми!

Алестар закусил губу, выпрямившись и откинув голову назад, но в его возгласе Джад почудилась растерянность. Хотя не может же он всерьез думать... Нет, конечно, его задела слова о кариандке, не о Джад. Это с кариандской принцессой он рассчитывает иметь детей.

— Он привязан к Санлии.

Голос Ираталя был бесстрастен, но Джиад поняла, что начальник охраны услышал и понял. Понял, возможно, гораздо больше, чем она, потому что знает и Санлию, и Алестара. Но скажет ли ей, чужачке?

— Не смей болтать о Джиад!

— Не смей?! Она двуногая ведьма. Опутала тебя сетями, оплела, приворожила. Да ты ни на кого даже не взглянул, как она появилась! Что в ней такого? Сожженная светилом кожа, два бесстыдных отростка вместо хвоста и пустое чрево. На земле не нашла мужчину, согласного посеять в ней семя, вот и...

— Не смей... — тихий голос Алестара был страшен, и Миалара отшатнулась назад, резко замолчав и с испугом вглядываясь в его побелевшее лицо.

— Я... я... — залепетала она.

Не ответив, принц развернулся и ринулся вон из комнаты, но Джиад на это уже не смотрела. Она пыталась вдохнуть, все с той же жуткой отрешенностью понимая, что мешает ей только горячий жесткий комок в горле, не подвластный магии исправно работающего амулета.

— Госпожа Джиад?

Иратель обеспокоенно вглядывался в ее лицо.

— Ничего, — одними губами улыбнулась Джиад, вспоминая, как дышать. — Кажется, его высочество не слишком хорош в допросах... Ему стоит попробовать еще раз. Кто-то должен был вложить в голову госпоже Миаларе столько умных мыслей. Сама она вряд ли додумалась бы...

Дверь открылась, и в комнату вплыл молодой иреназе, один из двух, приставленных к Джиад на свадьбе. Поманив Ираталя, он что-то тихо сказал начальнику охраны, и Джиад увидела, как мгновенно изменилось лицо обычно спокойного каи-на. Впрочем, тут же овладев собой, он повернулся к Джиад и мрачно сказал:

— Санлия ири-на Суалана исчезла. Прямо из-под носа у охраны.

* * *

Какой же он безмозглый самовлюбленный медузоподобный...! Выплывая из камеры Миалары, Алестар не находил слов для своей глупости. Лицо горело, словно он проплыл сквозь скальную щель с ядовитым вулканическим источником на дне, и было нестерпимо стыдно посмотреть Джиад в глаза. Жрица поверила, что он может помочь, даже подсказала, о чем спрашивать, а он все испортил. Снова все безнадежно испортил...

В отчаянии Алестар поискал взглядом Джиад с Ираталем, тоже,

конечно, видевшим его позор, и почти сразу начальник охраны появился из другой комнаты, придерживав тяжелый полог, чтобы жрице было легче выплыть. Следом за ними выплыл Камриталь, поникший, весь какой-то потускневший. И стоило Ирталю заговорить, как оказалось, что бесславное отступление Алестара меркнет на фоне того, что случилось.

— Исчезла из замкнутой комнаты со стражей под дверью? — не поверил Алестар своим ушам.

— Я готов понести любое наказание, тир-на...

На бледном лице Камриталя играли желваки скул, красавец гвардеец даже взгляда не поднимал от пола. Алестар только досадливо отмахнулся — какое наказание? Не нарочно ведь упустил. Если, конечно, ничего не скрывает.

— Как это может быть? — спросил он у Ирталя.

Начальник стражи лишь устало пожал плечами.

— Я лично осмотрю комнату, — пообещал он. — Возможно, потайной ход, подобный тому, которым вы тогда вывели госпожу избранную. Но сомневаться в верности охраны у меня нет причин.

— Тремя клянусь, ваше высочество...

В голосе Камриталя звенело отчаяние, и Алестар вздохнул:

— Да верю я... Ирталъ, Санлия могла исчезнуть не по своей воле. Если она что-то знала и хотела рассказать...

— Мы не должны исключать и это, — бесстрастно согласился начальник охраны. — Госпожа избранная?

— Пока не могу ничего сказать, — мягко откликнулась Джиад. — Я надеялась... Ладно, это неважно.

Она надеялась на него, вспыльчивого дурака, понял Алестар, изнывая от унижительной обиды на самого себя.

— Я поговорю с Миаларой позже, — вырвалось у него само собой. — Попробую еще раз!

Джиад лишь молча кивнула, посмотрев, как показалось, удивленно. А потом все закрутилось, как смерч. Вместе с Ирталем они поплыли осматривать комнату Санлии, и вызванный спешно мастер-строитель простучал стены каким-то инструментом, обнаружив пустоту. Потайной рычаг все никак не находился, и Ирталъ, поморщившись, велел взломать тайник. Снятая плита облицовки действительно открыла потайной ход, причем мастер, осмотрев поворотный механизм, сказал, что ход открывался как изнутри, так и снаружи.

— Ее могли увести силой, — упрямо сказал Алестар, плавая посреди разоренной комнаты, потерявшей все очарование и любовно созданный

Санлией уют.

Наряды из дорогих тканей, шкатулки с драгоценностями и флаконы с зельями для ухода за собой, гребни, низки жемчуга и самоцветов... Все это словно было частью хозяйки и теперь осиротело, вызывая острое сожаление и, почему-то, стыд.

— Могли, конечно, — с той же холодной бесстрастностью подтвердил Иратель.

Начальник охраны наконец-то оживился, как салту, почуявший кровавый след. Блестя глазами, он быстро и аккуратно перебирал каждую вещь в комнате Санлии, но по мере того как откладывал в сторону очередную безделушку, все сильнее хмурился и досадливо кривил уголки рта.

Джиад, напротив, в вещи Санлии не лезла, держась возле Алестара и только молча наблюдая за обыском.

— Ну? — не вытерпел, наконец, Алестар. — Ведь ничего преступного нет?

— Господин Иратель, — заговорила вдруг Джиад. — Скажите, а в Суалане принято варить непременно сладкую тинкалу? И одинаковую, или же рецепты отличаются?

Иратель недоуменно глянул на жрицу, пожал плечами, но ответил:

— Я, признаться, не знаток... Но тинкалу вообще варят по-разному. У каждой семьи свои рецепты, не говоря уж о поварах и мастерах-тинкальщиках. А это важно?

— Может быть...

Джиад задумчиво окинула взглядом комнату, помолчала и продолжила:

— Будьте добры спросить у слуг и наложниц, может ли кто-то из них приготовить точно такую же тинкалу, как готовила госпожа Санлия? Девушки из... гарема его высочества как-то упомянули, что она готовила ее по-суалански очень сладкой. Да я и сама пробовала угощение ири-на Санлии. Действительно, сладкая, пряная, с необычным привкусом...

— Ну и что?

Алестар почувствовал, как изнутри поднимается раздражение. Джиад не обвиняла Санлию напрямую, она пыталась понять, но по всему выходило... А что, собственно, выходило?

В который раз он испытал унижительную невозможность разобраться в хитросплетениях всей этой мерзости. А вот Иратель что-то понимает. И Камриталь глядит на Джи, как на воплощение Матери Море, только что не молится...

— Если не ошибаюсь, госпожа Санлия была дочерью целителя, — ровно пояснила Джаад, обхватывая себя руками за плечи, словно озябла. — Значит, могла разбираться в снадобьях. Я не говорю, что именно она приготовила яд или тот дурман, гарнату, но кто-то мог воспользоваться ее знаниями. Или же...

— Что — или же?

— Или же она как раз узнала что-то об отравителе, — с бесконечной терпеливостью сказала жрица. — А еще госпожа Санлия и Кариша готовили тинкалу примерно одинаково. Знаете, на земле люди часто перенимают друг у друга манеру готовить какое-то блюдо или напиток. Я бы хотела, чтобы кто-то попробовал приготовить тинкалу по рецепту госпожи Санлии. Или как можно более похожей... И если его высочество попробует ее и сможет вспомнить, похожа ли она на тинкалу Кариши...

— Они были знакомы?!

Презрев этикет, Камриталь взбил воду хвостом, как возбужденный или испуганный малек. А как он смотрел на Джаад! И она еле заметно улыбнулась гвардейцу...

— Они могли быть знакомы, — согласилась жрица. — На свадьбе каи-на Эрувейн госпожа Санлия ненадолго задержала Каришу в зале. Возможно, именно этого краткого времени той не хватило, чтобы совершить убийство и исчезнуть. Это говорит о том, что суаланки вряд ли были сообщницами. Но Кариша исчезла из комнаты, куда выманили его высочество, через потайной ход. Госпожа Санлия — тоже. Тинкала, зелья, потайные ходы, одна родина — слишком много совпадений.

— Она не могла... — беспомощно прошептал Алестар, переставая верить сам себе.

Он посмотрел на зияющий черный провал хода, глубоко вдохнул воды и сказал:

— Нужно посмотреть, что там! Иратель, велите принести туарру. Или снимите со стены.

Камриталь, поймав разрешающий взгляд начальника охраны, рванулся, сорвал самый большой шар со стены над ложем, до отказа выкрутив рычаг подачи еды. Через несколько томительно долгих мгновений туарра разгорелась у него в руках.

— Дайте сюда, — буркнул Алестар. — Я хочу сам посмотреть...

— Только после того как ход проверят.

Иратель был непреклонен, и Алестар, умом понимая, что начальник охраны прав, все-таки беспомощно огрызнулся:

— Предлагаете послать туда кого-нибудь другого? Чтобы сказали,

будто мне не хватило смелости?

— Ваше высочество... Разрешите мне!

Камриталь чуть ли на хвосте не плясал, в глазах гвардейца горела яростная мольба. А Джи... Джи смотрела на него с одобрением, и Алестар уже собрался отказать. Из чистого, злого, несправедливого упрямства, о котором сам потом обязательно пожалел бы, но сейчас язык не поворачивался разрешить этому щеголю сделать то, в чем отказано ему самому — на глазах Джи сунуться в тьму и справиться с любой опасностью... Да и что там может быть опасного?!

Рука Джиад легла на рукав туники Алестара осторожным прикосновением, и он вздрогнул от неожиданности.

— Позвольте ему, я прошу.

Она... просит? За этого вот?!

— Плыви, — процедил Алестар, с мучительным усилием отводя взгляд от благодарной радости, осветившей лицо Камриталя.

Глупо... как же глупо... Да он же ревнует! — осенило вдруг. Ревнует Джиад... Это он-то, всегда считавший ревность глупостью и трусостью. Ведь разве может кто-то быть лучше него?

Камриталь торопливо сунулся в черное круглое пятно хода, туарра ненадолго осветила каменные стены и погасла где-то в глубине. Теперь в комнате их осталось трое: Иратель, Алестар и по-прежнему держащая его за рукав кончиками пальцев Джиад. Едва заметная близость была такой хрупкой, мимолетной, существующей почти только в воображении Алестара, что он замер, едва дыша, боясь разрушить ее словом, движением, взглядом...

— Ваше высочество...

Ну как же не вовремя! Алестар застонал про себя, злясь теперь на Ирателя... Но начальник охраны сказал что-то про Санлию... Санлия, как же он мог забыть о ней хоть на мгновение? Да что сегодня за день такой — все неверно, невпопад, глупо, отвратительно, неудачно...

— Что Санлия? — повторил он, с отчаянием чувствуя, как легкое касание пальцев жрицы исчезает с рукава.

— Она может быть еще жива, — повторил Иратель. — Если ее хотели убить, то могли сделать это и здесь.

— Верно...

Джиад пошевелилась, чтобы удержаться на плаву рядом с ним. От нее, бесхвостой, это требовало куда больше сил, да и выглядела жрица уставшей, так что Алестар клятвенно пообещал себе немедленно отвести ее в спальню и проследить, чтобы выпила горячего и поела. И полежала. И

вообще, надо целителей позвать, что ли...

— Да, верно, — снова согласилась Джиад. — Если ее не убили, значит, госпожа Санлия либо уплыла по своей воле, либо нужна похитителям живой.

— Вот Камриталь вернется — и узнаем что-нибудь, — буркнул Алестар, все еще разрываясь между ревнивой обидой, стыдом за сегодняшние промахи и желанием немедленно сделать хоть что-то нужное, полезное и правильное.

— Надеюсь. Ваше высочество мудро позволили ему пойти. То есть поплыть...

В голосе Джиад слышалось только безмятежное спокойствие и вежливое одобрение.

— В самом деле? И почему же? Если там есть ловушка, то пусть лучше погибнет он? — не удержался, чтоб не съязвить, Алестар.

— Да, — спокойно подтвердила Джиад. — Он солдат, рисковать жизнью за короля и страну — его долг. И, полагаю, он не хуже любого в Акаланте знает вашу ценность для города. А еще...

Она неожиданно улыбнулась.

— Он чувствует себя виноватым, хоть это и не так. Каи-на Камриталь упустил госпожу Санлию. Для него отказ в доверии стал бы самым страшным наказанием, куда хуже риска погибнуть. Причем наказанием незаслуженным. А теперь он безмерно благодарен вам за возможность смыть позор...

У Алестара перехватило дыхание. То, что звучало в словах Джиад, он мог бы сказать и о себе. Неужели она не понимает, каково ему слышать такое? Или... это говорится и для него тоже? Да он хвост узлом завяжет, лишь бы получить хоть одну возможность! Еще одну... Запоздалый стыд за неудачу с Миаларой снова болезненно кольнул в сердце. Ох, Джи... Неужели это ее бог дает ей видеть скрытое в сердцах? И почему только его сердце она не может или не хочет прочесть?

ГЛАВА 11. Тайны мастеров, жрецов и стражей

Ждать Камриталя из потайного хода пришлось долго. Еще по первой встрече с Санлией Джиад помнила, что та грела тинкалу прямо в комнате, и сейчас без труда отыскала горячую трубу, закрытую плотной заслонкой. Разбираться с устройством подводной печки или просить об этом Алестара не хотелось, поэтому она просто села на теплый пол, скрестив ноги в щиколотках и разведя колени в позе для сосредоточения. Любимая поза привычно помогла собраться с мыслями, пока Иратель продолжал уже из упрямства копать в вещах Санлии, а принц мрачно плавал от стены к стене. Подумать было о чем.

Сама Санлия покинула свои покои, или ее увели силой? По прошлому опыту Джиад знала, что фаворитки и наложницы, приближенные к правящим особам, обладают при дворе большой властью и зачастую очень много знают. Суаланка Санлия появилась во дворце пленницей, а стала одним из самых близких к Алестару домочадцев, и если старшая наложница в глубине души ненавидела Акаланте, ее помощь заговорщикам была бы неоценимой. Кто подливал Алестару гарнату? Пока все решили, что это делала Кариша, но Санлии травить принца было бы куда удобнее. И эти потайные ходы...

Мастер, про которого все забыли, занявшись открытым ходом, тихонько мялся у порога, не решаясь покинуть комнату. Джиад искала глазами Ирателя, потом, подумав, окликнула принца:

— Ваше высочество, могу я спросить?

— Что?

Алестар, явно обрадовавшись возможности отвлечься от ожидания, в несколько взмахов хвоста оказался рядом, хотя прекрасно слышал Джиад и от стены.

— Во дворце много потайных ходов? Есть карта их расположения?

Она все-таки бросила на Ирателя извиняющийся взгляд, и начальник охраны едва заметно кивнул, улыбнувшись уголками рта. Тоже понимал, что принца надо занять, пока его высочество сам не нашел себе дело, которое может оказаться далеко не безобидным.

— Карты нет... Во всяком случае, я ее не видел. Иратель?

— Увы, тир-на.

Иратель с искренним сожалением покачал головой.

— Мой предшественник полагал, что подземелья и стены дворца

хранят множество секретов, но карты ходов у него не было. Хотя некоторые из них охране, разумеется, известны.

— И куда они ведут? В другие комнаты или наружу?

Ираталь пожал плечами.

— По-разному. Вот тот проход, по которому тир-на Алестар вывел вас из дворца, вел к садам, и я о нем даже не подозревал. Кстати, могу я спросить, ваше высочество, как вы его нашли?

— Это не я, — буркнул Алестар. — Это Кассия. Она сказала, что видела в библиотеке схему дворца со странными пометками, ну мы и решили проверить те комнаты, которые она запомнила.

— Так схема все-таки была? — встрепнулся Ираталь. — Просто... в дворцовой библиотеке? На глазах у всех? Я немедленно пошлю туда кого-нибудь.

— Нет ее там уже, — с досадой отозвался Алестар. — Я потом хотел найти... Всю библиотеку перерыл, а уж я ее знаю получше, чем гвардейцы. Да и давно это было. Кассия тогда жила рядом с отцом, там комнаты и больше, и удобнее. А в эту ведь даже горячая вода не проведена, но когда мы нашли ход... В общем, она перебралась туда — еле-еле отца уговорила...

Принц помрачнел: вспоминать о погибшей возлюбленной ему до сих пор было больно, как беречь свежую рану.

— Прошу прощения... — раздался от порога робкий голос мастера, о котором светлейшие иреназе то ли позабыли, как любые аристократы о прислуге, то ли не считали разговор секретным, в чем Джад пока была с ними согласна. — Если вы о ходах в стенах дворца... Так они не для плавания сделаны...

— А для чего? — круто развернулся к нему принц.

— Если мне будет позволено... В стенах дворца действительно ходы прокладывались, еще когда его строили, чтоб трубы тянуть да стены кое-где укрепить. Опять же, канализация... Ну и потайные камеры первые короли велели сделать, чтоб, значит, сокровища хранить или что другое...

— Зачем? — искренне поразился Алестар. — Есть же сокровищница.

А Джад в очередной раз подумала, что последние века для жителей подводного королевства были и впрямь безмятежными, если даже правящая семья забыла о тайниках, которые могут спасти в случае заговора или надежно скрыть грязный секрет. В Аусдранге одни пыточные подвалы чего стоят...

— То мне неизвестно, — сказал мастер. — Мы-то используем всего

несколько проходов, когда трубу прорвет. Да и то, главную. А если мелкую, комнатную, то во дворце этих комнат столько... Всяко проще в другую перейти, чем пол долбить да мелкие трубки латать.

— Так... — вмешалась Джад. — А у кого можно взять полную схему?

Мастер, слегка испуганный вниманием стольких высоких особ, пару раз вильнул хвостом.

— И этого тоже не скажу, — признался он сконфуженно. — Разве что... в храме поискать? Ну, где нас учили...

Судя по лицам принца и Ираталя, им сказанное не показалось странным, а вот Джад снова про себя прокляла свое незнание местного уклада. Хороша исследовательница...

— Мастеров учат в храме? — уточнила она. — В каком?

— Так глубинных же... — в свою очередь удивился вопросу мастер. — Целителей вот готовят жрецы Троих, они и зелья всякие делают, и тонкие работы вроде ювелирных, и книги... А с трубами возиться да в грязной воде пачкаться им не по чину, вот этим глубинники и занимаются.

— Моя огромная благодарность, мастер...

Джад, встав на ноги, поклонилась, заработав изумленный взгляд ремесленника.

— Вы мне очень помогли!

Она повернулась к принцу, молча слушающему разговор.

— Ваше высочество, если у вас нет никаких вопросов к почтенному мастеру, может быть, отпустим его заниматься другими важными делами? Все равно плиту ставить на место пока не нужно...

— А, ну да, — сообразил Алестар. — Плывите, мастер. И моя благодарность, вы отлично работаете.

Низко поклонившись, обрадованный мастеровой уплыл, а принц, едва дождавшись, пока прекратится колыхание воды за его хвостом, спросил:

— Ну, что ты хотела сказать?

— Что мне очень нужно повидаться с господином Герласом, — серьезно сказала Джад, у которой, наконец, сложилась хоть какая-то часть мозаики из разбросанных по всему Акаланте кусочков. — Настолько нужно, что, боюсь, я не могу дожидаться возвращения...

— Ауп-фхрррр-м-пфы!

Звук, раздавшийся из потайного хода, больше всего напоминал чихание, а следом появился целый и невредимый, но расстроенный Камриталь.

— Разрешите доложить, — обратился он то ли к принцу, то ли к Ирталю, но тут же перевел взгляд на Джаад. — Ход свободный, никаких ловушек я не заметил. Заканчивается возле рынка на одном из складов рыбьих шкур. Народу там каждый день бывает, как селедок в стае, на меня даже не глянул никто. Я по складу проплыл, да и обратно.

— Умно, — оценила Джаад. — Отличное место, чтобы скрыться среди толпы днем. А что там ночью, не знаете?

— Знаю, — разулыбался Камриталь. — Нашел сторожа и спросил. Ночью склад закрывается, но снаружи. Вчера и сегодня никто ничего странного не заметил.

— Благодарю, каи-на Камриталь, — склонила Джаад голову. — Вы старались и рисковали не напрасно.

— Я поплыву с тобой, — решительно заявил Алестар. — Мне Герлас точно во встрече не откажет.

Повернувшись к гвардейцу, он сдержанно обронил. — Я тоже благодарю. Ирताल умеет выбирать подчиненных.

Камриталь низко, но с достоинством поклонился, глянул на кивнувшего начальника охраны и выплыл из комнаты. А Джаад отметила, что сам принц, оказывается, умеет учиться. Вот, уже дважды не просто принял исполненный приказ как должное, но и поблагодарил. Как бы еще уговорить его помолчать во время разговора со жрецом, а то ведь выйдет, как с Миаларой...

* * *

— Что тебе нужно от Герласа? — спросил Алестар, когда они выплыли из дворца и поднялись выше, направив салту к шпилям, венчающим храм Глубинных богов.

Только благодаря этим шпилям храм и можно было отличить от неправильной формы скалы, да еще узкие оконца в верхней части указывали, что огромный буро-серый камень внутри обитаем. Джаад пожала плечами, потом задумчиво сказала, разглядывая вырастающую перед ними мрачную громаду:

— Схему, конечно. Остальное будет зависеть не от меня. И... могу ли я попросить ваше высочество не участвовать в разговоре? Полагаю, оставить нас с господином Герласом наедине вы вряд ли согласитесь?

— С амо-на Герласом, — хмуро поправил Алестар, чтобы Джаад сходу не обвинили в неучтивости. — К нашим жрецам обращаются амо-на.

— Благодарю, я забыла. А что насчет моей просьбы?

— Я не позволю ему снова тебя оскорбить, — упрямо повторил Алестар, думая, с какой стороны лучше подплыть к храму, где давным-

давно не был.

— Ваше высочество... — Джиад говорила мягко и терпеливо, что злило еще сильнее. — Он обязательно попытается, даже не сомневайтесь. Для подобных Герласу откровенность — высшая добродетель. А еще он попытается обидеть меня, чтобы проверить на твердость духа, как клинок испытывают в столкновении. И для того, чтобы показать вам свое отношение к людям. И для того, чтобы выместить беспомощность и боль потери, если погибший ученик был ему дорог... У амо-на Герласа множество причин быть грубым и ни одной для учтивости.

— Ты моя избранная. Разве это не причина?

Алестар крепче сжал руки на поводе, невольно потянув, и Серый вильнул вниз, решив, что это команда. Наклонившись, Алестар выровнял салту и снова поплыл возле жрицы.

— Боюсь, это причина как раз для обратного. Ваше высочество, я очень прошу. Мне и так будет нелегко, но если вы просто промолчите весь разговор, это хотя бы озадачит нашего собеседника. Уж молчания он от вас точно не ожидает.

— Хорошего же ты обо мне мнения, — фыркнул Алестар обиженно. — Хорошо, буду, как медуза: молчать и колыхаться.

Джиад издала странный звук, словно подавилась, и Алестар увидел, что жрица смеется. Это было так... невероятно!

— Простите, ваше высочество, — сразу поправилась она, но губы так и тянулись в улыбке, так что Алестар вздохнул:

— Да смейся, ради Троиx. Лучше уж смейся... Как ты думаешь, он связан со всем этим?

За разговором они проплыли мимо храма, обогнув его, и оказались перед высокой узкой дверью, негостеприимно запертой. Ни клумб с разноцветными водорослями, ни ярких мозаик, ни статуй — ничего, чем славилась храмы Троиx, которых в одном только Акаланте было пять. Единственный храм Глубинных богов отталкивал даже на вид.

— Не люблю я их, — процедил Алестар, соскальзывая с Серого и принимая повод у Джиад.

— Похоже, никто не любит, — согласилась жрица. — Защиту и помощь просят у милосердных Троиx, к ним же идут за исцелением... А о чем молятся Глубинным?

— О мести. О быстрой смерти, если кто-то неизлечимо болен. Об избавлении от гнева вулканов...

Алестар добросовестно перечислил все, что пришло на ум, удивляясь, что этого так мало.

— Ясно, — бросила Джаад.

А от храма к ним уже спешил молодой иреназе в темной тунике и с бритой головой — знак послушника, отрекшегося от мира. Низко поклонившись и без единого слова выслушав, что гости желают встречи с амо-на Герласом, жрец так же молча исчез в двери, слегка приоткрывшейся для него.

— Кажется, здесь и молящихся не особо ждут, — мягко заметила Джаад, которую происходящее ничуть не раздражало.

Впрочем, прошло совсем немного времени, и дверь открылась снова, уже полностью. Все тот же послушник, показавшись в проеме, жестом пригласил их войти. Алестар оставил поводья салту подплывшему Дару и передернулся от вида темного провала за дверью. Вспомнились глубины храма Троих, такие красивые, чистые, гостеприимные...

Безмолвный послушник плыл впереди по узкому проходу достаточно медленно, чтобы за ним успевала даже Джаад, а замыкающий их маленькую процессию Алестар и вовсе едва шевелил хвостом. Они поднялись вверх по коридору, освещенному туаррой, но без единого настенного украшения, затем спустились, повернули направо и оказались перед простой круглой дверью. Стукнув молоточком в висящий рядом с дверью гонг, послушник открыл перед ними дверь и торопливо уплыл.

— Прошу, тир-на, — послышалось из комнаты, и Алестар, поняв, что Джаад намеренно не приглашают, вспыхнул, но тут же осадил себя: будет еще время поговорить с наглым жрецом, а пока надо выполнять уговор и помалкивать.

— Доброго дня, амо-на, — проговорил он, рассудив, что на вежливость запрет вряд ли распространяется.

— Доброго дня, амо-на, — эхом отозвалась рядом Джаад, слегка кланяясь, но и вполовину не так низко, как мастеру, снимавшему панель.

От этого пустяка Алестару вдруг стало гораздо спокойнее: жрица не собиралась завязывать собственный хвост в попытке угодить, она вела себя так, как считала нужным.

— Доброго дня, — процедил Герлас, напоказ кланяясь только принцу и сразу возвращаясь на низкое ложе у стены. — Прошу прощения, неважно себя чувствую.

— Мы вас не задержим, — пообещала Джаад, проплывая вперед. — Всего пару вопросов, если позволите.

— А если не позволю? — прищурился жрец, разваливаясь на ложе ровно настолько, чтоб можно было оправдаться болезнью, а не наглостью.

— Тогда я буду считать, что на ваших весах нелюбовь к людям

гораздо тяжелее скорби по погибшему, — ровно сказала Джиад. — И больше вас не побеспокою.

— Ты! Да как ты...

Герлас взвился почти под самый потолок, оттолкнулся от него рукой и повис перед Джиад, дрожа от ярости.

— Как я смею? — все так же бесстрастно подсказала жрица. — Амона Герлас, я ведь не в гости к вам напросилась. Я расследую покушение на принца по личному повелению его величества Кариалла. И имею все основания подозревать, что смерть вашего ученика — часть этого покушения. Хотите и дальше упиваться своей ненавистью к людям — ваше право. Но тогда не говорите, что скорбите об ученике. Сейчас я единственная, кто может и хочет добраться до его убийц, а вы не желаете помочь мне в этом даже такой малостью, как честный разговор.

— Ты... Да я...

Внезапно Герлас махнул рукой и яростно крутнул хвостом, опускаясь на ложе.

— Ненавижу двуногих! — выдохнул он. — И чем ты можешь помочь? Найти убийц Дариена? Думаешь, я не искал? Я бы в Бездну за ними сунулся, да толку!

— Тогда позвольте мне хоть попробовать, — так же спокойно, но гораздо мягче сказала Джиад. — Что вы теряете? Я здесь чужая и вскоре уплыву обратно. Если вы слышали о жрецах Малкависа, то должны знать: меня нельзя ни купить, ни запугать. И я хотя бы попытаюсь, это точно. Много ли тех, кто может это обещать?

Несколько тягучих, как свежая смола, мгновений старый жрец смотрел на нее, и Алестару показалось, что между этими двумя продолжается незримый разговор. Затем Герлас снова махнул рукой, безнадежно, словно сдаваясь.

— Спрашивай, — неприязненно бросил он. — Что тебе нужно?

— Чем еще занимался господин... Дариен, кроме охраны чаши?

Джиад опустилась ниже к полу, Алестар последовал ее примеру, проплыв так, чтоб видеть обоих сбоку, и удивляясь, как жрица с одного раза запомнила имя убитого. А ведь полезное умение, наверное. Собеседники любят, когда их зовут по имени, отец часто об этом говорил. А когда их имя помнит королевская семья — еще и гордятся...

— Помогал мне с делами. Работал в библиотеке храма.

Герлас говорил, едва разжимая рот, но это уже была победа. И еще какая! Алестар перевел дух.

— Он мог стать вашим преемником?

— Моим...

Герлас в недоумении воззрился на Джиад, ответившую ясным взглядом и пояснившую:

— Давайте на минутку представим, что его убили не из-за чаши. Из-за чего еще могли убить молодого жреца, наверняка умного и знающего, раз вы доверяли ему помогать в делах? Кто-нибудь мог сделать это, чтобы навредить лично вам или вашему храму?

— Хм...

На этот раз Герлас задумался всерьез, потом покачал головой, сказав уже спокойнее:

— Нет, не думаю. Дариен не делал ничего такого, на что не способен был кто-то другой. Стать моим преемником... Сомневаюсь. Разве что через несколько десятков лет. Да и то... Ему не нравилось управлять.

— А что ему нравилось? У него были близкие друзья, возлюбленная?

— У него была библиотека, — снова резко ответил Герлас и потер левую сторону груди. — Мальчик не любил гулять в шумных компаниях, да и друзей у него не помню. Вот возлюбленная... Но это тут ни при чем.

— А все-таки? Он с кем-то встречался?

Алестар снова удивился, как мягко и терпеливо разговаривает Джиад, и даже Герлас нехотя подчинился:

— Плавал он к кому-то в город по вечерам. Но ничего не рассказывал. Только глаза светились... О том, чтобы из храма уйти, даже не заговаривал.

— А от жрецов требуется безбрачие?

— От наших — да, но только от старших, не от молодых...

— Вот как... — задумчиво проговорила Джиад. — Амо-на Герлас, вы, конечно, проверили всех, кто был в храме? Как убили юношу и когда?

— Ночью...

Чувствовалось, что жрецу тяжело и больно говорить об этом, Алестар даже пожалел бы его, не будь Герлас так груб с Джиад.

— Чаша стоит на постаменте в углублении алтаря. На ночь в алтарном зале по жребью остается кто-то из младших жрецов. Читает молитвы, следит за туаррой... Дариена... его зарезали. Ударили точно в сердце. Узким длинным ножом. Вам это помогло, госпожа жрица Малкависа?

Язвил Герлас уже от усталости и тоскливой вины, это Алестару было понятно и знакомо. Вот вроде и не виноват... Но ты жив, а кто-то — нет, и этого достаточно.

— Помогло, амо-на. Еще вопрос. В храме есть схемы стенных и

подземных ходов дворца?

— Это-то вам зачем? — фыркнул Герлас. — Ну да, схемы есть. Надо же кому-то чинить уборные и тинкаловарни. Мы для этого как раз годимся. Погодите... Так вы явились, чтобы обвинить мой храм? В чем?!

— Пока ни в чем, — невозмутимо откликнулась Джиад. — Но я думаю, что кому-то очень понадобилась эта схема. Настолько, что жизнь жреца оказалась невысокой ценой за такую нужную вещь. Дариен мог достать полную схему? Такую, какой нет у обычных мастеров? Что-то древнее...

— Вы... я...

Снова привстав от волнения, Герлас глубоко задышал и снова потер грудь слева.

— Мог, — выдохнул он. — Конечно, мог. Но... при чем тут чаша? Она же пропала!

— Меня это тоже запутало, — честно призналась Джиад и добавила: — А еще смутило то, что вы тогда сказали о чаше. Дыхание Бездны слишком непостоянно, чтобы на него рассчитывать всерьез. Да и запустить его в спальню принца нужно суметь, а для этого способа лучше потайного хода не придумаешь. Самое главное — это ход, а не чаша.

— И ты решила, что... Вон! Вон из храма. Никогда глубинные жрецы не предавали обетов! Никогда...

Герлас закашлялся, хрипя и срывая голос. Алестар кинулся к нему, но Джиад, хоть и без хвоста, оказалась быстрее. Наклонившись над старым жрецом, она быстро сказала:

— Дариен умер поэтому, верно? Кто-то убрал его с пути, когда юноша перестал быть нужным. Серьезный, одинокий, влюбленный... Таким легко управлять, легко толкнуть на что-то... Дариен либо отказался, либо сделал, но потом понял, что натворил. И тогда его убили, а смерть замаскировали под ограбление. И заодно прихватили чашу, чтобы использовать Дыхание Бездны в крайнем случае.... Так? Вы потому боитесь, Герлас? Боитесь, что обвинят вас, жрецов, утративших чашу...

— Ты... ох, маару проклятая...

— Что с вами, Герлас? — не выдержал Алестар. — Позвать целителя?

— Н-нет... — побледневший до серости жрец покачал головой. — Ничего... Благодарю, ваше высочество. Лучше... отпустите мне вину или велите наказать. За чашу. И за...

— Потерянные схемы, — мягко закончила Джиад. — Когда вы поняли?

Алестар замер, не веря ушам.

— Сразу, — едва шевеля губами, проговорил Герлас. — Я нашел копию. В вещах Дарри. Он отдал не оригинал схемы, а копию, очень точную. Только... сделал две... зачем-то. Я сначала не понял... Невелика тайна — схема труб и проходов для их починки. Несколько старых тайников... так они пустые, давно уже... Мастера там иногда инструмент оставляют, чтоб не носить... А потом я узнал о Дыхании... Бездны...

— И поняли, что амо-на Тиаран не упустит случая обвинить вас?

Герлас мрачно кивнул.

— Моя вина, принц, только моя. Остальные... никто не знал. Храм Глубинных верен вам и Акаланте...

— Я вас прощаю, — быстро сказал принц снова начавшему задыхаться жрецу. — Дариен заплатил жизнью, а вы виновны только в том, что не рассказали вовремя. В покушении на меня вы не виноваты, слышите?

— И лучшее тому доказательство, что сознание случившегося вас чуть не убило, — заметила Джиад. — Дело ведь в этом? В том, что вы едва не погубили принца своим молчанием?

Герлас снова кивнул.

— Я прошу назначить мне наказание, — упрямо повторил он. — Только мне...

— Велите принести схему, — зло приказал Алестар, едва сдерживаясь, чтоб не взять старого упрямца за ворот туники и не встряхнуть хорошенько. — Наказание будет позже, а сейчас не смейте умирать. Вы страж Бездны, вот и сторожите ее!

Герлас отвел взгляд в сторону, задышав ровнее, хоть и медленно. Сила Акаланте, изнутри убивавшая старого жреца за предательство, в котором он себя обвинил, уходила прочь, как отлив...

— Амо-на Герлас, вы больше ничего не хотите мне сказать? — по-прежнему ровно и бесстрастно поинтересовалась Джиад.

— Тебе — ничего.

Упрямству жреца могли позавидовать скалы, из которых высекли храм Глубинных.

— Вот если найдешь убийцу, я извинюсь, будь ты хоть дюжину раз двуногой.

— Знаете, амо-на, — впервые за разговор позволила себе усмешку Джиад, — пожалуй, я и тогда обойдусь без ваших извинений. Что дается не от сердца, то его и не радует, — так говорят сутры моего храма. Если я найду заговорщиков и помогу вернуть покой в Акаланте, это будет

достойной наградой. Я, конечно, двуногая, но тоже страж. И грязной работы не боюсь. Кто ведь должен чистить трубы, если они забились грязью, а благодарности за эту работу редко дождешься...

Храм они покидали в полном молчании, потому что впереди снова плыл проводник из жрецов. Алестар сжимал кожаный лист, скрученный в тугой рулон — вожаденную схему, Джиад все так же с любопытством озиралась по сторонам, будто запоминая дорогу. Выведя их за пределы храма, жрец-глубинник поклонился и скрылся за дверью, а Дару, плававший неподалеку с двумя салту в поводу, поторопился к ним.

— Как ты догадалась? — спросил Алестар, все это время заново переживавший разговор со старым жрецом.

— Я... сказала почти наугад, — честно призналась Джиад, глядя вверх, в толщу воды, и чему-то слегка улыбаясь. — Он очень переживал о смерти ученика, это было ясно. Но в то же время нервничал, когда я стала задавать вопросы. Мастер сказал, что проходами и починкой труб занимаются жрецы глубинных богов, а в этом деле изначально слишком много зависело от потайных ходов. Вот я и подумала, что кто-то использует их очень умело. Значит, у него есть схема. А когда Герлас сказал, что убитый был его помощником и много времени проводил в библиотеке, я рискнула предположить, что юноша мог найти эту схему. И что чаша была не главной целью убийцы. Важной, но не главной... И оказалась права. Герлас сам выдал себя, слишком уж сильно его мучила совесть.

Улыбка Джиад вдруг потускнела, и жрица едва заметно покачнулась в седле.

— Вот что, — заявил Алестар. — Немедленно возвращаемся. Ляжешь в постель, и пока целители не скажут, что с тобой, пусть хоть вулканы взрываются, хоть сирены по городу плавают... Сама доплывешь, или тебя в седло взять?

— Нет, я сама...

Что ж, хоть не шарахнулась испуганно, даже не покосилась — и то неплохо. Алестар с тоской подумал, сколько еще сегодня предстоит переделать для завтрашних Больших Гонок. Но Джиад это уже не касается, пусть отдыхает. И отца тревожить не нужно. Уж с этим он и сам справится, не в первый раз. Правда, впервые его волнует, как пройдут Гонки, а не то, кто на них победит.

* * *

Что именно происходит, Джиад поняла уже давно. В это раз милость Госпожи Луны пришла к ней не просто рано, а еще и особенно болезненно.

Удивляться этому не стоило, у нее всегда был нерегулярный цикл, с которым ничего не могли поделать ни зелья, ни массаж опытных жриц. Но в Храме это случалось со многими, и Джаад давно привыкла переносить два-три дня нездоровья на ногах, разве что на ночь позволяла себе выпить вина с обезболивающими травами. Что ж, хотя бы от обычных женских сложностей она избавлена милостью Малкависа... Но в этот раз мысль о его милости вызывала глухую тоску, стоило вспомнить, какой ценой дается свобода.

А все паршивка Миалара. Бывает, что держишься в бою, спокойно отражая удары, а потом один, особенно умелый, пробивает защиту — и все. Так и в этот раз: у Джаад перехватило дыхание и внутри заныло от боли и горького отчаяния, когда глупая девчонка бросала гадкие слова, даже не зная, как хорошо они достигли цели.

И еще рыжий... Что ему до ее здоровья? Уж оставшееся время она продержится, да и ничего страшного, уже завтра все будет хорошо. Но как это объяснить мужчине, да еще и не человеку? Алестар смотрел обеспокоенно и, кажется, намерен был всерьез посадить ее под замок и вызвать целителей. Что ж, вот пусть целители с ним и объясняются!

Джаад закусила губу, стараясь, чтоб это вышло незаметно. Больше всего она ненавидела в лунных днях не боль, а приступы раздражительности и плаксивости перед ними. Вот же мерзость... И все-таки с какой радостью она бы терпела эту мерзость, если бы... Нет, об этом думать нельзя. Просто нельзя. Никогда!

Она старательно улыбнулась в ответ на очередной обеспокоенный вопрос Алестара и только тут задумалась, не чувствует ли принц ее нездоровье из-за их связи? Неужели это так сильно проявляется? А как же тогда их женщины производят на свет детей? Мужчины и это чувствуют?

Джаад покосилась на плывущего рядом Алестара и решила спросить об этом целителя. Ну интересно же!

Так за размышлениями они возвращались до дворца уже знакомым путем. В городе сегодня было как-то особенно шумно, по рынку и над улицами металась иреназе на салту и без них, тащили большие объемные свертки. Один развернулся, превратившись в огромное яркое полотнище легкой ткани, которое тут же кинулись сворачивать неудачливые носильщики. А еще подводные жители несли большие короба, мотки веревок и ремней, шесты и куски кожи, натянутые на разной формы рамы...

— Что происходит? — спросила она, когда в них, нарочно поднявшихся повыше, едва не врезался отряд из дюжины носильщиков,

предводителю которых пришла в голову такая же мысль избежать суматохи. — Я думала, уж здесь-то на дорогах толчеи нет. И к чему готовится город?

Мелькнула запоздалая мысль, что к свадьбе принца, но рано же?

— Завтра Большие Гонки, — хмуро ответил Алестар. — Арену готовят...

Гонки? А как же принц? Джиад хотела спросить, что он решил насчет участия, но прикусила язык: и так она слишком глубоко влезла в дела королевства, не хватает еще этим себе голову забивать. Хвала Малкавису, у принца есть и слуги, и телохранители.

А во дворце все лишние мысли вылетели у Джиад из головы, потому что Алестар лично пригнал в ее комнату Невиса, наговорив ему невесть чего.

— Оставьте нас, пожалуйста, — устало попросила Джиад, с радостью опустившись на постель и закутавшись в одеяло, которое давало если не тепло, то хотя бы представление о нем.

— В самом деле, тир-на... — присоединился целитель. — Не будете же вы присутствовать при осмотре, если он понадобится?

Вняв гласу рассудка или попросту устыдившись, принц с явной неохотой выплыл из комнаты, а Джиад смогла спокойно рассказать о сути своего нездоровья.

— Ох... — покачал седой головой целитель. — С таким, признаться, я не встречался... Вы правы, госпожа моя, у наших женщин все иначе. Но... как же истечения крови? Разве их отсутствие не нарушает полноценную работу тела?

— Никак, — снова старательно улыбнулась Джиад. — Сначала я страж, а уж потом женщина. Прошу вас, успокойте его высочество и убедите его, что со мной все хорошо. Надеюсь... ему это не доставляет... неудобства?

— Именно это — нет, но вот общее состояние...

Целитель снова озабоченно покачал головой.

— Тир-на Алестар прекрасно выздоравливает телом, но вы... Запечатление действует и на вас, госпожа моя, не забывайте об этом. Вы сопротивляетесь ему телом и душой, поэтому тратите слишком много сил. Если бы...

— И буду сопротивляться, — мрачно пообещала Джиад. — Телом, душой и хвостом с плавниками, которые скоро у меня здесь отрастут. Не нужно это запечатление ни мне, ни вашему наследнику. А у вас нет какого-нибудь средства, снимающего спазмы? Больше мне ничего не нужно.

Тяжело вздохнув, Невис пообещал найти что-нибудь подходящее и выплыл из комнаты. О чем уж он там говорил с принцем, Джиад не слышала, но вплывший через несколько минут Алестар даже по комнате пытался плавать, лишний раз не шевеля хвостом. Получалось это весьма забавно, Джиад вспомнила, как крупные мужчины стараются бесшумно ступать на цыпочках.

— Успокойтесь, ваше высочество, — посоветовала она, глубже закапываясь в мокрый мягкий ворох, плотно обнимающий тело. — Я не больна, просто...

— Да, Невис сказал.

Алестар осторожно опустился на самый край ложа, покосился в сторону клетки, где Жи немедленно загремел прутьями, привлекая к себе внимание.

— Хочешь, я его заберу пока? Невис сказал, тебе нужен покой...

— Теплая постель мне нужна, — еще мрачнее сказала Джиад, с ужасом понимая, что желание кого-нибудь убить и вволю поплакать над трупом возвращается с новой силой. — Сухая одежда, горячее вино и вода в тазу для умывания, а не вокруг... Ох, ваше высочество, и правда... плыли бы вы отсюда...

— Угу...

Алестар куда-то исчез, прихватив с собой Жи, но через несколько минут вернулся снова.

— Я его Кари отдал, — сообщил, расставляя на столике кувшинчики и коробочки. — Пусть погуляет. Вот, это тебе Невис прислал. Я в горячей тинкале растворил, как велено. Пей, пока не остыло.

Джиад неохотно выпростала из одеяла руку, взяла действительно горячий кувшинчик.

— А это что? — поинтересовалась она через несколько глотков горячего сладкого снадобья.

— Так... перекусить...

Принц почти заискивающе заглянул ей в глаза и уверил:

— Я немного принес, только самое вкусное!

Есть не хотелось. Но силы нужно поддерживать, и Джиад решила пожевать что-нибудь. Вот сочного сладкого курапаро бы, например... Или немного мяса маару. Оно хоть и непривычно синее, но на вкус напоминает вяленую ягнятину. А глаза можно и закрыть. И убедить себя, что ягненка просто плохо проварили...

Она открыла ближайшую коробочку, воззрилась на содержимое. Откинула крышку второй, третьей... Какие-то студенистые слизи,

красные водоросли неаппетитного вида, похожие на червей длинные рыбешки... и глаза маару! Вот глаза оказались тем последним перышком, что, как в притче, сломало спину тяжело нагруженного верблюда.

Джиад всхлипнула. Некрасиво, позорно, мерзко. И непредставимо глупо! Внутри кипела злость пополам с обидой: неужели за столько времени он ни разу не заметил, что она в рот не берет эту дрянь, считающуюся здесь деликатесом? Да, она может съесть что угодно, если придется. Но как можно делать вид, что заботишься, если не знаешь даже такую мелочь?!

Ее чуть не вырвало, а потом зазнобило уже всерьез. Да что же это такое? Таких лунных дней у нее не было уже почти год! Ну да, первый раз после смены талисмана бывает на редкость гадостным, но сейчас ведь рано... Рано! И талисман она не меняла...

— Джи? Джиад, что ты? Что случилось?

Алестар одновременно пытался заглянуть ей в глаза, поправить одеяло, пододвинуть тинкалу и что-то из еды...

— У-у-уйдите, — всхлипнула Джиад, сама себя ненавидя за слабость. — Не хочу я! Ничего... не хочу...

— Может, цели...

— Нет! Просто... просто...

Все накопившееся за последние дни вырвалось наружу не слезами, а долгими, какими-то щенячьими поскуливаниями. Отвернувшись от принца и уткнувшись лицом в предплечье, Джиад давилась рыданиями, сжимаясь в комочек и пытаясь еще глубже зарыться в одеяло. Да что же кружит вокруг?! Пусть убирается... Потом они поговорят, все потом...

— Джи... Джиад...

Алестар упорно не убирался. Вместо этого он накинул на Джиад сверху еще одно покрывало, неожиданно умело сунул ей под голову подушку, лег рядом и обнял получившийся огромный кокон со спины. Джиад слабо замотала головой.

— Чш... Никуда я не уйду. А ты поплачь... Джи, море не закипит, если ты немножко побудешь не самой сильной. Никто не увидит. И даже я не вижу... А хочешь, стукни меня. Вдруг поможет? Помнишь, ты меня тогда ударила — помогло же? Хорошо бы не по лицу, мне же завтра Гонки открывать... Но если очень надо...

Он болтал полнейшую ерунду, немыслимую и дурацкую, но обнимал крепко и не слишком сильно, и Джи действительно плакала, потому что море не закипит, верно, и нельзя постоянно быть самой сильной, все знающей и умеющей, за все отвечающей...

— Джи... Джиад... Джи...

Тихий мягкий голос, повторяющий только ее имя, не успокаивал, но и выплакаться не мешал, пока слезы, наконец, не иссякли сами собой.

— Пустите, — прошептала Джиад, поводя плечами, и тесные объятия поверх одеяла неохотно разжались. — Все хорошо...

Ничего хорошего, конечно, не было. Нечего сказать, очень достойное поведение для жрицы и храмового Стража.

— Я сейчас еще тинкалы нагрēju, — спокойно сказал принц, словно ничего не случилось. — Тебе обязательно нужно горячего.

Он сполз с ложа и опять уплыл, вернувшись с подогретой тинкалой, которую Джи не смогла взять дрожащими пальцами. Так же ненароком и с полнейшей безмятежностью Алестар взял кувшинчик из ее рук, поднес к губам и подержал, рассказывая, что Жи уже замотал Кари до полусмерти. И что если бы он раньше знал, как малек салру может довести охранника, то давно бы уже завел такую зверушку. Ну, не совсем такую... но надо попробовать обычного салту так же вырастить. И почему им раньше не пришла в голову мысль завести для Жи приятеля?

— Потому что тогда точно всему дворцу конец, — отозвалась Джиад, пряча глаза от позора. — Простите, ваше высочество. Обычно я... так себя не веду.

— Да, обычно ты как лоур: не гнешься, не ломаешься, — вздохнул принц, забирая кувшинчик. — Джи, что я сделал не так? Что-то с едой?

— Еда хорошая, — в свою очередь вздохнула Джиад. — Правда, ничего из этого я не ем... Но это и вправду неважно. Просто... плохо себя чувствую. Еще раз простите.

Алестар, нахмурившись, посмотрел на стол.

— Не ешь? — удивленно уточнил он.

— Это — нет... Оно... слишком непохоже на нашу еду. Извините... Я знаю, что у вас это лакомства.

С минуту принц в растерянности переводил взгляд с Джиад на стол и обратно, а потом покраснел:

— Прости... Я не думал... Я же хотел... А что ты ешь?

— Рыбу. Водоросли... некоторые. Курапаро вот вкусно...

— Я дурак, — со вздохом попытожил Алестар. — Подожди, сейчас поменяют.

— Не надо, — помотала головой Джиад. — Мне не хочется. Я полежу, ладно?

Она свернулась калачиком на боку, и Алестар снова укрыл ее покрывалом.

— Прости, — сказал он очень тихо и виновато. — Я не могу дать ничего, что тебе нужно. Ни сухой постели, ни одежды, ни привычной еды. Тебе очень плохо у нас, да?

— Мне... трудно, — помолчав, призналась Джиад. — Но трудно — это не плохо. Я хочу на сушу, но... Жизнь не всегда следует нашим желаниям. Сейчас мое место здесь, я сама так решила.

Принц опять прилег на ложе за ее спиной, не прикасаясь, но Джиад почувствовала его присутствие, и впервые оно не раздражало.

— Невис сказал, что ты нездорова из-за ваших горячих лун. Я не знал, что у людей... В общем, что у вас они тоже бывают.

Нерешительное любопытство в голосе Алестара было даже забавным, и Джиад неожиданно для самой себя ответила: все равно же не отстанет.

— У обычных женщин бывают, хоть и не такие. У меня — нет.

— Нет?! Почему?

Говорить о том, что давно ныло, как плохо зажившая рана, было больно, но сегодня и боль казалась очистительной. Нельзя же вечно врать самой себе.

— Я страж, ваше высочество. Женская плоть слаба. Раз в луну человеческие женщины истекают кровью, страдают от болей, нездоровья и перемен настроения. Для стража это недопустимо. А еще женщины могут понести дитя. Этого нам тоже нельзя.

— Нельзя иметь детей?

В голосе Алестара слышалось что-то близкое к ужасу и отвращению, так что Джиад зло усмехнулась: вот, пусть знает.

— А вы как думаете? — горько спросила она. — Может быть стражем та, кто думает о ребенке, а не о служении? Или боится забеременеть. Или...

Она осеклась, чтобы не напомнить, что от насилия тоже появляются дети.

— Но как же... Хорошо, пусть ваш бог это запрещает. Но если вдруг случится?

— Не случится. Раз в год нам под кожу вшивают крошечный талисман. Это очень просто, любой целитель справится, даже не в храме. И даже сама жрица, если нужно. И все. Ни истечения крови каждую луну, ни нежеланного зачатия.

— А если... желанного? — очень тихо спросил Алестар.

Джиад хотела сказать хоть что-нибудь, но в горле, как тогда от слов Миалары, встал ком. Сглотнув тугую вязкую горечь, она прошептала:

— Я страж. Моя цена — мой вес серебром, а потом и золотом. На эти деньги воспитываются десятки и сотни детей, которые иначе умерли бы от голода и болезней. Или были убиты. А так любая нерадивая или нищая женщина может не губить нежеланного ребенка, а принести в храм и знать, что о нем позаботятся, что он будет жить в любви и обретет новый дом. Храм — мой дом и семья. Его дети — мои дети. Пусть мое чрево останется пустым, но я буду жить в них...

— Все равно... не понимаю... — в голосе Алестара слышалось отчаяние. — Как можно погубить ребенка? Как дети могут быть нежеланными? У нас их так мало! Рождение каждого — праздник. Если малыш останется без родителей, любая семья сочтет за счастье взять его. Не понимаю... Ох, Джи... прости! Это ты... из-за того, что Миалара сказала? Ради Трои, забудь! Она просто дура!

Он порывисто придвинулся, сжал ее в объятиях, и Джиад позволила. Все сегодня было странным и неправильным, так что она просто покорила ненавистной ранее силе, которая вдруг обернулась нежной заботой.

— Джи... — проговорил ей в самое ухо Алестар. — А если... Если ты все-таки найдешь... кого-то? И захочешь своих детей. Тоже нельзя?

— У меня долг перед храмом, — вздохнула Джиад. — Не то чтобы нельзя... Но с каждым годом талисман потихоньку убивает способность к зачатию. Раньше, когда его не придумали, многие жрицы умирали родами. Малкавис мудр и справедлив, он выбирает в жрицы тех девочек, которые меньше способны к материнству. Так что все правильно. Но я бы попробовала. Только долг. Если я вернусь в храм, и кто-то купит мое служение, придется ехать. Меня ведь тоже воспитали на деньги, которые заплатили за кого-то из старших.

— Так... А долг велик?

— Да уж немал, — почти весело усмехнулась Джиад, глотая остатки горечи. — Сами вспомните... Мой вес серебром — сейчас, золотом — когда исполнится двадцать семь. А потом до сорока лет немалое содержание, из которого я половину отправляю в храм.

— Насколько немалое? — допытывался принц с настойчивостью Жи, лезущего за копытом.

— Сто золотых каждый год.

— Так...

Алестар ненадолго затих, а через несколько минут неразборчивого шепота радостно выдал:

— Я посчитал! Джи, я высчитал... Правда, в наших монетах, но

какая разница? Джи... Я знаю, что надо делать!

— И что же? — устало спросила Джиад, поворачиваясь к нему и жалея, что не отправила это болтливое несчастье спать куда-нибудь в другие покои. Можно даже вместе с Жи.

— Заплатить этот долг, — с восхитительной невозмутимостью заявил принц. — Я помню, что ты отказалась от награды, но это — другое. Я не хочу, чтобы ты была привязана к службе. Только не ты.

— Заплатить...

Джиад не верила своим ушам. Что он думает? Что это так... просто? И зачем ему это? И...

Она набрала воздуха, чтобы высказать все, что думает о такой глупой мысли, но воздух вдруг кончился. То есть нет, кончилась злость. И желание спорить. И вообще все, кроме простого осознания, что неподъемная цена ее свободы — не так уж много для короля, который предлагал купить Арубе новый храм. Про то, что когда-то она ждала подобного предложения от Торвальда, Джиад не сказала бы и под страхом смерти.

— Ваш... отец не согласится, — непослушными губами проговорила она. — И я не могу...

— Еще как можешь. И отец будет только рад. За жизнь наследника никакая цена невелика, — с бесконечной уверенностью сказал Алестар. — Джиад, не упрячься. Я никогда не смогу изменить прошлого, но будущее — могу. Если кто-то и создан для счастья — так это ты. Захочешь — останешься в своем храме, но по доброй воле, понимаешь. И если... — он замолчал, но продолжил с явным усилием, — если ты кого-то встретишь... кто сделает тебя счастливой... ты сможешь уйти с ним. Лучше уж тебе будет хорошо без меня, чем плохо со мной. Любые деньги — это очень мало за такое...

— Спа... сибо...

Она бы разрыдалась снова, если бы слезы не кончились уже давно. Так что Джиад сделала единственное, что сейчас могла, — потянулась и коснулась губ принца быстрым поцелуем, совершенно не боясь того, как это можно понять. И замерла, как замер, даже дыхание затаив, и сам Алестар.

ГЛАВА 12. Золото и жемчуг

Как она уснула после того злосчастного разговора, Джад не помнила. Просто в какой-то момент ее обволокло тяжелое, но не удушливое тепло, проникая в каждый уголок измученного тела, а плотная вода превратилась в колыбание волн, поднимающих и опускающих Джад в странном ритме под биение огромного глухого барабана. В надвигающемся сне она точно знала, что это чье-то сердце, но не понимала — чье. А потом и это стало неважным, только волны укачивали ее с материнской заботой, как воспоминание из самого-самого далекого детства. Такое раннее, почти стертое... А может, оно и вовсе никогда не существовало, просто редкий ребенок в храме не придумывал себе совсем другую жизнь и родителей, которых никогда не знал.

Что-то очень глубокое и болезненное, как давно зажившая и все-таки иногда ноющая рана, растревожил в ней прошлый день, за который сейчас было стыдно, но как-то не всерьез, не по-настоящему. Да, она вела себя недостойно жрицы Малкависа. Но она давно ступила на дорогу, которая неминуемо должна была увести ее прочь от храма, и случилось это по дозволению самого Малкависа. Если, конечно, тот сон в лихорадке Зова не был бредом.

Окончательно запутавшись, Джад просто глубоко вздохнула, не торопясь поднимать приятно тяжелые веки. Ей, наконец-то, не было холодно, и тянущая боль в пояснице отступила, а вместе с ней ушла буря чувств, туманящая рассудок. Все-таки это было странно... Ведь совершенно точно талисману еще не вышел срок, да и действие его в последние месяцы очередного года становилось слабее, так почему все это? Не иначе, Зов и жизнь под водой нарушили какое-то равновесие в ее теле. А может, и запечатление постаралось?

Она все-таки лениво приоткрыла глаза и обнаружила, что по уши закутана в ворох покрывал, толстым мягким слоем облепивших тело. И это тоже было непривычно: какой страж позволил бы себе лишиться возможности в любой момент вскочить и схватить оружие? А у нее и оружия-то нет, если не считать нож близнецов, снятый вместе с поясом и лежащий на постели в ногах. Убрать, кстати, надо, а то Жи погрызет кожаные ножны.

Мысли текли ленивые и расслабленные, словно что-то притупилось в ней после вчерашнего. Или, наоборот, раздвинулись некие границы, так

что теперь все воспринималось иначе. Умом понимая, что храмовые требования заставляют стыдиться такого поведения, Джадд всей сутью отказывалась чувствовать свою вину. Какое, оказывается, облегчение — позволить себе хоть иногда побыть слабой! Как сказал рыжий: и море не закипело. Где он, кстати?

Джадд приподнялась и наткнулась взглядом на спящего рядом — только руку протяни — принца. Вот уж кому не было холодно. Разметавшись по ложу, обнаженный Алестар даже руки раскинул, будто обнимая все море, и улыбался во сне. Огромный пышный плавник, похожий на серебристо-прозрачное кружево, принц расстелил по кровати, и тот слегка колыхался краешками в едва заметном течении внутри комнаты. Джадд бросила вороватый взгляд на безмятежное лицо принца, пригляделась внимательнее... Нет, точно спит. Не удержавшись, она осторожно выпутала из одеяла ногу и пальцами коснулась блистающей серебряной роскоши. Совсем чуть-чуть, только попробовать, действительно ли на ощупь так мягко, как на вид...

Плавник лежал на ложе совершенно неподвижно, она быстро убрала ногу, чувствуя себя глупо и странно смешно, и тут услышала лениво-расслабленное:

— Мой хвост в полном твоём распоряжении, можешь просто пощупать.

Не открывая глаз, принц все так же якобы спал. Джадд залилась краской, кляня себя за любопытство, и неловко отозвалась:

— Прошу прощения. Я... нечаянно.

— Конечно, — кротко отозвался Алестар, распахивая ресницы над смеющимися, невозможно наглыми глазами. — Я так и подумал. Знаешь, я раньше считал двуногих уродливыми. Эти ваши пальцы на ногах, да и сами ноги... Дурак был, признаю. Под водой ты и правда странно двигаешься, а вот на суше...

Он приподнялся на локте, весело посмотрев на смущенную Джадд, убрал со лба выбившуюся из прически прядь и продолжил вроде бы не всерьез, но с мягкой настойчивостью:

— На суше ты очень красиво ходишь. Я видел тогда на острове. А людям наши хвосты нравятся?

— Да, — ровно сказала Джадд. — Люди считают вас красивыми.

Она отвела взгляд от лица самодовольно улыбнувшегося принца и не удержалась:

— Хвост прекрасен, ваше высочество. Совсем как у павлина.

— У павлина? А кто это?

Подтверждая сказанное о красоте, Алестар плавно взмахнул предметом обсуждения, и великолепный блестящий веер плавника опустился на бедра Джад, скрытые, к счастью, одеялом.

— Птица такая, — невинно сказала Джад. — Очень красивая. Если распустит хвост, всю эту кровать накрыть можно.

— Ого...

Судя по вытянувшемуся лицу, Алестар сравнил размеры и понял, что соотношение не в его пользу.

— Но... все-таки я похож? — уточнил он, немного подумал и решительно поинтересовался: — Так, а в чем подвох? С этим... павлином?

— Что? Какой подвох? — растерялась Джад, уже жалея о начатом разговоре.

— Такой. Я-то знаю, что я красивый. Всю жизнь вокруг твердят, надоело уже. Только ты никогда не похвалила бы меня именно за это просто так. А если похвалила, значит, с этим павлином какой-то подвох. Ну, скажи, я не обижусь. Интересно же.

Усмехнувшись, он откинулся на подушку, глядя на Джад блестящими яркими глазами, в которых и впрямь светилось чистое азартное любопытство. Она невольно устыдилась, потому что вспомнила павлина не только за роскошный хвост и привычку им красоваться, но и за чрезвычайную глупость. А это, выходит, было как раз несправедливо...

— Поет павлин ужасно, — выдавила она, наконец, чувствуя себя совсем неловко. — Куда хуже других неприметных птичек.

— А-а-а-а, — понимающе протянул Алестар. — Ясно... То есть, кроме хвоста, других достоинств нет?

Он скорчил надменно обиженную физиономию, но тут же фыркнул:

— Ну и ладно! Лучше уж быть красивым павлином, чем дурной чайкой, например. У тех ни хвоста, ни голоса. Жалко, что другие птицы над морем не живут, только пролетают иногда.

Улыбнувшись без малейшей обиды, Алестар сел на ложе, как обычно свернув хвост полукругом, и внимательно глянул на Джад.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он негромко и совершенно серьезно.

Перед ответом Джад слегка замялась. Не потому, что искала в себе следы несуществующего нездоровья, а потому что ответ на этот вопрос явно был мостиком к разговору о других случившихся вчера вещах.

— Хорошо, — настороженно отозвалась, наконец, она. — И... прошу прощения за вчерашнее...

— Зачем? Ты ни в чем не виновата.

Принц перебросил через плечо растрепанную косу и принялся распускать сложное плетение.

— Я помню, что обещал тебе вчера, — сказал он совершенно обыденным тоном. — Сегодня же поговорю с отцом — зачем тянуть? Твоя Аруба, она ведь на морском берегу? Туда ходят корабли?

— Да... — все сильнее настораживалась Джиад.

— Не доверяю я вашим человеческим кораблям, — объявил Алестар, расплетя косу, так что рыже-золотое покрывало волос укрыло его плечи и грудь до самого пояса, мягко стелясь и колыхаясь в воде. — Тебе, конечно, туда плыть на салру слишком далеко, придется нанимать корабль. А вот золото... Его лучше доставить под водой. Ну, это моя забота.

— Ваше высочество...

Слова снова потянули внутри что-то болезненное, Джиад едва не поморщилась.

— Может быть, лучше дождаться решения вашего отца?

Алестар вскинул голову, глянул надменно, став до ужаса похожим на холодного наглеца, впервые встретившего Джиад тогда у скалы, и бросил с тем же пугающим высокомерием:

— Ты не веришь? Мое слово — честь всего моря. А мой отец сам никогда не позволит мне нарушить обещание, это недостойно королевской крови. Джи... — добавил он гораздо мягче, будто возвращаясь к себе новому и недавнему, — думай обо мне как хочешь, только не сомневайся в моих обещаниях, прошу. И... скажи, сегодня ты тоже не станешь надевать украшения?

— Зачем? — поразила Джиад перемене темы для разговора, но даже обрадовалась этому. — Ах, да...

У нее действительно вылетело из головы, что сегодня особенный день для всего Акаланте. Но что же решил Алестар? Неужели будет участвовать в гонках?

— Я хочу, чтобы ты сопровождала меня на Арену, — подтвердил ее опасения принц. — Это интересно, поверь. Прошу тебя!

Джиад вздохнула: любопытство и, пожалуй, желание выполнить просьбу Алестара, боролось в ней с яростным несогласием оказаться на виду у целого города да еще и в сомнительной роли избранной наследника. И все-таки отказать было неловко. Вот она, обратная сторона благодарности, когда лишаешься возможности сказать «нет».

— Если вы хотите, ваше высочество, — согласилась она, утешаясь тем, что увидит зрелище, которое вряд ли наблюдал кто-то из людей за последние несколько сотен лет. — А украшения обязательны?

Принц возвел глаза к потолку и отозвался тоном, исполненным ядовитого страдальческого терпения:

— Нет, не обязательны. На Арену пускают и без них. Но в единственном обручальном браслете ты будешь выглядеть странно. Последний День Арены — праздник всего города, сегодня наряжают даже салту. Уж поверь, если что и привлечет внимание, то как раз такое пренебрежение обычаями.

И снова пронизательность Алестара показалась неожиданной и почти пугающей. Но сказанное выглядело правдивым, и это решило дело. Джад покорно согласилась отдаться в руки наложниц, предусмотрительно заручившись разрешением не краситься и надеть только то, что захочет сама. Алестар, не ожидавший и этого, просиял и, поспешно натянув первую подвернувшуюся тунику, умчался из комнаты, прежде чем Джад успела спросить, где ее рыбеныш.

* * *

День сегодня, хоть и праздничный, обещал быть неприятным, как мутная вода. Еще недавно Алестар и представить не мог, что будет смотреть Гонки не из седла Серого, а сверху, из королевской ложи. Это он-то, не пропустивший ни одного заплыва за последнюю дюжину лет. С самого первого раза, когда отец, скрепя сердце, разрешил ему выплыть на Арену, Алестар знал, что рожден для этого. Скорость и опасность горячат кровь многим, но секрет успеха в том, чтобы кровь кипела, а разум оставался ледяным. Только тогда можно слиться в одно существо с огромным могучим зверем, почувствовать Арену вокруг и внутри себя, рассчитать правильный путь и скорость. Так было всегда — до того дня, когда...

Алестар в бессилии стиснул кулаки, невидяще уставившись на стену в своей комнате. Как давно, оказывается, он сюда не заглядывал. Сначала ночевал у Санлии, потому что остаться одному было невыносимо, потом появилась Джад и перевернула его жизнь, как королевский шторм — утлую рыбацкую лодку. А вот теперь прошлое ударило в него, словно острие вражеской остроги на дуэли, в которой ему, наследнику и будущему королю, никогда не участвовать.

Опустившись на постель, Алестар свернул хвост, поджал его и, обняв руками, замер. Вот это покрывало ему подарила Кассия. Огромные глубоководные скаты, две шкуры которых пошли на полотнище, водились только в глубинах Карианда, да и там были редкостью. Кассия заказала покрывало задолго до его двадцатого дня рождения, чтобы подарок успели расшить мелким жемчугом и кусочками перламутра. Широкая

разноцветная кайма вилась по краю, а посередине они с Кассией как раз могли уместиться на толстой мягкой коже...

А он пообещал, что подарит ей Золотой Жемчуг, когда получит его — высочайшую награду Гонок. И теперь уже никогда не сдержит обещание. Обидно... Кассия смеялась и отказывалась заранее. Нет, конечно, она не сомневалась в его победе ни одной чешуйкой, но Золотой Жемчуг? Его вручают тем, кто одержал полную победу в Круге Гонок семь раз подряд, и за последние сто лет таких счастливицков не бывало. А имена получивших Золотой Жемчуг навечно высекаются на Стене Славы, и Алестар знал их наперечет — все восемнадцать. В этом году была бы его седьмая победа. Уже никому не нужная, кроме него самого, да и ему-то больше из упрямства. Горячая сладкая греза, заставлявшая до крови биться о скалы на тренировках и до потери сознания наматывать круги по Арене, обернулась ярким, но дешевым перламутром.

Алестар тихо вздохнул. Да, он обещал отцу. Только это теперь и имеет значение, а Золотой Жемчуг... что ж, пора расстаться с детскими мечтами. Вот будет радости у тех троих-четверых, кого он мог назвать соперниками.

Он посмотрел на широкую полку вдоль стены, где в ряд блестели шесть витых золотых раковин размером в ладонь каждая. Еще три стояли поодаль — это из тех времен, когда победы перемежались поражениями. И за каждой драгоценной наградой тянулся след хмельной радости и восхитительного чувства преодоления. Соперников, обстоятельств, себя самого. Ну, и кому теперь нужны эти победы?

Зло толкнувшись хвостом, он подплыл к полке, в который раз рассмотрел и так знакомые до мельчайших черточек раковины, похожие и в то же время совсем разные, ведь каждый год королевские ювелиры делали для победителя Гонок новый приз. Вот эта — массивная, украшенная крупными темными изумрудами. Эта — из чудесного многоцветного стекла, переливается и горит на солнце, рождая крошечную радугу, — они с Кассией нарочно плавали на поверхность в солнечный день, чтобы полюбоваться. А эта, усыпанная цветным жемчугом, — с тайником, внутри створок маленькая шкатулка, открывающаяся, если нажать на завиток... Двенадцать лет его жизни. Стоило ли оно того, если последний Круг так и не покорился?

Алестар задумчиво провел пальцами по поверхности ближайшей раковины, той самой, радужной. Что, если подарить ее Джи? Она не любит украшения, но, может, возьмет на память? А еще лучше — пусть сама и выберет. Да, так будет правильнее всего. И нечего жалеть о несбывшейся

мечте, Золотом Жемчуге лучшего наездника. Он отдал бы и его, и все эти красивые бесполезные драгоценности за одну только встречу с Кассией, за несколько минут, чтобы не пустить ее на Арену. Но ничего нельзя вернуть, и следует думать о живых.

Надо навестить отца и заверить его, что единственный сын и наследник не станет глупо рисковать собой на Арене. Надо узнать, как там Эруви, до сих пор беспробудно спящая под зельями, чтобы не тревожить зарастающую рану. А потом надо отправиться на Арену, делая вид, что все именно так, как и должно быть. Улыбаться, отвечать на приветствия и вопросы. О, на самый главный вопрос придется отвечать очень-очень часто. Прямо хоть табличку на грудь вешай с надписью: «Я не буду участвовать, а почему — вас не касается». Вчера спросили раз двадцать, причем некоторые, особо рьяные, даже ухитрились поздравить с неминуемой победой. Если бы собирался плыть — в опалу отправил бы за такое отпугивание удачи.

Да, решено, после Гонки он приведет сюда Джиад и попросит выбрать самую красивую раковину. Якобы в подарок кому-то... А потом расскажет ей все и на самом деле подарит — на прощанье. Наверное, еще и уговаривать придется. Жаль, ювелиры не успеют, а то он заказал бы фигурку павлина — вот уж точно была бы память.

Алестар грустно и насмешливо улыбнулся, отворачиваясь от полки и выплывая прочь из комнаты. Как просто и приятно было жить самодовольным любимчиком судьбы. Его обожал город, они с Кассией собирались пожениться наперекор всему, а отец еще был здоров, и жизнь плыла, как на легких мягких волнах. А потом будто ударил неожиданный шквал — и все разом изменилось, буря закрутила и понесла его куда-то, родная вода стала предательски-жестокой, скрывая рифы, а небо и море то и дело менялись местами. Все эти последние месяцы Алестар плыл в горькой темной мути, захлебываясь то болью, то тоской, то просто непониманием, что же происходит с его жизнью. Джиад стала его Острием лоура, путеводной звездой, по которой плывут странники-иреназе, но и это сияние вот-вот исчезнет... И ничего с этим не поделать. Когда волна или соперник выбивают тебя из седла, вернись в него и плыви дальше — вот и все, к чему свелась для него многолетняя мудрость Арены.

Проплывая коридорами и отвечая на поклоны встречающих придворных, Алестар перебирал в памяти все, что успел и не успел сделать сегодня. У Гонок свой распорядитель, в работу которого даже членам королевской семьи совать хвост не следует. Но отец всегда на праздниках принимал просителей или встречался с послами других городов. Сегодня

он предупредил, что на Гонки не поплывет: не следует народу видеть своего владыку больным и немощным. Но отговорится, конечно, делами... А в ложе будет Алестар, и именно к нему приплывут выражать почтение гости Акаланте.

Он нерешительно замялся на развилке, потом все-таки свернул в сторону отцовского кабинета. У двери плавал курьер, ожидая распоряжений, значит, отец работал. Вот же неугомонный, и целителей не слушает.

— А, мальчик мой...

Отец при его появлении поднял голову от документов, улыбнулся и указал на кресло рядом со столом.

— Доброго утра, отец.

Алестар низко поклонился и устроился в кресле, бросив взгляд на стопку табличек. Все хорошо знакомо: расчеты с Маравеей за поставки водорослей и шкур салту.

— Вот, — пошутил отец, — торгую плодами твоей охоты. Надо бы ставить на шкуры особое клеймо и продавать дороже. Сам наследник Акаланте лоур приложил.

— Еще скажи — хвостом поработал, — фыркнул Алестар. — Отец, а подождать это не могло? Я бы вечером все проверил и отправил.

— Невелик труд, — вздохнул тот. — А я так скучаю по делам... Алестар, мальчик мой, ты же все решил на сегодня, верно?

— Разумеется. Я буду смирно глядеть на Гонки сверху, не беспокойся.

Пожалуй, усмешка вышла горьковатой — отец сочувственно покачал головой.

— Мне жаль, поверь. Алестар, я помню, как ты хотел Золотой Жемчуг. Мне очень жаль...

— Отец...

Алестар все-таки запнулся, глядя на постаревшее, почти изможденное лицо, всегда исполненное мудрости и величия, готовое к ласковой улыбке или заботливой строгости. Вместо слов, рвущихся изнутри, выскользнул из своего кресла и опустился к отцовскому, взял сухую костистую руку и прижался лицом к ладони.

— Отец... — сказал все-таки негромко, выбирая слова так же тщательно, как выбирал бы сбрую для последнего заплыва. — Весь жемчуг мира не стоит твоего здоровья. Это же просто игра — ты сам так всегда говорил.

— Мало ли что я говорил...

Вторая рука ласково провела по его волосам.

— Я бы гордился тобой, мальчик мой. Очень гордился, не сомневайся. Но сейчас я горжусь больше. Ты все-таки стал взрослым — теперь я спокоен. Ну, плыви... Конечно, ты хочешь показать Гонки нашей гостье?

— Да, а что? — насторожился Алестар, услышав сомнение в отцовском голосе. — Она же моя избранная. Если я приплыву без нее, начнутся вопросы и снова поплывут слухи.

— Алестар, Алестар... О слухах ли ты думаешь?

Алестар покраснел, еще ниже опустив голову, а отец размеренно продолжил.

— Не отдавай сердце той, кто унесет его с собой на землю. Джад — чудесная женщина, но разве она тебе пара? Кого же ты хочешь обмануть, сынок, меня или себя? Вы не созданы друг для друга, нашему роду издревле не везет с такими встречами. Жители земли приносят нам горе, не там следует искать суженых.

— Отец, не надо, — тихо попросил Алестар. — Все и так решено, у нас осталось-то несколько дней до разрыва. Пусть она запомнит хоть что-то хорошее о нашем народе. И я хотел поговорить с тобой...

Он запнулся, поднимая голову и решая, сказать ли сейчас о том, что обещал жрице. В том, что отец позволит заплатить выкуп и даже будет рад, у него не было ни капли сомнения. Но слишком уставшим тот выглядел, а объяснять придется многое, и сейчас времени просто нет. Наверное, лучше после Гонок.

— Вечером, — решительно продолжил он вслух. — Я знаю, как достойно отблагодарить Джад. Но мне нужно твое дозволение на расходы из казны. Немалые расходы.

— Ты меня заинтересовал, сын, — улыбнулся король. — Если ты придумал что-то такое, на что согласится наша гордая гостья, то уж точно обогнал в этих гонках меня. Хорошо, поговорим вечером. А сейчас иди и будь благоразумен. Помни, самый щедрый прилив не вечен, но море не знает и вечных отливов. Я люблю тебя, сынок.

— Я тоже тебя, отец, — старательно улыбнулся Алестар, поднимаясь и покидая кабинет. От порога он оглянулся — отец снова склонился над счетами, делая пометки на табличках острым письменным резцом.

А за толстыми стенами кабинета дворец гудел, как растревоженная расщелина, полная рыбой мелюзги. Сновали туда-сюда слуги, плыли придворные, стараясь выглядеть чинно, но все равно спеша — лучшие места всегда может занять кто-то другой. Алестар поморщился: им-то с

Джиад остаться без места не грозит, но и плыть по городу лучше в чистой воде, а сегодня гостям целого моря не хватит — на Арене соберется весь Акаланте, и сколько еще приплывет из других городов!

Похоже, о чем-то таком подумал и молча плывущий позади Дару, потому что он подался вперед, поравнявшись с Алестаром, и хмуро сказал:

— Тир-на, могу я вас попросить? Когда доплывем до места, не покидайте ложи. Если что-то пожелаете, найдется, кому сплавать. Толчея будет... И госпожу жрицу одну никуда не пускайте...

— А что, другой охраны нет? — поднял бровь Алестар. — Иратель только вас двоих отрядил?

— Да будет, конечно, — вздохнул телохранитель. — Еще какая. Три ряда оцепления да в толпе якобы простые горожане. А все-таки беспокойно мне. Вот с самого утра словно крабы за хвост щиплют...

Алестар еле удержал рвавшийся с языка совет обернуться и посмотреть на хвост — а вдруг и правда какой краб прицепился, но телохранитель был так мрачен и озабочен, что шутить расхотелось. А уж жизнью Джиад — тем более.

— Как скажешь, — покладисто бросил он, чем, кажется, удивил охранника до нового онемения.

Алестару же словно льдиной вдоль хребта провели. Прошлые Гонки никак не предвещали беды. И день был такой же суетливо-радостный, и приветствовали его так же по пути на Арену, а потом на ней. А глаза Кассии озорно сияли, пока она излагала ему, замерзшему от нездоровья и расстроенному до кончика хвоста, свою блестящую мысль...

— Трое Благих Создателей, — прошептал он в окружающую воду, — не допустите беды. Я, Алестар тир-на Акаланте, будущий повелитель и хранитель города, прошу вас. Отвратите от Акаланте гнев Бездны и ее обитателей. Сохраните нас от тьмы в помыслах и делах. Сберегите мой город и народ.

Он до звона в ушах вслушивался в голос воды, слышный даже здесь, в стенах дворца, но если Мать Море и услышала его просьбу, то промолчала, не дав знака ни плеском, ни писком случайной рыбешки, а ее супруг и сестра и вовсе никогда не откликались. Алестар тяжело вздохнул.

* * *

В который раз Джиад задалась вопросом, где же морские жители берут вещи, которые не могут сделать сами? Ну, пусть драгоценности подбирают с утонувших кораблей, за века их и впрямь должно было много накопиться. А кто кует для них лоуры? И кто сделал это огромное зеркало почти от пола до потолка, в котором сейчас отражалась женщина, очень

похожая на нее, но все-таки не она, храмовый страж Джиад. Хотя зеркало, возможно, тоже из добычи моря.

Джиад еще раз окинула себя взглядом, понимая, что вечный сумрак жилищ иреназе скрывает краски и блеск, а снаружи вид будет все-таки другой. Не слишком ли... ярко? «Не слишком ли красиво? — поправил внутри нее насмешливый голос, в последнее время взявший что-то очень много воли. — Ты ведь этого боишься? Привлечь внимание и снова услышать за спиной, что ты всего лишь подстилка принца. Этого ли, другого... Какая, в сущности, разница?» «Глупости, — сказала она себе, той себе, что сейчас смотрела из зеркала и не позволяла соврать под прямым резким взглядом черных глаз, единственным, что осталось неизменным. — Я всегда была только самой собой. Ветер носит сплетни, но сталь ему не по зубам. Когда я любила Торвальда, мне дела не было, что говорят за спиной». «Это потому, — глумливо возразило отражение, — что Торвальду и в голову не приходило взять тебя куда-нибудь как спутницу, а не как живой щит. Он-то хорошо знал разницу между прислугой и любовницей. И, следует признать, по-хозяйски получал от тебя двойную пользу. А сейчас ты лезешь в те же самые зыбучие пески, из которых едва выбралась, обдирая кожу и с тела, и с души». «Неправда, — снова безмолвно сказала Джиад, с усилием не отводя взгляда. — Алестара я не люблю. Моя душа в безопасности. Как и тело, если верить клятвам иреназе. Никаких зыбучих песков. Теперь я верна только себе и храму. Старые жрицы были правы: нельзя любить того, кого охраняешь». «О, а ты его уже охраняешь? — вволю издевалось отражение, не дрогнув ни уголком непривычно красивых губ, ни ресницами, как никогда длинными и изогнутыми, а ведь Леавара только разок прошла с краской, и то после долгих уговоров. — И правда, хорошо усвоила урок...»

«Не его, — беспомощно огрызнулась Джиад, нервно поправляя вишневую рубашку с полосами золотой вышивки по манжетам и воротнику. — Я выполняю просьбу его отца, ищу заговорщиков. Сохранить мир в стране — благое дело, ибо всякий мир угоден Малкавису...» «Повелителю войны!» — насмешливо подхватило отражение.

— Да, — сказала Джиад вслух. — Именно так.

«Потому что бог войны в полной мере знает ее мощь, — сказала она отражению, в запале спора забывшему и сутры, и саму суть учения храма. — Знает ее ярость и подлость, ее ненасытную жажду жертв и разрушений. Потому что не бывает войны честной и справедливой. Потому что Малкавис — не возница на ее колеснице, а страж законов и чести. Не карающий меч сильных, а щит слабых и судья поединков. Молчи, если не

понимаешь этого. Я не сменила хозяина. И уж тем более не сменила возлюбленного. Я иду путем своего бога. И если смогу предотвратить смуту и смерти, значит, не зря вернулась...»

— О, госпоже избранной нравится! — с восхищенной гордостью отозвалась Леавара, стоящая рядом с шаром туарры в руке и решившая, что последние слова Джиад обращены к ней.

— Вы великолепная мастерица, — промедлив всего пару стуков сердца, признала Джиад то, что и так было очевидно всякому, видевшему ее раньше и сейчас.

Отражение насмешливо блеснуло глазами, присоединяясь. Женщина в зеркале была моложе Джиад лет на пять. А может, не моложе, просто никогда не знала ни предательства любимого, ни недавней лихорадки Зова. Эта женщина не пожелала сменить привычные штаны на платье или тунику, но оказалось, что если новая рубашка мягко облегает плечи и заужена в поясе, то этого вполне достаточно. И что шелк глубокого яркого цвета совсем не ссорится с тонкой кожей, в воде облегающей ноги от бедер до щиколоток. А пышные рукава до локтя и обручальный браслет, россыпью рубиновых угольков горящий на запястье, скрывают мускулистость рук лучше любого доспеха...

Женщина в зеркале... Нет, девушка в зеркале улыбнулась удивленно и, пожалуй, лукаво. У нее была нежная смуглая кожа, словно сияющая изнутри. Темные бархатные глаза и едва-едва тронутые краской, но все равно пухлые и совершенных очертаний губы. В ее ушах сверкали сквозь волны прически рубиновые серьги-огоньки, а в приоткрытый ворот рубашки убегала золотая цепочка, скрываясь где-то между высоких холмиков груди, предательски подчеркнутых вишневым шелком. Это была не та соблазнительная кукла, в которую искусство Леавары превратило Джиад при третьей встрече с Алестаром. Встрече, закончившейся насилием... В тот раз Джиад успела стереть маску вызывающей бесстыдной красоты... Но это лицо стирать не хотелось. В него хотелось поверить или хотя бы представить, что увиденное правдиво, — хоть ненадолго.

— Это прекрасная работа, — еще раз признала Джиад, колеблясь и вправду испытывая жгучее желание сорвать золото и рубины, стереть и смыть краску, потребовать назад свою просторную рубашку, скрывающую грудь так же хорошо, как полдюжины метательных ножей, спрятанных на теле. А еще лучше — кольчужную накидку. С капюшоном!

— Но что-то не так? — тихонько спросила на удивление чуткая Леавара.

— Я... не уверена, что это — я, — глубоко вдохнув и выдохнув, призналась Джадд полужнакомой девчонке, сама удивляясь своей откровенности.

— Понимаю... — отозвалась Леавара, тоже помолчав немного. — Но поверьте, госпожа жрица. Это — вы. То есть тоже — вы. Наверное, я не слишком хорошая наложница, тир-на Алестар всегда обходил мои покои стороной... Но я умею видеть не только золото сверху, но и жемчуг внутри раковины, как у нас говорят. В каждом сокрыта внутренняя красота, просто не все выпускают ее на волю. Кто-то не умеет, кто-то боится... Но даже скрытый от глаз жемчуг остается жемчугом. Я просто показала то, что увидела. Если хотите вернуть все, как было, это нетрудно...

— Нет, — тихо, но твердо ответила Джадд. — Я благодарю вас и за работу, и за урок. Пусть остается так.

— Джадд! — позвал нетерпеливый знакомый голос от двери, и она повернулась, вскинув голову и выпрямившись, как на храмовом смотре.

Единственным облегчением было, что голос в ее мыслях замолчал.

— Ох... — восхищенно произнес через несколько мгновений Алестар, разглядывая ее с головы до ног и обратно.

В глазах принца сиял восторг.

— Что? — мрачно спросила Джадд, всю решимость которой словно водой смыло этим оценивающим мужским взглядом, в котором так и плескалось вожделение.

— День... — сглотнув, непонятно откликнулся Алестар и тут же с усилием продолжил, поясняя: — День, кажется, не так уж и плох! Гораздо лучше, чем я думал... Ну что, поплыли?

— Да, конечно, — с облегчением согласилась Джадд, радуясь, что принц не пустился в похвалы, и не позволяя себе забыть, что в глазах всего города она Алестару то ли невеста, то ли фаворитка-наложница...

Облегчения хватило ровно до Арены.

Пока они плыли по городу, высоко поднявшись над улицами, Джадд разглядывала плывущих под ними в том же направлении иреназе и недоумевала, почему те тоже не поднимутся вверх. Ладно, толчея на земных улицах, но ведь море гораздо просторнее в высоту! Вместо этого вода перед ними была свободна, а если все же попадался кто-то на салту или без него, то поспешно спускался, словно расчищая дорогу. Дару на прямой вопрос пояснил, что таков этикет: если тир-на Алестар хочет уединения, не спустившись вниз, а плывя в верхних слоях, то следует не докучать ему. Мало ли какими государственными делами занят разум принца!

Джиад покосилась на притихшего хмурого Алестара. Тот и вправду о чем-то думал, только о государстве ли? До Арены, как объяснил тот же Дару, они имели право доплыть на салту — привилегия гостей города, местных каи-на и, разумеется, принца. Простой народ добирался вплавь, потому что стойла не вместили бы такое количество верховых зверей. Противореча своим же словам о праздничном наряде, Алестар сменил сбрую на своем Сером на самую простую, из толстой кожи и почти без украшений, только на местах стыков ремни соединялись бронзовыми накладками. Явно для прочности, а не для красоты. Оделся принц тоже простовато, в синюю тунику в тон глазам, но куда менее роскошно, чем ожидала Джиад. И только в косу вместо любимой бирюзы были вплетены золотые нити с сапфирами редкостной чистоты и яркости, да на левом запястье блестела широкая полоса обручального браслета.

— Давайте сразу в ложу, — хмуро бросил Алестар, когда они подплыли к огромному кратеру Арены. — Кари, отведи салту.

Он соскользнул с Серого, на прощанье погладив его по морде, и салту потянулся за хозяйской рукой, подставляя нос. Алестар рассеянно почесал его и повернулся к Джиад. Она поспешно выбралась из уже привычного седла и отдала Кари длинный повод.

Внизу иреназе проплывали через огромные ворота, высеченные в толще Арены, хотя гораздо удобнее, на взгляд Джиад, было просто перевалить через край каменного амфитеатра. Но, видимо, этого не допускали правила. И действительно, стоило им направиться к Арене поверху, как снизу вверх навстречу кинулся иреназе с тонким длинным трезубцем в руках, но, разглядев принца, почтительно поклонился и снова спустился.

Джиад старательно загребала воду руками, как никогда чувствуя несовершенство и медлительность своих движений рядом с легкими стремительными иреназе. Они проплыли над широким краем, где, будь дело на суше, могли разъехаться в ряд пять-шесть повозок, и оказались внутри Арены. Ужасающе бескрайней и в этот раз не пустой. Склоны Арены заполняло сверканье ярких одежд, блеск чешуи, золото волос и множество узких разноцветных лент, развернутых над рядами иреназе. Только дно оставалось резко, почти вызывающе пустым в этом смешении красок и звуков.

Алестар остановился, давая ей время рассмотреть Арену. Теперь было хорошо видно, что склоны делятся на сектора тяжелыми толстыми канатами, протянутыми от верхушки рядов вниз, почти к самому дну. У каждого такого сектора плавал служитель с трезубцем, указывающий

зрителям их места. Нарядно одетые иреназе все прибывали, заполняя склоны, и в глазах рябило от ярких туник и сверкающих украшений. Вот теперь Джиад ясно видела, что большинство жителей Акаланте и впрямь светловолосы: перед ней раскинулось море золотых, рыжих, русских голов, редко где мелькали в толпе каштановые волосы разных оттенков, а черных попадалось совсем немного.

Джиад пригляделась к паре-тройке из них, кто все-таки оказался поблизости, и заметила, что все они немолоды. Что ж, неудивительно: если Акаланте и обменивался с Суаланой женихами и невестами, то, наверное, еще до войны, которая длится не один год. Потому Санлия, молодая черноволосая красавица, такая редкость для Акаланте, достойная положения наложницы принца. Куда же все-таки делась несчастная и такая загадочная суаланка?

— Наши места во-он там, — указал ей Алестар на отдельный сектор посреди склона, огороженный не канатами, а невысоким заборчиком. Выше него мест для обычных зрителей не было, там склон Арены выглядел совершенно голым, зато по бокам и ниже напоминал сундук с драгоценностями, так нарядны были зрители. Нетрудно оказалось понять, что это местная знать, устроившаяся поблизости от королевских мест.

— Нам... туда? — безнадежно спросила Джиад.

— Угу.

Алестар мрачно глянул на пустое пространство и тяжело вздохнул. Продолжая пользоваться привилегиями правящей семьи, они проплыли над рядами и спустились прямо на склон. Джиад окинула взглядом несколько рядов широких глубоких выемок, предназначенных, разумеется, для иреназе с их хвостами. Всего мест было около тридцати. То ли когда-то семьи королей были куда многочисленнее, то ли сюда приглашали особо почетных гостей.

— Ваше высочество уверены, что мне стоит... — замялась она, уже слыша нарастающий со всех сторон приглушенный гомон и с ужасом чувствуя, как оказывается в перекрестье сотен любопытных взглядов.

— Только в этом я и уверен, — буркнул Алестар.

Взяв Джиад под руку, он помог ей проплыть к месту, в которое кто-то сообразительный накидал кучу кожаных подушек, скрадывая разницу между телосложением людей и иреназе.

— Тир-на Алестар, госпожа... избранная...

Ираталь, торопливо подплывший к ним, заметно замялся перед последним словом, и Джиад, помнившая, что начальник охраны ранее вполне уважительно звал ее жрицей или стражем, насторожилась. А

пожилой иреназе бросил какой-то просто отчаянный взгляд на ее запястье, перевел его на Алестара, снова на браслет.

— И вам доброго дня, каи-на Иратель.

Алестар недоуменно поднял бровь, тоже видя замешательство начальника охраны, потом глянул ему за спину, и Джад поняла, что до этого момента принц был не слишком-то и хмур. А вот сейчас...

— Доброго дня, тир-на Алестар, — церемонно приветствовал наследника какой-то иреназе, подплывший к ним сразу за Иратель. — Да благословят Трое вас и вашу... спутницу. Для меня большая честь быть гостем прекрасного Акаланте, любимого Матерью Море.

Иратель, резко и как-то тоскливо выдохнувший, взмахнул хвостом, отплывая в сторону, и Джад разглядела говорившего. Это был молодой, не старше Алестара, иреназе в серебристо-серой тунике, расшитой по плечам, рукавам и подолу мелким, но особенно переливчатым жемчугом, отчего наряд смотрелся просто, но очень дорого и изысканно. А вот сам юноша был далеко не так хорош собой. Светло-русые прямые волосы, длинные, но заплетенные в простую косу, перевитую тем же жемчугом, только более крупным. Серые глаза, умные, но какие-то бесцветные. Сейчас в них читался только искренний вежливый интерес... И лицо настолько обычное, что Джад слегка удивилась, так привыкла к яркой красоте жителей моря.

— И вам доброго дня, — медленно проговорил Алестар, разглядывая... незнакомца?

Во всяком случае, другом принца прибывший не выглядел. Гость города? Или кто-то местный? Джад молча ждала, понимая, что происходит что-то необычное и явно имеющее отношение к ней. Знать бы — что! На земле она бы легко сказала о незнакомце многое по гербовым цветам, украшениям, выговору и манере держаться. Но не здесь...

— О, простите, — легко и приветливо улыбнулся все-таки незнакомец. — Я Эргиан, принц дома Карианд. С сегодняшнего дня — посол тир-на Америкля, моего блистательного отца, при дворе Акаланте. Мои извинения, что не представился как должно, тир-на Алестар. Но я приплыл только сегодня утром и не решился отвлекать вас от важных дел. А Последний День Гонок пропускать не хотелось, я еще никогда не видел столь интересного события.

— Да, Гонки — это очень интересно.

От вежливости в голосе Алестара вода рядом, казалось, стала прохладнее.

— Но я надеюсь, — невозмутимо продолжал кариандец, — вы простите мою фамильярность и желание поскорее с вами познакомиться.

Все-таки мы будущие родственники. Тир-на Маритэль — моя сестра по отцу...

ГЛАВА 13. Большие Гонки

Кариандский принц коротко с достоинством поклонился, а у Джиад потемнело в глазах. Брат Маритэль! Принцессы, чье место она заняла, чей браслет — браслет избранной и будущей супруги — носит на руке. И ведь Эргиан не может не понимать, кто сейчас рядом с его будущим... зятем, так выходит? То-то так блестят глаза.

— Я очень рад знакомству, тир-на Эргиан.

В воде — не той, что на самом деле, а которую представляла Джиад, — начали плавать мелкие льдинки. Глупо, конечно, но что еще оставалось делать, как не смотреть и слушать? О да, рядом с Торвальдом она и помыслить не могла, чтобы попасть в такое положение.

— Я тоже, — продолжал улыбаться кариандский принц. — Могу ли просить о чести быть представленным вашей прекрасной спутнице?

На мгновение Джиад посетила дурацкая мысль, что на самом деле она спит. Или бредит. Ну разве ее это место — среди наследников престола и придворных интриг? Но ведь не проснуться... С отстраненной холодностью и каким-то тоскливым любопытством она ждала, что придумает Алестар, чтобы объяснить ее присутствие. Назовет — кем? Ну не избранной же — при брате настоящей невесты.

— Да, конечно. Джиад, позволь представить тебе тир-на Эргиана, принца Карианда. Тир-на Эргиан, это Джиад, амо-на Аруба, каи-на Акаланте. Моя избранная.

Лед, которым покрылось море вокруг Джиад, заполнил все пространство — и треснул. Мгновенным изумлением вспыхнули бесцветно-серые глаза кариандца, и сразу же его взгляд снова стал непроницаемо-любезным.

— О, в кои-то веки слухи не врут, — весело отозвался Эргиан. — Я слышал о красоте каи-на Джиад, но теперь и сам вижу, что суша подарила нам лучшее из своих сокровищ. Значит ли это, что вы разрываете договор, тир-на Алестар?

А вот взгляд у него был совсем не веселым. Но Джиад почти сочувственно поняла вдруг, что ненависти или злости в нем нет, только ожидание. Так в поединке ждут удара, бесстрастно и уверенно.

— Разве мой отец заключает договоры, чтобы их разрывать? — с великолепным ледяным недоумением поднял одну бровь Алестар. — Или я когда-то давал повод сомневаться в своем слове?

— О нет... — мягко сказал Эргиан. — Как можно? Слово королевской крови — честь всего моря. Именно так нас воспитывают наши отцы. Просто я... удивлен. И заинтересован.

— Позвольте утолить ваш интерес после Гонок?

Все та же поднятая бровь, только в голосе больше ледяного яда. Синие глаза против серых. Надменная красота и величие против бесстрастного сознания собственной правоты... Джиад стало вдруг больно и горько, даже в горле встал тяжелый плотный ком. Конечно, она здесь чужая и совершенно лишняя. И потом, наедине или при короле-отце, Алестар все объяснит умному воспитанному юноше, которого кариандский двор прислал присмотреть за браком собственной сестры. Принцы должны жениться на принцессах, это так же верно, как и то, что солнце встает утром, а вечером заходит. Жаль, что прямо сейчас нельзя уйти.

— Разумеется, — чуть ниже, чем в первый раз поклонился Эргиан и с восхитительной наивностью поинтересовался: — Вы ведь позволите мне попросить некоторых разъяснений о происходящем? Я совершенно не разбираюсь в Гонках, хотя всегда мечтал их увидеть.

— Да, конечно, — процедил Алестар голосом, которым можно было резать и морозить — одновременно. — Прошу располагаться.

— О, благодарю!

Кариандец скользнул к ближайшему креслу по другую руку Алестара, напоследок одарив Джиад внимательным оценивающим взглядом — словно взвесил, измерил и поставил какое-то одному ему видное клеймо. Устроившись на сиденье, он тем же жизнерадостным тоном заявил:

— Мой начальник охраны собирается участвовать в следующих Гонках. Мне кажется, у него есть шанс на победу, но я, конечно, не могу судить.

— У всех есть шанс на победу, — очень вежливо сообщил ему Алестар, и тренированный слух Джиад уловил в голосе принца Акаланте тот прилив ледяной ярости, который обычно нес Алестара навстречу очередным глупостям. — Даже у новичка, первый раз выплывшего на Арену. Желаю ему удачи.

— И еще раз благодарю, — кариандец был совершенно безмятежен. — Но я бы просил вас, если можно, сказать ему это самому. Не сейчас, конечно, как-нибудь попозже. Реголар — искренний почитатель вашего таланта и умения. Знаете, у его салту на упряжи — пряжка с вашего Серого. Вы ее потеряли в последний день Гонок Зеленого дракона, если помните. А служители подбирают и продают такие вещишки — на удачу

новичкам. Представить не могу, сколько он за нее заплатил... Но получить пожелание удачи лично от вас... да он будет счастлив!

— А...

Кажется, Алестар подавился тем, что хотел сказать. На его скуле, которую видела Джад, расцвело розовое пятно.

— Да, конечно... — выдавил принц и обернулся к Арене, на которой началось какое-то шевеление.

— Почему Гонки так называются? — тихо спросила Джад, решив, что буря если не совсем стихла, то хотя бы откладывается. — Зеленый дракон?

— По названию года, — почти спокойным голосом и слегка удивленно отозвался Алестар. — А разве на суше время считают иначе? Этот год — Золотого салту... Салту вернется через двенадцать лет, но золотой не повторится еще долго...

— А, поняла, — улыбнулась Джад. — Да, в некоторых странах на суше тоже так считают, только звери другие. Что они там делают?

На дне Арены служители раскладывали большие круглые шары сине-зеленого цвета.

— Это марве, водоросль такая. Очень редкая. Но для Гонок ее специально выращивают. Когда начнутся гонки... Позволь, я не буду рассказывать, — усмехнулся Алестар. — Сама сейчас увидишь. А ваш... начальник охраны... — слегка повернулся он к гостю. — Он никогда не участвовал в Гонках? В Карианде же есть что-то подобное, я слышал.

— Да, у нас гоняют по склонам Бездны, — согласился Эргриан. — Но это не соревнования, а дуэли. Иногда один-на-один, а иногда и по несколько соперников за раз.

— Дуэли в Бездне? Но это же... даже опаснее Арены!

В голосе Алестара слышалась теперь искренняя бешеная зависть и тоскливое сожаление.

— Намного опаснее, — равнодушно согласился принц Карианда. — То камнем кого-то прибьет, то на выброс подземного яда наткнутся... Мой отец говорит, что дураков, добровольно и бестолково лезущих в Бездну, следует казнить, но Бездна и сама с этим справляется.

— Понятно... — зависти в тоне Алестара поубавилось, и Джад про себя усмехнулась.

Дно Арены теперь было усеяно шарами марве, и Джад слегка наклонилась, вглядываясь в происходящее. Вдруг по воде прошел сильный дрожащий звук, от которого Алестар поморщился.

— Начинается! — бросил он. — Забавно, на кого будут ставить

сегодня?

— В самом деле, а кого прочат в победители? — с той же равнодушной любезностью поинтересовался кариандец.

Мысленно Джиад сделала еще одну заметку возле его имени. Принц Карианда не только умудрился погасить гнев Алестара, тоскующего по Арене, но и не спросил его о причинах такого решения. И вряд ли это было случайностью. Значит, умен, осторожен и расчетлив. И очень хладнокровен. Такого лучше бы иметь в друзьях, чем во врагах. Ну, может, они и поладят, когда породнятся. Кстати, раз Эргиан — просто принц, значит, не наследник.

— Теперь — понятия не имею, — зло усмехнулся Алестар. — Я бы поставил на Рассиалю, но он болен. А Мирисс и Кольер всегда шли нос к носу, кто из них выиграет — разве что Мать Море знает. И никогда нельзя сбрасывать со счетов тех, кто держится во второй волне...

Тяжелый дрожащий гул снова прокатился по Арене. Теперь и Джиад поморщилась — звук отдавался даже в костях. Кариандец охнул. Алестар, напротив, едва шевельнулся, устраиваясь удобнее.

— Это второй гонг, — пояснил он. — Сейчас ездоки готовятся. Прозвучит третий — и салту рванут на Арену, а марве... Ну, увидишь.

Третий гонг почти заглушил его слова. Джиад потрясла головой, избавляясь от звона в ушах, и почти пропустила момент, когда с дальнего края Арены, слева от них, показались фигурки ездоков на салту. Маленькие, словно игрушечные, чуть искаженные водой, но ясно различимые. Она поморгала, и зрение улучшилось, словно амулет морского сердца услышал ее и помог.

Почти слившись со своими зверями, иреназе неслись по Арене, и теперь Джиад понимала, как Алестара можно было перепутать с Кассией: издали ездоки были почти неотличимы, если бы не яркие костюмы. Вдруг на дне неподалеку от королевской ложи один из шаров марве распух, побелел и растворился в воде белым облаком. Ездок, как раз проплывавший мимо, резко свернул, едва не влетев в облако, и тут же понесся дальше, огибая Арену по кругу. За ним проследовал еще один, увернувшись от колышущегося облака марве. А третий с разгону влетел в него, и Арена ахнула.

— Триасс, — скучающе прокомментировал Алестар, не изволив даже шевельнуться. — Он всегда ловится первым. А следующий будет Киралл, в красно-зеленом. Ну, или Сонтар — бело-синий.

Ездок, попавший в марве, придержал салру и медленно свернул к самому краю Арены, явно выйдя из соревнований. Остальные пошли на

второй круг. Еще два шара марве лопнули, и снова почти все увернулись, кроме одного невезучего в бело-синем защитном доспехе, как и предсказывал Алестар.

— Надо было мне заранее спросить вас, на кого ставить!

В голосе Эргиана слышался веселый азарт. А Джад задумалась совсем не о том, что происходило на Арене.

— И большие бывают ставки? — спросила она Алестара. — Кто их принимает?

— Еще какие большие, — рассеянно откликнулся принц, все-таки тоже наклоняясь вперед. — Если поставить на новичка, который выиграет, целое состояние заработаешь... А принимают... да вон, на трибунах, в белом...

Он махнул рукой, и Джад разглядела тут и там на склонах Арены иреназе в белых туниках. Ее все сильнее терзала медленно принимающая форму мысль.

— Кто выиграл тогда, ваше высочество? — спросила она, остро жалея, что нельзя куда-нибудь отправить кариандца, которого этот разговор никоим образом не касался, и надеясь, что Алестар сам поймет вопрос.

— А? — повернулся к ней принц. — В тот...

Джад успела увидеть, что он бледен, и испугаться, что не вовремя спросила, напомнив о гибели Кассии, но принц с явным трудом перевел дух и недоуменно пожал плечами.

— Я не знаю. Но кому-то явно повезло. Ставили-то, в основном, на меня... А я даже не помню, продлилась ли Гонка...

— Это можно узнать?

Что-то не то творилось с Алестаром, но он кивнул, на мгновение поднеся руку к виску и снова ее убирая.

— Да, конечно. И тебе, наверное, надо рассказать про того чистильщика... Но это потом, хорошо?

— Разумеется, — согласилась Джад, поискав взглядом Ираталя.

Тот был внизу, говорил с кем-то из охраны, судя по крепким мощным плечам, короткой стрижке и выправке, которую, оказывается, и в море не спрячешь. Стражник, он и есть стражник, с хвостом или без.

А на Арене творилось нечто потрясающее. Шары марве разлетались теперь все чаще, причем в самые неожиданные моменты, и если кто-то проскакивал поверху или сбоку, то следующим за ним почти наверняка доставалось. Насколько разглядела Джад, белое облако неминуемо оставляло следы на шкуре салту и костюме ездока, так что неудачника легко было распознать.

А вот двое салту столкнулись, и один рванул соперника зубами. Ездоки, отчаянно хлеща зверей лоурами, заставили их отплыть в разные стороны, но преимущество в скорости уже было потеряно, а над пострадавшим зверем расплывалось в воде темное пятно. Джадд похолодела, вспомнив гибель Кассии, зрители взвыли, но пара служителей ловко перехватила раненого зверя и направила подальше от остальных. Судя по тому, что Алестар остался спокойным, такое здесь не было редкостью. Значит, Кассия пострадала только из-за приманки на упряжи?

— Тоурос победит, — вдруг ясно сказал Алестар, кривясь от нового приступа боли и потирая виски пальцами. — Да что же это такое... Жаль, что ставить уже нельзя. Ничего, тир-на Эргиан, если останетесь у нас в Акаланте, с радостью подскажу вам в следующий раз.

Ох, какая же горькая у него была усмешка. Кариандец, явно понимающий, в чем дело, немного помолчал, прежде чем спросить голосом бодрым, как у хорошего врача рядом с тяжело больным:

— Тоурос? Это вон тот, в желтом? Но почему? Салту у него мелковат. Да и плывет всего третьим.

— Потому и третьим, что мелковат.

Алестар теперь был бледен болезненно. На скулах так и горел нездоровый румянец, но кожа посерела, под глазами как-то мгновенно залегли темные тени, и встревоженная Джадд снова нашла взглядом Иратора, не зная, как привлечь его внимание. На счастье, начальник охраны сам поднял к ней взгляд и начал было всплывать наверх, но кто-то привлек его внимание.

На Арене тут и там взлетали белые облака. Ездоки пошли то ли на третий круг, то ли на четвертый — Джадд не считала. Уже несколько уплыли с белыми пятнами на одежде, но тем злее и упорнее шла борьба между оставшимися. Вот двое, будто сговорившись, толкнули третьего в облако марве. И это тоже допускается правилами?

— Хвост уродам оторву, — мрачно пообещал Алестар, глядя на Арену. — Если судья не удалит — сам их потом найду и оторву. Он же еще мальчишка, первый раз на Гонках, а дошел до последнего Дня...

— Так почему Тоурос? — не унимался кариандец.

— Потому что мелкий и быстрый. Шел бы первым, его бы тоже столкнули, как этого малыша. А его сейчас не боятся. Пока не боятся. Не видят, что он все марве проходит чисто и совсем рядом, чтоб другие не сунулись. Ах, как же хорош!

Одного из двоих, толкнувших новичка, служители, догнав, уводили с Арены, второго Джадд потеряла из виду. Да и неважно это было сейчас.

Ираталь, закончив, наконец, разговор, плыл к ним, и лицо у него было... Каменное. Из резко и грубо рубленного серого камня, а не живой плоти.

Сердце у Джаид стукнуло громче, остановилось на миг и зачастило, как перед боем, готовясь гнать кровь сильно и долго. Но не пришлось. Разумеется, никакого боя не случилось, да и случиться не могло. Просто начальник охраны, подплыв к ним, глянул на Алестара, недоуменно поднявшего голову, и медленно, низко склонился перед ним, сказав:

— Ваше величество...

— Что? Ираталь, вы с ума...

Алестар осекся, застыл, как-то странно всхлипнув, будто задохнувшись. Помотал головой, не веря, отрицая то, что поняла даже Джаид.

— Ваше величество, — смертельно ровным, каким-то обреченным голосом повторил Ираталь. — Ваш отец, великий Кариалл... убит...

Сбоку слышалась какая-то суматоха, Джаид мельком глянула туда, и что-то вновь потянуло внутри тревогой. К ним плыли поверх рядов четверо иреназе в одинаковых синих туниках с белыми полосами на груди. Того, что впереди, она узнала: сам верховный жрец Троих амо-на Тиаран.

— Убит? — неверяще повторил Алестар. — Ираталь, что вы несете? Кем? Когда?

Тиаран и трое за ним доплыли, наконец, до королевской ложи. Алестар перевел взгляд на верховного жреца, низко поклонившегося ему.

— Тиаран, — сказал он растерянно, — это правда? Но кто... мог...

— Ваше величество, — бесстрастно произнес жрец, глядя почему-то на Джаид. — Могу ли я спросить у этой... женщины... узнает ли она нож?

В руках у него был знакомый нож, только сегодня утром оставленный Джаид на постели. Серебряная рукоять, хороший клинок, кожаные ножны... Она еще беспокоилась, чтоб Джи их не погрыз. Впрочем, ножа было два. Уже все понимая, Джаид обреченно пожала плечами.

— Это ножи-близнецы, амо-на Тиаран. Если нож господина Дару у него на поясе, значит, это мой.

— Что ж, ваше величество, — в голосе жреца слышалось холодное торжество, очень неуместное на взгляд Джаид. — Вы спрашиваете, кто убийца? Проклятые дети Земли снова наносят удар вашему роду. Предательский удар! Она даже не отрицает!

— Да что вы несете, Тиаран! — отчаянно крикнул Алестар. — Она все утро и день была со мной.

Он повернулся к Джаид, возмущенный, еще не осознавший потерю,

но боль уже сменяла злость, и Джад посмотрела прямо в яростные синие глаза.

— Клянусь, — сказала она, — я этого не делала. Клянусь Малкависом, в которого верю, и Тремя, в которых верите вы. Я не убивала короля Кариалла. Я все утро была с вами, потом с вашими наложницами, потом опять с вами.

— О нет! — прошипел Тиаран, на мгновение сбрасывая маску праведного гнева. — Слуги видели, что ты выплыла из спальни в начале девятого часа от полуночи. А наложница Леавара и ее подруги показали, что у них ты была в половине девятого. Полчаса — вполне достаточно...

— Я искала Жи, — безнадежно вздохнула Джад. — Просто искала своего салру...

— Я обвиняю эту женщину! — загремел Тиаран хорошо поставленным голосом, достойным певца или боевого командира.

Зрители вокруг смотрели только на Арену, но постепенно, привлеченные происходящим, стали оборачиваться к ним.

— Я, верховный жрец Троих! — надрывался Тиаран. — И если Алестар тир-на Акаланте не желает отомстить за смерть отца, ослепленный похотью к земной девке, я обвиняю ее в убийстве, а его — в пособничестве!

— Непочтение к королю! — рявкнул Иратель. — Его право — обвинять, не жрецу здесь судить! Стража — сюда!

— Народ Акаланте! — далеко разносился голос Тиарана, подозрительно ликующий. — Смотрите сами, как ваш король защищает убийцу своего отца! Земная шпионка, подлая мурена, глубинная грязь...

На плечах рванувшегося к ней и жрецу Алестара повис Иратель. Хорошо повис, умело обездвигив куда менее опытного в драке принца Акаланте. То есть уже короля — это никак не укладывалось в голове Джад... А вот остановить принца Карианда было некому. Легкому и тонкому с виду Эргиану хватило одного мощного толчка хвоста, чтобы оказаться рядом с Тиараном и вклепить ему короткий резкий удар под дых. Сразу же на кариандца накнулись трое спутников жреца, но Эргиан и не сопротивлялся. Повиснув на держащих его руках, он ухитрился пожать плечами, заявив в нарастающем гомоне:

— О, так он и вправду жрец Троих? Какая жалость, что я не знал. Я думал, это какой-то местный сумасшедший...

Джад застыла в нарастающем вокруг безумии, смотря, слушая и запоминая — единственное, что ей оставалось. Алестар стряхнул с плеч начальника охраны, Тиаран молча открывал и закрывал рот, беспомощно

ловя им воду, а Эргиан, взгляд которого она поймала, невинно улыбнулся.

— Еще раз прошу прощения, — сказал он тоном, любезность которого граничила с изысканным издевательством. — О госпоже Джиад я слышал много хорошего от Даголара, брата моего начальника охраны. А этому господину даже не был представлен. Мои искренние извинения, амо-на, — он отвесил поклон Тиарану, — и соболезнования вашему величеству.

Следующий поклон в сторону Алестара вышел куда глубже и серьезнее. Все наконец замолчали, и в стороны от их маленькой группы по Арене покатилась волна нарастающего гомона. А внизу через всю Арену летело трое оставшихся на ней ездовых, и впереди неся, слившись с салту, маленький наездник в ярко-желтом костюме. Уже наверняка победитель Гонок Золотого Салту, первых в правление тир-на Алестара, короля Акаланте.

Алестар пытался — и не мог вдохнуть, будто это его, а не Тиарана ударил кариандец. Вода вокруг застыла сине-зеленым камнем: непроницаемая, холодная, не дающая шевельнуться. Что-то кричали вокруг, но он не слышал, замерев и пытаясь осознать то, чему просто не было места в мире. Невозможное...

— Ваше величество!

Голос Иратора вырвал из оцепенения. Алестар вздрогнул всем телом, до самого кончика хвоста, непонимающе глянул на бурлящую вокруг воду, что только мгновение назад казалась бесстрастно-твердой.

— Ваше величество... — тише повторил Иратель, глядя на него.

Они все смотрели на него: Джиад, Иратель, понемногу приходящий в себя Тиаран и даже кариандец, по-прежнему не пытающийся освободиться. А снизу уже плыл кто-то еще, там мелькали знакомые и незнакомые лица, и надо было что-то делать. Очень быстро и, самое страшное, без права на ошибку. Никак нельзя было ошибиться сейчас, но голова кружилась, а во рту стоял вкус крови. Почему кровь?

— Отпустите посла, — услышал Алестар свой голос будто со стороны. — Он неприкосновенен. Амо-на Тиаран, вам придется доказать свои обвинения. До этого момента не смейте... — он запнулся, беспомощно пытаясь сообразить, как можно заставить верховного жреца, одного из главных лиц государства, хотя бы молчать. — Не смейте позорить королевскую кровь! Жрица Джиад под моей защитой.

— Как ваша избранная? — ядовито поинтересовался Тиаран, бросая взгляд в сторону Эргиана. — Кельмер, Даурис, дети мои, отпустите благородного юношу. Он просто ошибся...

— Как одна из кай-на Акаланте! Вам напомнить, кто дал ей этот титул и за что?

Кариандец, которого два младших жреца Троих отпустили только после приказа Тиарана — это ему Алестар тоже собирался припомнить — невозмутимо оправил тунику и с интересом посмотрел на Джад, потом на жреца и снова на Джад. Тиаран надменно вскинул голову:

— Я-то помню... ваше величество... А вот вы...

— Ни слова больше, — оборвал его Алестар, опять сглатывая слюну с привкусом крови, которой просто неоткуда было взяться во рту. — Возвращаемся. Иратель, пошлите за салту!

— Уже привели, мой... ваше величество.

— Джад... — начал Алестар и остановился.

Слишком много глаз и ушей вокруг жадно ловили каждое его слово и взгляд.

— От меня ни на всплеск, — велел он жрице и ринулся к подведенному, наконец-то, Серому.

Позади злая весть расходилась по склонам Арены, как круги от брошенного камня. Алестар беспомощно покосился на бурлящую толпу, которой враз стало не до результатов соревнования. Крики Тиарана слышали многие, и теперь слухи полетят по городу куда быстрее, чем любой победитель Гонок. Джад надо уводить во дворец как можно быстрее, пока кто-нибудь и вправду не поверил в ложь верховного жреца. А это ложь! Иначе и быть не может...

А потом он мчался домой, глотая и никак не в силах проглотить горькую тяжесть в горле. Невозможно, никак невозможно было поверить, и Алестар изнемогал от глупой отчаянной надежды. Вдруг все ошиблись? Может, отец только ранен? Тогда он выживет, обязательно выживет! Сердце Моря не даст погибнуть своему повелителю, а он, Алестар, будет рядом с отцом и поможет ему выздороветь. И все будет хорошо...

Дворец встретил их огнями и странной, никогда не виданной Алестаром ранее суматохой. Где-то в глубине было шумно, кто-то плакал, кто-то что-то приказывал или звал, но на пути Алестара многолюдные залы и коридоры будто вымирали. Ледяная тяжелая тишина сопровождала его от главного входа — и до кабинета отца. Только остановившись у двери, Алестар вспомнил, что за ним следует охрана, Джад и еще кто-то... Ах да, Тиаран.

Он толкнул тяжелую дверь, краешком сознания отметив, что курьера нет на привычном месте. Вплыл в кабинет, все еще отказываясь признавать...

Отец лежал на полу. Заострившееся бледное лицо смотрело на потолок, но взгляд застыл, остановился. Тихое течение мягко колыхало складки его одежды, руки лежали вдоль тела...

Алестар замер. Умом он понимал, что надо искать настоящего убийцу, а для этого опрашивать свидетелей, искать улики и рассчитывать время. Но тело и разум не слушались. Вместо этого он, едва шевеля хвостом, подплыл ближе, опустился рядом на пол и всмотрелся в спокойное и будто слегка удивленное отцовское лицо. Мгновения текли, а отец все лежал, не поворачиваясь, не отвечая взглядом на взгляд.

Алестар взял его руку, холодную, безвольно лежащую в ладони сына. Опустив голову, прижался губами, совсем как утром. Если бы он тогда знал! Почему не остался подольше, не поговорил? Почему не понял, что больше никогда, никогда...

Мысли путались. Он закусил губу, пытаясь прийти в себя, но боль рвалась наружу, и Алестар всхлипнул. Где-то в дверях плавали остальные, ожидая от него силы и мудрости, которыми славился отец. А он... что он может?!

Кто-то опустился рядом на дно и обнял Алестара за плечи.

— Плачь, мальчик, — услышал он знакомый голос. — Плачь, не стыдись. Не держи боль в себе, она рвет сердце и туманит разум.

— Невис, — прошептал Алестар. — Как же так? Почему? За что? Кто мог...

— Тише, тише, мой мальчик...

Сильные, хоть и по-старчески морщинистые, руки обнимали Алестара, укачивали, как ребенка, и так сладко было бы поддаться этой ласковой жалости, ведь ему и вправду больно, очень больно...

— Кто?! — закричал Алестар, вырываясь из сочувственных объятий целителя. — Кто посмел! Где была охрана, слуги? Да что здесь произошло, ради Глубинных!

Взрыв под потолок, он яростно глянул на начальника охраны. Внутри кипела боль пополам с ненавистью, и вправду разрывая сердце, но выпускать ее слезами Алестар не собирался. Пусть плачут другие, виноватые в смерти отца.

— Я хочу знать все, — заявил он, с трудом сдерживая желание не просто плакать, а выть от жуткого отчаяния. — Иратель, кто его нашел?

— Я!

Через остальных в кабинет протолкнулся мрачный Герлас. Он бросил взгляд, полный ненависти, на Джаад, тихонько замершую рядом с Ирателью, и повернулся к Алестару.

— Я нашел его величество, — повторил жрец глубинных, блестя глазами из-под нахмуренных бровей. — Мы с амо-на Тиараном приплыли, чтобы поговорить с королем. Я проплыл в кабинет первым, и... Король лежал здесь, только не лицом, а спиной кверху. И между лопаток у него торчал нож. Предательский удар! Да покарают убийцу мои покровители!

Он скрестил руки на груди, глядя на Алестара надменно и вызывающе. Разумеется, для себя служитель Глубинных богов уже давно все решил — понял Алестар.

— Вы... перевернули... тело?

Говорить об отце так было невыносимо, но Алестар собирался докопаться до истины, даже если она спряталась под хвостом у самих глубинных богов. Если не Джад, то кто-то же виновен!

— Нет, — буркнул жрец. — Я позвал целителей. То есть сначала слуг. Выглянул в коридор и позвал. Никто не откликнулся, и тогда амо-на Тиаран остался возле тела, а я отправился за охраной и целителями.

— А где был курьер? — быстро спросил Алестар, ухватившись за то, что заметил еще на входе.

— Его величество отослал его с поручением.

— А, советник Руаль! — обернулся Алестар на новый голос. — Вы что-нибудь знаете?

— Я нашел сегодняшнего дежурного, — тихо, но ясно промолвил советник, подплывая ближе. — Он помнит, как вы покинули кабинет его величества. А потом король позвал этого юношу и велел принести из канцелярии какие-то записи.

— Записи? Какие?

Советник удивленно пожал плечами.

— Простите... ваше величество. Мне в голову не пришло спросить. Разве это важно?

— Не важно, — согласился Алестар, ловя и снова теряя нить, но упрямо цепляясь за все, что мог придумать. — Итак, он уплыл?

— Да, ваше величество. И когда уже курьер уже возвращался, то услышал крик амо-на Герласа. Его не было около получаса...

Полчаса. Опять эти проклятые полчаса, когда никто не видел Джад, ищущую рыбеньша. Зачем она его искала, рыбеньш ведь был с кем-то из близнецов. Ах, как плохо, что никто ее не видел!

— Полчаса, — повторил Алестар вслух. — Значит, именно тогда... Кто дежурил в коридоре возле кабинета?

— Никто, — мрачно отозвался Иратель. — В Крабовом зале стоял пост, как и положено, а из коридора его величество велел стражу убрать.

— Почему? — быстро спросил Алестар. — Сам велел?

— Да, он утром передал приказ через меня, — откликнулся Руалль.
— Я не знаю, почему.

— Никакой стражи, — прошептал Алестар. — И всего полчаса. А ведь курьер мог вернуться и раньше. Кстати, почему так долго?

— Говорит, что искал записи, — невозмутимо ответил Руалль.

— Бред. Боги, какой бред... Посреди дворца, в нескольких всплесках от охраны, за какие-то полчаса, которых могло и не быть! Иратель, ну что вы молчите?! Скажите хоть что-то, ради всех богов!

— Можете меня разжаловать в уборщики рыбьих клеток, ваше величество.

Начальник охраны опустил голову, но тут же снова посмотрел в лицо Алестару.

— Я услышал о случившемся уже на Арене. Во дворце дежурил Семариль. Вот он...

Алестар молча посмотрел на бледного, как рыбье брюхо, гвардейца, вытолкнутого вперед.

— Ваше... величество...

Семариль тоже не прятал взгляда, рассказывая коротко, но четко. Да, сегодня он отвечал за охрану дворца. Не в первый раз. Все посты были выставлены по распорядку, он лично проверял их каждые два часа. И в Крабовом зале тоже. Да, в коридоре рядом с кабинетом его величества он снял пост по личному приказу короля, переданному советником Руаллем. Нет, стражника не отпустил, а перевел в Креветочный зал, там у охранника разболелся живот, и он попросил замену.

Все это были мелкие несущественные детали. Ну зачем Алестару сейчас было знать про живот охранника из Креветочного зала на другом конце дворца? Зачем, зачем отец велел убрать стражу?

Заставив себя сосредоточиться, Алестар продолжил вопросы. Значит, у двери кабинета дежурил только курьер, который уплыл по поручению. Кроме коридора из Крабового зала к кабинету ведет еще проход в малый восточный дворцовый плавник, который давно не используется. Была ли там стража?

— Была! — ответил Семариль. — Там постоянный пост. Стражников двое, они никого не видели. Только госпожа жрица салру искала.

Алестар посмотрел на Джад, ответившую спокойным кивком.

— Совершенно верно, — сказала жрица. — Я действительно заплыла к какому-то холодному и нежилому залу, там дежурили двое стражников. Они сказали, что не видели Жи, и объяснили, как мне

вернуться.

— А возвращалась она, конечно, мимо королевского кабинета?!

Голос Герласа так и сочился злым азартом.

— Да, — ровно ответила Джиад. — Я проплыла мимо него и вернулась к себе.

Трое, ну зачем она поплыла по дворцу именно сегодня? Одна, без охраны, в поисках проклятого малька, которого угораздило смыться от Кари!

— Вот! Слышите?!

Ярость в голосе жреца Глубинных мешалась с ненавистью, он даже подался вперед, напряжнив хвост, словно готовился кинуться на Джиад.

— Уймись, — велел Алестар, сам едва сдерживаясь. — По-вашему, у нее не хватило бы ума забрать с собой нож?

— Не успела! — быстро отозвался жрец. — Испугалась и уплыла.

Алестар потер пальцами гудящие виски. Разумеется, испугалась. Сирен не боялась, а тут кинулась прочь, бросив главную улику — нож, который укажет точно на убийцу.

— Джиад, — окликнул он жрицу. — Где и когда ты оставила нож?

— Сегодня утром на своей постели. Когда вы уплыли, я отправилась искать Жи. Нож лежал поверх покрывала. Я не нашла Жи, а когда возвращалась, меня встретила одна из ваших наложниц и сказала, что госпожа Леавара давно ждет.

— То есть в комнату ты больше не заплывала? — уточнил Алестар.

— Нет, — покачала головой жрица, глядя на него с сочувствием. — Мне очень жаль, клянусь... Я была у Леавары, пока не приплыли вы.

— Так... а кто нашел салру?

Салру нашел и привел Кари, который упустил рыбеныша и искал его часа два, пока чудом не наткнулся на малька в одном из коридоров рядом со спальней Джиад. С трудом ухватив Жи за хвост, охранник притащил его домой и, увидев, что в комнате никого нет, просто втолкнул паршивца внутрь, решив, что госпожа жрица сама разберется со своим любимчиком, а с него, Кари, хватит. Ножа охранник не заметил, потому что к кровати не подплывал.

Итак, круг замкнулся. Алестар молча опустил взгляд. Его жгла бессильная и оттого еще более страшная ненависть к убийце. Наглая безжалостная тварь! То ли очень умная, то ли подозрительно везучая... Кто мог предполагать, что отец именно сегодня отпустит охрану и отошлет курьера? И кто мог знать, что Джиад оставит на постели нож, с которым почти никогда не расставалась? Если во что-то одно еще можно было

поверить, то сочетание всего сразу выглядело полностью неправдоподобным. И кто бы это ни сделал, он был очень, очень быстр!

Нет, все равно не сходится... Курьер мог вернуться в любую минуту, и тогда убийца рисковал, что его застанут. Никто не успел бы узнать, что король остался без охраны, сплавать за ножом, вернуться... Это бред. Значит... сначала кто-то украл нож. То ли нарочно, то ли в ожидании удобного момента, который вдруг представился!

— А стража у спальни Джад? — с тоскливой безнадежностью спросил Алестар. — Где ближайший пост?

Впрочем, он и сам быстро вспомнил, что ближайший охранник плавал раньше как раз возле кабинета отца. Получалось, что оттуда до спальни Джад вполне можно было доплыть незамеченным. Правда, в обычный день по коридору постоянно кто-то плавал, но сегодня... Сегодня все, кто мог, с самого утра уплыли на Арену, и дворец остался почти пустым. Кое-кто работал на кухне, но это довольно далеко. Да еще стража, разумеется...

Алестар чувствовал обращенные на него взгляды. Советник Руалль, Иратель и Герлас, гвардейцы и Невис — все ждали от него чего-то. А он не знал, что сказать и сделать. Только сама мысль, что и на этот раз убийца останется безнаказанным, жгла изнутри, не давая вздохнуть. Должно быть что-то, что он упустил!

— Джад... ты никого не видела, когда искала салру?

— Да, я встретила господина Кари, — голос жрицы был так же безмятежен, как и раньше.

— Что?! И ты молчала? Почему?

Джад пожала плечами, ответив с легким сожалением:

— Это было в самом начале поисков. Мы встретились и сразу поплыли в разные стороны. Боюсь, для моего оправдания это не годится.

— Все равно, — упрямо повторил Алестар. — А больше ты никого не видела? И у кабинета... Вспомни, курьер тебя видел?

— Нет, — покачала головой жрица. — У кабинета его величества коридор был пуст.

И снова все было напрасно. Алестар почувствовал, что задыхается. Он провел рукой по воротнику туники, сжал ее в пальцах, сминая. Сказал глухо, опуская взгляд на дно и натываясь на то, что глаза отказывались видеть:

— Мы продолжим завтра. Иратель, поставьте охрану у комнаты Джад. И чтоб не смели отлучиться... Найдите курьера и... кто из целителей осматривал... отца первым?

— Мой ученик, Лириан, — мягко откликнулся Невис.

— И этого Лириана, — добавил Алестар. — Обоих под охрану. И никого к ним не пускать, слышите?

— Да, ваше величество, — поклонился Иратель. — Прикажете пока... перенести в спальню?

— Нет, — выдавил Алестар. — Он... терпеть не мог свою спальню. Говорил, что... Неважно. Больше всего отец любил этот кабинет. Пусть переночует здесь. Иратель, велите... готовиться...

— Я понял, тир-на. Все сделаем, как подобает.

И от этого обращения, больше подходящего принцу, чем королю, и наверняка услышанному Алестаром напоследок, пока отец еще хоть формально здесь, ему окончательно поплохело. Горло перехватило тугим ошейником удушья, и Алестар не сразу понял, что это слезы, которые он так и не позволил себе выплакать. В глазах потемнело. Никого сейчас он не хотел бы видеть, ни с кем не мог разделить то, что переполняло...

— Оставьте меня... нас, — выдохнул он куда-то в пустоту.

Дождавшись, пока все молча тихо покинут кабинет, Алестар лег рядом с отцом и уткнулся в твердое холодное плечо. Он так много не успел ему сказать! Так часто огорчал и заставлял тревожиться... Боги, только утром Алестару казалось, что все плохо, потому что он больше не будет участвовать в Гонках. Если бы тогда он знал, что последний раз видит отца!

— Прости, — прошептал он. — Прости меня за все. Я старался быть хорошим сыном, но получалось не очень... Прости, отец. Что же мне теперь делать? Разве смогу я когда-нибудь сравниться с тобой? Как мне удержать то, что ты оставил?

Ответа не было, и — Алестар понимал — никогда уже не будет. Никогда он не услышит сурового выговора и мудрого совета, никогда не будет скупой и тем более драгоценной отцовской ласки. Никогда, никогда, никогда...

— Что же мне теперь делать? — повторил Алестар с ужасом. — Я знал, что это будет, но... Не сейчас. Не так!

Он еще немного полежал, содрогаясь в рыданиях, которые никто не должен был видеть, потому что правитель не может позволить себе слабости — так говорит отец. «Говорил», а не «говорит», — напомнил себе Алестар.

Потом поднялся, оттолкнувшись от дна, и глубоко вздохнул. Время для скорби еще будет. А теперь ему нужно найти убийцу. Тиаран не зря голосил на всю Арену, обвиняя Джиад, кто-то непременно поверит в эту нелепицу. Особенно, если оба верховных жреца в кои-то веки придут к

согласию и обвинят в смерти отца женщину с земли. И нужно продолжать искать заговорщиков. И теперь договор с Кариандом тоже зависит от Алестара, и торговые поставки в Маравею, и вулканы, и...

— Трое, не оставьте меня милостью... — в тоске прошептал Алестар.

Быстро глянув на тело отца, он проплыл к стене кабинета и нажал на завиток рамы, обрамляющей фреску с Ираэлью. Рыжеволосая красавица грустно посмотрела на него с картины, но Алестару было не до любования. В углу фрески щелкнул механизм потайной дверцы, панель сдвинулась, открывая тайник. Пустой тайник.

— Твари Глубинные... — прошептал Алестар, откровенно богохульствуя.

Сердца Моря в тайнике не было. Ни там, ни на шее отца. Ни — как он теперь понимал, благодаря разрастающейся внутри пустоте, — где-либо поблизости в обозримом пространстве дворца и города.

ГЛАВА 14. Похороны короля

До дверей спальни Джад в полном молчании проводили Иратель и Кари, Дару остался у кабинета короля, остальные иреназе уплыли кто куда. Открывая дверь перед Джад, которой по-прежнему трудно было управляться с тяжелым вращающимся кругом, Иратель сказал виновато:

— Госпожа жрица, вы же все понимаете, верно? Это всего на пару дней. Обвинения так смехотворны...

— Конечно, я понимаю, — кивнула Джад. — Ставьте стражу, каина Иратель, я не буду доставлять им неудобств. Мне так даже спокойнее.

Про себя же она подумала, что видела казни и по более нелепым обвинениям, вспомнить хотя бы правление отца Торвальда. Один из его графов заплатил жизнью за то, что споткнулся и случайно толкнул подозрительного до безумия короля Аусдранга. А уж иреназе, скорбящим по любимому правителю, и подавно хочется возмездия, для которого двуногая, существо иной расы и недавний враг, подходит как нельзя лучше. Остается только надеяться, что Алестар, справившись с горем, сможет обуздать жрецов и тех, кто успел поверить их обвинениям.

Самой же Джад оставалось ждать. И еще думать, конечно, а подумать было о чем.

Она проплыла в комнату, где к ней тотчас кинулся Жи, толкаясь в руки, извиваясь всем телом и чуть ли не приплясывая, как это делают земные собаки. Джад рассеянно почесала нос рыбеньша, удивляясь, как же тот похож на щенка. Таскает и грызет вещи, ластится, играет... Неужели все салру так себя ведут и так доверчивы к разумным существам, будь то люди или иреназе. Странно тогда, что их не приручили раньше без всяких свистков.

Но необычность Жи — это не то, что сейчас было по-настоящему важно. Джад не кривила душой, когда говорила Ирателью, что под стражей ей будет даже лучше. Кто-то настойчиво пытался убрать её с дороги, то ли опасаясь того, что может раскопать любопытная двуногая, то ли просто желая разлучить с Алестаром. Следует признать, что принц в последнее время стал куда осторожнее и разумнее себя вести. Лишь бы сейчас не сорвался.

Опустившись на постель, Джад потрепала салру по загривку, промяла руками шкуру, как это делал Алестар, и заметила, что та действительно скользкая. Чистить надо... Интересно, охрана принесет ей

скребок для малька? Да и еду должны носить, кстати.

Словно отвечая на ее мысли, дверь медленно отворилась, слегка покачавшись. Так обычно делали слуги, предупреждая о своем появлении. На пороге показался уже знакомый Джиад паренек с подносом в руках.

— Вот! — объявил он, подплывая и ставя поднос на столик у ложа. — Каи-на Иратель велел передать, что если чего пожелаете, зовите охрану — им велено все выполнять, только не пускать вас никуда. А то ведь страшное дело — убийца, может, до сих пор по дворцу плавает!

— Передай каи-на мою благодарность, — невольно улыбнулась Джиад.

Значит, начальник охраны представил все так, словно Джиад не под арестом, а под усиленной охраной, чтоб уберечь избранную от убийцы. Мудро. Начальник стражи, следует признать, не так уж хорош на своей должности, зато отлично умеет смягчать острые углы.

Дождавшись, пока мальчишка уплывет, Джиад глянула на поднос, отпихнула немедленно потянувшегося к тарелкам Жи — рыбеныш совсем обнаглел и избаловался — глянула на угощение. К счастью, никаких любимых деликатесов Алестара: обычная рыба двух-трех видов, подобие салата из водорослей и уже полюбившееся Джиад курапаро.

Она принялась неторопливо есть, размышляя, почему заговорщики не попытались просто отравить королевскую семью. Да, Алестару подмешивали гарнату, а потом дурочка Миалара намазалась приворотным зельем, но это все было рядом с принцем или в его покоях. Даже гарнату спрятали именно там. И короля зарезали, хотя чего проще, казалось бы, отравить еду на ииибаз кухне или по дороге с нее? Или не проще? Вроде бы мальчик говорил, что по распоряжению Ирателя всю еду проверяют целители. Начальник охраны делает, что может, просто иреназе за долгие века спокойствия отвыкли оберегать своих правителей и не очень-то это умеют.

Наевшись, она сжалась над обиженно замершим неподалеку Жи и скормила мальку остатки еды с тарелок. Салру хватал кусочки прямо с ладони, но выглядел не особенно голодным. Наверняка что-то нашел и слопал в блужданиях по дворцу. Ах, Жи, если б тебя не пришлось искать...

Джиад развалилась на кровати, которая в отсутствие принца казалась бескрайне-просторной. Теперь уже короля — напомнила она себе. Алестар — король! Сама мысль об этом никак не укладывалась в голове. Что ж, теперь все изменится, наверное? До появления Маритэль осталось всего несколько дней, успеют ли жрецы разорвать запечатление? Хотя принц Карианда и так уже знает, что будущий супруг его сестры живет с

человеческой женщиной и даже не считает нужным это скрывать. Но разве земные принцессы считают фавориток супруга своими соперницами? Важно, у кого корона, власть и законное потомство, а от неугодной фаворитки или наложницы всегда можно избавиться, если супруга достаточно умна.

Значит, Джиад осталось всего несколько дней в подводном мире, а потом она уплывет наверх ко всеобщему облегчению. Разве что Алестар пожалеет. Да и то, о ней или о той любви, которую сам себе придумал? Вот только жаль, что просьбу погибшего короля Джиад так и не исполнит.

Ну разве сможет она найти заговорщиков, не зная почти ничего и сидя под замком? Что ж, убийца и невольные прикрывающие его жрецы добились, что у Джиад связаны руки. Она не может спрашивать и искать улики, только думать, думать, думать...

Потянувшись на постели, она достала с половины принца брошенную тем металлическую табличку, покрытую каким-то светлым вязким веществом, как на земле покрывают воском дощечки, чтоб стирать уже написанное и писать снова. На табличке Алестара не оказалось никаких записей, только смешно и довольно похоже нарисованный Жи с мослом в пасти. Стереть рисунок было жаль, и Джиад пристроила табличку на коленях, взяла со стола острую палочку, явно предназначенную именно для этого, и провела на чистом краешке длинную черту сверху вниз. По одну сторону черты она поставила букву Д, по другую — А. Подумав, провела еще одну черту и над одной колонкой написала У, а последнюю оставила пустой.

Несколько минут она старательно и вдумчиво покрывала табличку крошечными значками, отмечая, кто когда и где был, потом всмотрелась в результат работы.

Итак, они расстались с Алестаром утром. Принц уплыл, а Джиад, одевшись, отправилась разыскивать Жи. Нож остался лежать на постели — это точно. По дороге навстречу Джиад попался только Кари, тоже искавший негодника. И потом гвардейцы на посту. Где в это время был Алестар? Допустим, разговаривал с отцом. Во всяком случае, он был у короля, пока Джиад одевалась и красилась у наложниц. И в это время у кабинета короля еще дежурил курьер. Потом принц уплыл — Джиад обвела кружком значок на доске — а король послал курьера за документами.

Что-то не сходится... Когда Джиад плавала в поисках салру, у кабинета никого не было. Хотя...

Она дернула рычажок вызова слуг, дождалась того же парнишку, что приносил еду, и велела:

— Найди каи-на Ираталя. Скажи, я прошу срочно узнать, отлучался ли курьер до того, как его послали за документами.

Проводив взглядом серьезно кивнувшего и умчавшегося слугу, она снова принялась за табличку, запретив себе заранее переживать, выполнит ли ее просьбу Ираталь. Вроде бы начальник охраны искренне уважает земную жрицу-стража, но... Что ж, это скоро выяснится.

Значит, убийца мог проплыть в кабинет, только когда курьера не было, ведь до этого с королем говорил Алестар. Или... Может ли в кабинете быть второе помещение? Это бы кое-что объяснило. Возможно ли, что когда принц говорил с отцом, убийца уже пробрался в кабинет?

Джиад потеряла виски и лоб, ненавидя собственную беспомощность. Целитель, который приплыл первым, что он видел? Можно ли под водой по состоянию тела определить время смерти, как на суше?

К ее удивлению, посланный слуга вернулся очень быстро. Мальчишка влетел в комнату, крутя хвостом и задыхаясь от спешки, выпалив:

— Точно так, госпожа избранная. Каи-на велел сказать, что король посылал курьера еще дважды в то утро. Сначала за тинкалой, потом отнести готовые документы советнику Руаллю. Но только оба раза курьер плавал очень быстро.

Поблагодарив, Джиад снова уткнулась в табличку, где рядом с веселым Жи теснились значки, скрывающие тайну одной гибели — и предвестника многих и многих смертей, если тайна не будет разгадана.

Значит, было хотя бы два момента, когда король отослал курьера. И он же велел снять стражу, если советник Руалль говорит правду — а теперь ведь не проверишь. Мог ли советник убрать охрану сам, замыслив убийство короля?

Джиад начертила букву Р в свободной колонке и обвела ее кружочком. Об этом еще надо подумать...

Ах, как ей нужно самой поговорить с курьером и целителем! Хорошо бы еще и с советником, тот наверняка знает что-то нужное, но либо молчит, либо не понимает важности.

Ну ладно, а нож? Кто и когда взял его из спальни? Если узнать это — убийца будет найден, но пока в общей картине не хватало нескольких кусочков, без которых все рассыпалось. В спальне был Кари, он притащил туда Жи. Каким-то чудом убийца, укравший нож, не столкнулся с охранником, а ведь ему надо было знать, что нож лежит именно на постели!

«О Малкавис, — отчаянно подумала Джиад. — Пошли мне

мудрости. Прошу, помоги ради мира в городе, который я пытаюсь сохранить. И ты, Мать Море, если слышишь не только своих хвостатых детей... Хотя что-нибудь!»

Она отложила табличку и, как оказалось, вовремя. Дверь снова качнулась, предупреждая о чьем-то появлении. Слуга? Иратель? Вряд ли Алестар...

Но в комнату вплыли двое иреназе, в одном из которых Джиад с удивлением узнала Эргиана, принца Карианда. Вторым оказался Даголар.

— Прошу прощения за беспокойство! — воскликнул кариандский посол, успевший сменить серую тунiku, расшитую жемчугом, на темную и совершенно без украшений. — Кажется, я приплыл в очень неудачное время. Разумеется, сейчас его величеству Алестару не до моих посольских дел, вот я и позволил себе напроситься с Даголаром, чтобы предложить вам партию в тосу. Вы играете в тосу?

— Боюсь, что нет, — вежливо отозвалась Джиад, ошеломленно разглядывая кариандца и гадая, что скрывается за его непосредственностью на грани развязности.

— Ничего, я вас научу! — жизнерадостно отозвался Эргиан, ловким движением хвоста опускаясь на край кровати и встряхивая раскрашенной клетками деревянной коробкой, внутри которой что-то перекатилось.

— Рад встрече, каи-на Джиад, — сказал Даголар, подплывая ближе и кланяясь.

То ли жених, то уже супруг Эрувейн тоже был в темной тунике без единой бусины или цветной нити, только на правой руке блестела золотая полоса браслета. Траур, что ли? Вполне возможно...

— Я тоже рада, — искренне отозвался Джиад. — Могу ли спросить, как здоровье каи-на Эрувейн?

— Хорошо, — осветила лицо кариандца сдержанная, но ясная улыбка. — Потому я и приплыл. Эруви пришла в себя и передает вам свою благодарность в придачу к моей. Целители пока не позволяют ей плавать, но говорят, что уже никакой опасности нет.

— Я рада, очень рада! — повторила Джиад и поинтересовалась: — А как вам позволили сюда проплыть? Разве стража...

— О, у вашей стражи приказ не выпускать вас, — со смешком откликнулся Эргиан, расставляя на доске белые и черные фишки. — А другим приплывать к вам — да ради Трои! Это что, салру?!

Он с восторгом уставился на Жи, высунувшего морду из-под кровати, а потом и целиком вылезшего наружу. Рыбеньш потянулся к доске, присмотрелся к фишкам, но то ли гладкие камешки оказались ему

неинтересны, то ли малек усыплял бдительность, напоказ отвернувшись от игры и отправившись плавать по комнате.

— Точно салру! — с широко распахнутыми глазами повторил Эргиан, следя за Жи. — Как вы его приручили?!

— Это долгая история, — улыбнулась Джаад. — Если вкратце, я его подобрала совсем маленьким и раненым.

Откровенничать с кариандцем насчет свистка, позволяющего звать салру, она не собиралась. Эргиан понимающе кивнул и перевел взгляд на доску, расчерченную линиями

— Вот, — указал он на расставленные камешки, в центр каждого из которых была искусно вставлена жемчужина противоположного цвета. — Ваши черные, они ходят первыми, мои пусть будут белые. Задача игрока — по очереди ставить камни, окружая противника...

— И как только камень ставится на перекрестье, он больше не двигается?

Джаад, наконец, поняла, что ей напоминают доска и камни.

— Точно! — просиял посол. — Вы все-таки знаете?

— У нас эту игру называют риши. Простите, что перебила. Продолжайте, пожалуйста, вдруг правила все же отличаются?

Кивнув, Эргиан снова принялся рассказывать. Оказалось, что разница только в количестве камней, в море набор использовался больше. А у Джаад потеплело на душе, будто родная Аруба прислала ей весточку: риши была любимой игрой в Храме. Неужели это ответ на ее молитву? Но как его понимать?

Даголар, устроившись на другой стороне кровати между игроками, с любопытством смотрел на доску. Джаад переставила первый камень. Подумав, Эргиан сделал ответный ход. Через несколько неторопливо выставленных на доску камней кариандец словно ненароком бросил:

— Скажите, госпожа Джаад, а ваш бог позволяет своим жрицам вступать в брак?

— Он оставляет это на усмотрение храма, — спокойно ответила Джаад. — Прямого запрета нет.

— И отношения вне брака тоже не запретны?

Красивые длинные пальцы кариандца задержали фишку над доской, потом бережно поставили туда, где Джаад меньше всего хотела бы ее увидеть.

— Нет, — все так же вежливо ответила она. — Мой повелитель Малкавис терпим к удовольствиям плоти. Он не запрещает ничего, что происходит по доброй воле.

— Какое великодушное божество, — восхитился Эргиан. — М-м-м-м, а вот так...

Окружив своими камнями четыре камня Джаад, он удовлетворенно улыбнулся. Джаад склонила голову, признавая поражение, и выставила камень поодаль, у самого края доски. Эргиан, вскинувшись, тоже отправил туда белый камешек и закусил губу, размышляя.

— Так значит, — снова заговорил он через пару минут, — вы здесь по собственной воле?

— Безусловно. Меня пригласил покойный король Кариалл.

Джаад примерилась и поставила еще один камень рядом с предыдущим. В риши она не играла уже давно и вовсе не была в себе уверена, к тому же Эргиан выглядел сильным игроком. Манера игры принца была не жесткой, основанной на нападении, а терпеливо медленной. Исподволь он окружал фишки Джаад, расставляя камни в кажущемся беспорядке, за которым скрывался холодный точный расчет.

— Пригласил, чтобы стать избранной принца?

Эргиан очень долго думал, прежде чем почти уронить камень у края доски.

— Нет, — улыбнулась Джаад. — У нас был другой договор. А вы первый раз в Акаланте, тир-на Эргиан?

На запястье принца не было обручального браслета, но, может, в траур их снимают. Нет, Даголар же в браслете.

— Да. Я давно мечтал увидеть этот город. Надеюсь, Маритэль он тоже понравится.

Серые глаза кариандского принца лукаво блеснули, и Даголар едва заметно поморщился.

— Акаланте прекрасен, — согласилась Джаад. — Правда, я не видела Карианда, но надеюсь, у вашей сестры не будет причин жаловаться. Когда она прибудет?

Эргиан пожал плечами. Он казался полностью погруженным в игру, потому что только через несколько вдохов ответил с полным равнодушием:

— Дней через пять, полагаю. Мы успели раньше, потому чтоплыли налегке, а с Маритэль шесть дюжин грузовых салту. Приданое, подарки... Мой отец очень долго готовился к этому браку.

Он поднял голову от доски и снова блеснул глазами, не продолжая, но слов и не требовалось. Джаад старательно улыбнулась:

— Понимаю.

— В самом деле? — вкрадчиво уточнил Эргиан.

Даголар снова напрягся, едва заметно подаваясь вперед, и Джаад

показалось, что избранный Эруви хочет что-то сказать. Интересно, кстати, за кого он болеет в игре? За принца, подданным которого еще недавно был? Да, наверное...

— Не беспокойтесь, — усмехнулась она, ставя очередной камешек и уже видя, что победа наверняка останется за соперником. — Тир-на Алестар не намерен разрывать договор.

— Даже сейчас? Когда он может решать сам?

Голос кариандского принца был сладок, как мед.

— Полагаю, — сказала Джад, — что сейчас — особенно. Не думайте о нем плохо. Называя меня избранной, он всего лишь не стал скрывать то, что уже не имеет значения.

На доске белые камни почти окружили черные. Было ли это предупреждением Малкависа? Джад про себя усмехнулась: ну уж нет, не стоит приписывать богу собственное неумение играть.

— Я бы стал думать о нем хуже, — серьезно сказал кариандец, — если б он назвал вас иначе.

Он уронил камень точно на перекрестье линий, замыкая кольцо. Больше свободных ходов на доске не было.

— Благодарю за игру, тир-на Эргиан, — улыбнулась Джад.

— Играть с вами было огромным удовольствием, — церемонно отозвался принц. — Прошу прощения, но мне пора. Даголар, ты останешься с кай-на Джад?

— Разве что на пару слов, — ответил тот. — Меня ждет Эруви.

— Тогда я поплыву не спеша, — пообещал принц, отталкиваясь от ложа хвостом. — Догоняй.

Он учтиво поклонился Джад в ответ на ее поклон и выплыл из комнаты, не обернувшись.

— Благодарю, что навестили, Даголар, — сказала Джад, провожая взглядом брата Маритэль. — Передайте мои пожелания здоровья Эрувейн.

— Непременно передам. И... кай-на?

— Да? — повернулась к нему Джад.

— У вас есть друзья здесь и в Карианде, — слегка улыбнулся Даголар. — Прошу, не думайте, что принц Эргиан вам враг. Он знает, что я и Эруви обязаны вам жизнью. Просто это... политика.

— Я понимаю, — в который раз за этот вечер терпеливо согласилась Джад. — Надеюсь, все скоро разрешится.

Провожая кариандца к двери, она думала, что разрешится, конечно, так или иначе. Пока что ее защищает запечатление, но как только жрецы его разорвут... Если покойный Кариалл клялся правдиво и Джад

останется жива, ей придется очень быстро убираться наверх. Слишком уж многим она здесь мешает, словно камень, попавший в точный сложный механизм.

Джиад посмотрела на кровать, где кариандский принц забыл доску и камни для риши. Бережно собрала драгоценные фишки, но не сложила их внутрь доски-коробки, а напротив, расставила на ней, обозначив кабинет короля, свою спальню и посты охраны. Вечер обещал быть долгим, но не скучным, ей еще многое предстояло обдумать. А ночь будет длинной для всего города.

* * *

Только сейчас Джиад в полной мере осознала, насколько огромен дворец королей Акаланте. Коридоры и комнаты, никогда не виденные ею, тянулись и тянулись, уходя вглубь скалы, в незапамятные времена рожденной вулканом. Здесь уже не было окон на поверхность, но путь погребальной процессии освещали многочисленные шары туарры, слабо освещавшие огромные залы. В некоторых из них хранились какие-то ящики и короба в два-три человеческих роста, в некоторых были сложены длинные толстые трубы из светлого камня, но большинство оказались совершенно пустыми. И Джиад невольно гадала, это дворец строили с таким размахом и почти бесконечным запасом помещений или народ Акаланте был когда-то гораздо многочисленнее? Впрочем, мастер ведь говорил, что если случается какая-то сложная поломка, требующая особенно тщательного ремонта, то проще перейти в новое помещение, чем исправлять течь в старом.

Теперь Джиад понимала, что за внешним блеском и процветанием Акаланте кроется серьезный порок, подтачивающий силы государства, как тайная болезнь — тело. Видели ли это сами иреназе?

Длинная череда морских жителей, одетых в темные туники и снявших все украшения, кроме брачных браслетов, растянулась на многие сотни шагов, если считать привычными земными мерками. Многие несли пышные пучки водорослей, заменявшие здесь цветы и перевитые черными и белыми лентами. Никто не произносил ни слова, и Джиад, плывшая почти во главе, рядом с Ирталем, тоже ни за что не нарушила бы эту священную скорбную тишину, сколько бы вопросов ни вертелось на языке. Народ Акаланте прощался не просто с королем, но с любимым и чтимым правителем.

Сегодня, как успел сказать ей Ирताल перед началом церемонии, любой желающий мог приплыть во дворец, чтобы проводить короля к последнему пристанищу. Перед ликом смерти все равны, она не знает

сословных различий. Да и в траурных темных туниках не отличишь каи-на от чистильщика улиц. На мгновение Джаад показалось, что неподалеку мелькнуло личико Миалары, непривычно бледное и похудевшее, потом она точно разглядела нескольких знакомых слуг, наложниц Алестара и обоих известных ей кариандцев.

Да, сегодня забылись все старые распри, и только темным облаком среди скорбящих иреназе висела невысказанная, но никем не забытая мысль, что убийца все еще на свободе и даже не признан. Иногда Джаад чувствовала спиной тяжелые взгляды, кое-кто с ненавистью смотрел и прямо ей в лицо, но пока что воля нового короля и почтение к старому защищали её от прямых обвинений. Даже жрецы не решились нарушить горестный покой последнего пути Кариалла.

Процессия уже так углубилась в недра скалы, что Джаад казалось, будто невыносимая тяжесть давит на неё сверху. Это, конечно, была мнительность, но мысль о невообразимой толще камня над дворцом и вправду вызывала трепет. Но вот очередной коридор расширился, впереди показалось уже не скупое свечение туарры, а настоящий дневной свет, приглушенный водой. И Джаад поняла, что они проплыли дворец насквозь и выплыли с другой стороны.

Если Арена была величественна и ужасающе прекрасна, то кладбище иреназе, как и положено такому месту, сочетало торжественность со скорбью. На огромной уходящей вдаль равнине высились небольшие холмики и каменные купола-склепы, украшенные резьбой и барельефами. Джаад трудно было представить, сколько труда требовалось для каменотесных работ под водой, но плывя между усыпальницами, она видела небольшие статуи, изображавшие рыб, спрутов и, как ни странно, птиц. Огромные белоснежные птицы осеняли надгробия опущенными крыльями или простирали их вверх, и по спине Джаад пробежали мурашки, столько скорби и тоски хранили эти безмолвные стражи могил.

Наконец, бесконечная извивающаяся змея, состоящая из сотен, если не тысяч, акалантцев и гостей города, изголовьем достигла величественного белого купола. Здесь не стояло никаких статуй, линии усыпальницы были простыми и строгими, только у подножья вились каменные водоросли, а верх был ажурно-резным. Джаад поискала взглядом дверь, не нашла и поняла, что думает по-земному, а иреназе удобнее подплывать сверху.

И действительно, дюжину гвардейцев, что всю дорогу несли носилки с телом короля, вдруг сменили придворные. Одним из них был проплывший вперед Иратель, еще в другом Джаад узнала советника

Руалля, остальные были ей неизвестны... Никто по-прежнему не говорил ни слова, все знали свое место и порядок действия. Гвардейцы подплыли к усыпальнице, окружили её, взялись за что-то и вдруг сняли крышку купола, опустив ее на дно. В этом скопище скорбящих Джад почувствовала себя абсолютно одинокой, хотя вокруг была толпа. Рыжая голова Алестара мелькала у носилок с телом, но сам новый король их не держал. С Джад он и словом не перекинулся, и обижаться на него за это было нельзя.

Словно по неслышной команде двенадцать знатнейших иреназе Акаланте подплыли к усыпальнице, бережно и плавно неся деревянную плиту с телом Кариалла. Джад вдруг вспомнила свою первую встречу с королем, который почти всю жизнь скорбел об умершей жене и ждал окончательной встречи с ней. Да, запечатление — это не только радость, но и тяжелая ноша для иреназе...

Двенадцать каи-на медленно подняли последнее ложе короля и опустили его в усыпальницу. Затем склонили головы, на несколько мгновений замерев у каменной могилы, и отплыли в сторону. Джад ждала, что теперь простаться с отцом подплывет Алестар, но сын и наследник Кариалла замер в нескольких шагах, а мимо раскрытого склепа потянулись безмолвные иреназе. Каждый, проплывая мимо, касался рукой белого камня и бросал к подножью букет или просто веточку водорослей. Джад закусил губу, вдруг поняв, что её никто не предупредил об этом обычае, а теперь искать последнее подношение Кариаллу уже поздно.

Но когда она уже собиралась в свою очередь тронуться к склепу, размышляя, сойдет ли за подношение хотя бы сдернутая с волос лента, её тронули за плечо. Гвардеец Камриталь, один из тех, кто нес тело, молча поманил её за собой и подвел к маленькой группе иреназе вокруг молодого короля.

Джад низко поклонилась Алестару, ответившему таким же молчаливым кивком, и заняла указанное место рядом и немного позади короля. Здесь же оказались Иратель и, неожиданно, кариандский принц. Впрочем, присутствие кариандца было как раз понятно: гость королевской крови да еще и будущий родственник. Очень близкий родственник, если поразмыслить. А вот почему вместе с двумя тир-на плавал Иратель? Доверенное лицо? Может быть... Покойный король, кажется, ближайшим советником и другом считал Руалля, но с Алестаром отец Кассии вряд ли поладит. А вот Иратель новому королю близок.

И уж совсем непонятно, что рядом с Алестаром делать Джад? Неужели Алестар не понимает, что присутствие человеческой избранной — оскорбление для будущей супруги, которую представляет Эрриан? Или это

напоказ двору, народу и жрецам? Что ж, Алестару должно быть виднее, чего он добивается. И что может получить таким вызовом традициям.

Однако во взгляде кариандского принца, брошенном на Джиад, не было обиды или оскорбленного самолюбия. Разве что спокойная задумчивость, будто они продолжали играть в риши, которое здесь называется тосу. Только как ни назови игры, хоть в фишки, хоть в политику, суть их не меняется.

А мимо склепа все тянулись и тянулись бывшие подданные Кариалла. Поклонившись и оставив королю последний знак почтения, они проплывали мимо Алестара и еще раз низко кланялись, а затем уплывали, но уже не в тот ход, которым вышли из дворца, как заметила Джиад, а мимо, наверх и прямо в город. Трое иреназе рядом с Джиад, замершие у склепа сановники и охрана, включая гвардейцев и Дару с Кари — никто так и не произнес ни звука, пока последний хвост не мелькнул в отдалении.

После этого к склепу проследовали, один за другим, одиннадцать каи-на. И снова Джиад задумалась, что означает особое положение Ираталя. Возможно, Алестар тем самым показывает, что назначил его главным советником? Что ж, не худший выбор, наверное.

Все подводные аристократы проплыли мимо. За ними — гвардейцы, но те, поклонившись Алестару, так и остались плавать немного поодаль. Конечно, им же еще надо было поставить на место крышку.

И вот сам Алестар, не оборачиваясь, подплыл к последнему пристанищу отца. За ним последовали Джиад с Ирталем и Эргиан. Но кариандский принц, поклонившись склепу и положив к нему небольшой букет водорослей, обвитый усеянными жемчугом лентами, кланяться новому королю Акаланте не стал, просто отплыл подальше. За ним — совершивший весь ритуал Ирताल. И, наконец, у склепа остались только Алестар и чувствующая себя совершенно лишней Джиад.

Однако Алестар так не считал. Положив руку ей на плечо, он сказал бесцветным, но очень четким голосом:

— У нас говорят, что ненависть оставшихся — слишком тяжелая ноша для уплывающих навсегда. Я прошу прощения за все, что сделал тебе мой отец. Это было ради меня и ради города. Если кого и ненавидеть, так меня, а не его.

— Я... не держу на него зла, — от всей души ответила Джиад. — Малкависом клянусь. И... — она помолчала немного, подбирая слова. — Я понимаю, ради чего он делал то, чего сам не хотел. Он был истинным королем.

Кариалл покоился на ложе, усыпанном лентами, крошечными

букетиками и жемчужными нитями. Лицо короля было абсолютно спокойно и даже в уголках губ, показалось Джиад, притаилась улыбка. А рядом...

Рядом, сохраненное то ли искусством жрецов, то ли неведомой магией, лежало на соседнем ложе еще одно тело. Окружающие его ленты и водоросли давно истлели в прах, только жемчуг и самоцветы поблескивали на буро-серой пыли, но давно умершая жена Кариалла, чьего имени Джиад даже не знала, словно спала. По погребальному ложу разметалась волна золотых волос, обрамляя нежные и тонкие черты лица. Глаза были прикрыты, но кожа казалась живой, и розовые губы вот-вот дрогнут в улыбке. Глядя на это лицо, Джиад теперь понимала Кариалла, всю жизнь хранившего верность умершей. Король был верен не красоте, хотя и редкостной даже для иреназе. Лицо его возлюбленной, подарившей Кариаллу наследника ценой своей жизни, дышало благородством, чистотой и искренней любовью...

— Они теперь вместе, — тихо проговорил Алестар. — Хотя... они всегда были вместе. Это и есть настоящая любовь. Не запечатление, а вот... это.

Он склонился к руке Кариалла и последний раз коснулся ее губами, прощаясь. Затем так же поцеловал руку матери. Отшатнувшись от склепа, неуклюжим толчком хвоста торопливо отплыл, пряча лицо, и Джиад сейчас пошла бы на многое, чтобы облегчить или хотя бы разделить боль утраты, которая ей самой была неведома.

Гвардейцы бережно накрыли склеп крышкой, и безмолвие снова окутало место скорби.

Джиад подплыла к глядящему в сторону дворца Алестару, тронула за плечо, обтянутое темной тканью, простой и даже грубой. Принц обернулся. Совсем неуместно Джиад подумала, что вот таким она Алестара еще не видела. Похудевшее и осунувшееся за одну ночь лицо выглядело пронзительно взрослым. Сколько тот ни носил драгоценностей раньше, но по-королевски величественным стал только сейчас, сняв их все и заплетя волосы в тугую гладкую косу, перевитую черным кожаным шнурком. Только на запястье вызывающе блеснул обручальный браслет, да на груди поверх черной туники на толстой золотой цепочке горел изнутри мрачным кроваво-красным огнем рубин неправильной формы — Сердце Моря, главный знак принятого Алестаром королевского бремени.

Алестар знал, что навсегда запомнит эту ночь. В его душе и памяти она осталась, как шрам после раны, не убившей, но глубоко разрезавшей

тело. За стенами кабинета дворец, печалась и ужасаясь, готовился к похоронам, но его никто не тревожил, оставив наедине с отцом и скорбью. А Алестар даже скорбеть не мог по-настоящему, что-то закаменело в нем, как застывает вылившаяся в воду кипящая лава.

Тот, кто убил отца, не просто лишил Алестара дорогого и близкого существа, он разрушил его веру в справедливость. Отец был великим королем, чтимым за мудрость, любимым подданными, — но оказался беззащитен перед чьей-то подлостью. Нанести удар в спину, не дав возможности уклониться или защититься, не позволив даже успеть понять, что тебя убивают! Убийца не хотел рисковать гневом Сердца Моря...

Поняв это, Алестар понял и то, почему тайник в кабинете пуст. И почему отец велел охране оставить пост. Он ждал кого-то. Ждал, не доверяя гостю или желая проверить его правдивость, — Сердце позволяло не только защититься в случае необходимости, но и распознать ложь. Но позволил оказаться за своей спиной... почему? И как в кабинете оказался нож Джиад?

Он почти всю ночь просидел на дне кабинета, обняв себя руками за плечи, подвернув хвост и думая, думая... Поверить в виновность Джиад, что бы ни кричали жрецы, было невыносимо. Но кто мог узнать, что нож лежит без присмотра, а потом успеть взять его и отправиться к королю? Вопросы теснились вокруг, как крабы-падальщики вокруг мертвечины, и Алестар в отчаянии думал, что будет самым никчемным королем за всю историю Акаланте. И наверняка последним, если Сердце Моря не найдется.

Потом он все-таки заставил себя собраться с силами и на исходе ночи понял, что нельзя никому, ни единой живой душе позволить узнать, что Сердце похищено. Без реликвии Акаланте беззащитен и перед гневом вулканов, и перед войной, чем не замедлит воспользоваться та же Суалана.

Поэтому перед самым рассветом Алестар тоскливо оглядел отцовский кабинет, по-новому рассматривая и знакомые с детства фрески, и рабочее место отца, и огромный шкаф с кипами табличек, прикрывающий угол, в котором Алестар любил играть в детстве. Там было так уютно... Теперь кабинет был мрачен и словно виноват, как стражник, что не уберег хозяина.

Поднявшись вверх, Алестар подплыл к отцовскому столу и в его недрах нашарил маленькую рукоять, открывающую еще один тайник. Здесь хранилась вещь, о существовании которой не должен был знать вообще никто. По локоть засунув руку в ящик, он нащупал и достал точную копию Сердца Моря — крупный рубин с выточенной сердцевинкой. Свернув

резную крышечку, наполнил копию туаррой из шара со стены, и фальшивое Сердце засветилось совсем как настоящее.

Эта ложь давала хоть небольшую отсрочку. А еще надежду, что убийца испугается, решив, что украл не настоящую реликвию, а подделку. Совсем слабую надежду — Алестар себя не обманывал.

Самым же отвратительным было, что теперь он вообще не знал, кому можно довериться. Отца убил кто-то очень близкий... Но кто? Слуга, советник, наложница, охранник? Кого он ждал, не посвятив в это даже собственного сына?

Высоко-высоко в небе разгорался невидимый под водой рассвет, знаменуя новый день. Акаланте готовился проститься с повелителем и ждал, что его наследник будет хранителем и защитником города и народа, а Алестар чувствовал полное бессилие. Теперь только упрямство и яростная ненависть не позволяли ему сдаться. Да еще холодное осознание, что больше никто и никогда не встанет между ним и его бедами. Больше не на кого надеяться, отец не придумает выход, не защитит, не позволит быть слабым, положившись на его силу и мудрость.

И выплывая навстречу Ирталю, явившемуся с гвардейцами и слугами, чтобы подготовить тело отца в последний путь, Алестар запретил себе малейшую слабость. Он выдержал весь ритуал похорон и прощания, заперев боль в себе и превратившись в камень внутри и снаружи. Вокруг были искаженные горем лица, искренние слова соболезнования, обещания верной службы и любой помощи... Он кивал, принимая все — и не веря. Где-то в этой толпе, провожающей одного короля и тут же присягающей другому, плавал и убийца. Разве что Джиад была вне подозрений, но и перед ней Алестар не мог позволить себе слабости. Любая слабость немедленно стала бы губительной течью в плотине его спокойствия.

Так прошли похороны. В последний момент прощания Алестар дрогнул. Он редко плавал с отцом к усыпальнице: не мог смотреть на лицо матери. И сейчас видеть их обоих было почти невыносимым. Почти...

Он справился с горем, как с норовистым салту, так и пытающимся ударить о скалу или выбросить из седла. Стиснул поводья, сжал покрепче лоур... Вернулся во дворец вместе с Ирталем и Джиад, единственными, кого сейчас мог видеть рядом. Но и Ирталю отпустил, когда они втроем доплыли до дверей спальни Джиад. Начальник охраны понимающе кивнул, оставив их вдвоем.

— Прости, — устало сказал Алестар, когда они проплыли внутрь. — Я оставил тебя одну, да еще и в неведении.

— Ничего... Как вы?

Она села на край кровати, рассеянно поглаживая кинувшегося рыбеныша, подняла голову, смотря на Алестара с обычной спокойной откровенностью.

— Как я? — переспросил Алестар. — Я жив. Оказывается, это уже очень много. Джиад, поклянись, что никому и никогда не скажешь то, что сейчас услышишь.

— Клянусь Малкависом, — ответила она. — Только вы уверены, что хотите доверить мне тайну? И что нас не подслушивают?

— Я уже никому и ничему не верю, — вздохнул Алестар, тоже опускаясь на постель. — Но, кажется, не должны. Ход в этой комнате уже давно закрыт наглухо... Джиад, это не Сердце Моря. Это копия, очень искусная, но совершенно фальшивая. А настоящее — похищено. И я никому, понимаешь, никому не могу сказать об этом.

Ее глаза показались огромными омутами, черными провалами в Бездну — так расширились зрачки. Очень медленно Джиад поднесла руку ко рту, будто зажимая его, с ужасом посмотрела на Алестара.

— Да, — кивнул он. — Отца не просто убили. Вместе с ним убили и весь Акаланте, если я не найду Сердце до того, как что-то случится. Конечно, если проснется вулкан, кто-нибудь из соседей поможет. Как же не помочь... своим новым владениям? А еще сегодня вечером будет Королевский Совет. И я уверен, что Тиаран обвинит тебя в убийстве. Он ничего не сможет доказать, я думаю, но твой нож...

— Да, это очень серьезная улика, — согласилась Джиад. — И у меня нет других ответов, кроме тех, что я уже дала. Я не знаю, как это случилось...

— Вот и я ничего не знаю, — вздохнул Алестар. — Запомни, ты — каи-на. И поскольку ты единственная каи-на в своем храме, то, значит, старшая в нем по нашим законам. Всего в Совете двенадцать каи-на, ты тринадцатая, впервые за многие века. Тебя может осудить только Совет, если семеро — больше половины — проголосуют за обвинение. Но ведь должен у них проснуться рассудок? В любом случае я не позволю причинить тебе вред. Все смертные приговоры утверждает король, а моего согласия у них никогда не будет.

— Ваше... величество... Нельзя начинать правление, отвергая правосудие...

— А если правосудие само отвергает разум? — беспомощно огрызнулся Алестар. — Джиад, мой отец клялся в твоей безопасности. Я обещал тебе помощь и выкуп из храма. Королевское слово — честь всего моря, и если кто-то забыл об этом, то я напому. Просто верь мне,

слышишь? Хотя бы ты...

Он стремительно всплыл наверх и, не оглядываясь, выплыл из комнаты. Вдохнув, Джад снова потянулась за табличкой с записями. Кажется, в них не хватало двух-трех граф с именами. Не то чтобы она верила, что это поможет, но время до Большого Совета все равно надо было чем-то занять. «Надежда — последнее, что остается рядом, пока воин еще жив, — гласила сутра. — Надежда поддерживает раненых, утешает обиженных, служит мечом и щитом ищущих справедливость. Когда уходит надежда — уходит жизнь. Поэтому не следует отчаиваться, как не следует умирать раньше времени». «А смерть, — подумала Джад, — редко ходит в одиночку».

ГЛАВА 15. Большой Совет

Вернувшись к себе, Алестар устало подумал, что день еще только начинается, а уже хочется, чтоб он быстрее закончился. Хоть бы не тянулось это отвратительное ожидание, как у постели тяжелобольного или раненого: выживет или нет. Теперь, когда впервые настоящая и близкая опасность угрожала не ему самому, а Джад, Алестара до кончика хвоста обволакивал липкий холодный страх, щупальцами забираясь под чешую и кожу, скручивая внутренности, пропитывая насквозь.

Перед Джад он старался казаться уверенным, но сам-то знал, что его голос, голос короля, неизмеримо веский в любом другом деле, сегодня вечером не будет иметь в Совете ни малейшего значения. Судьи должны быть совершенно беспристрастными, а разве он может быть беспристрастным к своей избранной?

Опустившись на постель в своей прежней комнате, Алестар мрачно и беспомощно посмотрел на полку с раковинами, карту дна, растянутую на стене, шкаф с табличками любимых книг. Он даже с Джад не мог остаться, потому что и это Тиаран с радостью использовал бы против него, внушая всем и каждому, что король слаб и подпал под влияние двуногой.

А в Совете многие рады будут поверить высшему жрецу, ведь так просто найти виновного, покарать и успокоиться, решив, что беды на этом закончились. Умные, опытные главы высших родов, которые не видят вглубь дальше собственного хвоста!

Он дотянулся до шкатулки с украшениями и выбрал дюжину шпилек с самоцветами, разложив их на постели. Итак, Совет...

Тиаран и Герлас, конечно, будут против Джад. Алестар отложил две шпильки с изумрудами вправо. Иратель — за. Шпилька с крупной бусиной бирюзы легла влево. Герувейн, отец Эруви, будет последней медузой, если проголосует за обвинение той, кто помог спасти его дочь. Еще одна шпилька — влево. А вот отец Миалары вряд ли упустит случай отплатить за опалу своего сокровища. Алестар уже хотел переложить пятую шпильку вправо, но заколебался. Ему пришло на ум, что как раз это и можно использовать, чтобы подергать советника Лорасса за хвост, направляя в нужную сторону. Миалара пыталась воздействовать приворотным зельем на будущего короля. Теперь уже нынешнего. Да, отец уступил горячим мольбам советника и решил не наказывать дурочку слишком серьезно, но кто сказал, что Алестар с этим согласился?

Взвесив на руке массивную золотую шпильку, он отложил ее в сторону. Итак, двое на двое и с пятым пока никакой ясности. Впрочем, с шестым — тем более. Мнение Руаля ляжет тяжелой гирей на любую чашу весов, за что бы он ни выступил. А что советник думает об этом деле, никто не знает. Еще одна шпилька добавилась к той, которую он назначил Лорассу.

Алестар почти в отчаянии посмотрел на оставшиеся шесть, которые могли решить участь Джад в любую сторону, смотря насколько будет убедителен Тиаран. Да и те, что он отложил... Герувейн, разумеется, благодарен, но никогда не пойдет против совести, да еще в таком деле. Значит... значит, нужно делать все, что возможно, однако готовиться к худшему. Конечно, у короля оставалось право вето любого решения Совета, но... опять же в делах, которые не могли касаться его самого — на этот счет предки-законодатели были непреклонны.

А еще был выход, о котором он предпочитал не думать, оставив его на самый глубокий случай. Сердце Моря... Алестар потрогал фальшивку, тяжесть которой никак не успокаивала, а вид и вовсе раздражал до зуда в плавнике. Отец использовал Сердце Моря, чтобы изобличать преступников, и такое решение было абсолютно неоспоримо. Если Совет согласится, можно изобразить то, что Алестар много раз видел, и объявить Джад невиновной. Только вот... Сама мысль о таком святотатстве заставляла содрогаться. Мало того, что он выдал за величайшую реликвию Акаланте обычный рубин, так еще и осквернить священный королевский суд? Мать Море ему этого не простит.

Вспомнилось, как Джад говорила, что не следует начинать править с нарушения правосудия. Что бы она сказала о таком глумлении над святым? Да еще после того, как сам Алестар когда-то при первой встрече обвинил в этом жрицу...

Стыд за мысли, которых он даже не должен был допускать, но они все равно лезли в голову, мешался с отчаянием. Разрешат ли ему хотя бы отправить Джад наверх? Пока что исполнению приговора мешает их запечатление, но уж ради такого случая Тиаран расстарается уничтожить его как можно быстрее.

Алестар сгреб шпильки и раздраженно швырнул их в коробку. Отец знал бы, что делать. Он нашел бы нужные слова для каждого в Совете, оставшись воплощением справедливости. Он бы смог проплыть между уговорами и принуждением...

В дверь стукнули молотком, прежде чем учтиво покачать, и Алестар поднял голову.

— А, Иратель... Я ждал вас, — сказал он, ловя себя на желании прикрыть фальшивое Сердце рукой, как в детстве прятал пойманных крабов, чтобы прицепить их потихоньку к чьему-нибудь хвосту. — Что нового?

— Почти ничего, — вздохнул начальник охраны, по жесту Алестара опускаясь на край его постели. — Мы проверили нож. Целители Невиса говорят, что кровь на нем действительно королевская. А вот второй, с пояса Кари, чист, им давно никого не ранили.

— Так...

И эта надежда, последняя и довольно подлая, рухнула. Конечно, Алестар не мог всерьез подозревать и близнецов, но...

— Курьер действительно пробыл в канцелярии больше получаса. Искал ведомости на отгрузку товаров для Маравей, хотя счетоводы клялись, что уже передали их его величеству.

— Маравейские счета? — с недоумением спросил Алестар. — Но я действительно видел их у отца. Иратель, он никогда не путался в документах, зачем бы ему просить их второй раз? Когда я был у него... утром... он как раз работал с маравейскими счетами.

— Вот как?

Иратель помолчал немного и продолжил:

— Это поистине странно, ваше... величество. И может оказаться важным, но я даже не представляю — как. В любом случае, курьер никого не видел, пока плавал туда и обратно. К боковым коридорам он, конечно, второпях не приглядывался...

— Значит, его как раз вполне могли видеть, — подхватил Алестар. — Трое, как же мне не хватает Джиад. Она словно через скалу видит, а я... Как я буду править, Иратель? — вырвалось у него.

— Полагаю, как и все короли до вас, тир-на, — ровно отозвался Иратель. — Никто из них не принимал Сердце Моря и Акаланте старым и мудрым. Все с чего-то начинали.

Вздвигнув от упоминания Сердца и криво усмехнувшись, Алестар бросил:

— Скажите это Совету. Иратель, я хочу, чтобы вы поговорили с советником Лорассом. Намекните ему, что король желает справедливости. Желает настолько, что если каи-на Джиад будет осуждена, король продолжит искать справедливость и дальше. Там же, в Совете сиятельных каи-на, чьи дети забыли о присяге в погоне за почестями. И что наказание за попытку отравить принца будет не меньше, чем за убийство его отца.

— Вот как... Я понял, ваше величество. Но... ведь это был не яд...

— Это было немногим лучше, — мстительно сообщил Алестар. — Попытка воздействия на разум, непочтение к королевской крови и еще много чего...

Ираталь склонил голову, а когда поднял, его глаза весело блеснули.

— Полагаю, — сказал он, — советник учтет... ваше желание справедливости. Я могу плыть, тир-на?

— И пригласите ко мне советника Руаля. Хотя нет, я сам его навещу.

Алестар вспомнил болезненное лицо и медленные движения отца Кассии. Пожалуй, это как раз тот случай, когда следует уважить старость и заслуги.

Поклонившись, Ираталь выплыл, и Алестар последовал за ним. Теперь он был рад, что до вечера еще осталось время, и собирался потратить каждую минуту с толком.

Однако встречу с Руалем неожиданно пришлось отложить. Не успел Алестар подняться с ложа, как дверь снова качнулась, и Дару, заглянув в комнату, сообщил, что тир-на Эргиан просит принять его.

Алестар нахмурился, потеряв кончик косы. По всем канонам придворного церемониала с послами следует встречаться либо в тронном зале, либо в королевском кабинете, и Эргиан не может этого не знать. Но просит принять именно в спальне, как... гостя? Причем гостя близкого, не требующего соблюдения этикета.

— Впусти, — велел он Дару и толкнулся хвостом от ложа, поднявшись навстречу кариандскому принцу.

— Еще раз мои глубочайшие соболезнования, повелитель, — поклонился Эргиан, подплыв достаточно близко. — Печально, что радость нашей встречи омрачена столь горестными событиями. Карианд будет скорбеть вместе с Акаланте, как только вести достигнут наших глубин.

Алестар молча склонил голову, гадая, что понадобилось кариандцу, который уже приносил соболезнования на Арене и потом перед похоронами. Сколько же можно?

— Благодарю народ Карианда и вас, тир-на, — отозвался он, жестом приглашая гостя устроиться на ложе. — Простите, что принимаю вас так неподобающе, но...

— Я ведь сам попросил об этом, — улыбнулся Эргиан, охотно опускаясь на постель и удобно сворачивая хвост. — Знаете ли, хотелось поговорить попросту, по-родственному...

— Понимаю, — кивнул Алестар. — Что ж, давайте поговорим. Полагаю, вы ждете подтверждения, что договоренности не меняются? И наши узы остаются... родственными?

— Вы очень прямолинейны, ваше величество, — с непонятным удовольствием сказал Эргиан, весело блеснув глазами. — Что ж, не буду отрицать очевидного. Мне хотелось бы услышать лично от вас, что моя сестра не напрасно плывет сюда. Хотя, конечно, прекрасный Акаланте в любом случае стоит того, чтобы его увидеть.

— И я снова подтверждаю это, — раздраженно от усталости сказал Алестар. — Договор, который заключил мой отец, будет выполнен.

— В самом деле? Но сейчас вы связаны иными обязательствами. Госпожа Джиад вызывает уважение и восхищение, но...

Алестар молча посчитал до дюжины, как учил отец, и напомнил себе, что не имеет права быть грубым. Даже с этим надоедливym глубинником. Его, в конце концов, можно понять: Эргиан просто выполняет то, зачем приплыл. И он прав. Безусловно прав, но как же от этого тяжело на сердце.

— Наша связь была ошибкой, — сказал он сдержанно. — Жрецы обещают разорвать ее в ближайшие дни.

— Насколько ближайшие? — мягким, как молодой мох, голосом поинтересовался кариандец.

— До появления вашей сестры.

Алестар поймал взгляд светлых глаз Эргиана. Даже для траура кариандец выбрал не чисто черный цвет, а темно-серый, какой-то блеклый. Впрочем, может, у него просто не было с собой траурной одежды, и Эргиан выбрал более-менее подходящую? Тогда он очень скромен в нарядах. Так же скромен, как учтив...

Невольно вспомнилось, как кариандец ударил Тиарана: быстро, точно, с совершенной решительностью, которая составляет половину успеха воина. Этого юношу едва ли старше самого Алестара хорошо учили драться. А еще его научили принимать решения и выполнять их, а потом поворачивать события в свою пользу, как опытный наездник правит салту. Там, где Алестар неминуемо натворил бы глупостей, не останови его Иратель, кариандец обошелся одним-единственным ударом, за который Тиаран и наказать его не может. Во-первых, посол неприкосновенен, а во-вторых, сделать это — означает выставить себя на посмешище, учитывая издевательские оправдания Эргиана. Алестар против воли почувствовал злое восхищение кариандцем, как сильным соперником, у которого стоит поучиться. И подумал, что нужно найти кого-нибудь, кто сможет больше рассказать о новом после Карианда.

— Это радует, — все так же мягко подтвердил Эргиан. — Но мой отец и повелитель дал мне еще одно поручение. По его приказу я должен

заклучить окончательный договор о переселении части наших подданных в пределы Акаланте.

— Вы настолько торопитесь? — поднял бровь Алестар.

Во имя Троиц, еще и это! Нет, он в полной мере осознавал серьезность отцовских предупреждений о неминуемой гибели Карианда, но ведь речь шла о десятилетиях!

Алестар вдруг осознал, что согласись он — и в исконных водах Акаланте появится огромное количество чужаков, родившихся в другом городе, привыкших к иным традициям. И выросших в почтении к королям Карианда, а вовсе не к нему. Но отец считал это правильным и мудрым... Ох, только бы не опозориться, не выдать, что знаешь о таком судьбоносном решении куда меньше, чем положено наследнику!

— Мы полагаем, что было бы неплохо приурочить договор к счастливому бракосочетанию, — бросил карианец с таким равнодушием, что Алестар почуял обманный финт, словно соперник по гонкам уступил ему дорогу на опасном повороте. — Это было бы красиво и торжественно.

— О да, весьма, — согласился Алестар. — Но мой отец не прояснил некоторые вопросы... Полагаю, мне придется обсудить их с советниками. И с вами, разумеется.

— Сочту за честь, — улыбнулся Эргиан одними губами. — Вряд ли для этого понадобится так уж много времени? Мне бы не хотелось из-за подобных мелочей откладывать свадьбу сестры. Маритэль очень ждет ее.

— Акаланте в трауре, — напомнил Алестар, надеясь, что говорит хоть наполовину с той же небрежной учтивостью, что и этот маару, как прозвали кариандцев в более мелких водах. — Лично я не намерен медлить со свадьбой из уважения к воле отца, но мог бы и сделать это.

— Понимаю...

Карианец всплыл над ложем, изящно и почтительно поклонившись.

— Прошу прощения, что отвлекаю вас от важных дел, дорогой будущий родственник, — промолвил он с той же изысканной вежливостью, которой Алестар после случая с Тиараном не верил ни на чешуйку. — Если не ошибаюсь, вечером вы как раз встречаетесь со своими советниками? Могу ли я просить разрешения присутствовать на этом Совете?

Он посмотрел Алестару в глаза, теперь уже сам, и от этого безмятежного непроницаемого взгляда Алестара вдруг пробрала дрожь. Карианец был опасен. Он этого и не скрывал, пользуясь своим вежливым холодным обаянием, как лоуром — инструментом и оружием одновременно. И меньше всего Алестару хотелось пускать его туда, где будет решаться судьба Джиад.

— Не уверен, что вам будет это интересно, — с такой же ледяной вежливостью сказал он вслух. — Расследование смерти моего отца — внутреннее дело Акаланте.

«А мы пока еще не родственники, хвала Троиим», — хотелось добавить Алестару, но он сдержался. Впрочем, кариандец, судя по насмешливому блеску глаз, что-то подобное как раз и понял. Еще раз поклонившись, он бросил все с той же тщательно отмеренной небрежностью:

— Жаль. Я, признаться, рассчитывал, что госпоже Джиад не помешал бы еще один преданный друг.

Он устремился к двери, не слишком торопясь, когда Алестар, до боли прикусив перед этим губу, выдохнул в воду:

— Погодите.

Кариандец, явно ожидающий этого, обернулся с показным удивлением.

— Что вы имеете в виду? — мрачно спросил Алестар.

— О, ничего особенного!

Эргиан помолчал, ясно и любезно улыбаясь, но Алестара тоже учили тянуть паузу: и на Совете, и на гонках — когда закладываешь длинную сложную дугу, требующую терпения и еще раз терпения. Поэтому он молчал, повторяя про себя, что это только ради Джиад — ей и в самом деле нужна любая мелочь, способная склонить чашу весов. Значит, он должен проглотить свою гордость и не упустить эту мелочь.

— Я только подумал, — вкрадчиво сказал кариандец, убедившись, что больше вопросов не услышит, — что мое присутствие могло бы убедить некоторых ваших советников не доверять слухам о размолвке Карианда с Акаланте из-за вашего прежнего выбора избранной. Знаете, такие слухи почему-то плавают по городу и даже по дворцу во множестве... А еще, если исход расследования окажется для каи-на Джиад не слишком благоприятным, я мог бы предоставить ей убежище по праву посла и затем проводить наверх. Разумеется, я бы поручился перед вами за жизнь вашей избранной своей собственной жизнью.

— В самом деле? — поинтересовался Алестар, чувствуя, как у него немеют губы от злости, и не зная, возмущаться или быть благодарным. — И все это, конечно, из родственных чувств?

— Исключительно из родственных чувств! — весело подтвердил Эргиан. — Если не ошибаюсь, это ведь госпожа Джиад помогла спасти моего подданного и его супругу? Поступок, достойный глубокой благодарности Карианда. Так что я был бы счастлив вернуть ей часть долга

от имени рода Соларо, которому покровительствую.

Алестар на несколько мгновений задумался, не сводя взгляда с беззаботного лица посла. Эргиану он доверял не больше, чем дикому салту, но вдруг кариандец хочет просто убрать Джад подальше от своей сестры? И ради этого готов даже поручиться жизнью? Все равно слишком рискованно... Он не может ошибиться, рискуя жизнью Джад.

— Полагаю, — проговорил он медленно, — мы все-таки попробуем обойтись своими силами. Но за предложение — благодарю.

— Как скажете, — усмехнулся Эргиан. — А если вдруг вы измените мнение, я буду рад. И клянусь счастьем моей сестры, мы, кариандцы, умеем отвечать верностью на верность и благодарностью на услугу. Еще ни один наш союзник не имел причины пожаловаться на измену.

— Я запомню, — негромко сказал Алестар, понимая, кому и для чего это говорилось на самом деле.

Проводив взглядом уплывшего посла, он еще какое-то время отчаянно пытался понять, не сделал ли ошибки, отказавшись от помощи глубинника. Но вопросы по-прежнему оставались без ответов. Ох, как же ему сейчас нужен был хороший совет. Но от кого? Отца убил кто-то близкий, кому он доверял настолько, чтобы повернуться к вооруженному спиной... Значит, верить можно было только себе. Поэтому Алестар пока что выкинул кариандца с его интригами из головы и отправился разыскивать Руаля. Его терзало предчувствие, что и этот разговор не окажется легким.

Предчувствие оправдалось больше, чем Алестар мог предположить. Плывая по коридорам непривычно тихого и пустого дворца, в котором траур прервал все развлечения, он всего трижды встретил слуг, не говоря о более высокородных обитателях. Даже вода казалась холоднее обычной, и за этим тоже следовало присмотреть. Отец вникал во всякую мелочь, дворцовый управитель ежедневно являлся к нему с докладом. А еще те самые поставки шкур в Маравею. И надо спросить у жрецов, зачем они тогда приплыли к отцу — вдруг дело срочное? Разум и память настойчиво подсказывали, что самым важным делом, ради которого двое отчаянно не ладящих друг с другом Верховных снова встретились, мог быть только разрыв их с Джад запечатления. Сколько дней осталось? Два, три?

Алестар вспомнил вкрадчивую настойчивость кариандского посла. Что там Эргиан говорил о слухах? Можно не сомневаться, кто успел их пустить. При одной мысли, как Тиаран использовал смерть отца в собственных целях, Алестара захлестнул прибой ледяной злости. Герлас и не скрывал, что ненавидит Джад просто потому, что та — человек. Но

разве жрец Троих не должен проповедовать уважение и терпимость ко всем их созданиям? Зачем вообще Тиарану эти нелепые обвинения?

Хотя нет. Алестар даже остановился от внезапной ошеломляющей мысли. Следует спросить себя, зачем Тиарану понадобился громкий скандал с обвинениями самого Алестара? Ведь он же мог сообщить все тихо, не посвящая Арену в то, что не должны были знать обычные акалантцы. А Тиаран использовал Джаад как оружие против Алестара. Но... это же измена. Не прямой бунт, а удар исподтишка. В спину — как и отца!

Он очнулся, почувствовав, что прикусил изнутри щеку до крови и трясется, как в лихорадке. Глубоко подышал, чтобы успокоиться, оглянулся назад, где в нескольких шагах плавал невозмутимый Кари. От вида ножа на поясе охранника, точь в точь такого же, каким был убит отец, Алестара передернуло. Он от души пожалел, что нельзя забрать или купить проклятый клинок, чтоб тот хотя бы не лез в глаза. А еще — что не обладает ни спокойным достоинством Джаад, ни мягкой расчетливостью Эргиана, ни опытом Руаля... Ничем он не обладает, кроме сомнительного звания первого наездника Акаланте. Даже любовь, которую весь город испытывал к отцу, ему еще предстоит заслужить, как заметила Джаад когда-то.

Подплыв к нужному коридору, он еще раз глубоко вдохнул и выдохнул. Уступил дорогу Кари, толкнувшему дверь и бдительно осмотревшему комнату впереди. Такие предосторожности могли бы показаться смешными, но уже никогда не покажутся — понял Алестар.

Дождавшись разрешения охранника, он пересек большую комнату, в которой обычно служители дворца и канцелярии ожидали приема. Сегодня здесь было пусто, и зал казался растерянно-грустным, как живое существо, несправедливо обиженное хозяином. На стенах слабо светилась туарра, которую вовремя не покормили, в углу в большой клетке плавала кругами стайка разноцветных рыбок — любимцев служителей, и их кормушка тоже была пуста.

Перед следующей дверью Кари снова решительно выплыл вперед, и Алестар поморщился, но уступил. И только услышав из-за двери приглашение, произнесенное слабым голосом Руаля, бросил:

— Дальше я сам. Надеюсь, советник меня не убьет.

Шутка вышла невеселой. Алестар даже порадовался, что Руаль ее не услышал. Советник полусидел-полулежал в кресле у дальней стены приемной. Выглядел он отвратительно: потускневшая чешуя, будто высохшая на солнце, глубокие морщины в углах рта и глаз. Не лицо, а

маска горя и болезни. И снова душу Алестара потянула тоскливая глухая вина...

— Доброго дня, советник, — поздоровался он, старательно смягчая голос. — Вы нездоровы?

— Не больше, чем обычно, — прошелестел Руаль, склоняя голову в подобии поклона. — Чему обязан такой честью, ваше величество?

— Я...

На осунувшемся и потемневшем лице Руаля жили только глаза, ярко-голубые, молодые, до жути напоминавшие Кассию. Алестар сглотнул и упрямо повторил:

— Я хотел бы поговорить с вами, советник.

— Разумеется, ваше величество. Но все, что могло представлять интерес, я уже сказал на дознании.

— Да, я помню. Речь не об этом.

Алестар замялся, подбирая слова, но нужные все никак не хотели попадаться на язык, и потому он просто спросил:

— Советник, неужели вы тоже верите в эти обвинения?

— Я верю ножу в спине вашего отца, тир-на Алестар, — безучастно бросил Руаль, едва заметно подтягивая хвост ближе к телу. — А вы?

— Нож мог взять кто-то другой. Джад — опытный воин, она бы никогда не совершила такой глупости, как оставить приметное оружие в теле... Ясно же, что это сделал кто-то другой, желая её обвинить...

Алестар отчаянно говорил, чувствуя, что его слова уплывают, бесполезные и бессильные. Руаль смотрел на него, и яркие красивые глаза советника казались пустыми, хоть и блестели, будто перламутр.

— Я верю увиденному, — тихо и монотонно повторил Руаль. — Зачем вы приплыли, ваше величество? Чтобы убедить меня на Совете выступить за оправдание вашей... двуногой? Достойная цель для сына, чей отец был похоронен только утром.

— А вы думаете, что обвинив невиновную, я почту его память?! — сорвался Алестар. — Вы забыли, что все началось до появления Джад, причем задолго?

Он тут же пожалел о своей невольной жестокости, потому что глаза Руаля вновь блеснули странно, тревожно.

— О не-ет, — протянул советник тем же мертвенным шелестящим голосом. — Забыть такое мне было бы затруднительно. Это у вашего величества память то ли короткая, то ли очень послушная. Вы быстро утешились...

— Не смейте попрекать меня этим, Руаль, — тихо сказал Алестар. —

Когда Кассия была жива, вы сделали все, что могли, чтобы нас разлучить. А потом поспешили свести меня с кариандкой, словно пару породистых салту. Даже не дали мне оплакать Кас как подобает... Разве такой поспешный брак с Маритэль — это не предательство её памяти?

— Вам не понять, принц. То есть, простите, ваше величество, — утомленно прошелестел голос советника, который прикрыл глаза и теперь стал окончательно похож на высушенную рыбину. — Я устраивал ваш брак ради государства. Ради Акаланте и вашего отца.

— Мне жаль... — выдохнул Алестар, со стыдом понимая, что совершенно не чувствует за собой вины. — Клянусь Тремя, я любил Кассию. Но если бы... если бы я тогда погиб, то хотел бы для неё счастья, пусть и без меня. Я возьму в супруги ту, кого выбрал отец. Ради Акаланте, как вы и сказали. Но Джад невиновна, вы же не можете этого не понимать. Она здесь из-за моей безмозглой жестокости, не ради заговора против Акаланте. Глупо обвинять в убийстве отца ту, кто столько раз спасал сына.

— Полагаю, не глупее, чем показывать её всему городу и заодно родичам настоящей невесты.

Руаль неожиданно усмехнулся, слегка растянув тонкие бледные губы в ядовитой издевке. Не открывая глаз, он проговорил с четкостью, яснее прочего сказавшей Алестару, что силы советника на исходе:

— Я видел смерть своего ребенка — моим глазам больше незачем смотреть на этот мир. Мое сердце кровоточит каждый день, который я живу без Кассии. Мой король и повелитель, которому я служил всю жизнь, мертв. Я сам умираю. А вы хотите, чтобы я сожалел о судьбе вашей двуногой? Если она невиновна, докажите это. А если не сумеете — пусть примет свою судьбу. Одной двуногой больше, одной меньше — пусть хоть все вымрут на своей суше.

Алестар смотрел на него молча, не зная, что сказать. Даже ярость схлынула, оставив беспомощную тихую злость и мучительное сожаление. Отец как-то сказал, что каждому его боль хуже чужой, и Алестар умом понимал, что это правда. Он и сам тогда сорвался, выместив ненависть ко всему миру, отнявшему у него Кассию, на беззащитной Джад. Но ведь Руаль стар и мудр, как он не понимает, что это путь в Бездну?

— Вам что-то еще нужно, ваше величество? — голос советника уже даже не шелестел, а сыпался сухим песком.

— Да, — хрипло ответил Алестар, сжимая и разжимая пальцы, будто желая почувствовать в них лоур. — Мне нужен кто-то, знающий все тонкости договора с Кариандом. И брачного, и касающегося переселения. Сам договор и все материалы к нему. Список всех торговых контрактов за

последний год, заключенных и только готовящихся... Впрочем, контракты я сам запрошу в канцелярии. Кто будет замещать вас, пока вы болеете, советник?

— То есть, кто сменит меня, когда я не смогу доплыть до своего рабочего места? — усмехнулся Руаль. — И останется там, когда я умру? Кто угодно, ваше величество. Иными словами, кто будет угоден вам. Полагаю, новому королю пора набирать собственных советников. Документы по Карианду я пришлю сегодня же, а дела сдам, как только назовете моего преемника.

— Мне жаль, Руаль, — уже без злости, а с бессильной тоской повторил Алестар. — Мне действительно жаль.

Повернувшись, он поплыл к двери и уже возле нее расслышал тихое:

— Мне тоже жаль. Было...

* * *

Когда Эргиан уплыл, время потянулось, словно струйка смолы из трещины старого сливового дерева. Такое росло у них за храмом. Сливы на нем были некрупные и терпко-кислые, зато из расщелин на потрескавшейся коре сочился жидкий янтарь, застывая прозрачно-золотыми каплями. Дети отламывали их и ели, уверяя, что чувствуют сладость, хотя смола была совершенно безвкусна. Совсем как этот день.

Джиад знала, что должна бояться или злиться, но разум, измученный предположениями и расчетами, не давал воли сердцу. Снова и снова Джиад раскладывала на кровати фишки из набора Эргиана, пытаясь понять, что же не сходится.

В какой-то момент ей принесли еду, потом заглянул Иратель, потом мальчишка-прислужник приплыл, чтобы взять Жи и погулять с ним. Джиад рассеянно поела, отзывалась на вопросы, говоря что-то вежливое, отпустила Жи, а потом, когда рыбеныш вернулся, заперла его в клетку. Алестар был прав, предупреждая, что у салру чешутся зубы: Жи с упоением жевал кожаный низ кровати и вообще все, до чего мог дотянуться. «Чудо, что он ножны тогда не съел, так же равнодушно подумала Джиад. — Хотя просто не успел. Кари привел рыбеныша как раз, когда короля убивали, значит, нож уже был у убийцы...»

Вот это было самым слабым местом размышлений. Ну откуда убийца мог знать, что Джиад однажды возьмет да и забудет клинок? Притом именно в тот день, когда король отпустил стражу. Слишком уж много совпадений!

За размышлениями она не заметила, как дверь качнулась. Иратель, все в той же темной тунике без украшений, поклонился ей низко,

почтительно, однако лицо начальника охраны было непроницаемо-бесстрастным.

— Пора? — спросила Джиад. — Что ж, я готова.

Она выплыла вслед за Ираталем, мельком оглянувшись на Жи, играющего с мослом, и невольно спросила себя, вернется ли в эту комнату, которую так ненавидела раньше?

В коридоре её ждал еще один поклон — от Дару — и такое же молчание. Охранник проплыл вперед, поправив перевязь, и Джиад зачем-то отметила, что нож в ножнах новый, не тот, близнец подаренного. Неужели перестал носить?

Но нет, спустя немного времени знакомый клинок обнаружился на поясе Кари, тенью следующего за Алестаром. Принц, выплывший из бокового коридора, не стал кланяться — хвала Малкавису — он только окинул Джиад упрямым жадным взглядом и проплыл вперед, в большую круглую дверь, отворенную изнутри.

Джиад последовала за ним и с любопытством окинула взглядом зал Совета. Помня роскошь подобного помещения во дворце Торвальда, она ожидала подобного и здесь, но сердце дворца поражало своей строгостью и почти скупостью отделки. Абсолютно круглый зал — даже пол и потолок сливались со стенами — был усеян шарами досыта накормленной и оттого сияющей туарры. У стен, примерно между полом и потолком, полукругом располагались кресла — тринадцать. Одно, посередине, имело фигурные подлокотники, изображающие салту, но больше ничем не выделялось. И все же Алестар проплыл именно к нему.

Джиад еще раз оглядела зал, гадая, куда деться ей самой.

— Вон там ваше место, — негромко подсказал Ирताल, указывая на странную площадку, закрепленную в центре комнаты. — Простите, я вас покину. Отвечайте Совету честно, и да хранят вас Трое.

Снова коротко поклонившись, он занял последнее свободное кресло рядом с Алестаром, а Джиад послушно проплыла в середину зала и обнаружила, что площадка для подсудимого имеет посередине круглое отверстие, явно рассчитанное на хвост, но и для ног вполне пригодное. Наполовину опустившись в него и взявшись за удобные поручни, глянула на дюжину знатнейших иреназе Акаланте во главе с королем.

Из них она знала только Ираталя, да неприятной неожиданностью стало присутствие в Совете обоих высших жрецов, Герласа и Тиарана. За ними — старик с холодно-неприятным и нездоровым лицом и еще двое, взирающие на Джиад с неприязнью, почти безразличностью. По другую руку от Алестара — незнакомцы. Шесть иреназе, все немолодые, в темном и с

тщательно заплетенными волосами разных оттенков золота, соломы и меда. И — Джиад вдруг поняла, что ошиблась в подсчетах, — на четырнадцатом кресле удобно устроившийся принц Эргиан, взирающий вокруг с вежливой приветливостью.

Для Алестара кариандец тоже стал неожиданностью. Высокомерно подняв бровь, молодой король холодно поинтересовался у Руаля:

— Господин старший советник, с каких пор число членов Совета увеличилось?

Вместо Руаля ответил Тиаран, наклонившись из кресла и сложив перед грудью ладони:

— Прошу прощения, что не успел предупредить вас, ваше величество. Тир-на Эргиан присутствует в Совете по моей просьбе. Сегодняшнее дело касается его напрямую.

— Каким образом?

Голос Алестара походил на ледяные осколки, но тон оставался безупречно вежливым.

— С вашего позволения объясню это позже, — сладко отозвался Тиаран.

Алестар пожал плечами и бросил, старательно глядя мимо Джиад:

— Советник Иратель, доложите обстоятельства.

Размеренный ровный голос Ирателя, усиленный отражением от стен, зазвучал, легко достигая ушей каждого в зале. Джиад внимательно слушала, жалея о табличке с записями, оставшейся в спальне. Впрочем, ничего нового начальник охраны не сказал.

Кровь на ноже Джиад принадлежит королю. Нож Дару и Кари, проверенный целителями, чист. Охрана была снята по распоряжению самого короля, это свидетельствует советник Руаль. Курьер отлучался трижды. Первые два раза совсем ненадолго, за тинкалой, которую для его величества всегда держали горячей в специальном сосуде на кухне. Естественно, тинкалу готовили под присмотром, а целители исключают отравление. Третий раз король послал курьера за документами. Следует отметить, — Иратель запнулся, но продолжил так же монотонно, — что данные документы уже находились у его величества, так что мотивы его поступка неизвестны...

Не переставая слушать, Джиад взглянула на Алестара. Молодой король был бледен. А может, так казалось из-за непривычно темной туники? Нет, вот и губы почти сливаются с лицом. Сердце Моря, впервые увиденное Джиад — фальшивое, напомнила она себе — пульсировало на груди короля тревожным багровым огоньком, словно настоящее сердце, в

собственном ритме.

А Иратель продолжал, размеренно перечисляя точно установленные обстоятельства. В том крыле дворца — иреназе назвал крыло плавником — почти никого не было в день праздника. Стража, стоявшая дальше убранного поста, видела только Джад и Кари, по очереди проплывавших в поисках салру. Стражники не видели и не слышали ничего подозрительного, курьер плавал не мимо них, а другим путем. Тревогу подняли амо-на Герлас и Тиаран, когда нашли тело его величества короля Кариалла...

«Мог ли тот жрец, что остался наедине с телом, украсть Сердце Моря? — подумала Джад. — По времени мог, но позволила бы это магия самого Сердца?»

Ах, как будет жаль, если её все же осудят, не дав разобраться в этой загадке до конца. Никогда Джад не попадался такой клубок хитросплетений. И уже не попадется, если только...

— Амо-на Тиаран, — ледышками рассыпался голос Алестара, когда Иратель, иссякнув, замолчал. — Вы обвиняете мою избранную, хотя ни одного прямого доказательства у вас нет. Никто не видел её в то утро с ножом, которым совершили преступление. На двери её покоев нет замка, и нож мог взять любой. Каи-на Джад не знала, что отец удалит охрану. Значит, не могла замыслить преступление заранее. И, наконец, если бы она это сделала, то ничто не мешало ей забрать нож. Вы не хотите отказаться от обвинения?

— Боюсь, что нет, ваше величество. Теперь, рассудив и учтя все обстоятельства, я готов признать, что в этом деле много странностей...

«Еще бы тебе это не признать, — подумала Джад. — Что же не так с показаниями курьера? Время...»

— Я даже могу предположить, — мягким сочувствующим голосом продолжал Тиаран, — что преступление не было подготовлено заранее. Но оно свершилось. То ли ненависть к вашей семье взяла верх над рассудком этой... женщины, то ли вековая вражда двуногих к нашему народу...»

— Моя избранная не из Аусдранга, — с тем же ледяным высокомерием бросил Алестар. — У её народа нет вражды с иреназе.

— Она двуногая! Земное отродье... — прорычал со своего места Герлас. — Я требую раскрытия мыслей! Пусть докажет, что ей нечего скрывать!

— Да вы с ума сошли, Герлас! — ледяное спокойствие Алестара треснуло и разлетелось на сотни звенящих, смертельно острых осколков. — Раскрытие мыслей переживают пятеро из десяти! Да и те...

— О, но мысль неплоха... — вкрадчиво прозвучало со стороны Тиарана. — Я бы провел раскрытие как можно бережнее...

Джиад не знала, о чем идет разговор, но по лицу Алестара, подавшегося вперед из кресла, поняла: предложенное жрецами смертельно опасно. Раскрытие мыслей? Божий суд, как это принято у некоторых народов, или нечто более утонченное?

— Ваше величество, — вставила она в миг тишины. — Не могу ли я узнать, о чем говорят почтенные амо-на?

— В любом случае этого не будет! — отрезал Алестар.

— И все же?

— Его величество, — со змеиной улыбкой сообщил Тиаран, — отвергает самый легкий путь узнать истину. Опытный жрец, раскрыв мысли разумного существа, точно видит, что именно было им совершено...

— А потом существо умирает или остается безумцем, — процедил Алестар. — Не доказав вину Джиад, вы решили убить её иначе?

— Если ей нечего скрывать, разум не станет сопротивляться, — невозмутимо парировал Тиаран. — Но если ваша избранная совершила это чудовищное преступление или... покрывает кого-то другого...

— Я согласна! — услышала Джиад собственный голос.

— Нет!

— Я согласна, — повторила она, глядя в упор на Алестара и молясь Малкавису, чтоб просветил разум этого дурня.

Неужели не понимает, что замыслил жрец? Да, возможно, доказать ее вину он и не сможет. Но при этом на самого Алестара ляжет грязная липкая тень подозрения, от которой рыжий уже не отмоеся.

— Вы не можете запретить ей, ваше величество!

— Я... Джиад, ты тоже сошла с ума?

Забыв обо всех, кто смотрел на них сейчас, Алестар глядел на Джиад. Отчаянно, испуганно... Джиад медленно покачала головой.

— Нет, ваше величество. Но у меня есть одна просьба. Или, если хотите, условие...

— Какое?!

Джиад вздохнула. Время будто сжалось в тонкий луч, и она чувствовала, как этот луч пронзает насквозь ее память. Джиад посмотрела на жрецов, сидящих рядом. Алчный блеск в глазах Тиарана, презрительная ухмылка Герласа... Глубинный жрец — понятно, но откуда такое торжество у служителя Трои? Он ведь не может не понимать, что испытание выявит невиновность. Если только... Испытание будет нечестным? Или... Ему как раз только оно и нужно!

В памяти Джад вспыхнула сцена в саду короля. И липкие щупальца, лезущие к ней в сознание.

— Я прошу, — сказала она ясно и четко в наступившей тишине, — чтобы испытание провел амо-на Герлас.

Изумление в глазах одного и разочарование во взгляде другого на мгновение показались вполне достойной наградой за опасность.

— Я не такой мастер, как Тиаран, — спустя несколько мгновений угрюмо признал Герлас.

— Ничего, — усмехнулась Джад. — Мне достаточно вашего слова, что вы сделаете это честно и не желая причинить намеренный вред. Я рискну.

— При всем моем глубоким уважении к присутствующим... — раздался вдруг мягкий и будто скупающий голос с самого конца ряда. — Могу я спросить?

Дождавшись общего внимания, Эргиан невозмутимо продолжил:

— Насколько я понял, данная процедура способна повредить этой... двуногой, так? Тогда, как посол Карианда, я решительно против. Если эта... как ее там... Джад обезумев, запечатление может передать болезнь тир-на Алестару. Моя сестра не заслужила быть супругой безумца.

Холодное презрение, равнодушная брезгливость... Куда подевался любезный веселый партнер по игре в риши? Джад растерянно закусила губу. Несомненно, это тоже было частью игры, но что хотел выиграть кариандец? Он приплыл с Тиараном...

— Я предлагаю поставить вопрос на голосование, — сказал один из советников. — Мы слышали достаточно и можем рассудить по своему разумению, виновна ли эта женщина.

— Вы пристрастны, Герувейн, — тихо сказал старик с изможденным лицом. — Она спасла вашу дочь. Вам не следует голосовать.

— Она заняла место вашей дочери, — парировал отец Эруви, — тогда и вам не следует голосовать тоже, Руаль.

Старик-советник выпрямился и сверкнул глазами, открыл было рот, но ничего не сказал, только впалые щеки нездорово побагровели. Джад подумала, что следовало бы позвать целителя. На всякий случай... Руаль тяжело осел в кресле.

— Пусть будет голосование, — стынущим от отчаяния голосом сказал Алестар. — Я слушаю вас, каи-на. Будьте мудры, справедливы и милосердны, как велит Трое.

Он закусил губу, на глазах бледнея еще сильнее и алея скулами.

— Виновна, — уронил кто-то незнакомый со стороны жрецов.

— Невиновна! — громко сказал Иратель и обвел всех тяжелым взглядом.

— Виновна.

— Виновна... — скривил губы кто-то еще.

— Невиновна, — твердо заявил отец Эруви.

— Виновна... — прошелестел из кресла Руаль.

— Виновна, — подтвердил Тиаран.

— Виновна...

— Невиновна...

— Невиновна.

— Ви... — начал неуловимо знакомый Джад иреназе, но тут же, страдальчески передернувшись, поправился: — Невиновна.

Судя по удивлению Тиарана, этого жрец не ожидал. Под гневным опаляющим взглядом амо-на советник стыдливо опустил глаза и стал так похож на провинившуюся Миалару, что Джад, поняв, чей это отец, и сама удивилась подобному голосованию.

Последним остался Герлас. Пять за оправдание против шести за обвинение... И ненавидящий её жрец Глубинных. Джад вздохнула и постаралась убрать из сознания позорный страх. Ну что ж, бывает... Малкавис знает, что она не виновата.

— Невиновна, — с отвращением буркнул Герлас и рявкнул: — Не смотрите на меня так, Тиаран! Девчонка не дура. Я бы и сам не дал вам залезть мне в голову. Но если уж она готова была пустить туда меня... Не знаю я, понятно? А вдруг все же не она?!

«Малкавис и Трое... — выдохнула про себя Джад. — Неужели...»

— Шесть против шести! — ликующе выкрикнул Алестар. — И мой голос...

— Недействителен, тир-на, — мурлыкнул разъяренным тигром Тиаран. — Право, я в затруднении. Но есть предложение. На Совете присутствует незаинтересованное лицо. Юноша королевской крови, облеченный высшим доверием...

— Это он-то незаинтересованное?!

«А вот и козырь из рукава, — поняла Джад, глядя, как расцветает любезная улыбка на губах кариандца. — Мы думали, что играем в риши, но там все фишки сразу на доске. А это были карты, оказывается. Только вот чей это козырь? Точно ли Тиарана?»

— Он не имеет права голосовать, — с упорством отчаяния процедил Алестар. — Он не кай-на Акаланте.

— Скоро будет, — хмыкнул Тиаран. — Дело пары дней.

— Я уступаю ему свое место в совете прямо сейчас, — проскрипел Руаль. — С сохранением моего сегодняшнего голоса. Пусть решает кариандец.

— Пусть решает, — поспешно заявил кто-то еще, радуясь возможности переложить бремя выбора на чужие плечи.

— О, я горд таким доверием... — начал Эргиан.

Дверь отворилась. Торопливо вплыв, Кари наклонился к принцу, что-то ему сказал. Алестар недоуменно пожал плечами. Кивнул. Кари повернулся, и Джад увидела на его поясе ножны злосчастного ножа. Покореженные, изжеванные старательными острыми зубками. Картина из сотни кусочков, великолепнейшая партия в риши щелкнула — и сложилась в ее разуме.

Она привстала, готовясь сказать то, что еще только просилось на язык, но Эргиан опередил. Обведя взглядом и Джад, и закусившего губу Алестара, и ожидающих советников, он мягко промолвил:

— Невиновна.

— Что? — выдохнул Тиаран. — Невозможно...

— Ну, простите, — пожал плечами кариандец. — Но та, кто так играет в риши, не сделала бы подобной глупости.

— Иратель! — громко и звонко спросила Джад единственное, что еще должна была узнать. — Скажите, ножи совершенно одинаковы?

— Нет, — незамедлительно отозвался начальник стражи. — Ваш на две ширины пальца короче и чуть уже. Почти незаметно.

— Для хороших ножен и это важно, правда, господин Кари? — спросила Джад в обрушившейся тишине. — Они тоже разные. Потому вам и пришлось менять нож вместе с ножнами. А их — вот незадача, успел погрызть Жи. Я все думала, почему не сходится по времени? А вы привели его и заперли в комнате раньше. Увидели ножны с ножом на кровати. И когда ваш нож остался в ране короля, вы просто вернулись и взяли мой.

— Боги, — восторженно выдохнул Эргиан. — Какой игрок...

Про кого он это сказал, Джад так и не поняла. Не успела понять. Кари рванул к выходу, потом, забив хвостом, попятился в воде...

— Ложь! — неправдоподобно громко сказал Руаль. — Мальчик невиновен. Кариалла убил я.

— И это действительно так... — сказал кто-то в дверях. — Я подтверждаю. Но госпожа Джад тоже права. Их было двое.

— Санлия? Ты?

Никто не смог бы сейчас осудить Алестара за растерянность. Джад и сама замерла, во все глаза глядя на появившуюся в дверях наложницу.

ГЛАВА 16. Родственная верность

Алестар смотрел на Санлию — и не узнавал ее. Куда исчезла томная красавица, всегда безупречно наряженная, причесанная и покрашенная? Самая соблазнительная из дворцовых жемчужин удовольствия сегодня выглядела простолюдинкой в скромной темной тунике, с туго заплетенными волосами и без единого украшения. Алестар понял вдруг, что впервые видит настоящее лицо Санлии, смуглое, с тонкими резкими чертами, не смягченными краской. Лицо истинной суаланки.

Санлия медленно проплыла внутрь зала, далеко обогнув так и застывшего посередине Кари. Остановилась перед креслами Совета, то ли гордо, то ли беспомощно закинув голову, словно тяжелая толстая коса тянула ее назад. Что-то во всем этом было неправильное...

Джиад! Теперь в центре зала их было трое: Санлия, Кари, то ли растерянно, то ли зло озирающийся вокруг, и Джиад внутри обруча, ограждающего место подсудимого, скованная им в движениях. Беспомощная...

— Иратель! — резко приказал Алестар, легко перекрыв голосом поднявшийся в зале шум. — Стражу сюда!

Начальник охраны и сам уже плыл к открытой двери, а добравшись, крикнул что-то в коридор. Дальше все случилось сразу — и потому безнадежно быстро. Вильнув хвостом, Кари рванулся к Джиад, выхватывая из ножен тот самый клинок. Жрица прикрылась рукой в обручальном браслете, попыталась дернуться в сторону, но не смогла — кресло-обруч вокруг пояса превратилось в ловушку.

— Стражу! — снова закричал Алестар, тоже срываясь с места.

До середины зала было гребков пять-шесть, но он оказался там за один бесконечно длинный вдох. Отпихнул прянувшую в сторону Санлию, успел понять, что сам безоружен, и просто повис на плечах у Кари. Изогнулся всем телом — и закрыл лицо охранника веером хвоста, ослепив. Глупый детский прием, опасный для самого бойца, совсем не для настоящей драки, — и потому Кари на несколько бесценных мгновений растерялся. Закрутился, отвернувшись от Джиад, попытался то ли скинуть Алестара, то ли спихнуть его плавник, потом опомнился и ударил ножом. Раз, второй, третий...

Вокруг что-то кричали, кипела и бурлила вода. Алестар почуял в ней вкус крови даже раньше, чем ощутил боль. Кари бил вслепую и наотмашь,

но промахнуться ему было бы сложно. Сначала нож скользнул по чешуе, потом рассек плавник, вонзился в основание хвоста, распоров его. Перед глазами Алестара все заволкло радужной чернотой, он подавился вдохом. Кари ударил снова — в то же место. Упрямо обхватив мощные плечи, Алестар держался, стиснув зубы, даже не пытаясь добраться до жабр врага, чтобы не сорваться с бешено извивающегося тела. Да где же стража?!

Словно штормовая волна обрушилась на их сцепленные тела, закрутила, завертела — и оторвала друг от друга. Мелькнуло серебро чьего-то хвоста, широченная спина — Алестар от изумления глотнул воды. Дару! Старший из близнецов, оказавшись между ним и Кари, прикрыл Алестара собой, что-то крикнул — оглохший от боли Алестар не расслышал — раскинул руки, преграждая путь младшему. Подоспевший Иратель оттащил Алестара. Кто-то из советников кинулся к Джад, помог ей выбраться. Алестар дернулся в ту сторону, но тут же, будто ужаленный скатом, снова обернулся к близнецам. Те замерли в каком-то странном объятии — слишком неловком, неправильном... Потом Кари вывернулся из рук брата, поплыл к двери — и оказался перед острием остроги стражника. Пока ему заламывали руки, Дару, покачнувшись и дернув хвостом, как-то сгорбился, согнулся... Зажал руками живот, медленно поворачиваясь — сквозь пальцы сочилась чернота крови.

— Джад!

Алестар торопливо подплыл к жрице, возле которой оказалось сразу двое: Герувейн и... Эргиан. Этому-то что надо? И где Руаль?!

— Советник... — закашлявшись, подсказала и жрица, крутя головой по сторонам.

У двери круговорот тел и хвостов наконец распался — Кари связали ремнями от портупей и крепко держали. Иратель! Санлия! Руаль! — Алестар не знал, в какую волну кидаться сначала. Нет, все-таки Руаль.

Он нашел взглядом советника, так и сидящего в кресле. Тот был бледен грязной, болезненной, желто-серой бледностью. На обрюзгшем лице жили только глаза. О, какой исступленной ненавистью они горели.

— Иратель, стражу к советнику! — велел Алестар сквозь боль, что взбесившимся прибоем катилась от хвоста по всему телу. — Глаз не спускать! Где Санлия? И целителя сюда!

— Успокойтесь, тир-на. Все будет сделано. Вы... вы ранены? Целителя! Целителя его величеству!

Иратель хлопотал вокруг, и Алестар уже хотел послать его заняться настоящим делом, но все и так шло верно. По бокам от кресла Руаля появилось двое гвардейцев, совершенно ошалевших, но старательно

исполняющих приказ. Еще один бдительно замер возле Санлии, жмущейся к стенке. Впрочем, наложница выглядела на удивление спокойной наперекор творящемуся вокруг безумию. Советники, привстав с мест, благоразумно не лезли в суматоху, но переговаривались в голос, и зал бурлил от их вскриков, команд Ираталя и плавающих гвардейцев.

— Да не мне целителя, а Дару! — огрызнулся Алестар. — Мне... потом...

Его все-таки усадили в кресло, и примчавшийся паренек в форменной тунике кинулся осматривать хвост.

— Я сказал — потом! — рявкнул Алестар, отпихнув слишком ретивого лекаря и едва не взыв от резкого движения. — Вон раненый!

Парнишка, не смея послушаться, поплыл к Дару. Склонился над почти опустившимся на пол охранником, охнул...

Джиад! Где она? Алестар беспокойно отыскал взглядом Джиад. Жрица была совсем рядом, для нее освободили соседнее кресло.

— Как ты?

Алестар торопливо искал следы крови — и не находил.

— Со мной все хорошо, тир-на, — сказала Джиад негромко, но Алестар услышал ее сквозь гвалт и чуть не всхлипнул от облегчения.

— Плыви сюда, — попросил он, чувствуя, как огромный краб впился в плавник и теперь поднимается по хвосту вверх, раздирая его клешнями.

Сначала было полегче, так всегда с ранами — уж это он знал. Но теперь первое онемение прошло — и хотелось выть от боли. Алестар закусил губу, пытаясь отвлечься. Кари... Как это возможно? Почему? И при чем тут Руаль? Но теперь-то он получит ответы на все вопросы! И Джиад цела и невредима, а все обвинения жрецам придется снять. Ради этого стоит вытерпеть любую боль!

Он через силу улыбнулся подплывшей жрице, стараясь не коситься на хвост, который будто кипятком ошпарили. И тут все-таки налетел Невис, причитая, что следует немедленно зашить рану на плавнике, не хочет ведь его высочество, то есть величество, утратить чувствительность?!

Алестар, у которого перед глазами все плыло, качалось и заволакивалось пеленой, вяло согласился, что не хочет. Чувствительность хвоста — это важно... Джиад молча взяла его пальцы, и Алестар удивился этому чуть ли не больше, чем всему остальному. Но такой уж сегодня был день, видно.

— Выше, — сказал он ей, косясь на большую кривую иглу, в которую Невис вдевал тонкую блестящую нить — сухожилие салту. — Возьми меня за руку, только выше, чтобы я тебя не держал.

— Вы забыли, ваше величество, — сказала она все так же негромко, — у меня не самые слабые пальцы. Уж как-нибудь потерплю.

— А, ну да, — криво усмехнулся он, когда Невис воткнул иглу и сделал первый стежок, — я помню...

Он действительно вспомнил и золотые браслеты, скомканные, словно были сплетены из водорослей, и сломанный лоур. Пальчики у его избранной и вправду не из слабых. И все-таки, когда игла пошла дальше и Алестару показалось, что его плавник окунули в лаву, он изо всех сил стиснул на подлокотнике кресла пальцы левой свободной руки, а не правой, которую держала жрица. А потом успел подумать: он впервые рад тому, что Джад — человек и запечатление на нее так не действует. Значит, никакая часть его боли ей не достанется — хвала Матери Море.

Алестар полулежал рядом, прикрыв глаза, не шевелясь, и Джад видела, с каким трудом ему это дается. Роскошная перламутровая вуаль хвостового плавника была рассечена почти надвое, Невис что-то бормотал, работая иглой со шнуровкой опытного лекаря, и под его ловкими руками на мягком серебре хвоста оставался ровный, но заметный шов. А ведь это, наверное, очень больно, вон как дрожат ресницы принца и напряжена шея. Самой Джад раны зашивали не так уж часто, но случалось... А ведь выше плавника, на конце хвоста, нож Кари вспорол и чешую.

Вздохнув, она чуть сильнее сжала пальцы этого балбеса, который кинулся в драку, снова забыв о том, что Акаланте нужен живой король. Чем только думал? Явно не головой, а как раз тем, что сейчас пострадало. И вроде бы ей грех злиться, ведь спасал-то Алестар как раз ее, но ради Малкависа, когда же он начнет думать?

И все-таки... все-таки, это было странное, но приятное чувство — вдруг понять, что недавний враг без раздумий готов заслонить тебя собой. Такого она могла бы ожидать от Лилайна, но уж никак не от Алестара.

Однако думать следовало о другом. Джад обвела зал пристальным взглядом, отметив, что теперь, когда от Ираталя требовалось не найти преступника, а навести порядок, начальник охраны справлялся гораздо лучше. Вот если бы еще не промедлил с Кари. Когда она высказала мгновенное озарение, накрывшее при виде погрызенных ножен, то не думала, что события примут такой оборот. О, конечно, убийцу следовало разоблачить, но вот появление Санлии — это оказалось настоящей неожиданностью. Хотя если поразмыслить, то наложница выбрала очень верный момент. Теперь, что бы она ни рассказала, ее услышит вся верхушка Акаланте, и никто не сможет исказить слова Санлии к

собственной выгоде. И потому наложницу хотя бы сейчас следует беречь, как величайшую драгоценность. Впрочем, как и Руаля.

Советник, между тем, отказался от помощи подплывшего к нему целителя и продолжал сидеть в кресле, разглядывая зал. Почему он взял на себя вину Кари? Вот над чем ломала теперь голову Джад. Или убийц в самом деле было двое, как сказала Санлия? Советник и охранник? Что ж, это в самом деле вполне укладывалось в картину, склеенную Джад из домыслов и фактов.

Алестар беспокойно дернулся, пошевелил рукой, которую она держала.

— Уже все, ваше величество, — успокаивающе проговорил Невис. — Сейчас я дам лекарство, и вы уснете. Сон вам необходим...

— Невис, вы с ума сошли? — сквозь зубы спросил принц, но тут же извинился: — Ох, простите... Никакого снотворного, слышите? Я не хочу проснуться и узнать, что кого-то еще убили или похитили. Мы разберемся с этим делом прямо сейчас.

Если бы кто-то спросил мнения Джад, она бы всецело поддержала эту мысль. А вот Тиаран так не считал. Подплыв к креслу Алестара, верховный жрец Трои х склонился в почтительнейшем поклоне и произнес:

— Ваше величество, позвольте выразить восхищение вашим мужеством. Но сейчас следует подумать о здоровье, ведь ваша жизнь — величайшая ценность королевства. Что может случиться сейчас, когда преступник изобличен и схвачен...

— Что угодно! — отрезал Алестар и с явным удовольствием добавил: — Полагаю, теперь-то мы узнаем правду. Не забудьте принести извинения моей избранной, амо-на.

Привстав в кресле, он махнул рукой Ирталю, и пара дюжих гвардейцев подтащила к королевскому креслу связанного Кари.

Джад посмотрела сначала на охранника, уставившегося мимо всех, в пустоту, застывшим взглядом, потом на Дару, возле которого все еще хлопотали целители. Еще одна не просто странность, а невозможность. Близнецы были не просто по-братски близки, они, как ей казалось, ощущали себя единым целым. Кари же ударил брата и, возможно, убил — вон как тревожно звучат переговоры лекарей. И ни капли раскаяния? Да он даже не оборачивается в ту сторону, чтобы посмотреть на раненого брата! А может, все это игра, чтобы уберечь Дару от королевского гнева?

— Это ты убил отца?

Алестар спрашивал негромко и без тени гнева, но от его голоса мороз почему-то пробежал по коже. Джад затаила дыхание.

— Спросите у двуногой, — сказал, как выплюнул, Кари.

— Я спрашиваю тебя, — еще тише и страшнее сказал Алестар. — Причем в последний раз. Не заговоришь сам — здесь недавно предлагали раскрытие мыслей. До твоего рассудка мне дела нет, пусть жрецы тебя выпотрошат, как рыбу, — я их только поблагодарю. Ну что, будешь говорить?

Такого Алестара она еще не видела. Пожалуй, он умел думать не только хвостом. И, доведенный до бешенства, был очень опасен.

— Сами знаете, — так же равнодушно бросил Кари. — Она все правильно угадала. Это я убил короля, а потом взял нож, который она бросила на кровати. Если б не этот мелкий выродок...

— Зачем?

Джиад не могла сказать ни слова — просто не должна была вмешиваться, так что она снова сделала то единственное, на что имела право: чуть крепче сжала пальцы Алестара, молясь Малкавису о даровании справедливости.

Кари равнодушно пожал плечами. Потом все же разомкнул губы:

— Он мешал. Узнал то, что не должен был...

— Молчать! — прогремел вдруг голос Руаля — невероятно сильно для столь изможденного тела. — Ни слова больше!

— Вы! — разъяренной коброй обернулся к нему Алестар. — До вас еще очередь дойдет... советник!

— Уже нет, — презрительно усмехнулся Руаль. — Вы забыли, что я отдал свое место? Кстати, мои поздравления, мальчик. Далеко проплывешь...

Эргиан, к которому на мгновение оказались прикованы все взгляды, изящно поклонился и улыбнулся. А Джиад сделала еще одну заметку — поговорить с Алестаром о кариандском принце, который так хорошо играет живыми фигурами.

— Так вот, ваше величество, — снова с холодной издевкой улыбнулся Руаль, едва растягивая тонкие узкие губы, — мальчик врет. Он любил Кассию, вот и покрывает меня, глупый малек, будто мне это нужно. Кариалла убил я. Забрал у Кари нож — и убил. А потом он вспомнил, что видел брошенный нож двуногой. Кто же знал? Умная девка, жаль, что я ее раньше не разглядел. Думал, обычная наложница с дурью в голове... А надо было с нее начинать...

Джиад сильно, до боли сжала руку Алестара — и тот опомнился, закрыл рот, не перебив Руаля, как явно собирался.

— Так вот... — повторил советник, набирая побольше воды тяжелым

мучительным вдохом.

В совершенной тишине зала каждый всплеск был бы слышен, но все замерли, боясь даже шелохнуться, только в углу лекари молча колдовали над Дару.

— Боги посмеялись надо мной, — бесстрастно проговорил Руаль, отведя взгляд от лица Алестара и глядя куда-то вдаль, на что-то, видимое только ему. — Это ты должен быть умереть тогда, бешеный тупой мальчишка, наглая развратная дрянь. Ты, а не она. Все было так хорошо придумано...

— Что? — выдохнул Алестар. — Что... вы...

Он выдернул руку из ладони Джад, зашарил, ища оружие, на поясе — пустом, разумеется. Всем телом подался из кресла навстречу словам Руаля, с лицом, искаженным болью то ли от раны, то ли от услышанного, то ли от всего вместе.

— Я только не знаю, как Кариалл узнал об этом, — размеренно ронял каждое слово умирающий старик. — Но это и неважно. Все вы — проклятая кровь. Я ошибся. Не нужно было позволять моей девочке принимать эту кровь в себя. Я думал, если избавиться от тебя, Кариалл все равно долго не протянет. А я... я бы воспитал малыша истинным правителем Акаланте. Как бы не так. Проклятье убило их. Мою Кассию и моего внука...

— Зачем же сваливать на проклятие собственное преступление? — хрустально прозвенел вдруг от стены голосок Санлии, про которую все позабыли, замороженно слушая Руаля. — Это ведь не проклятие подкупило чистильщика, чтоб тот намазал ремни салту зельем. Иногда боги справедливы, признайте это, каи-на.

— Молчи! Молчи... тварь... — обернулся к ней Руаль, тяжело дыша. — Так вот кто... Ох, что же ты не сдохла...

— Кассия была беременна?!

Крик Алестара оборвал и слова Руаля, и гомон, нарастающий в зале.

— Вы убили мою Кассию? Собственную дочь? Будьте вы прокляты, Руаль! Будьте вы прокляты и Тремя, и Глубинными!

— Он уже проклят, — тихо сказала Джад, изнывая от бессильного сострадания.

Лицо Алестара на глазах превращалось в маску боли.

Где же это проклятое запечатление, когда оно нужно? Видит Малкавис, она Алестару не друг и не возлюбленная, но не должен кто угодно оставаться наедине с таким горем. Придвинувшись и снова чуть ли не силой взяв руку юного короля, она почувствовала, как дрожат его

пальцы.

— Я и так проклят, — эхом к ее словам сказал Руаль, выпрямляясь еще сильнее. — Что ты добавишь к моему наказанию? Ты, возомнивший себя королем и наследником правителей Акаланте. Пустая ракушка. Гнилая водоросль. Мурена на троне. Думаешь, тебя хоть кто-то любил, кроме моей малышки Кас? Эта суаланская дрянь, которая теперь рада меня утопить, поила тебя гарнатой. Спала с тобой, а сама мечтала, чтоб ты сдох. Спроси ее об этом. А заодно о ее сестричке, что дурачила весь дворец, прикидываясь служанкой. Суаланские мурены, зубастые и ядовитые. Что, Герувейн, ваша дочь выжила? Держите ее подальше от нашего короля — ему привычно прикрываться от смерти влюбленными девочками. Даже двуногую — и ту для этого приспособил. Везучий твареныш.

— Замолчите, — прошептал белый и полупрозрачный Алестар. — Замолчите, Руаль...

— Иначе — что? Убьешь меня? Старика, что уже и так мертв? Дурак, ты даже не понял, что я умираю не из-за тебя. И не из-за Кариалла. Я лишил Акаланте наследника, собственного внука. И других уже не будет — а ты и не узнаешь, почему. Это тебе мой последний подарок на память о Кассии. Ты сдохнешь, не оставив потомства, и ваша проклятая кровь перестанет отравлять море. Будьте вы прокляты оба, мальки Ираэли. Сожрите друг друга!

— Остановите его! — крикнул Эргиан.

«И снова кариандец понял раньше всех», — отрешенно подумала Джаад, видя, как Руаль поднимает руку к лицу и будто проводит ею по губам. Легкий быстрый жест — и почти сразу взгляд советника остекленел, погас. Люди, потеряв сознание, падают на землю. Иреназе держит вода, милосердная к ним даже в такой малости. Руаль просто обмяк в кресле безжизненной — в этом не было никаких сомнений — грудой.

— Невис! — крикнул Алестар, шевельнув хвостом и вскрикнув от боли. — Иратель! Спасите его!

— Некого спасать, — со вздохом сообщил кариандец. — От формей противоядия нет. Как же я раньше не понял, чем тянет в воде...

* * *

Название одного из страшнейших ядов — мгновенного и в самом деле безнадежного — прозвучало приговором. Но Алестар вместо страха или жалости почувствовал только разочарование. Руаль должен был ответить на вопросы! А еще он должен был расплатиться! Хотя... как? Что можно было сделать с советником страшнее того, что он уже сотворил с собой? Кассия...

У Алестара перехватило дыхание от тяжелой мучительной горечи, поднявшейся откуда-то изнутри и заполнившей его целиком. Кассия, его Кассия... Его любовь... Почему она не сказала ему?! Разве дал бы он ей сесть на салту и отправиться на Арену?! Да он бы капле грязной воды не позволил коснуться... Почему? Как она могла скрыть такое? Зачем?!

Боль души была столь сильна, что он забыл даже про рану, и только шевельнувшись, снова закусил губу. Голоса и прочие звуки доносились словно издалека или через преграду, он слушал — и не слышал их. Во всем мире осталось только одна связь с жизнью — крепкие пальцы, сжимающие его запястье. Джиад... Она здесь, рядом. Ему нужно быть сильным ради нее, а потом он вспомнит и остальные причины.

С огромным усилием, глубоко вдохнув, Алестар отогнал видение кровавой мути над песком Арены. Не сейчас! Он не может позволить себе сдаться на последнем повороте!

— Невис! — сказал он вслух, с трудом узнавая собственный голос. — Дайте мне что-нибудь... хотя — нет. Принесите тинкалы. Обычной горячей тинкалы. Мне и всем остальным. Совет продолжается.

— Ваше величество! — ахнул кто-то рядом.

— Совет! Продолжается!

Он откинулся в кресле, подтянув руку, которую держала Джиад, и накрыв ее другой ладонью. Нашел взгляд Ираталя, начальник охраны торопливо подплыл.

— Пошлите кого-нибудь за тинкалой, — велел Алестар сквозь шумящий в ушах прибой. — Остальных не выпускать. Кари... Где он? И Санлия...

— Оба под надежной охраной, ваше величество.

Иратель склонился особенно низко, и Алестар про себя усмехнулся. То ли делает вид для остальных членов Совета, то ли и вправду счастлив, что новый король отдает прямые и четкие приказы. Верный советник, надежный подданный, если хоть кому-то еще можно верить в этом королевстве. Но вот с должности начальника охраны Ираталя надо убирать. А кем заменить? Некем... Вот ведь проклятье!

Он снова обвел зал взглядом, не позволяя себе морщиться слишком явно, хотя жгучая боль поднималась от плавника все выше. Советники сбились в две кучи, как салту вокруг вожака. Двух вожаков, точнее. Центром одной группы стал Герувейн, второй — Тиаран. Вот и замечательно, теперь особенно хорошо все видно. Впрочем... отец Ми примкнул к Герувейну, так что и здесь все не так просто — Лорассу Алестар не верил по-прежнему ни на ломаную ракушку.

Жрец Герлас, мрачный и будто потемневший лицом, сидел в кресле, уставившись куда-то в стену. Про себя Алестар сделал заметку — непременно поговорить с ним. Сейчас Герлас растерян и должен чувствовать вину за то, что едва не помог осудить невиновную. Да, двуногих он не любит, но ведь речь идет о судьбе Акаланте! Не может глубинник совсем ничего не знать о заговоре.

Еще один, не примкнувший ни к какой группе, уютно устроился в кресле, подвернув хвост, словно у себя дома. Эргиан, кариандец. С ним тоже следует побеседовать. Эргиан вызывал у Алестара лютую смесь восхищения, зависти, неприязни и подозрения. Слишком умен, слишком расчетлив, слишком изящен в манерах и интригах. И когда это он играл с Джаад?!

Алестар снова пошевелился в кресле, вдруг поняв, что после окончания Совета сам добраться до спальни не сможет. Хвост болел так, будто в него впилась дюжина гигантских крабов... Ладно, придумает что-нибудь... Потом...

— Санлия! — позвал он, и плавающая у стены наложница вскинула голову. — Что ты можешь рассказать мне и Совету?

— Многое, ваше величество, — бесстрастно отозвалась суаланка. — Я могу рассказать все, что мне известно. Как и почему погибла ваша... каи-на Кассия, кто опаивал вас гарнатой, кто едва не убил каи-на Эрувейн и кто убил вашего отца, да примет его душу Мать Море. Но все это я расскажу не даром, а за клятву.

— Что? — изумился Алестар. — Ты требуешь клятву? От меня? И в чем же?

— В прощении вины. Точнее, не так. Я хочу помилования. Королевского помилования за любую вину, прежде чем начну говорить.

— Для себя? — мрачно уточнил Алестар, но Санлия покачала головой.

— Нет, ваше величество. Я приму все, что вы и Совет Акаланте присудите мне в качестве наказания. Видят Трое, моя вина действительно велика. Но я прошу помилования для моей сестры. Она виновна во многом, но больше виновен тот, кто толкнул ее на это.

— Твоя сестра...

Мысли путались, голова болела, и сейчас Алестару как никогда был необходим хороший совет. Согласиться ли на предложение, в котором чувствовался подвох? Он обвел взглядом советников, мечтая о глотке горячей сладкой тинкалы. Даровать прощение, не зная вины?

— Санлия! — вдруг пришла ему в голову мысль. — Твоя сестра

виновна в чьей-то смерти? Она убила хоть кого-нибудь?

— Нет, ваше величество.

Взгляд Санлии на мгновение вильнул в сторону, но тут же снова стал открытым и прямым. Правда, Алестару показалось, что эта открытость — от отчаяния, да и выглядела красавица-наложница уставшей и осунувшейся. Измученной...

— Нет, — повторила Санлия. — Она никого не убила.

— Тогда...

Алестар помолчал, собираясь с тяжелыми вязкими мыслями, подбирая слова, продолжил:

— Я клянусь, что если она не виновна ни в чьей смерти, то что бы она ни сделала, ей не вынесут смертный приговор. Клянусь, что учту все обстоятельства в ее пользу. И что приговор будет мягким настолько, насколько... это возможно. Ты согласна на это? И не просишь помилования для себя?

Санлия несколько мгновений смотрела на него совершенно чужим, незнакомым взглядом, которого он ни разу у нее не видел. Он вообще, оказывается, ничего не знал о женщине, с которой несколько лет делил постель, которой поверял тайны, спрашивал совета... Суаланские мурены — так назвал их Руаль. Мурены, свившие гнездо в самом сердце дворца.

— Я согласна, ваше величество, — сказала она ясно и громко в наступившей тишине. — Если вы поклянетесь в том, что обещали, Сердцем Моря.

Сердце! Она ничего не знает о том, что Сердце украдено? Алестар сжал руку Джад и почувствовал ответное пожатие — жрица его поняла. А ведь клятва на фальшивке будет недействительной...

Нет, он поклянется по-настоящему, не станет гневить богов и пачкать душу ложной клятвой.

Алестар положил свободную ладонь на фальшивку, тяжело оттягивающую цепь на шее. Слегка нажал, надеясь, что туарра внутри еще не проголодалась и откликнется на темноту вспышкой.

— Клянусь, — сказал просто. — Клянусь Сердцем Моря. Говори же.

— Все началось, когда каи-на Кассия поняла, что носит ваше дитя, — тем же бесстрастным ровным голосом начала Санлия.

Она говорила негромко, но каждое слово растекалось по залу, как волна, достигая ушей и сердец.

— Вы никогда не думали, ваше величество, что наложницы знают слишком много? Больше, чем положено затворницам, все время проводящим во дворце. Но к нам приплывают торговцы с тканями и

драгоценностями, портные и ювелиры, целители и просто слуги. У нас есть подружки из горожанок и даже каи-на. Все городские слухи и сплетни, все дворцовые интриги колышут воду в наших покоях. Каи-на Кассия... она была очень доброй и милой девушкой, мы от души любили ее. Другая бы на ее месте ревновала, старалась бороться за место рядом с вами, а она... Мы подружились в последний год. Она часто рассказывала мне, как боится за свое будущее рядом с вами. Точнее, что этого будущего не будет. Когда Кассия поняла, что беременна, она рассказала мне первой. Ей стало нехорошо... Самая обычная вещь в ее положении — тело откликнулось на приправы в тинкале рвотой. Я дочь целителя, я сразу все поняла — и она призналась. Видят Трое, я уговаривала ее рассказать вам. Клянусь в этом всем, что у меня осталось, — моей сестрой. Малышка... обещала. Она сказала, что расскажет сразу после Больших Гонок. Вы обещали подарить ей Золотой Жемчуг — помните? А она... она вбила себе в голову, что только весть о ее беременности станет достойным ответным подарком...

Санлия перевела дух и стиснула пальцы перед собой — единственное, что хоть как-то выдало ее чувства.

— Я знаю точно, кто кроме меня она рассказала лишь отцу. Они ведь были близки... Советник не желал вашего с ней брака, но Кассия была уверена, что теперь его мнение изменится. Она носила под сердцем дитя королевской крови! Будущего наследника, возможно! Даже откажи его величество Кариалл в свадьбе, ребенка ваша семья признала бы, верно?

— Я женился бы на ней, — прошептал Алестар, едва слыша собственный голос. — Я женился бы в любом случае. А уж ребенок... Это же милость богов! Отец бы согласился — я знаю.

— Верно, — согласилась Санлия. — Но советник... засомневался. Его величество мог дать будущему внуку статус всего лишь младшего принца, девочка тем более была не слишком большой ценностью. А вас он бы женил на кариандке — и получил законных внуков королевской крови по обеим линиям. Советник испугался — он ведь сам вел переговоры и знал, что Карианд отчаянно нуждается в союзе с Акаланте.

Она посмотрела на Эргиана, который так и сидел, свернувшись клубком и сплетя пальцы перед собой. Алестар тоже глянул на кариандского принца, который ни словом, ни взглядом не ответил, продолжая разглядывать зал Совета.

— Итак, — продолжила Санлия, теребя кончик черной косы, переброшенной на грудь, — он испугался. И дождался срока, когда целитель смог определенно сказать, что будущий ребенок — мальчик. Советник знал, что Кассия готовит вам сюрприз, а про меня она ему не

сказала — некрасиво ведь, что какая-то наложница сравнилась с родным отцом, став поверенной ее тайн. И тогда советник решил, что зять-король ему совсем не нужен. Достаточно внука-наследного принца. И дочери, которая станет матерью будущего короля.

— Откуда ты все это знаешь? — не вытерпел Алестар.

— Несложно было догадаться, — пожала плечами Санлия. — Вас любила Кассия, а вот ее отец — тот ненавидел. Вы ведь уговаривали его дочь пройти ритуал разрыва с городом и стать подданной другого владыки. Вы хотели запечатлеть ее, как положено, но Кассия могла и не пережить ритуал.

— Да не хотел я этого! — выкрикнул Алестар, подаваясь вперед и видя вокруг только жадные любопытные лица. — Я же понимал это! И отец понимал! Мы и так любили друг друга! Зачем нам было запечатление?

— Что ж, вам виднее, — опять пожала плечами Санлия. — Мне, признаться, тогда было не до Кассии. Я знала, что мне уж точно после вашей свадьбы придется устраивать новую жизнь, и была даже рада этому. Вдобавок во дворце появилась моя сестра. Об этом я расскажу позже, это важно... Наступили Большие Гонки. Еще немного — и положение Кассии стало бы видно всем. Она решила не дожидаться окончания Гонок и сказать вам пораньше. А вы, конечно, рассказали бы отцу... советник решил не рисковать. Если у короля не будет сына, то этот сын не сможет зачать еще одного наследника. И Руаль подкупил чистильщика салту, проигравшегося в чешую на Гонках, чтобы тот смазал упряжь зельем. Конечно, чистильщик бы ни за что не согласился, знай он о яде! Он был игроком, но верным подданным. Только вот советник сказал ему, что это средство просто не позволит вам победить. Мол, на вашу победу ставки делают все, так что настоящий куш можно сорвать только на поражении. А вот это чистильщик понял очень хорошо! Он тоже сделал ставку на ваш проигрыш — и смазал ремни зельем. Почти не измена... Ведь на Арене принцев нет.

— Откуда? — безнадежно повторил Алестар. — Это-то ты откуда знаешь?

— Руаль сам рассказал вашему отцу. Забавно, это я обвинила его в измене и том, что он велел травить вас гарнатой. Но про Кассию... Такого я и предположить не могла! Советник сам признался королю во всем. Он источал яд ему в лицо рассказом, как травил его сына, как убил свою дочь вместо него — и продолжил травить. А я слышала каждое слово. О, я и подумать не могла, чем все кончится!

— Руаль обвинила в измене ты?!

Алестар окончательно перестал что-то понимать. Санлия улыбнулась

без тени веселья.

— Минуту терпения, — попросила она. — Я все расскажу.

Алестар молча кивнул и снова пожал пальцы Джад, потом погладил. Он не смотрел в ее сторону, но молчаливое присутствие жрицы помогало сохранять рассудок и силы.

В дверь проскользнул гвардеец с гроздью кувшинчиков тинкалы, что-то зашептал Ирталю. Тот тихо переспросил, затем наугад выбрал один из кувшинчиков и подплыл к креслу Алестара.

— Вот, — протянул ему тинкалу. — Семариль варил сам под надзором целителей и поваров. И продукты проверены...

Алестар молча взял кувшинчик, приложился к горлышку, отпил. Тинкала была уже не очень горячей, но в меру сладкой и сваренной весьма недурно.

— Дайте еще один, — велел он. — И раздайте остальным, кто захочет. Мы еще долго отсюда не выплывем.

Второй кувшинчик он передал Джад, и жрица приняла его, шепнув «благодарю, ваше величество».

Пока тинкалу передавали по залу, Санлия вновь заговорила.

— Теперь мне придется рассказать о своей сестре. Кариша младше меня на четыре года. Мы... очень любили друг друга, всегда... Когда отец погиб, а я пропала в Акаланте, Кариша осталась одна. Она была уверена, что я тоже погибла, но потом пришла весточка, что я жива, только не могу вернуться. И сестра бросилась на мои поиски. В Акаланте найти меня оказалось нетрудно: во дворце всякий знал историю наложницы из Суаланы. Кариша... она возненавидела вашу семью. До тех, кто сломал мою судьбу, она добаться не могла, я и сама не знала, кто они, но войну, на которой погиб отец, а я попала в плен, вел король Акаланте. Кариша решила, что во всех наших бедах виноват он. Она не стала мстить королю — убить его было бы слишком легко. Она решила уничтожить его сына, сделать ему больно через того, кого он любит. Вдобавок, я ведь стала вашей наложницей, а не королевской. Клянусь Тремя, я не считала это обидой — напротив. Ваш отец дал мне то, что мог дать... Но Кариша решила иначе. Она хотела вас отравить, но я поняла — и не позволила. Как я могла выдать собственную сестру? А она не желала уплывать домой, она искала мести. Мести, которой я сама не хотела!

Впервые в голосе Санлии прорезались чувства, и Алестар залился краской стыда. Он не думал... ему в голову не приходило, что его Санлия настолько несчастна. Да, она грустила, но кто был бы счастлив в ее положении? Он старался быть с ней нежным, дарил подарки, утешал и

обещал покровительство, но разве он мог вернуть ей утраченное? Отца, жениха, мирную жизнь...

— Я не знаю, как они с Руалем нашли друг друга, — измученно проговорила Санлия. — Но советник пообещал ей месть более сладкую, чем просто ваша смерть от яда. Он дал ей гарнату и велел подливать понемногу в ваше питье. Руаль хотел, чтобы вы медленно и мучительно сходили с ума, как сходил с ума он сам. Чтобы вы совершали все новые и новые безумства, чтобы весь Акаланте видел это, боялся и ненавидел вас. Кариша хотела вас соблазнить, чтобы еще вернее втереться в доверие, но почему-то не вышло... Сначала вы не смотрели вообще ни на кого, потом... во дворец привезли запечатленную с вами девушку, двуногую. И тут... — Санлия глубоко вздохнула, собираясь с силами, — тут моя сестра окончательно обезумела сама. У того, кто был виноват в моем разрыве запечатления, — так она считала — у него самого запечатление случилось! Она подлила вам в тинкалу особенно сильную дозу и пригрозила, что если я скажу хоть что-то, если помешаю ей — она убьет себя, но сначала отравит воду в вашей спальне и спальне вашего отца. Я не знала, что она увеличила дозу в тот день, клянусь! Подозревала, но не знала. Каждый день хотела рассказать вашему отцу, что происходит, но не могла справиться с Каришей. Если бы ее поймали, то казнили бы, а я не могла ее потерять...

— Дальше, — уронил Алестар, когда молчание стало невыносимым, и Санлия, вздрогнув, продолжила, на глазах бледнея:

— Она изображала служанку, это открывало доступ почти везде. Акалантцы беспечны, они слишком полагаются на богов. Но, должно быть, Трое и в самом деле хранят вас и ваш город. Мне было жаль вашу избранную, но я ничего не могла сделать. А когда попыталась все-таки укротить Каришу, она пожаловалась Руалю. Советник приплыл поговорить ко мне. Наедине, разумеется. И сказал, что если я не перестану мешать, я навсегда потеряю сестру. Ее убьют, и в этом буду виновата только я. И тогда... я перестала мешать. Когда с гарнатой не вышло, а за вами стали следить, советник придумал новый план. Он велел Карише соблазнить молодого жреца из храма глубинников, скромного парнишку, имевшего доступ к чаше. Я пыталась намекнуть вам, чего опасаться! Делала вид, что болтаю, а сама молилась всем богам мира, чтобы вы услышали и сделали хоть что-то! Вы были слепы и глухи, но земная жрица... она как-то сумела отогнать Дыхание Бездны, призванное советником. А тот парнишка из храма... когда он понял, что был обманут...

— Тварь! — прогремел Герлас, привставая из кресла.

— Да, — с той же ледяной отреченностью подтвердила Санлия. — Я

тварь, потому что молчала все это время. Клянусь глубинными, покой которых вы храните, я боялась не за себя. Я до последнего мига надеялась, что Кариша одумается. Только... моя ласковая умная сестренка у меня на глазах превращалась в чудовище. Когда с чашей не вышло, она попыталась снова — в последний раз. Она заболталась с другой служанкой о зелье, которое может привлечь любого, зная, что их слышит каи-на Миалара. А потом, якобы уличенная, дала ей адрес целителя. Высокородная дурочка купила приворот и отправилась на свадьбу Эрувейн — единственное место, откуда ее не выгнали бы сразу по приказу принца. Кариша приплыла туда как служанка — на торжествах всегда много прислуги — и поднесла вам отравленную тинкалу. Вы должны были умереть прямо посреди зала, но приворот оказался частичным противоядием. Тот целитель сделал сильное зелье, оно отсрочило действие яда. И тогда...

— Твоя сестра решила доделать ножом то, что не смог яд, — мрачно закончил Алестар. — Но Эруви-то за что?

— Она ее увидела, — просто ответила Санлия. — И могла потом узнать. Я благодарю богов, что каи-на Эрувейн осталась жива. После... после этого Кариша исчезла. Я не знаю, где она сейчас и жива ли. Советник клялся, что ничего ей не сделал, но почему я должна была ему верить? Моя сестра слишком много о нем знала! А потом я нашла в своих украшениях иголку, смазанную ядом. Формея долго не растворяется в воде, она надежна и беспощадна. Только вот убийца забыл, что я дочь целителя. Я почуяла знакомый запах — и поняла, что теперь моя очередь. Кариша не показывала мне план, который получила от того жреца, но она несколько раз уходила через потайную дверь в моей спальне. Мне терять было нечего. Я сбежала и несколько дней скрывалась в домике, который сняла уже давно — на всякий случай. А потом я вернулась во дворец и передала королю письмо, что раскрою заговор в обмен на помилование.

— Так это... с тобой он хотел встретиться? — осенило Алестара. — Но... зачем убирать стражу?

— Потому что я не верила никому — и король тоже. Он знал о заговоре, только не мог заподозрить своего друга и советника. Но стражу все-таки убрал, чтобы никто не увидел меня раньше времени. И... — Санлия набрала воды и выдохнула: — Я была там, когда его убили. Я почти ничего не видела, но слышала все.

ГЛАВА 17. Клятвы и молитвы

Алестар держался из последних сил. Джиад не была сильна в целительстве, но могла бы поклясться, что у принца и сил-то не осталось, их заменило знаменитое бешеное упрямство рыжего. И все-таки Совет следовало закончить побыстрее.

Она отпила тинкалы, мечтая о горячем вине и свежей лепешке с мясом, но, увы... Зато любимое питье иреназе отлично восстанавливало силы, а рыжему они сейчас были нужны. Еще ему, кажется, требовалась близость Джиад: он льнул к ней плечом, сам того не замечая, а в пальцы вцепился так, словно пытался удержаться на краю бездны. Сжимал, впрочем, крепко, но не слишком, и Джиад не забыла, как Алестар боялся сделать ей больно, пока ему зашивали рану.

— Говори, — тяжело уронил рыжий.

Наложница снова набрала полный вдох воды, ее смуглое лицо стало прозрачно-серым. Она послушно кивнула, потом негромко заговорила в давящей тревожной тишине:

— Я хотела прислать королю весть с кем-нибудь из слуг, но побоялась. Любой мог предать... Потом я все же нашла того, кто передал письмо. Сначала он не хотел, но я умолила, поклялась, что хочу лишь прекращения всего этого ужаса. Король внял моим опасениям и велел тому, кто передал письмо, втайне провести меня во дворец. Страже он приказал уплыть, курьера отослал с поручением, и я проскользнула незамеченной, боясь даже плеска от собственного хвоста...

— Кто передал письмо и провел тебя? — перебил Алестар, чуть подаваясь вперед.

— Это неважно, ваше... величество, — отозвалась Санлия с заминкой, будто ей было то ли неприятно, то просто непривычно именовать Алестара королем. — Если он захочет подтвердить мои слова, то сделает это. Иначе, я слишком ему обязана, чтобы навлекать ваш гнев. Мне-то терять уже нечего... Позвольте продолжать?

Алестар молча кивнул.

— Я рассказала королю все, что знала. О себе, о Карише, о советнике Руале, да примет его Бездна, — с тихой тяжелой ненавистью продолжила суаланка. — Но король не поверил мне. Руаль был его другом всю жизнь. Он решил спросить самого советника и заставить того поклясться на Сердце Моря, что все это ложь. Я хотела плеснуть обвинения советнику в

лицо, но... король велел мне спрятаться. Он сказал, чтобы я появилась потом, по его зову... Помните нишу за его шкафом, ваше... величество? Вы как-то рассказывали, что в детстве играли там в прятки... Там может поместиться только ребенок или кто-то с тонкой костью и узкими плечами...

Джиад смерила взглядом наложницу, изящную, как виноградная лоза. Да, Санлия легко поместилась бы там, где мог спрятаться крупный ребенок, каким наверняка был Алестар.

— Когда король хотел послать за советником, — продолжила размеренно ронять слова Санлия, — с этим вышла заминка. Курьера он еще раньше отправил с поручением, которое должно было задержать юношу надолго. Ведь документы, которые потребовал его величество, и так лежали у него на столе. Гвардейцев в ближнем коридоре тоже не было, а дворец опустел из-за гонок. Но по коридору проплывал охранник принца, Кари. Вот его-то король, выглянув из кабинета, и отправил за Руалем. Они вернулись быстро, я едва успела спрятаться за шкафом — все-таки щель там узкая. И видно почти ничего не было, зато слышно очень хорошо. Сначала говорил только король, а советник молчал. Потом тоже заговорил. В его словах было столько яда, что вода в кабинете показалась протухшей, мертвой... Король не хотел верить! Он слушал — и не слышал! А советник продолжал говорить, потом вдруг что-то случилось, — король подплыл к двери и крикнул кому-то, веля позвать целителей. Я выглянула из-за шкафа, очень тихо и осторожно... Советник Руаль лежал в кресле, держась за сердце. Но я ему не доверяла. Да, он был болен, разумеется, проклятие Сердца Моря убивало его за измену королевской семье, но и больным он был опасен, как разъяренная мурена. Вернулся король — и кто-то еще. Я спряталась, но слышала, как прозвучало имя Кари. И тут я хвостом почувствовала неладное. С чего бы охраннику так и плавать в коридоре, ожидая советника? И почему он не поплыл за целителями? Король, наверное, тоже что-то понял, но не успел...

Санлия задохнулась, всхлипнула, жалко скривила красивый рот без малейшего следа краски.

— Он ничего не успел! — почти выкрикнула она. — Я услышала шум, вскрик короля, потом голос советника, такой спокойный, жутко спокойный: «Смотри, Кари, как шутят боги. Я хотел убить твареныша, а вместо этого подарил ему трон. Уплывай, я сам отвечу за это. Скажу, что взял твой нож хитростью». Я боялась выглянуть из-за шкафа, но слышала каждое слово, клянусь Тремя и милостью их. Охранник помолчал немного, потом спросил, вправду ли мертв король? Они говорили так легко,

словно... о добытом салту! И в комнате повеяло кровью... Я не могла понять, почему Сердце Моря не наказало их? Ведь должно было?! Но боги отвернулись от Акаланте в тот миг... И Кари сказал: «Нет, каи-на, у меня есть мысль получше...» Потом я ничего не слышала: они стали говорить так тихо, будто знали, что кто-то рядом. Только однажды Руаль сказал погромче: «Да, это может получиться. Пусть сдохнет следом за своей двуногой девкой...» А потом они выплыли, очень быстро! Я едва выждала несколько мгновений — и кинулась следом. Если бы кто-то нашел меня у тела короля... Меня, суаланку, пропавшую до этого так странно... Кто бы мне поверил, что я не убийца?

Она опустила голову и обняла себя за плечи, дрожа всем телом, так что даже кончик хвоста мелко трясся. Джиад стало жаль ее, но лишь на миг. Если бы Санлия заговорила раньше! «А если бы ты спасала родную сестру? — мягко поинтересовался в мыслях Джиад голос, похожий на голос того, с кем она разговаривала во сне. — Смогла бы ты пожертвовать ею ради чужих людей? Ради тех, кто причинил горе тебе и твоему народу...» «Не знаю, — беспомощно отозвалась то ли самой себе, то ли кому-то еще Джиад. — Но я бы не поставила жизнь сестры выше целого народа. Даже чужого народа... Хотя... Я не знаю! Надеюсь, что нет!» «Вот и она надеялась, что все обойдется, — вздохнул голос. — Бедная девочка...»

— Я бы поверил, — ясно и холодно сказал Алестар. — Расскажи ты правду сразу, я взял бы с тебя клятву на Сердце и поверил. Зачем ты вернулась, Санлия? За помилованием сестре? Она никого не убила, так ты сказала? Эрувейн выжила только чудом. А тот жрец?

— Он сам покончил с собой! — вскинулась суаланка, продолжая дрожать. — Это не Кариша его убила!

— Ты сама веришь в то, что говоришь? Она его не убила? Еще как! Просто удар не нанесла. Но тебе ли не знать, что иная боль страшнее смерти, а, Санлия? А моя избранная? Ты знаешь, до чего довела нас твоя сестра?!

— Достаточно, прошу вас... — прошептала Джиад, испугавшись, что Алестар при всех вспомнит слишком многое.

Санлия опять опустила голову и сгорбилась, только вздрагивала иногда, будто слова принца били ее наотмашь.

— Я обещал оставить ей жизнь, — медленно и бесцветно сказал Алестар. — Но тебе я ничего не обещал, Санлия ири-на Суалана. Ф

— Да, ваше величество, — вдруг, снова подняв голову, улыбнулась Санлия легкой безумной улыбкой. — Не думайте, что я боюсь казни. Я

только не хотела, чтобы обвинили госпожу Джад, — ей и так довелось испытать много горя из-за меня. И чтобы убийца ушел от суда, я тоже не хотела. Не бойтесь, я с собой не покончу, — снова улыбнулась она. — Женщины нашей семьи принимают свою судьбу до конца. Но жизнь Кариши вы мне обещали.

— Жизнь, а не свободу, — с глухим отвращением уронил Алестар. — И запомни...

Не договорив, он вскрикнул, по телу прошла длинная судорога, которую Джад ощутила так, будто сама почувствовала ее. Глухо, как во сне, но почувствовала. И откуда-то без тени сомнения она знала, что с Алестаром ничего опасного, просто боль наконец взяла свое, и иреназе теряет сознание от накатившей мучительной рези в поврежденных мышцах и плавнике.

— Нет... — прошептал он. — Не хочу...

Но Невис уже метнулся к нему с таким озабоченным лицом, что упираться было бесполезно — сейчас слово целителя было важнее королевского.

— Джад... — упрямо прошептал Алестар, цепляясь за ее руку. — Не уплывай...

— Я здесь, ваше величество, — пообещала она, невольно уважая упрямую стойкость рыжего, который продолжал шептать:

— Санлию... под охрану... И Кари — тоже. В коридорах посты не снимать... Как только приду в себя...

— Да-да, — заверил Невис, ловко прижимая к руке Алестара что-то вроде пиявки, большой, в серо-зеленую полоску, слабо извивающейся. Морская тварюшка плотно прилипла к обнаженной коже принца, и спустя несколько мгновений глаза Алестара сомкнулись.

— Все, благородные каи-на и амо-на, — сообщил Невис сухо, — Совет придется прервать. Если, конечно, вас хоть немного волнует здоровье нашего бедного повелителя. Госпожа Джад, вам нужно побыть с ним.

Джад посмотрела на свое запястье, которое Алестар не выпустил даже без сознания, и подумала, что особого выбора у нее все равно нет. Да и спокойнее, если рыжее чудовище будет рядом. Только нож неплохо бы выпросить обратно — местной охране она теперь и Жи не доверила бы, не говоря уж о короле.

* * *

Алестар проснулся глубокой ночью. Вода, казалось, была наполнена спокойствием, она мягко колыбалась вокруг, источая особенный уют обжитой комнаты. Алестар вдохнул поглубже, пропустил свежую влагу

сквозь жабры, чувствуя слияние вкусов и запахов, принесенных течением. Интересно, а как чувствуют воду люди? У Джад нет жабр, но амулет милостью Моря дает ей возможность дышать в глубинах. Не тяжело ли это жрице? Не устала ли она, как устают иреназе, когда им приходится подолгу вдыхать воздух, даже напоенный солью моря? Надо поговорить с Невисом... Если жрица вернется к себе на сушу с подорванным здоровьем, то гнилой водоросли не стоят обещания Алестара выкупить ее из храма. Джад...

Он протянул руку, точно зная, где найдет маленькую, не по-женски жесткую ладонь рядом со своей. Дыхание жрицы едва заметно колыхало воду рядом, но Алестар чувствовал его даже не кожей, как обычно, а словно изнутри себя. Будто маленький сгусток тепла пульсировал в его груди в такт дыханию Джад. Будто они все-таки стали единым целым не только по ритуалу, но и на самом деле, как возлюбленные.

— Что-то случилось?

Она отозвалась так быстро, словно не спала вовсе.

— Я разбудил? Прости, — виновато попросил Алестар. — Спи, все хорошо.

— Может, позвать целителя?

Джад повернулась одним гибким, привычным уже движением тела и положила ладонь на лоб Алестару. Он затаил дыхание — неожиданный подарок! Сама! Такая горячая...

— Не могу понять, — слегка растерянно сказала жрица, — должен быть жар, а лоб прохладный... Здесь под водой все не так...

— Не надо целителей, — снова сказал Алестар. — Джад, если ты все равно не спишь... Можешь мне сказать кое-что?

Он поерзал на подушке, укладываясь удобнее и жалея, что прикосновение оказалось таким мимолетным. Осторожно шевельнул тяжелой болезненной корягой, в которую превратился хвост. Прислушался к чему-то... Нет, показалось. Ночь, как и положено, была тиха — дворец спал.

— Спрашивайте, — с еле уловимой настороженностью отозвалась жрица.

— Я плавал в храмы Троих... — медленно начал Алестар, — как положено наследнику, да и просто любому иреназе. Там говорят, что нужно чтить святые законы, и боги будут милостивы к тебе. А если не будут, то им виднее, значит. Все, что делается по мудрости Матери Море и Отца Небо, свято и верно. Но разве Мать Море хотела, чтобы Кассия, мой ребенок, отец...

Он осекся от накатывающей изнутри боли, но упрямо продолжил:

— Это не благая воля богов, а злой умысел. В нем нет ни мудрости, ни справедливости, я не могу верить в такую волю. В храмах глубинных говорят, что зло есть. С ним нужно бороться, но если оно случилось, то следует пережить его и плыть дальше. Я... думаю, что это верно. Но как? Джиад, я заблудился, как малек в прибое. Мечусь туда-сюда, вот-вот волной на берег выкинет... Я сделал много неправильного, даже ужасного, но никого не предавал, никогда. Я бы и дальше верил Руалю, Кари, жрецам, которые хотели тебя убить, Санлии... Верил бы, понимаешь?! А теперь не могу верить никому. Я... смотрю на любого и думаю, что он может предать. Кто угодно! Друг, родственник, стражник, дававший присягу... Кари и Дару — они ведь акалантцы, Руаль — друг отца, ближайший, лучший... Как они могли? Ну как?

— Дару прикрыл вас собой, — напомнила жрица очень тихо, но твердо. — А жрецы лишь выполняли приказ, нельзя винить их за это.

— И Руалья нельзя?!

Алестар дернулся, тут же снова упал на подушки, и маленькая ладонь, недавно покинувшая его лоб, мягко надавила на плечо:

— Лежите, прошу. Советник Руаль совершил страшное дело. Но по одному преступнику нельзя судить обо всех честных подданных. Думаю, и с Кари все сложнее, чем кажется... Да лежите же, ваше... величество!

— Лежу, — вымученно усмехнулся Алестар. — Долго теперь не побарахтаюсь. Джиад, не зови меня так.

— А как мне прикажете называть вас, если вы король?

Он накрыл ее руку своей, легко, не прижимая, будто поймал игривую рыбешку и держит, но так, чтоб не помять нежные плавники. Повернул голову и прижался губами к тонким сильным пальцам, которые жрица — еще одно маленькое чудо — не отняла. Жалела, что ли? Жалости Алестару не хотелось, но он прислушался к себе, к той зыбкой, невесомой, но прочной нити, что связывала их души и тела. Ни жалости, ни презрения к его беспомощности... А больше ничего разобрать было нельзя, словно запечатление давало ему узнать и понять ровно столько, сколько необходимо именно сейчас.

— Как хочешь, — прошептал он в ее ладонь. — Ты же звала меня по имени... Наедине... Осталось так недолго, позволь мне услышать, как ты говоришь мое имя.

Женщина не отозвалась, и он, понимая, что это не согласие, а просто вежливый отказ, опять вдохнул воду со вкусом и ароматом ее кожи, потерся щекой о сильные жесткие пальцы.

— Джиад, — сказал он просто и беспомощно-тоскливо. — Ты ведь жрица. Я не нашел ответа в наших храмах, я не верю жрецам ни Тройх, ни Глубинного. Но тебе поверю. Что говорит твой бог тому, кто потерял веру и силы? Я не уберег Кассию и своего отца, я ни в ком не разглядел измену, а ведь меня учили править. Я утратил величайшую реликвию своего народа, единственное, что хранит нашу жизнь. Прав Руаль — я бессильный выродок, позор своих предков... Нет, погоди, я не жалуясь! Не прошу сочувствия, слышишь? Только совета! Что говорит твой бог тому, кто не знает, куда плыть? Тому, кто никому не верит?

Жрица отозвалась не сразу, но и руку не отняла. Алестар слышал, как отдается стук ее сердца в сгибе на запястье — сильно и мерно. Потом она заговорила, роняя каждое слово с торжественностью, от которой по спине Алестара проскользнул холодок:

— Мой повелитель Малкавис говорит с каждым: и с верящим, и с отчаявшимся. Он говорит: «Если ты утратил опору — стань ею сам. Стань щитом, клинком, маяком в ночи — и тебе ответят тем же. Ибо нельзя опираться на кого-то, не став и ему подмогой».

— А если я не могу? — прошептал Алестар, изнемогая от стыда за свою слабость. — Если сил нет? Откуда их взять? Что говорит твой бог об этом?

— Он говорит, — с той же ледяной прозрачной ясностью ответила жрица: — «Если у тебя есть силы на сомнения, страх и вопросы, значит, их хватит хотя бы на один шаг. Сделай его. А потом еще один. И еще — пока не дойдешь или не упадешь замертво. Если ты заберешь всю силу у страха и сомнений, ее как раз хватит на любой путь», — так гласят сутры моего Храма.

— Твой бог мудр, — горько промолвил Алестар. — И очень жесток. Хотя нет, это не жестокость. Ведь в тебе, его жрице, жестокости нет ни единой капли. Я сохраню в сердце то, что ты сказала. И пошлю дары в его храм. Джиад, я помню, что обещал тебе. Как бы я хотел, чтобы ты увидела наш мир полным не предательства, а верности и красоты. Чтобы помнила о нас не только плохое...

— Я буду помнить мир иреназе суровым, но прекрасным, — гораздо мягче сказала Джиад. — Ваше... Алестар, вы видите вокруг только тьму, потому что вам больно. Я не про рану говорю, хотя и это важно. Вы скорбите по отцу и возлюбленной, по всему, что утратили. Но разве в мире нет света? Ваш отец до последнего дня любил вас и гордился вами, ваша возлюбленная... хотела вам счастья. А ваш народ верит вам. Да, враги и предатели будут непременно — таков путь королей. Но друзья и любимые

на этом пути тоже встретятся, поверьте. Не... — она замолчала на несколько мгновений, но продолжила, только голос отчетливо дрогнул: — Не позволяйте подлецам победить вашу веру в честь остальных. Не становитесь подобным им...

Тишина, разлившаяся между ними после этих слов, была такой тяжелой и плотной, что Алестару стало трудно дышать, будто он заплыл слишком глубоко в донную расщелину с дурной водой.

— Предательство... — прошептал он, наконец, с трудом выдавливая слова. — Ты знаешь, каково это — быть преданной.

— Да, — так же тяжело уронила жрица. — Но прошу, не будем... обо мне.

— Хорошо... Но море ничего не забывает. А мы, иреназе, дети его. Рано или поздно ветер для Торвальда Аусдранга переменится — я обещаю. И волна, которую он поднял, вернется к нему.

Алестар повернулся и обнял Джиад, не успевшую или не захотевшую оттолкнуть его. Приятнее было думать, что не захотевшую, но — он мрачно усмехнулся про себя — обманываться не стоило.

Жрица замерла в его объятиях, не покорно, а растерянно, опасаясь оттолкнуть, чтоб не причинить боли. И Алестар, обострившимся чутьем уловив это, использовал краткие мгновения, пока его не хлестнули словами большее, чем лоуром.

Обнимая напряженные плечи Джиад, он потянулся, зарылся лицом в ее растрепанные волосы, поцеловал чуть выше виска и заговорил:

— Я люблю тебя, храмовый страж Джиад. Не надо, не говори ничего. Я знаю все, что ты скажешь, — уже слышал не раз. Я просто тебя люблю. Это как прибой — ему не нужно ответа от берега, чтобы возвращаться снова и снова. Я люблю тебя за силу души, за честь и мудрость. За то, что рядом с тобой я хочу стать лучше, как можно лучше, понимаешь? Не для того, чтобы ты меня полюбила, а чтобы моя любовь была достойна тебя. Ты можешь уплыть куда угодно, хоть на край света, все равно останешься во мне. Ты в моем сердце, Джиад, как жемчужина в раковине. Знаешь, как рождается жемчуг? В него превращается песчинка, ранившая жемчужницу. Я теперь знаю, с любовью так же. Я думал, что любовь — Золотой Жемчуг, приз на гонках, награда победителю, что ее надо отнять у соперников, присвоить и хранить, не подпуская никого, не отдавая в чужие руки. А ты не такая. Любовь к тебе нельзя добыть силой или выиграть — только вырастить в себе, через боль. Я согласился разорвать запечатление — ты будешь свободной, совсем скоро... Но я не знал, что боль может быть нужнее, чем лекарство от нее.

Изнемогая от стыда за это обнажение души, он замолчал, молясь неизвестно кому только об одном: чтобы Джад не посчитала его слова пустым бахвальством или лицемерием. Чтобы поняла, как много она значит для него. Двуногая, человек, жрица чужого бога и чужая женщина — но разве все это важно? Сейчас в целом мире она была для него единственной...

— Я люблю тебя, — повторил он снова с отчаянием обреченного. — Если когда-нибудь мне придется выбирать между честью и жизнью, между выгодой и справедливостью... Ты будешь моей мерой, Джад, самой верной и строгой мерой...

Захлебнувшись тем, чего не мог высказать, он молча уткнулся в ее волосы, томительно долгие мгновения ожидая, что вот-вот оттолкнет, но жрица лишь вздохнула, а потом накрыла его руку на своем плече ладонью. Замерла в его объятиях, доверяя, не боясь, и Алестар скорее хвост бы себе отгрыз, чем обманул или обидел хрупкое драгоценное доверие. Он держал Джад с величайшим трепетом и нежностью, кутая ее в свое тепло, дыша одними струями воды с нею и с тихим безнадежным смирением принимая это, как единственно возможную близость. Совсем как тогда, в ночь, когда решил вывести ее из дворца наверх и отпустить. Да, теперь разлука не грозила смертью, жрецы обещали разорвать запечатление безвредно, однако Алестар снова принял бы ту боль, если бы ее ценой мог остаться с Джад.

— Да хранит вас Малкавис. Пусть он поможет вам достойно идти трудным путем королей, Алестар, — услышал он через бесконечные мгновения тишины ее голос — тихий, бесстрастно-ровный, ничего не выражающий. — Что мне еще сказать...

И все-таки она звала его по имени. Лежала рядом с ним, слушала, отзывалась... Как мало, оказывается, нужно для мучительно-сладкого счастья пополам с горечью вины: просто знать, что каждый час приближает разлуку для него и свободу для нее.

«Я всегда молился Троице, — обратился Алестар куда-то в темноту, окружавшую его. — Но у нее другой бог. Малкавис, если ты слышишь не только своих жрецов, позволь просить тебя за нее. Пусть она будет счастлива, молю тебя. Просто пусть будет счастлива...»

* * *

Когда Алестар уснул, мгновенно, словно сбросил непосильную ношу и вздохнул свободно, Джад еще долго лежала, глядя в темноту. Рыжий дышал медленно и глубоко, сначала не шевелясь, потом во сне придвинулся

ближе, ткнулся лицом в макушку Джад, обнял ее за плечи. Ничего чувственного в этом не было, напротив, — так мог бы прижиматься тот, кто просто ищет чужого тепла. Или хочет поделиться своим. Джад вдруг поняла, что Алестар обнимает ее, словно укрывая собственным телом. Будто подтверждая это, иреназе по-хозяйски закинул хвост ей на ноги, обвив им колени Джад. Теперь отодвинуться стало совсем невозможно, чтобы не потревожить свежую рану Алестара, и Джад заставила себя расслабиться, лежа на спине. Как ни странно, ни рука поперек ее тела, ни тяжелый скользкий хвост совсем не мешали.

А ведь она помнила, как раздражала ее раньше до бессильного бешенства непрощенная близость Алестара. Ненавистная близость! Что же изменилось теперь? Да, она больше не боялась рыжего с его резкими сменами настроения и вечной готовностью вспыхнуть, как промасленная пакля. Освободившись от влияния дурмана, Алестар вполне владел собой — этого нельзя было не признать. А еще он старался стать лучше — как мог, и Джад невольно вспомнила недобрым словом усопшего короля, который мог вылепить из сына и наследника что угодно, однако упустил эту возможность. Слава Малкавису, что Алестар больше не считает себя венцом творения...

Но вот то, что он говорил ей этой ночью, выворачивая сердце наизнанку, ошеломило Джад и заставило замереть в растерянности не только внешне, но и душой. Рыжий и до этого признавался в любви — да хоть бы вспомнить их разговор у скалы... Но любовью это не было. Страсть, вина, желание близости — что угодно, но не любовь. Джад понимала это, и брезгливое отчуждение мешалось в ней с терпением — пусть, мол, болтает. А злой мальчишка, наказывающий весь мир за свою боль, незаметно вырос. И научился любить — беспомощно и нетребовательно, безнадежно и отчаянно. Оттолкнуть его такого было бы глупой жестокостью, потому что нет в мире вещей более святых, чем любовь и смерть. Не смерть ли, через которую прошел Алестар в попытке спасти Джад от жрецов, научила его любви? И что теперь с этим делать?

«Ничего, — торопливо подумала Джад, успокаивая застучавшее вдруг быстрее сердце. — Тебе — ничего. Ты здесь последние дни, и это правильно и справедливо. Оставь морские дела жителям моря и подумай о том, как будешь устраивать собственную жизнь. Алестар справится. Или нет... Но тебя это уже не касается, ты расплатилась по всем счетам с лихвой, верно? Ты просила свободы у Малкависа — так возьми ее и беги! На край света, как можно дальше от всего, что может удержать здесь...»

Принц — она так и забывала именовать его королем про себя — что-

то простонал во сне, пошевелился, дернул хвостом. Не проснулся, но снова всхлипнул — явно от боли. Джад осторожно повернулась, снимая его хвост и укладывая на мягкое покрывало поудобнее. Глупый. Рванулся спасать ее, снова забыв о себе. Всегда забывает. Вот Торвальд не стал бы подвергать опасности свою драгоценную жизнь, правда? О, сравнивать Алестара с Торвальдом — мыслимо ли? Один — правитель настолько, что король убил в нем человека. Второй — человек, пусть и с хвостом, вечно забывающий о себе. Один — воплощенные ум, расчетливость и умение править, второй — открытое для всех сердце и полная искренность. Сравнить их — оскорбление для обоих, потому что, безусловно, один будет выглядеть глупцом, а второй — мерзавцем.

Джад горько усмехнулась. Если бы она служила Алестару, а не Торвальду, смогла бы она полюбить этого принца? Кто знает... Ее предупреждали, что чувства мешают быть совершенным Стражем. Она не послушала и теперь платит за свою наивность и желание быть любимой. А ведь есть еще Лилайн. Если Алестар сдержит слово и выкупит ее у Храма, то куда заведет Джад обретенная свобода? Не в объятия ли синеглазого наемника, которому она так обязана? Но нужна ли она Лилайну на самом деле? Не боевым напарником и взаимной радостью в постели, а настоящему?

Мысли мчались стремительно — Джад не могла справиться с ними. Ей снова хотелось то ли плакать, то ли говорить, изливая душу, как до этого Алестар. Но что она могла сказать ему, измученному собственной болью? Что устала от одиночества? Что быть Стражем — тяжелое бремя, которое она готова сменить на другое, даже более трудное, — попробовать стать женщиной? Женой, матерью, если получится... Что больше всего ей сейчас хочется позволить кому-то обнять себя за плечи вот так властно и заботливо? Но, конечно, не ему, не Алестару, потому что...

Она вдруг поняла, что ненависти в ней больше нет. На самом деле — нет. Ушла, иссякла, оставив по себе легкую горькую тоску, что все у них вышло так плохо. Но и полюбить Алестара она, разумеется, не сможет. Не потому, что его не за что любить, — она прикипела сердцем к Торвальду за один светлый радостный взгляд и ласковую улыбку — но слишком много памяти о страданиях разделяют их с Алестаром. Да и к чему им была бы эта любовь? Только сделать еще больнее на прощанье. Но за то, что рыжий не боялся безнадежности своих чувств, он заслуживал уважения. А еще, пожалуй, молчаливой осторожной благодарности, которую Джад не высказала вслух. За то, что первый раз в жизни мужчина ничего не захотел от нее, говоря о любви. Даже Лилайн... Лилайн, спасая ее от людей

Торвальда, надеялся на женскую ласку Джад, хоть и не попросил бы о ней. Но Лилайн хотел хотя бы видеть ее рядом! Алестар отдавал ей сердце, зная, что оно будет брошено на морской песок, как ненужный груз, — чтобы не мешало уплыть. И от этого Джад было самую малость стыдно и больно.

«Пусть Трое будут милостивы к тебе, — молча пожелала она спящему рядом. — Пусть они помогут тебе найти истинную любовь. Ту, что сможет ответить взаимностью, ради которой стоит жить. Пусть они увидят, что твое сердце отмылось от грязи и ненависти и готово расцвести — по-настоящему. И если позволено мне, жрице чужого здесь Храма, просить Троиц о милости для тебя, то я прошу. Всей душой и всем сердцем, клянусь повелителем моим Малкависом».

Что-то дрогнуло вокруг — будто теплая волна прошла по неподвижной воде. Джад затаила дыхание, не зная, принять это как знамение или обычную для моря случайность. На мгновение ей вдруг стало жарко, потом этот жар перетек в расслабленное спокойствие. Будто кто-то неизмеримо могущественный обнял ее невидимо и без слов пообещал, что все будет правильно. Джад глубоко вздохнула и провалилась в сон, как в Бездну, но приятно-горячую и совсем не страшную. Провалилась, чтобы до самого утра проспать без сновидений и тревог, отдыхая разумом и телом. А утром...

Утро началось так, словно продолжился вчерашний сумасшедший день.

— Как?! Ради всех Глубинных богов и тварей Бездны! Как он мог убить себя?! — орал Алестар, мечась вдоль стены их с Джад спальни. — Я же велел охранять его!

— Ваше величество! Ваша рана! Умоляю, осторожнее! — зывал Невис, беспомощно простирая руки к взбешенному юному королю. — Шов разоидется...

Ираталь, не просто бледный, а прозрачно-белый, только скулы ярко алели на осунувшемся лице, вытянулся посреди комнаты, принимая на себя королевский гнев, за его спиной, тоже побледнев и держась прямо, как струна, плавал незнакомый Джад гвардеец.

— Ну, что вы молчите, каи-на Ираталь?! Кто на этот раз в собственном хвосте запутался?

Джад молча чесала нос Жи, только полчаса назад выпущенному из клетки. Радуюсь свободе, рыбеныш метался по комнате точь-в-точь как сейчас Алестар, пока в дверь не постучал начальник охраны с новостью. И вот уже несколько минут как Жи, притихнув, предпочитал прятаться в

коленях Джаад.

— Ну?!

— Ваше величество, хво-о-ост... — простонал Невис, но Алестар уже и сам, скривившись от боли, замер возле ложа и оперся руками о его спинку. — Позвольте, я осмотрю...

— Потом, — отмахнулся король, в упор глядя на Иратора.

Начальник охраны сглотнул — Джаад видела, как болезненно дернулся его кадык — кивнул и проговорил обреченно:

— Ваше величество, я прошу о разжаловании. И о суде, если вы считаете, что это не просто мой недосмотр.

— Что я считаю — я вам потом скажу! — рявкнул Алестар. — Как это случилось? Его что, не обыскали?

— Обыскали, — мертвенно уронил Ираторь. — Даже повязку сняли. И руки держали связанными. Развязали на минутку, чтобы смог облегчиться. Придерживали локти...

— Ну?! Да что из вас каждое слово тянуть приходится, как рака из панциря?!

— Он вырвал себе жабры, — четко и громко сказал Ираторь, глядя в глаза Алестару. — За несколько мгновений, пока руки были свободными.

— Что?

Алестар выдохнул, подаваясь вперед в изумлении, и растерянно уточнил:

— Сам? Голыми руками?

— Да, ваше величество, — хрипло подтвердил гвардеец из-за спины Иратора. — Осмелюсь доложить...

— Докладывайте...

Морщась, Алестар перекинул хвост через спинку ложа, опустился рядом с Джаад, отпихнув развалившегося на ней Жи. Невис, посчитав это за негласное разрешение, тут же кинулся осматривать рану, выглядевшую сегодня гораздо лучше.

— Я был старшим караула по приказу каи-на Иратора. Мы дежурили в камере заключенного вдвоем, и еще двое — снаружи. Как и было приказано, с него сняли все, даже волосы проверили. Руки связали ремнем... В половине девятого утра к заключенному приплыл господин Невис, — гвардеец посмотрел на целителя, и тот кивнул, — сказал, что нужно обработать раны. Руки для этого можно было не развязывать — мы и не стали. Господин Невис ему смазал все поврежденные места и уплыл. С заключенным не разговаривал — мы следили...

Гвардеец перевел дух, умоляюще глядя на мрачного Алестара, и

продолжил:

— Через час примерно он попросил ширакку. Я кликнул Киралья из коридора — тот принес. Мы развязали заключенному руки. Ну, чтобы он смог... Он сделал дело. А потом поднял руки, сказал несколько слов и... Рванул жабры. Трижды клянусь, ваше величество, никто бы не успел помешать!

— Что он сказал? — сквозь зубы процедил Алестар, поглаживая хвост короткими быстрыми движениями — все-таки доплавался до болей.

— Муть какую-то, — растерянно сообщил гвардеец. — Сказал: «Они идут. Они проснулись и поднимаются. Я верен им».

— И все?

Алестар откинулся на подушки. Джад смотрела на две тонкие полоски-щели у него на горле и понимала, что смерть младшего из близнецов-охранников была страшной. Вырвал жабры — захлебнулся собственной кровью... Зачем? Чтобы не сказать лишнего, не предать своих хозяев? И о чем он говорил? Кому был верен такой жуткой ценой? Впрочем, эту загадку здесь, под водой, разгадать оказалось легко.

— Сектанты? — отрывисто спросил Алестар, подтверждая ее мысли. Иратель молча кивнул.

— Тогда понятно... — протянул рыжий. — Ладно, свободен. Каи-на Иратель, оставайтесь.

— Я прошу отстранения и суда, — упрямо повторил начальник охраны, когда гвардеец, низко поклонившись, торопливо выплыл. — Ваше величество, я делаю промах за промахом. Это уже не ошибки, а преступления. Я заслуживаю...

— Чего вы заслуживаете — решать мне, — бросил Алестар. — Прекратите, Иратель. Мне все равно нечем вас заменить. Вот если найду...

— Тогда я могу надеяться на отставку? — умоляюще спросил начальник охраны.

Алестар пожал плечами.

— Поглядим. Невис, вы видели Кари, что с ним было?

— О, ничего особенного, — отозвался целитель, смешивающий какую-то мазь на стеклянной дощечке. — Я не стал посылать к нему учеников, потому что хотел сам взглянуть, но... Несколько царапин и помятые ребра — это когда его скручивали. Да вы его порезали немного, ваше величество. Его жизни ничего не угрожало, клянусь. И выглядел он не безумным, а спокойным. Очень спокойным.

— Сектанты — все безумцы, — мрачно сказал Алестар. — Как бы они ни выглядели. Теперь мы не узнаем ничего, что он мог рассказать.

Проклятье... Еще один след оборван. Кто-то следит за нами и вовремя подчищает все, что может вывести на главарей. Я уверен — Кари многое знал! А Санлия?!

— С ней все в порядке, мой король, — склонил голову Иратель. — Я усилил охрану и велел им не допускать тех ошибок, что с Кари. Но... мне кажется, ири-на Санлия на такое неспособна.

— Ну, не слишком-то хорошо вы знали, на что она способна, — съязвил Алестар. — Это все, или еще есть прекрасные новости?

— Боюсь, что есть, — вздохнул Иратель виновато. — Это, к сожалению, от нас уже никак не зависело... Ночью прислали весть с границы, ваше величество. Младший Брат показывает признаки пробуждения. Дыхание Бездны рвется сквозь трещины в склонах, водоросли уже начали гибнуть, а самые чувствительные рыбы — покидать склоны Брата.

— Проклятье... — выдохнул Алестар, глядя куда-то в потолок. — Трижды проклятье... Как не вовремя!

— Да, ваше величество, — уныло подтвердил Иратель. — Лучше бы вы были в полном здравии. Работать с Сердцем Моря, когда тело ослаблено раной, — тяжелое испытание. Но Акаланте верит в вас.

— Благодарю, — улыбнулся Алестар одними губами. — Благодарю, Иратель. Конечно, все обойдется. Я поплыву, как только... Завтра же, в общем. Это все?

— Все, — поклонился начальник охраны.

— Тогда плывите. Невис, благодарю вас, вы тоже свободны...

Стоило им остаться наедине, не считая непривычно тихого Жи, Алестар застонал, уронив лицо в ладони. Помотал головой, запустив пальцы в волосы, стиснул рыжие пряди, дергая всерьез, до боли.

— Это конец, — сказал он через несколько мгновений, поднимая голову и глядя куда-то в пустоту. — Джад, ты понимаешь, это конец! Младший Брат пробуждается, а у меня нет Сердца Моря. Трое, помогите Акаланте...

— И... ничего нельзя сделать?

Джад понимала умом, но не осознавала еще весь ужас положения, хотя отчаяние Алестара уже передавалось и ей. Видеть бесстрашного до безумия рыжего принца таким беспомощно-испуганным... Это лучше прочего говорило о беде, надвигающейся на подводный город.

— А... нельзя попросить Сердце Моря у кого-то еще? У Карианда, например... Взаимы!

Алестар безнадежно покачал головой. Ну да, ей же рассказывали, что

каждый осколок действует только на определенной территории. И вправду — как страшно! И как не вовремя!

— Ваше величество... Алестар! Погодите отчаиваться, — попыталась она. — Тот, кто украл Сердце, должен понимать, какую беду навлек. Может быть, он испугается и вернет его?

Самой Джиад в это верилось слабо. Да и Алестар усмехнулся слишком тоскливо.

— Нет, — сказал он, снова потирая хвост, — На это надежды мало. Но... ладно. Есть одно средство. Я знаю, как можно обойтись без Сердца. Все короли моря это знают, просто... Это — на самый крайний случай. Даже не припомню, чтобы кто-то...

— Так опасно? — с полуслова поняла его Джиад.

— Не опаснее, чем пережить извержение.

Алестар осторожно пошевелил хвостом, посмотрел на него, кривясь то ли от боли, то ли от злости.

— Ты мне поможешь? — повернулся он к Джиад. — Мне больше некого попросить. Никто не должен знать, что Сердце исчезло. Для тебя опасности нет...

— Да, конечно. Но что я могу?

— Притащить меня потом обратно, — зло и весело ухмыльнулся Алестар. — Интересно, что подумает вор, когда я обойдусь без Сердца? Кто там?

В дверь настойчиво стучали. Услышав разрешение, вплыл молодой жрец с каким-то длинным круглым тубусом в руках. Поклонился, торжественно протянув его на вытянутых руках, и провозгласил:

— Амо-на Тиаран посылает это вашему величеству. Получено час назад от нашего наемника на суше. Письмо для короля — лично...

От наемника на суше? Лилайн?! Джиад вскинулась, закусив губу, тут же постаралась скрыть волнение, но сердце сорвалось в бешеный галоп, пока нахмурившийся Алестар ломал сургучную печать. Куски сургуча опустились из нетерпеливых пальцев рыжего на кровать, Джиад выхватила их из-под носа уже потянувшегося Жи, сложила на ладони круглую печать с гербом Торвальда.

— Что за бред...

Алестар протянул ей лист тонкого пергамента, исписанный ничуть не расплывшимися чернилами. Взял тубус, встряхнул, поднял что-то небольшое. Джиад торопливо побежала взглядом по строчкам. Уж почерк Торвальда она бы узнала из тысячи — каждую завитушку!

«Моему дорогому родичу, повелителю морских глубин Алестару

тир-на Акаланте пожелания всех благ от Торвальда, милостью богов короля Аусдранга. Дошло до меня, мой достопочтенный собрат, что некоторое время назад вы по недосмотру утратили некую драгоценную безделушку. Если она так дорога вашему сердцу, как меня уверили, то отчего бы нам не оказать друг другу взаимную услугу? Я также утратил некую вещь, которую хотел бы вернуть и о которой вам может рассказать известная нам обоим госпожа Джиад. Если вас интересует мое предложение, то жду вас, дорогой собрат, в двадцатый день этого месяца у известной нам всем скалы. Надеюсь, госпожа Джиад не откажется сопровождать вас и оказать содействие. В противном случае некая особа может об этом пожалеть. С глубоким уважением к вам, дорогой родич,

Торвальд Аусдранг»

— Что это значит? — недоуменно спросил Алестар. — Он пишет о Сердце? Сердце — у него, на суше? Но как? Кто мог совершить подобное святотатство? Отдать Сердце Моря — Аусдрангу!

— Что у вас в руке? — тихо спросила Джиад, складывая в уме ослепительно яркие и блестящие кусочки мозаики: похищенное Сердце Моря, перстень Аусдрангов, себя, Торвальда, Алестара и неизвестного вора.

Алестар протянул ей разжатую ладонь. Массивная пряжка в виде оскаленной волчьей головы — левого клыка не хватает, в глаза вставлены мелкие темно-зеленые камешки... Целую вечность назад она пришивала эту пряжку к плащу Лилайна, спрашивая, как можно было выдрать клочок тонкой кожи с шерстяной подбивкой. Наемник отшучивался...

— Ты знаешь хозяина этой вещи, — слова Алестара звучали не вопросом, и Джиад молча кивнула.

— На что Аусдранг хочет обменять Сердце Моря? Двадцатый день... Но сегодня только семнадцатый! Почему так поздно?

— Наверное, он опасался, что письмо не попадет к вам вовремя, — бесцветно сказала Джиад. — Он хочет назад свой перстень. Тот, за которым я прыгала... Я забрала его...

— Но я не успею усмирить вулкан! — отчаянно простонал Алестар, отпихивая морду потянувшегося к нему Жи. — Через четыре дня будет слишком поздно!

Джиад молчала, думая, как сказать королю иреназе, что понятия не имеет, где перстень, назначенный ценой за Сердце Моря. Перстень, оставшийся в каблуке ее сапога, подобранного Лилайном. Лилайном, который теперь в руках Торвальда.

ГЛАВА 18. Тринадцатая кай-на

Отлежаться в постели Алестар не изволил, как ни умолял его Невис. Упрямо заявил, что его драгоценному хвосту все равно, где заживать, в постели или в зале Совета. Дела же отлагательства не позволяют. Невис, обреченно махнув рукой, сдался и только заставил рыжего выпить несколько крошечных кувшинчиков микстур. Потом заново обработал мазью рану и удалился, пообещав вернуться с новой порцией лекарств, которые готовил сам, не доверяя ученикам и помощникам.

— Может, вам и в самом деле отдохнуть? — осторожно поинтересовалась Джиад, устраиваясь на другом конце кровати, чтобы разговаривать лицом к лицу. — Лекари обычно плохого не посоветуют. А вам еще плыть к вулкану...

— Это — завтра, — отозвался Алестар, ожесточенно черкая острым стилем по навощенной дощечке. — До завтра мне точно полегчает. А сегодня... Джиад, где может оказаться перстень?

— Где угодно, — искренне ответила она. — Я отдала его Лилайну, но если Торвальд схватил моего... друга и не заполучил перстень, значит, Лилайн его спрятал. Если... если вообще вспомнил, где он остался.

— То есть перстень мог просто потеряться? — уточнил рыжий, и Джиад виновато кивнула.

— Зря я забрала его, — помолчав, сказала она. — Взятое не по праву приносит несчастье. А перстень Аусдрангов должен принадлежать Аусдрангам.

— Он слишком дорого тебе стоил, — холодно сказал Алестар, поднимая взгляд от дощечки. — И вернул я его тебе, а не этому... Перстень твой по праву, и разбирай я такое дело в суде, решил бы его в твою пользу. Что ж, значит, нам надо узнать, где он. Этот Лилайн... Он тебе очень дорог?

— Он спас мне жизнь, — спокойно ответила Джиад, чувствуя, как вступает на зыбучие пески, — вызвать в Алестаре ревность ей совершенно не хотелось. — Причем не раз. Сначала укрыл от Торвальда, потом дал убежище среди своих людей. Потом... он привез меня к морю, рискуя собой, когда я умирала от Зова.

— Значит, я ему обязан, — задумчиво подытожил Алестар и снова посмотрел на табличку. — Ничего не понимаю. Как могло Сердце попасть к этому сухопутному маару Торвальду? Кто из иреназе настолько безумен,

чтобы отдать реликвию людям? И почему он зовет меня собратом? Какие мы родичи, Глубинные пусть ему приснятся?

— Это просто фигура речи, — пожала плечами Джад. — Все короли суши зовут друг друга родственниками, когда хотят выразить уважение. Разве в море не так?

— Но мы-то и в самом деле родня, — усмехнулся Алестар. — Станный обычай. Назвать родным того, с кем нет общей крови? А если завтра судьба сделает вас врагами? Лицемерие во всем... Ладно, я понял. Нам нужно выменять Сердце и твоего друга на то, чего у нас нет. И вряд ли Торвальд позволит нам поговорить с этим наемником прежде, чем заключить сделку?

Джад кивнула.

Алестар оттолкнулся от ложа рукой, а не хвостом, как обычно, бросив на постель беспорядочно исчерканную дощечку.

— Мне нужно встретиться с советниками, — сказал он, осторожно двинув хвостом и не удержавшись от болезненной гримасы. — Ты поплывешь со мной?

— Я... — Джад запнулась. — Вы уверены, что мое присутствие будет уместно? Я человек...

— Ты моя избранная, — высокомерно сообщил король, надевая цепочку с фальшивым Сердцем, которую снимал на ночь. — И тринадцатая из старших каи-на Акаланте, если уж на то пошло. По воле моего отца, оспаривать которую я никому не позволю. У тебя столько же прав быть на Совете, как у любого из них. И... я прошу.

Он оправил тунику и посмотрел на Джад с очень странным выражением лица.

— Прошу тебя быть рядом. Это будет нелегкий Совет.

«Хуже, чем в прошлый раз? — мрачно подумала Джад, всплывая над постелью. — Вряд ли такое возможно...»

В клетке обиженно заверещал Жи, поняв, что его снова оставляют одного.

* * *

Во рту Алестара прочно поселился привкус крови. Казалось бы, ранили его в хвост, но вот почему-то и пища, и зелья, и тинкала — все отдавало кровью. Невис, которому он пожаловался, долго исследовал слюну, выстукивал и осматривал тело, но потом с облегчением заключил, что здоровью тир-на ничего не угрожает, кроме беспокойного характера самого тир-на. А привкус — от некоторых компонентов зелья. И

действительно, после лекарства он стал сильнее, а потом постепенно исчез, чтобы вернуться к следующему приему микстур.

Но это все было неважно, как ломаная ракушка. Алестару отчаянно не хотелось плыть на сегодняшний Совет. Он готов был думать о заговоре, о похищении Сердца, даже о том, насколько на самом деле дорог Джад ее так называемый друг... Но только не о том, что ему предстоит сделать. А тянуть с решением — бессмысленная жестокость.

И, конечно, стоило предупредить Джад, но она и сама все поняла, когда, молча отсидев рядом весь Совет, услышала название последнего дела. Вздрогнула, посмотрела на дверь, слегка повернулась к Алестару, тихо спросив:

— Сегодня?

— У нас не принято тянуть ни с приговорами, ни с их исполнением, — так же тихо ответил Алестар, изнывая от растущей внутри боли и тоже глянул на дверь, через которую медленно всплыла Санлия.

Видят Трое, он бы предпочел простить ее. Бывшую наложницу, не возлюбленную, но почти друга. Ту, с кем делился секретами и спрашивал совета. Ту, кто утешала его после смерти Кассии и ухаживала во время болезни. Ах, Сан... зачем же ты так...

— Королевский суд! — громко и четко повторил дежурный сегодня советник Алвиас. — Санлия ири-на Суалана, бывшая наложница его величества, обвиняется в потворстве и укрывательстве преступников. Угодно ли вам выслушать обстоятельства дела, мой повелитель?

— Я слышал их на прошлом заседании, как и весь Совет, — медленно и тяжело уронил Алестар, мучительно жалея, что нельзя нащупать ладонь Джад — такой близкой и такой далекой. — Впрочем... Санлия, что ты можешь добавить в свою защиту?

— Ничего, тир-на, — покачала головой суаланка, улыбнувшись едва заметной отрешенной улыбкой. — Я рассказала все, что могла. Я готова узнать приговор.

Это было неправильно. Жестоко и несправедливо — осудить за то, что творила ее сестра. Но разве не молчание Санлии привело к смерти отца? Разве не покрывала она преступников, пока Алестар в дурмане гарнаты мучил Джад? И молодой жрец погиб лишь потому, что Каришу никто не остановил, а Эруви только недавно пришла в себя... Виновна, без всякого сомнения, и вина ее тяжела.

Алестар закусил губу, давя бессильную злость и обиду. Судья должен быть беспристрастен — так учил отец. Неважно, что Санлия предала его лично. Наложница — не избранная, нечего ждать от нее любви и верности.

Но Санлия предала и Акаланте. «А разве она хотела жить здесь? — спросил внутри Алестара кто-то спокойный и хладнокровный. — Разве ты сам был бы верен городу, в который тебя притащили силой? Разве жалел бы тех, кто убил твоего отца и сломал твое запечатление? Ты, сорвавший злость на Джаад только за то, что ненавидел тогда всех людей? Что-то не то сотворил отец, решив сделать Санлию наложницей... Великая честь и немалая забота, верно, только хотела ли она такой чести и заботы? И почему ты никогда не задумывался об этом раньше, а? Впрочем, ты о многом не задумывался». «Проклятье, тысячу проклятий, — беспомощно подумал Алестар. — Я не могу ее отпустить, но и осудить на смерть — противно совести и справедливости».

— Виновна в укрывательстве. Виновна в пособничестве. Но невиновна в убийстве. Скажет ли кто-то слово в ее защиту? — выдавил он, стараясь глядеть мимо бледного, посеревшего и все-таки изысканно-красивого лица Санлии.

Одежду суаланке оставили ту, в которой она приплыла на прошлый Совет, и теперь от жемчужины удовольствия в просто одетой, туго заплетенной и не накрашенной Санлии не осталось ничего, кроме, разве что, манеры держаться — на зависть любой каи-на.

Совет молчал. Молчали оба жреца — Тиаран и Герлас. Молчал кариандец Эргиан, разглядывающий Санлию с равнодушным интересом, как редкую красивую рыбку. Молчали Герувейн, Алвиас, Тольвагар... Все советники, каи-на, главы своих Домов молчали, осуждая на смерть ту, кто заслужила казнь именно за это — за молчание. Суровая, но справедливая кара. А у Алестара вдруг перехватило горло. Тиаран хотел безумия и смерти Джаад, а Герлас поддерживал его в этом, пока не опомнился. Лорасс, отец Миалары, правдами и неправдами выгораживал свою дочь, а ведь если бы у нее получилось задуманное, Алестар на всю жизнь оказался бы прикован к тупой наглой дуре — матери его ребенка. Остальные — как волны, куда подует ветер, туда они и катятся. И они смеют осуждать Санлию, которая хотела всего лишь спасти сестру? Санлию, которая даже не просит милосердия?

— И в третий раз я спрошу, — вытолкнул он слова из горла, почти с ненавистью глядя на безмолвный Совет. — Каи-на Акаланте, подумайте, загляните в свое сердце. Да, она достойна смерти. Но разве каждый из вас безгрешен? Если хоть один из вас, отборного жемчуга Акаланте, скажет слово в ее защиту, я помилую Санлию ири-на Суалана. Если нет — кровь ее будет на вас, как и на мне.

Тишина была оглушающей, вязкой, страшной. И Алестар уже открыл

рот, чтобы мучительно выдавить из глубины пересохшего саднящего горла приговор, как услышал ясный звонкий голос:

— Я говорю в ее защиту.

— Что? — выдохнул он, в изумлении оборачиваясь к Джад. — Ты?

— По какому праву? — крикнул кто-то из советников. — Мой повелитель, я чту ваш выбор, но...

— Она ваша избранная, а не ваш советник, — поддержал его Тиаран. — Тир-на, это незаконно.

— Вот как? — растянул губы Алестар в глумливой улыбке. — Неужели? Джад, по какому праву ты говоришь на Совете — напomini почтенным, прошу.

— По праву тринадцатой каи-на Акаланте, — так же ясно и спокойно ответила Джад. — Праву, дарованному мне тир-на Кариаллом, да будет его душе спокойно в ином мире. Я каи-на, единственная в своем Доме, значит, его глава. И, следовательно, я могу говорить на Совете Акаланте.

— Безумие! — выкрикнул Лорасс, привставая на кресле и глядя на Джад с таким праведным возмущением, что Алестар не мог удержаться:

— Больше, чем простить отравительницу короля? — ласково поинтересовался он, и советник опал на сиденье, как маару, выпустивший все чернила. — И больше, чем полагать, что король Акаланте нарушит свое слово? Или оно не честь всего моря?

Гомон в зале Совета становился все громче. Алестар обвел взглядом советников, вглядываясь в лицо каждого и запоминая. Злость, разочарование, веселое удивление — ах, это последнее — кариандец... И равнодушие. И спокойное принятие его воли...

— Санлия ири-на Суалана, — сказал он, не повышая голоса, но в зале стало вдруг совсем тихо. — Насколько мне известно, ты не можешь вернуться домой.

Изжелта-бледная суаланка безмолвно склонила голову и снова подняла ее, глядя с отчаянной безмолвной надеждой.

— В твою защиту прозвучало слово. Всего одно слово. Той, кто его сказала, отныне принадлежит твоя жизнь. Я лишаю тебя всех прав свободной жительницы Акаланте, потому что ты не отдала этому городу свою верность. И я не позволяю тебе уплыть, пока твоя сестра не будет поймана и изобличена. Отныне ты принадлежишь Джад амо-на Аруба, каи-на Акаланте. Душой и телом. Ты меня поняла?

Санлия низко склонилась, на несколько мгновений замерев, потом выпрямилась и поклонилась еще раз — Джад.

— Уведите ее и найдите комнату рядом с покоями моей избранной,

— велел Алестар, почувствовав, как с плеч свалился огромный камень, оставив его совершенно измученным и обессиленным. — Есть еще дела на сегодня?

— Только одно, ваше величество, — отозвался очень почтительно Тиаран, приподнимаясь на кресле и тоже кланяясь. — Мои мастера закончили известную вам работу. Эликсир не может храниться долго. Завтра-послезавтра мы готовы разорвать ваше запечатление с... каи-на Джиад.

Он опустил в кресло, выглядя довольным, как обожравшаяся мурена.

«Тварь, — с ледяной злостью подумал Алестар. — Нашел же время сказать... Я знал, что это случится, давно знал... Но как же больно! И ведь не проверишь, правда ли нельзя хранить. Да и какая разница? Ты обещал отпустить ее...»

Теперь уже было все равно, и он все-таки нашел, не глядя, руку Джиад и легонько сжал холодные пальцы.

— Я понял вас, амо-на, — сказал он вслух, удивляясь бесстрастности собственного голоса. — Благодарю за службу. Но завтра мне следует отбыть к проснувшемуся вулкану. Приберегите зелье еще на день.

* * *

На столь памятную им обоим равнину Алестар смотрел с мрачной решимостью, упрямо вскинув подбородок и выпрямившись в седле. Потом обернулся к Джиад и сказал, выделяя каждое слово:

— Не передумала? Ты можешь остаться здесь. Будет даже лучше, если останешься — я смогу думать только о вулкане.

— Вы же сами сказали, что это не опасно.

Джиад подобрала повод салту покрепче — зверь беспокоился, отворачивал морду от мутного облачка на границе видимости впереди. Равнина лежала перед ними — иреназе и человеком — цветущая роскошными водорослями, яркая, обманчиво-веселая... Как пестрая шкурка ядовитой змеи.

— Не опасно, — нехотя подтвердил Алестар. — Но...

— Вы не хотите, чтобы я была рядом? — напрямую спросила Джиад, начиная подозревать, в чем дело.

Алестар вздрогнул, покосился на нее и так же мрачно кивнул.

— Не хочу, — сказал он отрывисто. — Глупо, знаю. Но ты и так... вечно видишь меня слишком слабым. А там... будет плохо. Успокоить вулкан без Сердца Моря... Это тяжело.

— Тогда при чем тут слабость? — тихо уронила Джиад, дивясь, как

причудливо мешаются в короле иреназе отчаянная храбрость и не менее отчаянная глупость. И искренность. Тоже отчаянная — как и все в нем. Словно Алестар малейшую возможность скрыть что-то считал трусостью. — Опасный и тяжелый труд — это как бой. Кто обвинит в слабости воина, готового к бою?

— Ох...

Рыжий безнадежно махнул рукой.

— Ладно, поплыли, — вдруг усмехнулся он. — Только твоего салту придется оставить здесь. Мой Серый не боится дыхания вулканов, я на нем часто плавал сюда, когда учился работать с Сердцем. А твой — неопытный. Сядешь ко мне за спину?

Джиад кивнула. Глупо было бы отказываться теперь, когда она сама напросилась. Алестар, соскользнув со своего зверя, забрал у нее повод, погладил салту по морде, почесал нос, достал из седельной сумки костыль с ушком и, загнав его в щель между камнями, привязал салту за повод, как земного коня.

— Вроде не должен сорваться... — сообщил, оглядев дело своих рук с сомнением. — Да и так далеко не уплывет. Нам, главное, успеть до того, как Иратель почует неладное и примчится сюда с гвардией.

— Почему вы ему не сказали?

— А как? Иратель часто плавал с отцом, он видел призыв Сердца. Сразу понял бы, что я делаю совсем другое... Нет уж, это нельзя видеть никому.

Иреназе одним быстрым плавным движением оказался в седле и протянул Джиад руку.

— Сколько вы еще собираетесь скрывать пропажу? — спросила она, устраиваясь позади Алестара. — А если Торвальд не отдаст Сердце?

— Вот тогда и буду об этом думать, — пожал он плечами. — Джиад, я не могу никому сказать. Утратить Сердце... Как после этого я вообще смею называть себя королем?

Она молча кивнула, понимая. В пропаже реликвии вины Алестара не было, но народ поймет все так, как ему представят. А уж Тиаран и его партия в Совете постараются... Нельзя допустить паники и недоверия к королю. Пусть Алестар неопытен, горяч и неосторожен, но он старается быть хорошим правителем. Настолько, что сейчас будет рисковать жизнью — в который раз.

Джиад молча ухватила за плечи Алестара, направившего салту вперед. Серый рванулся, словно не чувствуя добавочного груза. Тугая вода сжимала тело, заставляя напрягаться, но сидеть за спиной иреназе было

гораздо проще, упругие струи проходили мимо Джад, обтекали ее по бокам. За спиной Алестара было... надежно. Глупое чувство по отношению к тому, кто втянул ее в такие беды и неприятности, но сейчас Джад не могла сделать ровным счетом ничего, только ждать и быть щитом — как обычно.

— А сирен здесь больше нет? — окликнула она рыжего, и тот замотал тщательно заплетенной толстой косой.

— Нет! На границе теперь постоянно дежурят солдаты!

— Ваше величество, а почему...

Джад вдруг пришла подозрительно простая мысль, наверняка таящая в себе какой-то подвох. Не мог же никто не додуматься до этого без помощи существа с земли.

— Почему вулканы не успокаивает король Суаланы? Они же на границе!

— Вот потому и не успокаивает, — усмехнулся, судя по голосу, Алестар. — Суаланцев только пусти... Это же как раз та территория, за которую шла война. Вулканы подчиняются не любому осколку Сердца, а только тому, на которое настроены. Позволить Суалане их усмирить...

— Я поняла! Это значит отдать их Суалане?

Алестар кивнул и вдруг придержал салту так плавно, что Джад едва качнуло в седле.

— Вот здесь, — сказал он обыденно. — Самое удачное место.

Джад огляделась. Ей выбор иреназе ни о чем не говорил, но облако мути приблизилось, стало гораздо темнее, а гряда гор за спиной отдалилась. Вода скрадывала расстояние, и Джад не могла понять, сколько они проплыли от начала равнины.

— С Сердцем я бы подобрался ближе, — задумчиво сказал Алестар, покидая седло. — Но сейчас — нет. Здесь будет отличная точка резонанса...

Он погладил Серого по носу и посмотрел Джад прямо в лицо.

— Ничего не бойся, хорошо?

— Я еще не знаю, чего нужно бояться, — улыбнулась Джад. — Хоть расскажите... И что делать мне?

— При хорошем исходе — ничего, — пожал плечами Алестар. — При плохом... тем более. Джад, мне сейчас никто не может помочь — вот в чем беда. Ты слышала легенду о глубинных, верно? Как мой предок отдал жизнь, и из его крови боги сотворили Сердце Моря? Так вот, Сердце — это посредник между морем и кровью его королей. Оно усиливает и направляет нашу волю, очищает внутреннее зрение, позволяет чувствовать воду и дно.

Но можно обойтись и без него. Только разница — как между обученным салту и бешеным дичком, на которых ты пытаешься пройти Гонки.

— И... как вы будете обходиться? — осторожно спросила Джиад, уже подозревая ответ всей своей сутью жрицы.

— Как и должно — кровью, — спокойно улыбнулся Алестар, вынимая из ножен на поясе короткий и явно очень острый нож. — Море понимает только ее голос. Нашей крови, потомков первого короля.

Он снова посмотрел на Джиад странным взглядом, будто извиняясь, и продолжил:

— Я никогда такого не делал и не знаю, сколько надо крови. Отец говорил, что это не смертельно, — море не требует больше, чем ты можешь дать.

— Но вы и так недавно потеряли кровь, — почему-то вдруг очень тихо сказала Джиад.

— Да, — просто уронил Алестар. — И могу отдать меньше, чем обычно. Джиад, если... если что — просто вернись в Акаланте и все расскажи. Я оставил Ирталю письмо о том, что собираюсь делать, тебя никто ни в чем не обвинит.

— Вы... Вы... Соображаете, что говорите? Бросить вас здесь?

Он смотрел на нее, как-то вдруг разом повзрослев, холодными синими глазами, и Джиад захлебнулась собственным возмущением. Не глупый мальчишка, попусту рискующий жизнью ради издевок над охранниками, как в прошлый раз. О нет. Все-таки воин. Молодой король, идущий в опасный бой со стихией, чтобы защитить свой народ. Тот, кто может не вернуться из боя и знает об этом.

— Если что, — с трудом проговорила она, — я отвезу вас в Акаланте — живого или мертвого. Полагаю, именно для этого я здесь и нужна. Делайте свое дело, ваше величество.

Она вцепилась в луку седла, неудобного, рассчитанного на иреназе, а не на человека. В горле стоял ком. Алестар, к счастью, не стал больше ничего говорить — просто отплыл на пару взмахов хвоста, зависнув над ровной площадкой дна, свободной от крупных камней и даже водорослей.

Джиад ждала какого-то сложного ритуала, заклятий, но все оказалось до жути просто. Алестар закрыл глаза, помолчал немного и с силой ткнул ножом в левое запястье. Ткнул умело — так чтобы не задеть связок, но кровь мгновенно хлынула в воду. Вокруг иреназе начало расти мутное облачко, отвратительно сходное с тем, что виднелось вокруг Младшего Брата.

— Мать Море... — прошептал Алестар, не открывая глаз. — О Мать

Море...

И снова затих, только через некоторое время Джад увидела, как вздуваются вены на его шее, а на виске начинает пульсировать голубая жилка под мраморно-белой кожей.

Закусив губу, она следила за происходящим, чувствуя себя совершенно, безнадежно беспомощной. Кровь лилась и лилась, Алестар, и без того бледный, стал уже полупрозрачным, губы его посинели, а конца ритуалу то ли не предвиделось, то ли Джад не могла его распознать.

— Так... — выдохнул вдруг Алестар и снова воткнул нож в запястье, еще глубже. — Вот она... точка... резонанс...

Что такое резонанс, Джад знала, как и всякий храмовый Страж, но как совпадение вибраций относится к раскаленным недрам — понятия не имела. Однако иреназе было виднее. Вытащив нож из раны, он взмахнул лезвием, вычерчивая какой-то странный узор. Потом, дрогнув неподвижным до этого лицом, уронил нож на дно, прижал к ране пальцы. Джад качнулась вперед, готовясь останавливать кровь, но Алестар зажал рану не для этого — он отнял испачканные пальцы, с которых вода мгновенно омыла кровь, и снова принялся чертить узоры, беззвучно говоря что-то синими губами.

Вода вокруг стала вдруг плотнее — так показалось Джад, а в следующее мгновение по равнине прокатился невыносимо низкий гул, отдававшийся даже в костях. Скривившись, Джад закрыла уши руками — но это не помогло. Море дрожало, гудело, вибрировало, и дно тоже! Страшно было подумать, каково Алестару, если вспомнить, что иреназе чувствительнее людей к звукам.

Мгновенно осунувшийся, как после тяжелой болезни, рыжий открыл глаза, посмотрел куда-то мимо Джад. Зрачки его расширились, заняв чуть ли не всю радужку, и глаза теперь казались почти черными. Губы продолжали шевелиться, но ни звука не слетало с них. А кровь из запястья... Кровь так и текла, даже сильнее, чем раньше.

Море гудело то выше, то ниже, отзываясь, — со священным ужасом поняла Джад — словам Алестара и тому, что он делал. Но давалось это иреназе дорого. Вот уже салту забеспокоился, принохиваясь к воде, завил хвостом — и Джад потянулась, чтобы успокоить огромного зверя. Вот крови стало столько, что плавник хвоста Алестара скрылся в мутной дымке...

«Он истечет кровью, — ясно поняла Джад. — Погибнет, защищая город и право Акаланте на равнину с водорослями и рыбой. А я ничего не смогу сделать. Ничего! Потому что не знаю, что случится, если прервать

ритуал. Вдруг сейчас равновесие так зыбко, что стоит его нарушить — и вулкан начнет извергаться? Трое, сохраните своих детей. Малкавис, научи, что делать...»

— Еще... — прошептал Алестар, словно откликаясь на ее молитву. — Еще немного... вот так...

Джиад показалось, что через нее прокатываются чудовищные волны — плотные, тугие, тяжелые, горячие... Салту под седлом бесновался, но не пытался уплыть, а только выгибал спину, бил хвостом, и усидеть на нем было почти невозможно. В одну из таких судорог Джиад ожидаемо вылетела из седла, оказавшись от рывка зверя почти рядом с Алестаром. Заглянула в его лицо снизу — и замерла в ужасе. Это было лицо мертвеца. Или кого-то на грани смерти. Иссиня-бледное, заострившееся, местами в желтых пятнах...

— Все... — прохрипел иреназе. — Во-о-от...

И закончил полустоном-полувсхлипом, теряя сознание и падая, как падают морские жители — обмякнув и медленно опускаясь на дно.

— Алестар!

Джиад кинулась к нему, забыв про салту и вулкан. Море грохотало в ушах диким штормом, хотя какой шторм под водой? Но волны ревели и крутились вокруг, Джиад казалось, что они с Алестаром в сердце гигантского водоворота, только видно ничего подобного не было — вокруг застыла неправдоподобно спокойная зеленая вода.

— Джи... — принц старательно улыбнулся, ловя ее руку и слабо пожимая пальцы. — Все хорошо...

Из его рта потекла кровь — и Джиад похолодела. Это уже не рана на запястье... Два глубоких пореза она прижала выше по руке, потом затянула на предплечье Алестара свой пояс. Кровь течь не перестала. Море пило ее жадно, вода вокруг Джиад и лежащего на ее коленях иреназе очистилась, из нее исчезла кровавая муть. Совсем исчезла, растворилась... А невидимый водоворот вокруг набирал силу...

Истошно взвизгнув, Серый крутнулся на месте и рванул куда-то вдаль. Джиад было все равно. Она исступленно молилась Малкавису, вновь и вновь повторяя его имя, умоляя спасти того, о смерти которого она так же искренне молилась несколько недель назад.

И, наверное, поэтому она не сразу заметила, как откуда-то сверху прынули три стремительные тени.

«Сирены? — подумала она, не успев испугаться, но нащупывая на поясе нож. — Нет... Салту, а не салру...Ираталь?»

Но ни один из всадников не был начальником охраны. Джиад с

тоской вспомнила предусмотрительность Алестара, заявившего, что перед отплытием к вулкану отправляется со своей избранной просить о милости в храм Матери Море. Мешать королю молиться акалантам бы в голову не пришло — и улизнуть через боковой вход им двоим оказалось проще простого... Нет, это был не Иратель.

Один из всадников вылетел из седла, ловко перебросив поводья другому, метнулся к Джад, поддерживающей Алестара. И оказался принцем Эргианом. Очень озабоченным и деловитым Эргианом, глянувшим на бесчувственного короля Акаланте с холодным хищным интересом.

— Не приближайтесь, — медленно и очень мягко сказала Джад, прекрасно понимая, насколько расстановка сил не в ее пользу.

Двое так и плавали поверху, то показываясь в поле зрения, то исчезая. Джад начало казаться, что невидимый водоворот вполне реален, а тройка салту с двумя всадниками держится как раз на его границах — потому их и видно так плохо.

— Я вам не враг, — откликнулся Эргиан, останавливаясь чуть поодаль и показывая пустые ладони.

Это, впрочем, ничего не значило, потому что на поясе кариандца висел такой же длинный нож, как у Джад, а у седел всех трех салту поблескивали трезубцы.

— Госпожа Джад, ну какое вам дело до морских распрей? — вкрадчиво поинтересовался кариандец. — Разве вы здесь не пленница?

— Не ваше дело, — в тон ему любезно отозвалась Джад.

Это, хвала Малкавису, была не морская магия, а нечто насквозь ей понятное и знакомое. С тремя иреназе справиться трудно, почти невозможно, однако справилась же она с сиренами? Если кариандец рванется ближе, нужно всего лишь скрутить его — а потом торговаться. Но почему не нападает?

— О, боюсь, в том числе и мое, — серьезно ответил Эргиан. — Мне здесь жить, знаете ли. Поэтому с некоторых пор я очень близко принимаю к сердцу дела Акаланте. Вы уверены, что правление его величества Алестара будет благом?

— Я уверена, что вам здесь не место, тир-на Эргиан... Не соблаговолите ли сказать, что вам нужно?

Джад краем глаза следила за кружением салту, понимая, что принц, скорее всего, отвлекает ее внимание. И не дотянуться же до него.

— Не поверите, — усмехнулся Эргиан. — Сильный и свободный Акаланте. Для моего народа, ну и самих акалантацев — куда же от них

денешься...

— Я слушаю...

Еще бы немного ближе... И как неудобно лежит Алестар — не спихнуть разом. Притвориться, что согласна на все? Пусть только подплывет ближе...

— Ах, госпожа моя, зачем вам эти дразги? — снова усмехнулся Эргиан одними губами. — Разве вы не хотите домой? Тир-на Алестар был слишком неосторожен... Теперь море тянет из него силы, чтобы завершить начатое. Истинный героизм, согласен... Но и глупость изрядная. Вам-то что до этого? Я ведь знаю, как вы появились в море и оказались связаны с наследником Акаланте. Неужели вы его простили? Я велю проводить вас к берегу. Или вам было что-то обещано? Скажите — что, Карианд с радостью возместит вам убыток. Я поклянусь...

Он смотрел на Джиад так любезно и участливо. А на Алестара — почти сочувственно. Холеный молодой стервятник, сильный и сознающий эту силу. Джиад стиснула зубы и глотнула тяжелый горький ком, прежде чем ответить:

— Вы поклянетесь? На чем?

— Ну, хотя бы на Сердце Моря, — невозмутимо ответил Эргиан, торжествуя блеснув глазами. — Но и без этого мое слово — честь всего Карианда. Разве вы не знаете, что королевская кровь не лжет?

— Я, кажется, многого не знаю о королевской крови, тир-на, — старательно улыбнулась Джиад. — Значит, безопасность и награда? И что вам нужно от меня?

— Ничего, — улыбнулся в ответ гораздо веселее Эргиан. — Ровным счетом ничего — в том и прелесть моего предложения. Если согласны, вас проводят наверх сейчас же.

А Алестар останется здесь, с кариандцами. И правда, чем не щедро? Им даже убивать ее не обязательно, хотя это было бы надежнее. Интересно, почему им просто ее не убить? И почему... Какая-то назойливая мысль крутилась у Джиад в голове, но она решительно отбросила все лишнее.

— Хорошо, — сказала она с полнейшим безразличием, — я согласна. Но вы поклянетесь на Сердце Моря. В клятвы крови я не слишком верю, а вот в том, что Сердце карает клятвопреступников, уже убедилась.

Она медленно опустила руку и вытащила из-под ворота туники Алестара фальшивое Сердце. Подумала, что туарра наверняка проголодалась и уснула, но вряд ли это насторожит кариандца. Она не иреназе — Сердцу не с чего отзываться ей.

— Вы настаиваете? — осторожно уточнил Эргиан, глядя на нее с

странным выражением лица. — А, ну как скажете...

Он вильнул хвостом и подплыл к Джад. Наверное, стоило потребовать, чтобы бросил нож, но кариандец мог насторожиться. И, кстати, о ноже...

Алестар застонал, шевельнулся и открыл глаза. Слышал он все или нет — Джад разобраться не успевала. На это время будет потом. Или не будет — в точности как с ритуалом.

Она протянула кариандцу фальшивку, держа камень за оправу. Поймала взгляд Эргиана — ах, все-таки презрение, кариандец не любит предателей, но не считает себя таковым — и захлестнула запястье принца толстой прочной цепочкой.

Рывок! Не ожидавший подобного Эргиан подался совсем немного, но Джад хватило. Бросив цепочку, второй рукой она сжала другое запястье принца на излом, рванула кариандца на себя, развернула. Нож кариандца выскочил из ножен легко — и оказался у горла замершего Эргиана.

— Тише, — так же мягко проговорила Джад. — Не дергайтесь. Говорите, море жаждет королевской крови? Я могу это устроить — только хвостом шевельните.

— Вы... — начал Эргиан и закашлялся. — Ох, вы и правда...

Послушно замерев, он полулежал головой на плече Джад, почти накрыв собой Алестара.

— Госпожа жрица!

Один из всадников спрыгнул с салту и торопливо подплыл к Джад. Второй последовал за ним. Освободившиеся звери кинулись вдаль.

— Даголар?

Джад растерялась разве что на мгновение. Что ж... понятно. Просто очень обидно. И противно. Муж Эруви остановился перед нею, глянул умоляюще, виновато и словно пристыженно, а потом выпалил совсем не то, чего она ожидала:

— Я же говорил вам, тир-на! Ну что, проверили? Довольны?!

— О... да... — отозвался Эргиан, предусмотрительно не шевелясь.
— Как... интересно вышло... Госпожа Джад... Я понимаю, что у вас ровно ни одной причины нам верить, но все-таки прошу прощения. Это и вправду была... только моя глупость. Рег, Даголар, бросьте оружие. Для начала...

— Глупость? — прошипела Джад, чуть сильнее надавливая лезвием на горло и чувствуя, как напрягается тело кариандца. — Теперь вы попытаете меня убедить, что не хотели ничего плохого?

— Госпожа жрица, — с трудом, но странно весело ухмыльнулся

Эргиан. — Я вас ни в чем убеждать не буду. Нет необходимости. Или вы меня сейчас отпустите, и я постараюсь спасти законного короля Акаланте, — или не отпустите. И через несколько минут я сам стану таковым, потому что моя сестра обручена с тир-на Алестаром. Но женщины у нас не правят, а я — ее ближайший здесь родич и притом лицо королевской крови, способное управиться с Сердцем. Просто прошу — отпустите. Как мне не хочется становиться королем этого сумасшедшего города — вы бы знали... Роль королевского шурина мне нравится куда больше.

— Каи-на Джад, — торопливо заговорил Даголар, отцепив ножны с пояса, бросив их на песок и складывая ладони перед грудью в умоляющем жесте, пока его спутник расставался со своим оружием, — я прошу прощения. Клянусь Тремя и жизнью моей Эруви — это не измена и не убийство. Принц... не верил, что вы откажетесь уплыть.

— Я должен был хотя бы попробовать, — откликнулся возмутительно спокойный Эргиан. — В любом случае убивать я никого не собирался. А вот вы сейчас именно это и делаете. Счет идет на мгновения, поверьте.

Джад глубоко вдохнула. В последнем Эргиан был прав — она сама чувствовала, как холодеет и тяжелеет тело Алестара. Но поверить кариандцу? Отпустить этого сладкоголосого ядовитого змея?

— Вы... поклянетесь? — с трудом спросила она, лихорадочно пытаясь что-то придумать, понять, решить...

— На чем? На этой фальшивке? — фыркнул кариандец. — Знаете, я все-таки принц. И чтобы отличить истинное Сердце, мне за него хвататься не обязательно. И потом, зачем бы мой родич поил море кровью, будь у него настоящая реликвия? Не знаю, куда он ее дел, но уже решительно ничему не удивляюсь. И вы хотите повесить на меня бремя местного короля? Спаси меня Трое! Боги любят Акаланте, теперь я точно это знаю. Где еще они найдут столь восхитительное зрелище? Думаю, только из-за этой любви город уцелел при таких интересно мыслящих правителях.

От полнейшей беспомощности Джад рассмеялась, как другие иногда плачут. Убрав нож от горла Эргиана, она бесцеремонно оттолкнула кариандца, и тот ловко перевернулся, не торопясь отплыть.

— Тремя клянусь, — серьезно сказал он, — что постараюсь ему помочь. Остальное — потом. Дайте нож.

Джад протянула клинок Эргиану, гадая, что он такое, — кариандский принц с манерами шута. То ли новая беда, то ли ответ на ее молитвы?

Перехватив нож, Эргиан, поморщившись, воткнул его себе в

запястье, как до этого Алестар.

— Слишком мало крови, — объяснил он, сворачивая хвост кольцом и слегка откидываясь назад. — Рег! Подержи меня!

«Реголар, брат Даголар, — вспомнила Джиад. — Начальник охраны принца. Любитель Гонок и поклонник таланта Алестара».

Ни слова так и не сказавший кариандец, удивительно похожий на Даголар, торопливо подхватил Эргиана, принц привалился к нему всем телом, откинул голову на плечо телохранителя.

— Вытаскивайте своего избранного, — велел он Джиад. — Я перехвачу поток, а вы уберите из него этого безумца. Вот же... умелец...

— Как? — растерянно спросила Джиад. — Как его вытащить?

— Как хотите! Вы же его избранная! Да знаю я, что не по своей воле, — ну и что? Вы связаны. Отвлеките его на себя. Ну, хоть поцелуйте, что ли...

Эргиан страдальчески скривился, и Реголар обнял его сзади, замер, каменея лицом. Что-то это напомнило Джиад, но снова некогда было подумать. Ту мысль, что вертелась в голове раньше, как раз озвучил Эргиан. Не мог кариандец поверить в то, что Сердце — настоящее! А украсть реликвию мог? Отчего нет... Но это потом... все потом. Вытаскивать Алестара? Поцелуями?

Кровь бросилась в щеки Джиад. Она беспомощно глянула на полумертвого рыжего, из запястья которого сочилась кровь, но уже меньше. Все равно — и так много потерял. Слишком много. Они связаны — вот что сейчас главное. Только сегодня утром она назвала себя тринадцатой каи-на Акаланте — так неужели откажет его раненому королю в помощи?

Наклонившись, она припала ртом к ледяным жестким губам Алестара. Ничего чувственного в этом поцелуе не было — только желание согреть. Стыд от того, что кариандец откуда-то знает их тайну. Вина за то, что избранная из нее такая бесполезная... Даголар держал Эруви на краю жизни... Но ведь и она вытащила Алестара тогда, только вернувшись в море!

Король слабо застонал, моргнул — и Джиад решилась. Постыдится она потом, если все получится. Потому что иначе будет не перед кем. Оторвавшись от губ Алестара, она вдохнула глубоко, полной грудью, склонилась снова, обвила руками шею иреназе. Приникла в настоящем поцелуе, грея его холодные, соленные то ли от крови, то ли от морской воды, губы своими. Отогревая отдавшего все силы иреназе собственным теплом, внутренним огнем, разжечь который умеет любой Страж. Один из экзаменов Храма — умение высушить на себе мокрую ледяную простыню.

Она справилась! Так что же сейчас...

Искра внутреннего огня разгоралась сильнее, и Джад почувствовала, как тянется к ней Алестар. Как губы иреназе становятся все теплее, живее, требовательнее... Ладони рыжего легли ей на плечи, взгляд стал осмысленным и благодарным.

— Ну, хватит, — буркнула Джад, отрываясь. — Вам уже лучше.

— Стоило... — прошептал Алестар, улыбаясь блаженно и удивленно. — Это стоило твоего поцелуя... мой... страж.

Закашлявшись, он сплюнул кровь, вытер рот, покосился на Эргиана, с закрытыми глазами полулежащего на своем спутнике, и окликнул его слабо, но с ядовитой издевкой:

— Какие странные у вас места для прогулок, тир-на! Так, значит, повелителем сумасшедшего города вы стать не желаете? А чего же вы хотите, мой дорогой родич и ближайший наследник? И зачем вам убирать от меня избранную за день до нашего разрыва?

— О, а вот об этом мы поговорим обязательно, — пробормотал кариандец, страдальчески кривясь. — Видят Трое, нам будет о чем поговорить! Но сначала я закончу — осталось немного — и почему бы нам не вернуться в город? Вам нужен целитель получше меня, а я полхвоста отдам за горячую тинкалу и постель...

Джад вздохнула, чувствуя, как отпускает страшное напряжение. Они справились. Успокоили вулкан и пережили этот день. Завтра, правда, будет не легче, но это будет завтра. Как она и говорила Алестару — нужно всего лишь сделать шаг. А потом еще один, и еще, и еще... Чего она не сказала, так это другой сутры, гласящей, что дорога воина заканчивается только за порогом смерти. Но это король иреназе узнает и сам, если продолжит путь.

ГЛАВА 19. Правила игр и ритуалов

В этот раз Невис никого не стал призывать к благоразумию. Оказавшись у постели полумертвого Алестара, кашляющего кровью, целитель негромко и очень грязно выругался с упоминанием глубинных богов, а также медузых мозгов и дурной крови, стукнувшей некоторым в голову прямо из хвоста. Джиад его понимала... Ей самой было отчаянно стыдно: выглядело так, будто молодой король Акаланте очень старательно пытается отправиться на тот свет, а она, Страж и избранная, всеми силами ему в этом способствует.

Так что когда Невис велел ей лечь рядом, взять Алестара за руку и расслабиться, Джиад быстро и молча повиновалась. Ираталя, пытавшегося узнать о здоровье короля, целитель буквально вышвырнул из спальни коротким злым шипением и вообще был настолько похож на обычного милого и кроткого старика, что Джиад стало жутко. Повернув голову, она смотрела на чеканный мраморный профиль Алестара, закрывшего глаза, на заострившееся лицо и спутанную рыжую косу... Жрецы обещали разорвать их запечатление завтра-послезавтра, но было похоже, что иреназе может до этого просто не дожить.

— Хвала Троим, что хоть у кого-то хватило ума оповестить меня заранее, — все так же тихо и зло сказал Невис. — О чем вы думали, повелитель мой? И, главное, чем? Уж явно не головой... Не вздумайте двигаться!

Алестар медленно поднял ресницы, посмотрел на потолок, потом перевел взгляд на Невиса, шевельнул губами...

— И говорить тоже! — рявкнул лекарь. — До завтрашнего утра — ни слова. Я, старая безмозглая медуза, тоже хорош! Надо было вас к постели привязать! Или в клетку посадить, как малька салту!

Джиад виновато отвела взгляд. Действительно, если бы не Эргиан... Она сама в долине смогла только перевязать Алестару рану на руке, но рыжий кашлял кровью, пока за дело не взялся принц-глубинник. Он вытащил из кармашка на поясе какую-то пилюлю, жизнерадостно сообщив, что тир-на Алестар вполне может не пить лекарство, если не хочет. И перевязывать ребра тоже не обязательно. В конце концов, может, ему, Эргиану, и понравится быть королем — кто знает?

После такого рыжий безропотно глотнул снадобье, глядя на кариандца мрачно, как загнанный в клетку Жи. Позволил туго стянуть себе

грудь повязкой, но вот сесть в седло за чьей-то спиной отказался наотрез. Эргиан спорить не стал, просто отправил Даголара в город, велел рассказать сначала целителю, потом Ирталю. Коротко кивнув, супруг Эруви умчался на спешно изловленном салту, успокоившемся, как только море перестало отвечать крови королей иреназе.

Молчаливый Реголар собрал остальных зверей и, пока Джад с Эргианом усаживали бледного кривящегося Алестара в седло, сплавал за салту Джад.

А потом была дорога в город, на полпути к которому их перехватил отряд Ирталя, и начальник охраны, не обращая внимания на попытки Алестара что-то сказать, велел уложить короля на кожаное подобие носилок, привязанных к спинам салту. Пока гвардейцы затягивали ремни и выравнивали шесты, Ирталъ подплыл к Джад.

— Госпожа избранная, — вымолвил он, хмуро глядя в сторону. — Я знаю, что не достоин доверия тир-на... Но это уже слишком. Вы хоть понимаете...

— Я все понимаю, каи-на Ирталъ, — прервала его Джад, стараясь говорить потише в окружении многих ушей. — Но такова была его воля. И поверьте, на этот раз имелись веские основания. Дело не в отсутствии доверия, клянусь. Он верит вам по-прежнему. Но эту тайну следовало скрыть от всех.

— Кроме кариандского посла?!

Ирталъ был не на шутку обижен. Обижен тем больше, что чувствовал себя виноватым во всех последних промахах. Джад вздохнула.

— Его там точно никто не ждал, — искренне сказала она. — И я даже не знаю, благодарить богов за его появление или напротив? Впрочем...

Она оглянулась на носилки, медленно поплывшие к городу на спинах двух мощных зверей, связанных подобием хомутов.

— Наверное, все-таки благодарить, — закончила она. — Только... каи-на Ирталъ, я могу вас просить?

— Что угодно госпоже избранной?

Начальник охраны был почтителен и сух, так что Джад поняла: все-таки не простил.

— Присмотрите за тир-на Эргианом, — сказала она. — Это правда, что если с Алестаром что-то случится, кариандец — вероятный наследник?

Прежде чем ответить, Ирталъ долго смотрел на нее, потом все-таки решился:

— Правда в том, — сказал он очень тихо, — что вряд ли мы сможем

что-то противопоставить мощи Карианда, не имея законного короля. Суалана или Карианд — выбор невелик и нехорош. Но с Кариандом у нас давние дружеские связи, мы никогда не воевали. И все-таки... вы же понимаете...

— Да, — кивнула Джад. — Поэтому следите за тир-на Эргианом, прошу. Мне осталось всего пару дней здесь, а кариандец ведет сложную игру и...

Она осеклась, не зная, как объяснить, что беспокоится за того, чья судьба ей должна быть безразлична. Два дня... Разорвать запечатление и выручить Лилайна — вот все, чего она хочет от моря. Но если спасти наемника сразу не удастся, то придется задержаться в Акаланте. И тогда она предпочла бы видеть на троне не хитрюгу кариандца, а Алестара, обещавшего ей помощь. Разумеется, дело только в этом!

А теперь Джад лежала рядом с измученным рыжим и сама удивлялась, насколько ей хочется, чтобы Алестар выжил. Даже не потому, что он король Акаланте, а... просто. Будет что-то очень несправедливое в его смерти: молодого, отчаянно любящего жизнь и способного искренне признавать свою вину. Откровенного, странно справедливого, такого одинокого...

«Хватит, — оборвала она себя. — Еще немного, и ты не просто простишь его, но и начнешь оправдывать?»

«Нет, — ответила Джад себе же, чувствуя, как напрягаются иногда холодные пальцы рыжего, над которым колдовал Невис. — Я никогда не стану оправдывать такое. Просто не могу. Оправдать насилие? Какая невозможная мерзость! Но разве этот Алестар и тот, прошлый, — один и тот же человек, то есть иреназе? Разве не изменился он, вытравив грязь из своей души болью, виной, смертью? Разве раскаяние — недостаточная цена за прощение? Я ведь давно ответила на этот вопрос и ему, и себе. Значит, мне пора жить дальше, пережив это. Не забыть, нет. Но принять, что это прошло, что нельзя ненавидеть вечно. И, значит, я тоже должна очиститься от этой грязи... Скорее бы жрецы разорвали запечатление. Но какой может быть разрыв, когда он так болен? И сможет ли он плыть на встречу с Торвальдом послезавтра?»

— Все, — выдохнул Невис, цепляя к руке рыжего уже виденную Джад снотворную то ли пиявку, то ли змею. — Теперь он будет спать. Хвала Троим, тир-на Эргиан вовремя дал ему лекарство. И какое счастье, что у него оказалась при себе подобная редкость. Благословение богов на этого юношу.

— Да будет он благословенен, — подтвердила Джад, вдруг поняв,

что сейчас тоже провалится в сон. — Тир-на Эргиан очень нам помог. Господин Невис, королю уже лучше?

— Его величеству следовало бы промыть не только хвост снаружи, но и голову изнутри, — все еще сердито отозвался лекарь. — Кровотечение я остановил, лихорадку он перенесет во сне, и если завтра пролежит весь день в постели, то на следующее утро будет почти здоров. От сегодняшнего потрясения, я хочу сказать. Отдыхайте, госпожа избранная, вам это тоже необходимо.

«А как же разрыв запечатления? — хотела сказать Джиад. Но язык не ворочался, а глаза сами собой закрылись, и она уснула, так и не успев отпустить руку Алестара.

* * *

Остаток дня и ночь показались Алестару бесконечными. Он то забывался тревожным тяжелым сном, подчиняясь дурманной слюне пиявки шот, то просыпался, бессмысленно тараща в потолок и пытаясь скинуть вязкое оцепенение с тела и мыслей. Рядом тихонько спала Джиад, и ее будить не хотелось, оставалось только лежать, пока дремота снова не наплывала горячей темной пеленой, как штормовая туча, никак не желающая разродиться бурей.

Но даже эта ночь закончилась. Под утро Алестару удалось уснуть по-настоящему, однако проснулся он разбитым и измученным, словно перетаскал на себе целый косяк свежепойманных брыкливых салту. Даже глаза открывать было лень, но в комнате кто-то разговаривал. Кто-то знакомый... Джиад — это точно. С кем?

Алестар упрямо поднял непослушные веки и даже не удивился, увидев развалившегося на краю постели кариандца. Сил для удивления не было, как и для злости. А еще, если не колоть острой волной, следовало подумать, стоит ли злиться на глубинника? Что-то очень странное происходило вчера... Да, Эргиан уговаривал Джиад уплыть, но потом зачем-то спас Алестара, перехватив управление потоком силы моря. Дал лекарство, отправил гонца в город. И что ждать от хитроумного кариандского маару теперь? Думать не хотелось, голова была тяжелой и пустой, но Алестар все же заставил себя снова глянуть на кариандца, которой весело что-то рассказывал Джиад.

— Вы проснулись, ваше величество!

Жрица почувствовала его взгляд первой и, кажется, обрадовалась. Улыбнулась, подвинулась ближе к Алестару, вглядываясь в его лицо.

— Как вы себя чувствуете? Позвать целителя?

— Не надо, — буркнул Алестар. — Большие гонки не выиграю, но

прямо сейчас и не умру. Тир-на Эргиан, примите мою благодарность...

Кариандец молча поклонился с отменным изяществом, блеснул глазами.

— Что все это значило? — не стал тянуть салту за хвост Алестар. — Зачем вы уговаривали мою избранную уплыть наверх?

Прежде чем ответить, Эргиан удобнее устроился, расстелив хвостовой плавник, повернулся так, чтобы видеть и Алестара, и Джиад.

— Признаться, — усмехнулся он, совершенно не смущаясь, — мне было интересно, согласится ли она?

— А если бы согласилась?

— Что говорить о несбывшемся? — увильнул от ответа Эргиан, насмешливо глядя на Алестара. — У нас есть более интересные вопросы, тир-на. Например, где Сердце Моря? Акалантское, разумеется.

— Вам что-то об этом известно?

Алестар замер, затаив дыхание, но кариандец только поморщился.

— Вы откровенны до невозможности, тир-на, — сказал он, глядя на Алестара чуть ли не сочувственно. — Разве я сказал бы вам правду, будь это не в моих интересах? Но могу поклясться, что я ничего не знаю о Сердце, кроме того, что его нет. Я еще на Совете удивился, что вы не используете такой мощный и точный инструмент добывания истины, но там Сердце было от меня слишком далеко. А потом я узнал, что вы отправились к вулкану почти в одиночку. Легко было догадаться, что вам не нужны лишние глаза. Значит, вы собирались делать то, что окружающим показалось бы... странным... Что может быть более странным и опасным, чем ритуал на крови? Если не предположить, что иного выхода у вас просто не было. Ну а потом я увидел Сердце совсем близко — от него совсем не веяло привычной силой... Жрецов и Совет вы могли бы обмануть, да и обманули, но не меня — я-то сам умею с ним работать.

— Ясно... — протянул Алестар, приподнимаясь и подбирая хвост, который сегодня болел гораздо меньше. — Вы кому-нибудь об этом говорили?

— Я похож на дурака? — поднял бровь кариандец. — Нет, иногда похож, конечно, но только если сам того хочу. А вы ничего не желаете мне рассказать, тир-на?

— Нет, — бросил Алестар, начиная злиться.

Это было даже хорошо — злость прогнала остатки сонливости. Но и плохо — с таким противником следовало быть начеку каждой чешуйкой, а злость мешала думать.

— Тогда и мне с вами говорить не о чем, — ответил безмятежной

улыбкой кариандец, приподнимаясь и снова кланяясь. — Рад, что смог услужить. Позвольте пожелать выздоровления и оставить вас...

— Подождите!

Алестар окликнул уже оттолкнувшегося от ложа Эргиана и тот, ловко вильнув хвостом, опять готовно опустился на кровать.

— Что вы хотите знать? — выдавил Алестар, смирившись, что этот круг он прошел, безнадежно отстав.

— Во-первых, что с Сердцем.

— Оно похищено. И я не знаю, кем. Знаю только, что его сняли... с тела отца... когда...

— Понимаю, — серьезно кивнул Эргиан, убрав усмешку с губ. — И больше — ничего?

— Почти ничего, — не стал врать Алестар. — Возможно, я скоро узнаю о Сердце и даже верну его. Поэтому и не говорил...

— Вам бы следовало довериться хоть кому-нибудь. Не мне, конечно, но есть же у вас еще верные подданные? Ну, хотя бы ваш начальник охраны. Умом он не блещет, но предать, кажется, не способен, иначе вас давно убили бы.

Эргиан сплел пальцы перед собой, глядя на Алестара — теперь это было видно точно — с откровенной и обидной жалостью.

— Благодарю, сам разберусь как-нибудь, — бессильно огрызнулся Алестар. — Ирताल собственный хвост поймать не способен...

— Это потому что вы неправильно его используете, — слегка снисходительно сообщил кариандец. — И вообще, система охраны здесь такая, что я все больше убеждаюсь, как же боги любят Акаланте. Неясно только, надолго ли хватит их любви.

— А вы, конечно, у себя в Карианде, знаете, как лучше?

Эргиан злил его всем: улыбкой, насмешливым тоном, изящными манерами и отточенными движениями, умом, который не считал нужным скрывать, даже дурацкими шуточками, лучше прочего показывающими, что принц Карианда не боится выглядеть смешным. Значит, чувствует за собой силу.

— Нас боги так не любят, — снова глумливо ухмыльнулся глубинник. — Поэтому мы знаем, что начальников охраны в королевстве должно быть хотя бы два. А лучше — три. Четверо — уже слишком много, они тут же разобьются на пары и начнут воевать друг с другом за влияние на короля. А вот три — замечательно! Каждый будет уверен, что два других интригуют против него, и это не даст им сговориться, чтобы совместно обманывать короля. Тогда они будут присматривать друг за другом и

стараться выслужиться.

— Это имеет смысл, ваше величество, — негромко сказала Джиад. — Так делают в узурийском халифате...

— Ваш Иратель был прекрасным боевым генералом, насколько мне известно, — снова посерьезнел Эргиан. — И он верен — редкое драгоценное качество. Не стоит обижать его так, как вчера, уж простите за совет. Просто не поручайте ему того, что для него слишком... сложно. Пусть следит за порядком в городе и дрессирует гвардейцев. А для охраны дворца отбирайте лучших и обучайте их дальше. И для тайной службы — тоже. Найти того, кто сможет ее возглавить, — задача не из простых, конечно... Госпожа Джиад, а вы не думали остаться в Акаланте? Потом, после разрыва запечатления?

— Нет, — улыбнулась жрица и добавила: — Можете быть спокойны на этот счет.

— Ах, во-от как... — протянул Эргиан, и Алестара накрыла очередная волна злости: эти двое, кажется, отлично понимали друг друга.

— Это все, что вы желали узнать? — раздраженно спросил он у кариандца.

— Нет, разумеется, — ответил тот, пожимая плечами. — Но на большинство моих вопросов ответить вы не сможете. К тому же сейчас ваша очередь спрашивать. Ответ за ответ — отличная игра, не так ли?

Это было неожиданно. И очень соблазнительно! Алестар отогнал дюжину вопросов, вертевшихся на языке, чтобы выбрать всего один — для начала.

— Что у вас с Тиараном? — спросил он, краем глаза следя за Джиад — жрица снова слегка улыбнулась, будто поддерживая его.

— Почти брачные игры! — смешливо фыркнул кариандец. — Ему очень хочется уложить меня на песок, выражаясь фигурально. То есть, конечно, не меня, а весь Карианд в моем лице. Ваш Тиаран — медуза, считающая себя муреной. Но медузы тоже бывают опасны. Он так старательно заигрывает с троном Карианда, что простил мне и тот удар, и мои шалости на Совете. Но я почти уверен, что он поглядывает и в сторону Суаланы тоже.

— Зачем вам это? — резко спросил Алестар, подаваясь вперед.

— О нет, — мягко возразил кариандец, — теперь моя очередь спрашивать. Я сказал достаточно, выводы можете делать сами. Вы собираетесь жениться на моей сестре?

Перед ответом Алестар помолчал. Глубоко внутри тянула и ныла тихая боль, и от взгляда на спокойную жрицу становилось только хуже.

— Да, — сказал он, наконец. — Я обещал отцу. К тому же, мне нужна супруга именно такой крови. У меня нет выбора, тир-на Эргиан.

— Благодарю за откровенность, — кивнул кариандец. — То есть причины две: клятва и происхождение Маритэль. Я... учту это.

— Разве договор не заключен? Я полагал, что говорить можно только о мелочах.

Мутная, как штормовая вода, холодная злость то накатывала, захлестывая Алестара целиком, то отступала, позволяя мыслить почти разумно.

— Не злитесь, тир-на, — все так же мягко и очень проникательно ответил принц Карианда. — Если вам станет легче, то лично я был против этого брака. Вы с Маритэль слишком разные. Я бы предпочел отдать ее тому, с кем моя сестра будет счастлива, а не разменивать, как породистую самочку салту, на политические выгоды.

Злость Алестара улеглась почти мгновенно. Проклятый маару говорил именно то, что сам он бросал в лицо отцу. И он, кажется, действительно беспокоился за сестру...

— Вы считаете, что я буду плохим мужем? — напрямую спросил он, снова ворочаясь на постели и думая, что хорошо бы навестить ширакку и поплавать в горячей воде, но не выгонять же гостя посреди столь интересного разговора.

— Плохим? Нет. Неудобным и опасным — весьма, — ответил откровенностью на откровенность кариандец. — Вы любите другую. Это видно всем, у кого есть глаза. И это бы еще ничего, если запечатление разорвать вовремя и умело, но... Госпожа Джиад, — повернулся он к жрице. — Скажите, вы никогда не чувствовали ничего странного в присутствии амо-на Тиарана?

— Если не считать того, что он чуть не убил меня зовом? — усмехнулась Джиад. — А почему вы спрашиваете?

— Ответ за ответ, — улыбнулся ей Эргиан азартно. — Любой вопрос по вашему желанию.

— Я... чувствовала, — уронила жрица и посмотрела в глаза Алестару. — Помните, как Жи укусил меня? В то утро один из ваших жрецов попытался подчинить меня своей воле. Но кто — я не знала. А вы уверены, — взгляд ее обратился к Эргиану — что это был Тиаран?

— Я бы не поклялся в этом, но да — уверен. Он очень благоразумно не пользуется этой способностью наедине. Только рядом еще с кем-то. Меня он лишь попробовал на вкус, так сказать. И признал несъедобным, — кариандец ехидно улыбнулся и снова посерьезнел: — Но я совершенно

точно не желаю, чтобы в эти игры играли с моей сестрой. Во все времена влиять на мужчину было проще всего через его женщину... Поэтому я даже рад, что пока рядом с тир-на Алестаром не такой нежный цветок, как Маритэль, а более...

— Крепкое растение, — с усмешкой закончила Джиад, и кариандец кивнул.

— Ваш вопрос, каи-на Джиад, и, думаю, хватит игр на сегодня, — сказал он.

Тиаран пытался зачаровать Джиад? Алестару казалось, что до этого он злился? Нет, вот теперь он был зол по-настоящему! Да как он посмел! Тварь глубинная! Жрец, предавший Троиш! И он еще сговаривался с врагами Акаланте? Но почему Джиад ничего не сказала? Она ему настолько не доверяет?

Алестар с усилием сбросил застилающий разум алый туман ярости, чтобы услышать жрицу.

— Пожалуй, могу сказать то же самое, — медленно произнесла она, в упор разглядывая кариандца. — Так много вопросов... Знаете, тир-на, я не буду спрашивать. Скажите мне сами что-нибудь. То, что считаете нужным сказать. Не то чтобы я не любила игры, но сейчас ставки слишком высоки. Просто подумайте, что я-то уплыву, но жизнь длинна, а вы, кажется, собираетесь прожить ее здесь, в Акаланте...

Она замолчала. На лице Эргиана расцветала восхищенная улыбка. Он смотрел на Джиад, как смотрят на особенно удачный поворот во время Гонок или прекрасный удар в бою. Алестар не мог даже злиться на это, потому что во взгляде кариандца не было мужского желания обладать, только радость встречи с достойным противником.

— Какой отличный ход, госпожа жрица, — вымолвил он, наконец, с удовольствием. — Ах, какой восхитительной королевой вы были бы... Я мог бы сказать вам очень, очень много... Но к чему, ведь вы и вправду скоро покинете нас. Впрочем... Зелье для разрыва запечатления уже принесли?

Джиад молча покачала головой.

— Не тяните с этим, — очень спокойно и холодно посоветовал Эргиан, снова становясь пугающе серьезным. — Завтра утром — самый крайний срок, потому что такие эликсиры со временем начинают действовать непредсказуемо. А ведь тир-на Алестару так хочется выгадать еще несколько часов в вашем обществе, верно? И кто будет виноват, если вас честно предупреждали, но слегка, самую малость ошиблись в сроке? Разве что жрец-алхимик, готовивший зелье, но никак не почтенный амо-на

Тиаран. Который поклянется даже на Сердце...

— Я понял, — с трудом проговорил Алестар. — И... благодарю вас.

Эргиан оттолкнулся от постели, всплыл и снова изящно поклонился, сначала — Джад, затем — Алестару.

— Я был бы рад напоследок сыграть еще хоть одну партию с вами, госпожа жрица, — проговорил он весело. — И, тем более, надеюсь на много прекрасных партий с моим дорогим родичем. Простите, мне пора!

Когда дверь за кариандским маару закрылась, Алестар в изнеможении шевельнул хвостом.

— Не знаю, правду ли он сказал, — проговорил он, глядя в пустоту, — но подвергать тебя опасности не хочу. Мы проведем ритуал сегодня вечером. Я достаточно восстановил силы.

— Достаточно для чего? — осторожно поинтересовалась Джад, дергая себя за отросшую прядь волос.

— Для чего угодно, — отрезал Алестар. — Мне велено лежать в постели? Я буду лежать. Слава Троим, у всех остальных в этом городе есть хвосты, чтобы приплыть сюда.

* * *

Это был странный день. Время то тянулось, то мчалось, словно мощный салту. А ведь раньше Джад подумала бы земными словами, про коня или сокола... Море оставило в ней гораздо больше, чем она могла предположить. Пропитало насквозь, коварно просочилось в кровь, напоило своей бесконечной соленой тоской и бесконечным же спокойствием. Джад было грустно. Сидя на постели в комнате, где знала уже каждую плитку пола и трещинку на стене, она никак не могла осознать, что все скоро закончится. Свершится некий ритуал — интересно, какой? — и можно будет уплыть наверх. Может быть, не в тот же день, ведь неизвестно, каким окажется исход разговора с Торвальдом, но можно!

А если все устроится совсем хорошо, то они уплывут с Лилайном...

На этом месте Джад запрещала себе мечтать, потому что трезво вспоминала о главном: перстня, чтобы обменять его на наемника, у них нет. Алестар об этом тоже говорить не хотел, потому что говорить было не о чем: все решится там, на месте.

Зато он работал. После смерти старого короля все дела, что решались им, свалились на плечи преемника, несколько дней они копились, и теперь Алестар разгребал документы, которые таскали из местной канцелярии. Хмурился, внимательно читая значки на металлических и восковых таблицах и кожаных свитках, пропитанных жиром для сохранности. Что-то

черкал, исправлял, дописывал. Незнакомые Джад и реназе принимали свитки с почтением, уносили и притаскивали новые...

В обед снова появился Невис, разогнавший толпу счетоводов и управителей. Алестар с удивительной покорностью перенес все: обработку раны, набор зелий, что непременно следовало выпить, осмотр и массаж... Только от снотворной пиявки отказался спокойно, но очень твердо. Вместо этого велел Невису вспомнить все, что тот знает о разрыве запечатления.

— Об этом вам следует говорить с почтенными амо-на, — вздохнул целитель, присаживаясь на самый краешек ложа. — Я такие эликсиры никогда не готовил, это тайны храма Трои.

— А яд в храмовом зелье вы распознать сможете? — так же бесстрастно спросил Алестар.

Невис посмотрел на короля то ли испуганно, то ли удивленно, но, подумав, решительно кивнул.

— Если у меня будет хотя бы час на исследование, — сказал он. — И доступ в мою лабораторию.

— Тогда вечером удалите оттуда всех, без кого можно обойтись. А если вам все же кто-то нужен, предупредите, что это дело требует соблюдения полной тайны.

Алестар был холодно серьезен, и старый целитель подобрался, снова кивнув.

— Я проверю зелье на все известные яды, — пообещал он. — Сам, помощники мне не нужны. Но неужели вы думаете...

— Я много чего думаю, — так же холодно усмехнулся Алестар. — Еще... Ладно, это потом. Пока вы свободны.

— Я хотел просить его узнать что-то о чарах Тиарана, — сказал он Джад, когда целитель уплыл. — Но это может подождать до завтра. Почему ты мне ничего не рассказала?

Джад виновато вздохнула:

— Я не знала, кто это. И у меня не было ни единого доказательства. Да их и сейчас нет, только мое слово.

— Этого я так не оставляю. Но... тоже потом. Джад, что ты думаешь делать с Санлией? Прости, что взвалил на тебя еще и это бремя...

Бывшая наложница так и сидела под охраной в небольшой комнате немного дальше по коридору. Ни на что не жаловалась, ни о чем не просила. Разве что поинтересовалась, нельзя ли ей забрать из своих бывших покоев кое-какие мелочи, и коротала часы, плетя причудливые узоры из мелких разноцветных бусин, нанизывая их на шелковые нити.

— Я не знаю, — честно ответила Джад. — На землю-то ее не

забрать... А что я вообще могу сделать?

— Что угодно. Я... — Алестар немного помялся, но продолжил: — Я трус. Я знаю, что должен поговорить с ней. Что-то спросить, что-то сказать... Но не могу себя заставить. Я виноват перед Санлией во многом. И при этом я ее почти ненавижу!

— Это пройдет, — тихо пообещала Джад. — Дайте себе время, чтобы успокоиться. Я сама поговорю с ней завтра, обещаю.

Она оттолкнулась от кровати и подплыла к клетке, где лежал в углу грустный Жи. Отперла задвижку, поманила салру к себе. Тот сначала не поверил счастью, потом медленно подобрался к дверце, высунул морду наружу, а затем и сам вылетел на свободу, принявшись описывать круги под потолком и по стенам.

— Он будет скучать по тебе, — сказал Алестар, улыбнувшись так ясно и горько, что Джад только кивнула.

— Я... тоже буду, — сказала она через несколько мгновений молчания. — Ваше величество, может, не станем тянуть? Если ритуал забирает много сил, то лучше провести его пораньше...

— Да, ты права. Я сейчас пошлю за эликсиром. И за Невисом. И нужно ведь узнать, что нам вообще делать...

Алестар опять улыбнулся, на этот раз вымученно, и поспешно отвел взгляд. Жи, размявшись, спустился вниз и принялся тыкать носом в руки Джад, без слов рассказывая, что его нужно кормить, чесать, а потом еще и выгулять хорошо бы... И это было очень правильно сейчас — заняться хоть чем-нибудь, лишь бы не видеть измученного взгляда Алестара. А там и срок ритуала подойдет...

Так что остаток дня Джад честно отдала мальку салру. Правда, мальком его уже нельзя было назвать, как-то незаметно Жи вырос в подростка: длинного, гибкого, изящных хищных очертаний. На салту он уже был совсем не похож, серебристая шкура сияла, а вдоль хребта резко выделялась темная полоса. Пожалуй, еще немного — и вполне пойдет под седло. Жаль, Джад на нем не покатайся.

Она вычистила рыбеньша скребком, начесала ему нос и шкуру до полного блаженства, потом полезла разбирать игрушки, пока Алестар слушал тихие объяснения незнакомого и подозрительно юного жреца, что принес стеклянный кувшинчик, полный мутной светло-серой жидкости.

Не торопясь, она выгребла из клетки Жи все, способное гнить: пару крабьих панцирей и пучок веревок. На удивление, дряни оказалось мало — у салру обнаружилось новое увлечение. Теперь он собирал блестящие игрушки — в углу клетки лежала целая кучка полированных створок

жемчужниц, обрывок кожи, расшитый яркими сверкающими бусинами, стеклянный шар туарры и еще что-то непонятное, но украшенное перламутром.

— На земле я бы назвала тебя сорокой, — сказала Джад ревниво следящему за ней салру. — Не бойся, не отниму. Какой же ты еще малыш... И где ты все это берешь — вот загадка... Копыто хоть отдашь?

Обгрызенный и вымытый до белизны мосол лежал чуть поодаль, и Жи решительно отказался с ним расставаться. Джад, улыбнувшись, махнула рукой.

— Ваше величество, — окликнула она рыжего, выбравшись из клетки, — я свои дела закончила. Вот только попрошу кого-нибудь погулять с Жи. Нечего ему тут делать во время ритуала.

— Ах да, ритуал, — как-то очень криво и странно улыбнулся Алестар. — Плыви сюда... Амо-на Виалас как раз тебе расскажет...

— Что?! — выдохнула Джад через несколько минут ясных и подробных указаний вернувшегося в комнату паренька в яркой жреческой тунике. — Вы... Вы...

Слов у нее не было. Приличных — тем более. Вся храмовая выдержка и выучка отступила перед диким желанием сначала сказать все, что она об этом думает, выражениями портового грузчика, которому ящик упал на ногу, а потом дать кое-кому в морду. Не жрецу, нет, он-то ни в чем не был виноват и наивно хлопал ресницами, не понимая, в чем затруднение.

— Джад, погоди... — глухо попросил Алестар. — Амо-на, другого способа нет? Запечатление можно разорвать только так?

— Разумеется, — удивленно и обиженно отозвался Виалас или как его там. — Неужели вы не понимаете принцип действия? Запечатление — это магическая связь, а не только плотская, его нельзя просто вылечить, как болезнь. Вернуть богам их дар — непросто, знаете ли. Притом, нельзя ведь повредить каждому из вас. Вы хоть представляете, как сложно было создать эликсир, не вредящий человеку?

— Верю, — сквозь зубы отозвался Алестар. — Вполне верю. А просто выпить его нельзя?

Джад начала понимать, что рыжего, чтоб ему, тоже не радуют особенности ритуала. Хотя с чего бы иреназе переживать?

— Нельзя! — отрезал жрец. — Чтобы разорвать то, что соединено навечно, используются огромные силы! Нужно замкнуть круг времени и пустить его обратно! Значит — вернуть все именно в ту точку, где, когда и как все началось. Ну, где и когда — это я убрал из условий, чтоб не

усложнять. Но как — непременно! Уж простите, ваше величество, но вы потребовали почти невозможного! А теперь еще и недовольны?

— Перестаньте, — тихо сказал Алестар, и возмущенный жрец мгновенно смолк. — Вы сказали — как... Нам что, повторять все до мелочей? Слова, действия...

— Да нет же, — заулыбался Виалас. — Совсем напротив. Вы... просто вернетесь в тот же момент, но... иначе. Я назвал эликсир «Забвением Истины»! Он действует так просто и великолепно! Я...

Он снова пустился в объяснения. Джиад не слушала. Она отплыла подальше, взялась руками за прутья клетки Жи и попыталась успокоиться. Но привычные сутры, сами собой приходящие на ум, не помогали. Снова и снова твердила она про себя чеканные ритмичные строки, а в животе сворачивался горячий колющий еж боли и тошноты. Нет... страха. Она боялась. Гнусно, мерзко, отвратительно боялась того, что должно было произойти совсем скоро. Вот тебе и шуточка судьбы напоследок! Круг должен сомкнуться — так правильно и логично! Змея укусит себя за хвост, будущее сотрет прошлое. Как будто может исчезнуть из памяти все, что было между ней и Алестаром!

Когда жрец уплыл из комнаты, Джиад просто не заметила. Алестар подобрался сзади так тихо и плавно, завис рядом, не говоря ни слова.

— Я не смогу, — сказала, наконец, Джиад, когда молчание стало совсем невыносимым. — Я просто не смогу. Я...

Алестар молчал, и Джиад была бы ему за это благодарна, если бы молчание могло помочь хоть чему-то.

— Ну, скажите хоть что-нибудь, ваше величество! — не выдержала, наконец, она.

Вести себя так было глупо и недостойно храмового стража. И она ведь старалась сохранять самообладание! Но почему-то сейчас это было намного сложнее, чем тогда, давным-давно, когда она не ждала от рыжего иреназе ничего, кроме боли и унижения. Тогда она держалась, черпая стойкость в собственной гордости. Знала, что ничего не сможет сделать, но упрямо отказывалась чувствовать себя рабыней и наложницей. А сейчас... Мир вокруг рассыпался на осколки, расплывался, разлетался каплями, Джиад мутило и било в ознобе. Как глупо... как недостойно... как неправильно...

— Какая разница, что я скажу? — едва слышно и совершенно бесцветно отозвался иреназе. — Я сотню раз могу сказать, что люблю тебя. Что не обижу ни словом, ни прикосновением. Что не сделаю больно, что буду так ласков, как ни с кем и никогда... Разве ты согласишься?

Джиад молча помотала головой, вцепившись в прутья, словно это была её собственная клетка, а за ними — свобода.

— Я не знаю, что делать, — так же бесстрастно продолжил Алестар. — Клянусь, я не знал, что тебе придется... Джиад, да я прикоснуться к тебе боюсь... Этот жрец, он говорит, что все будет иначе. Что зелье заберет часть памяти — не насовсем, только на время действия. Что все будет так, словно того, первого раза, не было. Я не знаю, верить ему или нет. Джиад, я могу просто отпустить тебя еще раз. Хочешь?

И снова Джиад помотала головой, хотя больше всего на свете ей хотелось кивнуть. Уплыть просто так? Без мерзости ритуала? Без проклятой необходимости еще раз, последний, лечь под иреназе? О да! Еще бы ей не хотелось! А этот рыжий безмозглый дурак снова начнет мучительно подыхать? Неужели он правда на это готов?

Джиад искоса кинула взгляд на бледное лицо, плотно сжатые губы, упрямый подбородок. А ведь готов... Не понимает, чем это обернется для его народа?!

— Вы это серьезно, ваше величество? — не выдержала она, разворачиваясь к Алестару. — Отпустите меня? После всего?! После смерти вашего отца, во время заговора? Отпустите и умрете? То есть все это было напрасно?

— А что мне делать?! — взорвался принц, как долго копивший ярость вулкан. — Что?! Думаешь, я не вижу, как тебя от одной мысли трясет? Как ты меня сейчас ненавидишь? Что мне делать, Джиад? Силой тебя взять? Так я скорее действительно умру! Ты мне сердце изнутри выжгла, понимаешь? Выжгла и вырастила новое. Я не смогу... ничего не смогу... Даже просто прикоснуться к тебе против твоей воли... Так что мне делать? Я себя ненавижу за то, что ты даже посмотреть на меня не хочешь — так тебе противно...

— Я... — Джиад захлебнулась тем, что рвалось изнутри, стиснула зубы, чтобы не всхлипнуть позорно, не застонать. Помолчала, с трудом дыша, набрала опять побольше воды вместо воздуха и разомкнула губы: — Мне не противно. И я могу на вас посмотреть. Но...

Слова не шли на язык, хотелось и вправду закричать, дернуться, не позволить даже коснуться себя! Только не это! Не так! Не с ним! И Джиад держалась из последних сил, уговаривая себя, что Алестару не легче. Точно не легче. А то и похуже в чем-то. Виноватому и осознавшему вину по-настоящему всегда хуже, чем правому. Потому что его боль не смягчает осознание правоты. А еще Алестару хуже, потому что принудить Джиад он не может и не хочет, а уговорить по доброй воле — даже не надеется.

— Я это сделаю, — услышала она свой голос будто со стороны. — У нас ведь нет выбора, верно? И... я вам верю. Просто дайте мне... успокоиться. Я... сейчас. Можно я побуду одна?

— Да... — сказал Алестар хрипло. — Конечно. Я возьму Жи и погуляю с ним. Вернусь... через пару часов.

— Нет, — сказала Джиад, с усилием отрывая пальцы от решетки. — Через пару часов будет только хуже. Через час. И захватите тинкалы, что ли. Погорячее и послаще. Если ее можно пить перед этой дрянью.

«Вина бы, — подумалось ей. — Пару кувшинов крепкого, чтоб оглушить себя, как ударом по голове. Да в Бездну! Я пережила это все с жестоким ублюдком. Перетерплю как-нибудь напоследок с тем, кто не хочет сделать мне больно. Сейчас меня мучает не Алестар, а моя собственная память. Ну так вот — в Бездну. Страх, у тебя нет надо мной власти. Я твоя хозяйка, а не ты — мой!»

ГЛАВА 20. Замыкая круг

К тому моменту, как Алестар вернулся, Джад уже почти успокоилась. И даже смогла мрачно оценить забавность происходящего: сам король морского народа выгуливает ее зверюшку и плавает за выпивкой. Расскажи кому на суше — ведь не поверят. И уж точно не поймут. Джад и сама не понимала многого, но знала точно: Торвальду никогда бы просто в голову не пришло даже предложить подобное. Он-то всегда знал, как вести себя по-королевски. Умел принимать восхищение и любовь, сиять отраженным светом, сберегая собственные силы... А впрочем, меньше всего Джад сейчас хотела думать о Торвальде.

Алестар с немалым трудом запихнул в клетку весело огрызающегося Жи и вернулся к столику, на котором оставил кувшинчики с тинкалой. Без всякой нужды переставил их ближе к постели, потрогал мерцающий сосуд с эликсиром, снова взялся за тинкалу. И все это — старательно не глядя на Джад. Его коса, туго заплетенная с утра, растрепалась, и длинные рыжие пряди норовили расплестись — иреназе где-то потерял кольцо-заколку.

— Пей, пока горячее, — сказал он, по-прежнему не оборачиваясь к Джад. — Только закуски я не принес... Послать за ней?

— Не надо.

Джад взяла ближайший кувшинчик, уже привычно поддела кончиком языка пленку на горлышке, прижала губы к еще теплему глиняному краю. Тинкала и вправду была горячей. А еще сладкой и пряной — как раз такой, как хотелось. Похожую варила Санлия...

Алестар тоже взял свою порцию, покрутил в пальцах. Поставил на стол, но через полминуты схватил снова и сжал в ладонях с отчаянием утопающего, цепляющегося за брошенную веревку. Наверное, надо было что-то ему сказать, но Джад молчала, цедя горячую жидкость, обволакивающую нёбо почти приторной сладостью. Говорить не хотелось. Голова была пустой, а тело — вялым, расслабленным. Все-таки почти час успокаивающих сутр...

Она покосилась на сосуд с эликсиром, больше напоминающим не жидкость, а светящийся туман.

— Как его пить? — спросила вслух, чтобы нарушить вязкую тишину.

— Как тинкалу, только вдвоем, — тихо ответил Алестар, продолжая мучить свой кувшинчик. — Тебе не холодно? Может, пустить сюда воды потеплее?

— Уже не холодно, — сказала Джад, почти не соврав, допила тинкалу и с сожалением отставила пустую посудинку, будто песочные часы, отмерившие нужный срок. — Давайте, что ли... Чего тянуть?

— Ты... точно позволяешь?

Алестар был бледен, словно не его последние дни без конца поили снадобьями для восстановления крови.

— Да давайте уже! — выдохнула Джад, стараясь не сорваться снова то ли в страх, то ли в злость из-с таким трудом обретенного зыбкого спокойствия. — Что мне делать? Раздеться?

Она взялась за край туники, потом подумала, что верх как раз снимать совсем не обязательно. Дернула завязку штанов и чуть ли не впервые в жизни лишь сильнее затянула ее. Нечаянно, конечно. Едва не рассмеялась, но смех вышел бы хуже слез — только это и остановило.

— Подожди, — тихо сказал Алестар. — Подожди немного.

Подплыв к стене, он подкрутил что-то в основании самого большого шара с туаррой, и тот погас, оставив комнату в полумраке. Джад, никогда не стеснявшаяся собственного тела, вдруг задышала легче.

— Я сам, хорошо? Позволь мне...

Вернувшись к кровати, Алестар не стал пристраиваться рядом, а, напротив, остался у Джад в ногах. Взял ее босую ступню и принялся медленно поглаживать от пальцев к щиколотке.

— Не надо...

Джад дернулась, однако ее держали хоть и мягко, но крепко.

— Надо, — так же тихо ответил иреназе. — Ты же как занесенная острога... Вот-вот сорвешься. Позволь мне, пожалуйста. Ложись на подушку...

Она молча повиновалась. Откидываясь в ворох подушек и одеял, пыталась уговорить себя, что на самом деле успокоиться надо рыжему, вот и пусть... Но врать себе не получилось — то, что делал Алестар, оказалось бессовестно приятно. Рыжий разминал ее ступню не очень умело, зато с потрясающей старательностью. Каждый палец, потом край ступни, потом подъем к щиколотке. А потом склонился и коснулся губами чувствительного места в середине подъема.

Джад дернулась. Это уже было... чересчур!

— Ч-ш-ш-ш, — прошептал иреназе. — Лежи... Как я давно хотел это сделать...

И снова принялся настойчиво и откровенно покрывать поцелуями: от пальцев к щиколотке и обратно, не прекращая гладить и растирать. Потом взялся за вторую ступню...

Джиад лежала, растерянно уговаривая себя не сопротивляться. В том, что делал Алестар, не было ничего постыдного, напротив... Но ей очень не нравилось, что тело начинает откликаться на ласки самым естественным образом. Ох... Она закусила губу, собираясь сказать, что хватит, и поняла, что действительно согрелась: снизу вверх по телу катились теплые томные волны удовольствия. Алестар, держа в ладонях обе ее ступни, напоследок приласкал большими пальцами щиколотки и осторожно убрал руки. Джиад совсем уж глупо захотелось спрятаться под одеяло, но она заставила себя дышать ровнее.

— А нам не пора пить эликсир? — не удержалась она.

— Пора... наверное...

Алестар толкнулся хвостом, оказавшись рядом, больше для виду оперся на локоть, едва касаясь поверхности постели.

— Я просто хочу, — сказал он, — чтобы все началось по-настоящему, а не в дурмане. Джиад, я не знаю, какую часть памяти заберет зелье. Какую часть... нас обоих. И что вернет нам потом. Пожалуйста, постарайся помнить...

Он осекся, глубоко вздохнув, протянул руку и очень бережно заправил за ухо Джиад выбившуюся прядь волос, которые она в последнее время связывала шнурком — так отросли.

— Можно? — спросил и, дождавшись едва заметного кивка, потянул за кончик шнурка.

Стянул его, погладил освобожденные волосы, запустил в них пальцы, глядя с безнадежным восхищением и тоскливой жадностью. Умом Джиад понимала, что ей должен очень не нравиться этот вожделеющий взгляд, но она уже устала бояться. А еще где-то очень глубоко, надежно спрятанное от себя самой в первую очередь, в ней плескалось совсем уж недостойное чувство обиды: если бы не запечатление, разве смотрел бы на нее так избалованный красавец-морской король? Да никогда... Это было правильно и понятно, но... все равно саднило.

«Хватит, — оборвала она глупые мысли. — Ты уже домечталась однажды о принце. Хватит рассказывать себе безумные сказки о великой любви. Это не для тебя. Благодарю всех богов, если у тебя когда-нибудь будет просто надежный и верный любовник...»

— Помни, что я люблю тебя, — сказал Алестар все с той же пугающей искренностью и обреченностью. — Можешь забыть все, что угодно, но это — помни. Ты ведь не знаешь...

Он помолчал, легонько перебирая волосы Джиад прядку за прядкой.

— Жрецы рассказывают, что когда-то у иреназе не было

запечатления. Все брали себе жен из собственного города, потому что города постоянно воевали. Но дети от смешения родственной крови стали рождаться хилыми и уродливыми. Тогда жрецы и целители велели юношам искать пару в других городах, и иреназе стали... Они попросту стали ловить и красть девушек, если те оказывались за пределами города без защиты. Помнишь, Эргиан пошутил про брачные танцы? Мы танцуем в воде перед тем, как лечь на песок и слить тела и души в запечатлении. Но сначала были не танцы, а бой, потому что никто из дев не хотел подчиняться врагу. И на песок не укладывали по доброй воле, а прижимали к нему, чтобы помешать отбиваться. А потом их уводили в свой город пленницами... Говорят, Мать Море услышала плач тех, кого брали силой, а потом делали наложницами и рабынями. Она не могла изменить порядок обмена кровью, но подарила иреназе запечатление. Ее дар смягчил всех: и победителей, и побежденных. Потому что проиграть стало так же сладко, как и победить. И потому что победив, нельзя причинить боль той, чье тело и душу чувствуешь, как собственные. Вот тогда бой и превратился в танец... Прости, что я сделал дар — проклятием.

Он склонился и коснулся губ Джад одним-единственным поцелуем: легким, уверенным, нежным. И Джад позволила, замороженная мягким голосом и сиянием ярко-синих глаз. Это было безумие, но в какое-то мгновение она действительно поняла, как когда-то из взаимной ненависти и желания обладать у полудикого народа стало рождаться то, что не заменило им любовь, но послужило для нее той раковиной, которая охраняет драгоценный нежный жемчуг. И не вина, а беда иреназе, что раковина может сберечь мертвое, а живое спасает только до той поры, пока оно принимает защиту добровольно, не стараясь вырваться за поставленные пределы. Пока защита и связь не становятся тюрьмой и оковами...

Оторвавшись от ее рта, Алестар молча взял со стола сосуд, приник губами к краю и отпил примерно половину. Зажав место разрыва пленки, протянул эликсир Джад, улыбнулся слегка:

— Не так уж противно.

Джад, глубоко вздохнув, приняла холодное гладкое стекло, посмотрела в искристую муть. Еще раз вздохнув, последовала примеру Алестара. Зелье пилось легко, не вызывая отвращения, и имело странный вкус, как очень холодное молоко. Прямо с ледника, с крошкой льда, обжигающей рот изнутри... В голове вдруг зашумело, по телу прокатилась горячая волна, остановившись где-то в кончиках пальцев рук и ног, которые немедленно налились тяжестью.

— Помни... — шепнул Алестар, снова склоняясь к ней. — Это

просто сон. Он не украдет у нас то, что дороже запечатления...

А потом Джад утонула в качающихся теплых волнах.

Перед ней расстилось море. Шелковистая гладь, нежно-бирюзовая на поверхности и синяя, как королевские сапфиры, в глубине. По морю бежала мелкая рябь, золотясь от лучей то ли закатного, то ли рассветного солнца. Почему-то Джад не могла понять, утро это или вечер?

Потом толща воды легко поддалась ей, и Джад плавно опустилась вниз, к подножью высокой подводной скалы. Это место было ей знакомо, однако она не могла вспомнить, откуда его знает. Так бывает во сне, просто знаешь — и все. И как бы ни было здесь красиво, Джад невольно напряглась, чувствуя странную тоску. Мысли и воспоминания ускользали, а ей непременно хотелось вспомнить!

— Не надо... — сказал кто-то тихо и почему-то виновато. — Не надо вспоминать.

Джад рывком обернулась и увидела воплощение сегодняшнего моря: золото солнца, темную лазурь волн, жемчужную пену... У него была белоснежная кожа, волосы цвета расплавленного в воде заката и синие глаза. Яркий, красивый, опасный... Джад без тени сомнения знала, что незнакомец очень опасен. И эти его слова...

— Почему нельзя вспоминать? — настороженно спросила Джад, пытаюсь понять, как она здесь оказалась и что происходит.

— Потому что память — это больно, — вздохнул незнакомец. — Я точно знаю. Просто поверь. Поверь морю...

Морю Джад, выросшая на побережье и хорошо знавшая мощь и коварство волн, верить хотела не больше, чем незнакомцу. Тревога не уходила, она покалывала и тянула внутри. А волны, невидимые здесь, в глубине, ласкали упругими ладонями, уговаривая, что нужно расслабиться, отдаться в их власть — и все будет хорошо. Обязательно будет. Боль уйдет, вымоется из памяти, раны души заживут, как зажили раны тела...

— Не хочу, — упрямо ответила Джад, разглядывая подводного жителя от рыжей макушки до роскошного перламутрового плавника на хвосте. — Не хочу забывать. Кто ты? Зачем я здесь?

Она протянула руку и, как замороженная, коснулась плеча ожившей сказки. Жители моря... Станные и коварные, если верить легендам. Сказка смотрела на нее отчаянными синими глазами и улыбалась, очень грустно и совсем не зло.

— Я тоже не хочу забывать, — сказал незнакомец, мерно и медленно покачивая блестящим хвостом, как маятником. — Знаю, что должен, но не могу. Там — боль. И вина. Стыд. Страх... Но я все равно не хочу забывать.

Это нечестно.

«Ти-и-и-ише, дети... — прошептало море вокруг. — Ус-с-спойтесь... Отдайте мне свою боль... Отдайте с-с-страх... Вс-се будет пра-а-вильно...

— Не будет, — упрямо шевельнула губами Джад. — Я... тебя помню. Ты...

Имя не хотело рождаться, губы стыли, язык не ворочался, но Джад упорно, по звуку выдохнула:

— А-ле-ста-а-арр...

— Джад-ад, — эхом отозвался глубинник и застонал, сгибаясь в пояс.

Мгновением позже и Джад всхлипнула от боли, словно ее хлестнула отдачей от выстрела огромная тетива. Мешанина слов, чувств, образов и ощущений захватила и понесла, как прибой, способный и утопить, и выкинуть на берег. Это было больно и страшно, хотелось спрятаться в счастливом неведении, забыть прошлое и принять сладкую нежную ложь. Так легко! Просто позволить себе выбрать безопасность и слепое наивное доверие.

— Не-е-ет, — помотала головой Джад. — Я не хочу!

— Я не хочу! — вторил ей тот, кого Джад назвала полужнакомым именем. — Я любил тебя. Я тебя мучил... Я умирал ради тебя... Не хочу... забыть!

Джад, едва слыша его, тонула в круговороте воспоминаний. Первая встреча у скалы, боль и отвращение, потом снова и снова боль, омерзение, но вдруг — благодарность, смутная, будто нехотя... И жалость к умирающему. И сочувствие к потерявшему отца. И уважение — ведь было за что, было!

— Это нечестно! — крикнула она кому-то, повторяя недавние слова глубинника, словно они стали эхом друг друга. — Дай нам самим выбирать! Мы это заслужили!

«Выбира-а-а-айте... — вздохнуло море с бесконечным терпением матери к капризным детям. — Выбирайте, но не ошибитесь...»

И Джад словно раздвоилась, глядя на себя со стороны. Теперь она помнила, ради чего и как оказалась здесь, в странном мире, порожденном их памятью. Они хотели разорвать запечатление. Эликсир жрецов должен был забрать память о боли и подарить забвение на краткое время, нужное, чтобы замкнуть круг.

— Это же неправда! — сказала Джад, не зная, услышит ли ее Алестар. — Разве может все это завершиться ложью? Я помню много

плохого, но ведь было и совсем другое. А ты хочешь сделать нас незнакомцами? Разве я доверюсь тому, кого вижу впервые?

— Я не хочу забывать ее! — в голосе иреназе звенели отчаяние и вызов. — Пусть я сейчас потеряю ее навсегда — тем сильнее я хочу помнить. Каждый миг, каждое касание. Пусть мне будет больно — я это заслужил. Но я не хочу стать для нее никем!

Он протянул руку, и Джад, поколебавшись единственное мгновение, приняла ее, крепко сжав холодные крепкие пальцы и почувствовав ответное пожатие. И тут же словно удар молнии прошил их обоих, расколов окончательно. Вот двое — человек и иреназе — отворачиваются друг от друга в отвращении, потому что не могут простить окончательно. Слишком многое их разделяет, слишком глубоко тонут они в боли и стыде... А вот другие двое — и они же — сливаются в поцелуе, счастливые и беззаботные, отдавшие боль вместе с памятью, увидевшие друг друга, как в первый раз. Начавшие все сначала!

— Ты хочешь этого? — тихо спросил иреназе. — Выбирай сама... Пусть будет, как ты решишь. Хочешь — без мучений?

Джад помотала головой, потому что голос предательски перестал слушаться — так сдавила горло глухая горькая тоска. Отдать все, что ее так мучило, — что может быть легче и правильнее? Но, кажется, в ее жизни все шло неправильно, так пусть и идет дальше.

— Я не предаю того, что было, — сказала она, вцепляясь другой, свободной рукой в плечо Алестара. — Я выбираю третий путь. Свой!

«Упря-я-я-мые... — насмешливо проорчали волны. — Сами-и выбр-р-рали... Сами-и и тер-р-рпите...»

Кивнув, Джад посмотрела в упрямую синеву чужих глаз. Враг, так и не ставший возлюбленным... Но кем-то же Алестар для нее был?

— Я люблю тебя, — безнадежно сказал иреназе. — Ты помнишь это? Ты мое Сердце Моря...

— Я помню, — прошептала Джад. — Я страж. Я стала твоим стражем, хоть и не хотела этого. И что нам теперь делать?

— Замкнуть круг, — улыбнулся Алестар ясно и горько, кладя ей на плечи обе руки. — Замкнуть круг, чтобы разорвать его. Чтобы стать свободными...

Он потянулся к губам Джад своими, и это было правильно. Джад вдруг поняла, что все, сделанное ими, — верно не правдой эликсира забвения, а более высокой и святой правдой отваги и честности. Они отказались принять забвение из трусости, но кто им не позволял отбросить то, что мешало доверию? Отбросить и забыть самим, по собственной воле?

— Я верю тебе, — сказала она Алестару. — Верю, потому что помню и знаю.

— Я люблю тебя, — эхом отозвался тот. — Люблю, потому что знаю и помню.

Нежная холодная гладкость кожи была знакомой, будто сотни раз они обнимались вот так — с полным доверием и желанием ласкать. И губы принимали поцелуй доверчиво и спокойно. Наконец-то все случилось, как и должно было случиться на самом деле. Память о боли ушла сама, потому что ей больше не было места в душах, заполненных друг другом.

Джиад целовалась, чувствуя на губах и во рту сладкую пряную соль — вкус чужих губ пополам с морской водой. Пропускала через пальцы длинные пряди цвета расплавленного заката, и в ее волосы тоже запускали руки, перебирая с восхищенной нежностью. А потом одежда стала лишней, потому что непременно, обязательно нужно было почувствовать друг друга обнаженной кожей, и они снимали ее, путаясь в незнакомых завязках и застежках, но не желая уступить, и смеялись этой драгоценной неловкости первого узнавания.

И кругом: вверху, внизу и по сторонам — море трепетало и билось, как живое сердце, проникая внутрь, в каждую частичку их тела. Поило солью их кровь и слезы, плескалось в синеве глаз Алестара и наполняло Бездной зрачки Джиад. Смеялось вместе с ними, потому что, наконец-то, все было как надо, как задумывалось кем-то непредставимо давно, чтобы случиться сейчас и именно с ними.

И когда они плыли, кружась в древнем, как мир, танце, Джиад легко и без страха позволила вести себя, потому что была гостьей в море. Она доверилась тому, для кого вода была родной, — и не прогадала. Поцелуи, прикосновения, жадные и робкие, нежные и настойчивые... Алестар ласкал ее, как и обещал, исступленно и бережно, как величайшую драгоценность и живое чудо... Все случилось само собой: упругая толща песка под сплетающимися телами, горячие губы, не дающие думать и тем более не позволяющие испугаться. Джиад потянулась навстречу сама, разводя колени, раскрываясь и позволяя, ахнула и всхлипнула, почувствовав проникновение, и тут же снова застонала в истоме.

Это было как в первый раз. Настоящий, правильный первый раз, который они едва не упустили, собираясь разменять на фальшивую реальность эликсира. И это было — в последний раз, они оба помнили об этом. Упоение обреченности, нежность грусти, восхищение и отчаяние... Джиад принимала это все, как принимала плоть Алестара, и впервые чувствовала запечатление сейчас, когда оно обрывалось между ними.

Тянуло сладкой тоскливой болью, рвалось по-живому, как плохо зажившая рана расходится по шву. И хотелось что-то исправить, изменить, но ведь они сами желали свободы! Молили о ней, забыв, как страшно иногда получить желаемое.

И когда все закончилось — тем, для чего Джиад не смогла бы подобрать названия, потому что обычные слова были слишком тусклыми и скудными, — море ласково убаюкало их, даровав милосердное забвение, хотя бы до утра позволив забыть о том, что могло бы связывать их всю жизнь, но теперь навсегда ушло в прошлое.

* * *

Алестар проснулся, ощущая всем телом тепло и мягкую тяжесть лежащего в его объятиях тела. Осторожно повернув голову, всмотрелся, ловя драгоценное мгновение. Спящая Джиад была такой расслабленной, беззащитной и умиротворенной... С лица исчезло обычное строгое выражение, разгладилась морщинка на переносице, по которой сдвигались брови, когда она хмурилась, уголки губ приподнялись... Наверное, она видела хороший сон. Его женщина... Только на одну ночь — и больше никогда.

Она смешно двинула губами, на которые упала прядь волос, и Алестар невесомым прикосновением убрал темную шелковистую прядку, чтоб не разбудить. Еще хоть минуту, две... Такая близкая, такая родная...

В полном недоумении он прислушался к себе. Ведь запечатление было разорвано, так? Да, где-то глубоко внутри, где он ощущал раньше связь с Джиад, зияла болезненная пустота. Он не мог бы сказать, больно сейчас жрице или хорошо, злится она или радуется. И, наверное, разлучившись с ней, он теперь не умрет. Но больше ничего не изменилось!

Алестар смотрел на смуглую кожу и темные ресницы, на очертания скул и губ, на непослушные волосы, смоляным облачком колышущиеся в воде вокруг ее лица... Это все равно была Джиад, теперь не привязанная к нему ничем — и потому еще более дорогая и желанная. Разве, перестав быть его избранной, она в чем-то изменилась? Гордая и честная, великодушная и справедливая, отважная и милая — разве ушло хоть одно из качеств, за которые он ее любил? Так почему же он должен был перестать любить ее?

Алестар улыбнулся, только сейчас осознав глубину ловушки, в которую сам себя загнал. Ночью все было как в сладком дурмане. Конечно, они отказались от большей части силы эликсира, ухитрившись сохранить память, но все-таки хитрое зелье жрецов смягчило остроту воспоминаний и изрядно затуманило разум. Еще неизвестно, что скажет Джиад, когда

проснется, не будет ли для нее возвращение к обычной памяти слишком болезненным?

Но ему-то что делать? Связь разорвана, а любовь осталась. Потому что полюбил он потом, гораздо позже, узнав и поняв, какое чудо оказалось рядом с ним. И теперь было так больно...

Мгновения уходили, капали, сыпались песчинками в бездонную пропасть времени. Вот Джиад шевельнулась в его объятиях, вздохнула чуть глубже, заворочалась... Алестар замер, ловя в воде вкус и запах ее кожи и волос, впитывая каждое прикосновение.

— Чистой воды тебе, — сказал он тихо, когда молчать и дальше было попросту глупо. — Доброго утра и удачного дня. Полежи еще. Я сейчас велю принести завтрак.

— Доброго... — так же негромко отозвалась Джиад, не пытаясь освободиться из его рук, но как-то вдруг ставшая чужой, напряженной. — Да, завтрак — это хорошо. Но мне бы встать... кое-куда...

— Конечно, извини, — мучительно залился краской Алестар, выругав себя за глупость и разжимая объятия.

Потом, старательно отвернувшись, он только по колыханию воды догадывался, что она одевается, собирая вещи, расплывшиеся вокруг кровати. Вот натягивает тунику, вот связывает волосы, поднимая руки и собирая темное облачко в короткий пушистый хвост... Потом она уплыла в комнату чистоты, а Алестар, слетев с ложа, поспешно натянул повязку и дернул за рычаг вызова.

— Тинкалы, — велел он приплывшему мальчишке-слуге. — Горячей и сладкой. Скажи, пусть сварят по-суалански. И завтрак. Обязательно рыбы, молодых водорослей и курапаро. самого свежего!

— Да, тир-на, — слегка удивленно глянул паренек, последний месяц каждое утро подававший завтрак и прекрасно знающий, что Алестар не пьет тинкалу по-суалански.

Ну, не пьет. А вот сегодня выпьет. Потому что Джиад любит именно такую, пряную и очень сладкую. А он мог бы заказать себе и привычной, но вдруг захотелось... хотя от горького кома в горле не спасет никакая тинкала...

Когда жрица вернулась из комнаты чистоты, аккуратно одетая в свои земные вещи, изрядно подпортившиеся за это время от морской воды, Алестар только вздохнул.

— Я не могу снять браслет, — сказала она, глядя мимо, в стену с клеткой Жи.

Алестар молча посмотрел на золотую полосу с кроваво-красными

каплями рубинов, что вызывающе горели на смуглом запястье. Материнский браслет... Теперь, когда нет отца, настоящую ценность он имеет только для самого Алестара. Кариандская принцесса увидит в нем только обычное украшение. Да еще и с чужой руки. А Джад этим браслетом отразила клинок сирены...

— Я его сниму, — сказал он, прекрасно понимая смысл просьбы. — Только прошу — заberi с собой, когда будешь уплывать. Отец принес его тебе. Хотя бы... в память о нем.

Ответом ему был долгий испытующий взгляд, а потом Джад коротко кивнула и подставила руку.

Тяжелый золотой обруч под его пальцами разошелся на две половинки медленно, будто нехотя. А Алестар только сейчас увидел, что ворот рубашки Джад заколот круглой фибулой с каким-то клыкастым зверем, той, присланной с земли. Фибула принадлежала не Аусдрангу, но легче от этого не стало. Очень уж хорошо Алестар помнил увиденное, когда метался птицей в лихорадочной горячке.

— Давай завтракать, — сказал он тусклым голосом. — День будет нелегкий.

Они поели в полном молчании. Джад временами смотрела на него, будто хотела что-то сказать, но в последний момент сдерживалась, и Алестар, наконец, не выдержал:

— Я обязательно постараюсь его спасти, — сказал он. — Даю слово. Если только не придется вдруг выбирать между твоим другом и Сердцем Моря.

— Понимаю, — ровно ответила жрица. — Благодарю, ваше величество. Это больше, чем я могла рассчитывать.

И все... С трудом протолкнув в сжавшееся горло глоток и вправду недурной, хоть и переслащенной, тинкалы, Алестар понял, что не услышит ничего, кроме так хорошо знакомой ледяной учтивости. А о том, что было ночью, вспоминать тем более не стоит. Ни вспоминать, ни говорить об этом с Джад, снова превратившейся в образцового храмового стража, пусть и не на службе.

Так что он кивнул и вызвал Ираталя, которому велел отобрать пять самых надежных гвардейцев. Не удивился, увидев среди этой пятерки знакомую парочку, Семариля с Камриталем, а про себя решил приглядеться к ним получше. Дару, как сказал Невис, все еще лежал в бреду, да и не хотел Алестар возвращать его на службу. Пусть и понимал, что старший из близнецов, прикрывший его собой от клинка брата, не виноват. Но видеть лицо, один-в-один похожее на Кари, не мог. И, значит, следовало искать

новых личных телохранителей.

— Вы поплывете со мной и каи-на Джиад к скале Договора, — сказал он. — Сегодня днем у меня там встреча с королем людей. Останетесь на расстоянии тридцати гребков, чтобы все видели, но не могли слышать. Это тайные переговоры. О том, что там будет, вы сейчас на Сердце Моря поклянетесь молчать. Если понадобится — всю жизнь. Не обсуждать это между собой, не рассказывать ни избранным, ни лучшим друзьям, ни жрецам на исповеди — никому. Клянитесь.

Он достал фальшивое Сердце Моря, заправленное свежей туаррой, с противным холодом понимая, что совершает святотатство. Но выбора не было.

— Клянусь... клянусь... клянусь... — прозвучали нестройные голоса. Последним был Иратель.

— Каи-на, — сказал ему Алестар, глядя прямо в глаза. — Я знаю, кто нас там встретит, но не знаю, чем обернется встреча. Я доверяю вам и мою жизнь, и жизнь моей... каи-на Джиад. Будьте настороже. Если увидите что-то неладное, действуйте по своему усмотрению. Среди людей будет один... Джиад, — обернулся он к жрице, — как его узнать?

— Он высокий, темноволосый и смуглый, как я, — быстро и четко отозвалась та. — Его зовут Каррас.

— Так вот, — кивнув, продолжил Алестар. — Если начнется что-то... неладное, этого человека не трогать. Напротив — по возможности спасти и забрать с собой. Только в глубину не тяните, разумеется. В остальном... не мне вас учить, Иратель.

— Благодарю, ваше величество, — хрипло отозвался начальник охраны. — Благодарю за...

Он смолк, не договорив, и Алестар снова кивнул.

— Велите вывести салту, — сказал он спокойно. — Мы с Джиад отправляемся на прогулку. Семариль и Камриталь сегодня наша личная охрана. Остальные пусть посмотрят, не увяжется ли кто вслед, а потом догонят за Вратами.

Иратель молча поклонился, приложив руку к груди, и выплыл вместе с гвардейцами. Проводив их взглядом, Алестар обернулся к Джиад:

— О чем я забыл или не подумал? И о чем я должен знать при встрече со своим... собратом?

— Когда будем на месте, — серьезно сказала жрица, — пусть ваша охрана растянется вокруг лодки или что там будет. И дайте им пару условных знаков. По одному — быть настороже, по другому — плыть к вам. Думаю, это все. И... клянусь, я не знаю, чего ждать от короля

Аусдранга. Но подозреваю, что подлости.

Она коснулась пояса и в растерянности посмотрела на ладонь, будто искала что-то.

— Возьми.

Алестар протянул ей свой нож.

— Благодарю, — склонила голову жрица, пристегивая ножны к поясу. — Ну что, пора? Да благословит нас Малкавис.

— Не откажусь, — усмехнулся Алестар. — И пусть будет с нами милость Трои.

До места они опять плыли молча. Пара гвардейцев держалась на корпус салту позади и немного в стороне, как и положено охране, так что Алестар видел рядом только Джад. А у скалы Договора, чья верхушка обнажалась в отлив, их уже ждали. И Алестар не мог не оценить хитроумие Аусдранга. Торвальд не воспользовался лодкой, чье днище так легко пробить. Выводить в море корабль он тоже не стал. Четыре человеческие фигуры издалека виднелись среди волн, а подплыв ближе, Алестар разглядел большой массивный плот. Очень умно. Не опрокинуть, не сделать дыру, волны ему почти не страшны. И весла есть, наверное...

— Хорошо придумано, — негромко сказала рядом Джад, откашлявшись от воды, когда салту поднялся к поверхности.

Отдышалась, теребя кожаный шнурок с амулетом морского дыхания, и повторила:

— Хорошо...

— Плот можно отогнать от берега, — подумал вслух Алестар.

— Нет. Посмотрите, вон, в воде. Это канат. И наверняка не один, чтобы разом не перерезать. А на берегу...

Но Алестар и сам видел, что на берегу, совсем недалеко, столпились люди и стоит какое-то высокое сооружение.

— Ворот, — уверенно сказала Джад. — Чтобы очень быстро намотать канаты и подтянуть плот. Он осторожен. И не ждет от вас добра.

— Правильно делает, — усмехнулся Алестар, чувствуя, наконец-то, так нужную сейчас холодную злость, помогающую думать и действовать. — Ну что — пора.

Оставив за спиной медленно окружающих плот гвардейцев, он тронул салту, направляя его к людям. Джад последовала за ним.

— Кто они? — спросил он, когда стоящих на плоту можно было легко рассмотреть.

— Король — первый слева. Второй — лорд Гленарвиль, канцлер. Старший советник, по-вашему. За ним — лорд Крумас — тоже из высшей

знати. Вон тот здоровяк — капитан королевской охраны... А Лилайна... я не вижу. Хотя нет — он просто сидит...

— Понятно.

Алестар снова хлопнул зверя лоуром, направляя совсем близко. Полезная вещь — лоур. Не оружие, так что нельзя придрататься к его наличию на мирных переговорах. Но при необходимости бьет не хуже остроги.

Подплыв к плоту на расстояние пары гребков, он заставил салту замереть на месте. Посмотрел на человека, которого видел впервые, но искренне и от души ненавидел, слегка склонил голову. Не в поклоне — упаси Трое! — всего лишь в приветствии. Ненависть учтивости не помеха.

— Мой дорогой родич, — звонко и весело отозвался высокий юноша едва ли старше него, Алестара, но тоньше в кости и в плечах поуже. — Как же я рад знакомству. Простите, что не знаю, как положено приветствовать у вашего народа. Все ли благополучно в ваших владениях?

— Милостью Троих, — ответил Алестар, в упор разглядывая его. — Правда, не припомню родственников на суше...

— В самом деле? — так же весело удивился Аусдранг, подчеркнуто не замечая Джад. — Тогда вам следует внимательнее изучить родословное древо, или как у вас это называется. Мы совершенно точно одной крови, поверьте. Может, в моих жилах и поменьше морской воды, но голос моря я слышу. И он шепчет, что пора нам, властителям суши и вод, кое о чем договориться...

Двое рядом с Аусдрангом, одетые пестро и по земным меркам, видимо, богато, явно беспокоились. Переминались с ноги на ногу на едва покачивающемся помосте из толстых бревен, а лица закаменели, и в глазах плескался страх. Чего они боялись? Иреназе? Моря?

— Говорите, — коротко разрешил Алестар, продолжая всматриваться.

Третий — стражник. Начальник охраны? Тело заплыло жиром, но видно, что все еще сильный боец. Смотрит недоверчиво, зло, однако без команды хозяина с места не двинется — да и не его это ума дело. Зачем Аусдрангу на таких переговорах охранник? А вот зачем! У ног стражника сидит связанный человек в кожаных штанах и куртке. Видимо, самим приглядывать за пленником король Аусдранга и его кай-на считают неподобающим...

Рядом быстро вздохнула Джад — и снова затихла. Связанный посмотрел на Алестара, как на что-то мерзкое, и опять отвел взгляд.

— Благодарю за разрешение, — насмешливо поклонился Торвальд,

на мгновение став ужасно похожим на Эргиана. Вот бы кого сюда — маару глубинного! И натравить их друг на друга, а самому поглядеть со стороны. Но это его, Алестара, битва. — Что ж, не будем тратить драгоценное время. У вас, дорогой мой собрат, завалось нечто, весьма нужное мне. Или не у вас, а у моего бывшего стража. Неважно, думаю. Я хочу эту вещь обратно.

— И что взамен? — холодно поинтересовался Алестар.

— Моей благодарности недостаточно?

Торвальд с шутливой укоризненностью поднял бровь и слегка развел руками. — Вижу-вижу... Что ж, я, разумеется, просто не могу проявить меньшую щедрость. К тому же я слегка виноват. Не перед вами, а перед моим стражем. Кстати, она вам все еще нужна?

— Да.

— Верю, — усмехнулся Торвальд. — Воистину, ради вас я расстался с величайшим своим сокровищем...

— Говорите о деле, — процедил Алестар, слишком ярко представляя, как лоур пробивает одежду и входит в тело Торвальда, чтобы выйти с другой стороны. — Она не предмет торга.

— Сегодня — не предмет торга, — снова улыбнулся проклятый Аусдранг. — Потому что одну сделку, помнится, мы уже заключили. Ну ладно, в самом-то деле. Итак, мой бывший страж получит человека, которому она кое-чем обязана. Я собирался казнить этого предателя и мерзавца, но демоны с ним — пусть живет. Вы же, дорогой собрат, обретете то, что утеряти и тоже наверняка хотите вернуть.

Он небрежно распахнул одеяние из мягкой темной ткани, богато расшитой золотыми нитями. С белоснежной ткани короткой туники блеснуло кровавым огоньком Сердце, рядом с ним болтался на цепочке амулет морского дыхания. Алестар прислушался, посылая из глубин души зов. Отклик... был. Правда, совсем слабый и какой-то странный... Но был! Возможно, на суше Сердце уснуло, не получая сил от моря?

— Это все? — спросил Алестар, лихорадочно соображая, что же делать.

Перстня у него нет. И торговаться — бессмысленно. Попробовать отнять Сердце силой? Но Аусдрангу стоит рукой махнуть — и плот просто притянут к берегу. Как же... глупо! Как позорно глупо он, Алестар, будет выглядеть, обещая, упрашивая, торгуясь... И ладно бы позор — но ведь без перстня эта тварь не отдаст наемника — ключ к тому самому перстню...

— Вообще-то, нет, — негромко и с каким-то особенным удовольствием сказал Торвальд, и от его тона Алестар почему-то похолодел. — Еще я хочу от вас, дорогой собрат и родич, вассальную

клятву. Вот на этой самой реликвии, прежде чем вы ее получите. А перстень, который вы вернете мне в знак почтения и уважения, станет гарантом клятвы.

— А хвост глубинного бога не хочешь? — вырвалось у Алестара прежде, чем он до конца осознал сказанное. — Вассальную клятву? Тебе, человеку? С чего?!

— Мне — истинному наследнику, — одними губами улыбнулся Торвальд. — Потомку старшего сына Эравальда Аусдранга и Ираэли, вашей наследной принцессы. Потому что тот, кто стал королем Акаланте, был всего лишь младшим их ребенком. Корона моря моя по праву. И я намерен этим правом воспользоваться, дорогой... родич. О, не беспокойтесь... Я настолько великодушен, что не собираюсь унижать вас перед подданными отречением. Правьте и дальше. В море мне будет слишком неуютно. Мокро, холодно, темно... Опять же, у подданных — хвосты, а я привык к ногам...

Он откровенно издевался, и Алестар в полной мере вкусил бессильное ледяное бешенство, слушая звонкий красивый голос.

— В общем, — весело подытожил Торвальд. — Для всех королем морского народа останетесь вы. Могущественным правителем, очень дружественным к людям. Настолько, что мы заключим новый договор о морской торговле и охране наших кораблей. Ну и прочих пустяках, вроде ежегодных даров, например...

«Дань, — понял Алестар. — Он говорит о дани. Которую Акаланте будет платить этому... этому...»

— А если я откажусь? — спросил он, все еще не веря, что это происходит наяву.

— Тогда, — пожал плечами Торвальд, — мне придется искать другие пути. Вашу реликвию я оставлю себе. Тот, кто столь любезно вернул ее нашей ветви рода, уверял, что Сердце Моря покорится любому, в ком течет кровь морских королей. Пусть даже разбавленная горячей земной. Как вы думаете, у меня получится овладеть его силой?

Джиад рядом молчала, и Алестар был ей безмерно благодарен. А еще он отчетливо понимал, что взывать к рассудку Торвальда и грозить ему гневом вулканов — бессмысленно. В глазах юного короля плескалось безумие. Жажда власти, перед которой склонятся и суша, и море.

И тогда Алестар, понимая, что все бесполезно, что эту битву он проиграл, облизал пересохшие губы и посмотрел еще раз на Торвальда Аусдранга, будь проклят он и его кровь, какой бы родной она ни была, и стоящих рядом с ним людей. Да, Алестар проиграл битву и переговоры.

Потому что, честно говоря, он никогда не был по-настоящему хорош ни в драках, ни в интригах. Как салту, который, — хоть ты его излупи лоуром — не научится летать. Зато любой салту замечательно умеет плавать. А он, Алестар — лучший гонщик Акаланте за последнюю сотню лет. Да и всего моря, пожалуй. И эти люди... Они же не враги. Они... просто соперники по гонкам. Вот этот — самый опасный. Он вырвался вперед так уверенно, что его никак не обойти. Ну и не надо. Алестар очень хорошо знает, что делать. В Гонке этому учишься так же быстро, как и другим подлым приемам. Кто-то их применяет, кто-то брезгует... Но вот этот, родственничек... он начал первым.

— Безусловно получится, — ласково улыбнулся Алестар в ответ. — И я даже расскажу — что именно.

Он снова улыбнулся, готовясь к последнему решающему кругу, седлая вместо салту собственную ослепительную ненависть и восхитительную ярость. А пойманный отблеск близкого Сердца щедро поил его силой, делая слова безупречно убедительными.

* * *

Алестар что-то задумал, и Джиад всей душой надеялась, что у него получится. Она смотрела на Торвальда и не узнавала его. Куда исчез ясноглазый улыбчивый юноша, который стал для нее солнцем и жизнью? О, улыбка и сияние глаз его не померкли... Но теперь они пугали. Торвальд стал холодным и опасным, как безупречно сбалансированный клинок. И двое высших сановников королевства — они же его боялись. Джиад читала это в напряженных позах, в том, как лорды следили и слушали... В какое чудовище должен был превратиться ее бывший возлюбленный, чтобы Крумас, в одиночку ходивший на кабана, трепетал перед своим королем?

Она перевела взгляд на Лилайна, зная, что не может позволить себе даже ободряющей улыбки. Наемник ответил напряженным взглядом и чуть пошевелил плечами. Руки ему связали за спиной, так что сидеть было не слишком удобно, а сделать что-то — и вовсе невозможно.

Джиад прикинула расстояние до края плота. Нет, сдернуть Лилайна в воду она точно не успеет. А еще у ног капитана лежит взведенный арбалет...

— Вот как? — удивленно спросил Торвальд, явно не ожидая от иреназе такой покладистости. — Я слушаю...

Алестар почему-то смотрел не на него, а на королевских спутников. Внимательно, оценивающе. Потом снова перевел взгляд на Аусдранга.

— Не знаю, кто передал вам Сердце Моря, дорогой... родич, — сказал он так мягко, что у Джиад екнуло сердце в плохом предчувствии, —

но могу заверить: все его тайны известны только королевской семье. Например, что Сердце требует плату за свою силу. Должно быть, вы очень стремитесь стать королем моря, если готовы ради этого умереть лет на десять-двадцать раньше...

— Я? — поднял бровь Торвальд. — Сердце вернется к вам.

— Увы, — вздохнул Алестар. — Король может быть только один. Принеся вам вассальную клятву, я, может, и останусь на троне для своих подданных, но Сердце не обмануть. Оно перестанет слушаться меня. И бремя укрощения подводных вулканов ляжет на ваши плечи. Об этом вам тоже рассказали?

— Представьте себе, — снова улыбнулся Торвальд, но глаза его остались настороженно-холодными. — Что ж, власть имеет свою цену. Не думаю, что мне придется делать это часто.

— Это — нет. Но отказаться от силы Сердца нелегко. Оно уже сотни лет делает власть королей моря незыблемой...

Алестар снова почему-то глянул мимо Торвальда, на его сановников, и продолжил с безмятежным просто спокойствием:

— Вы знаете, почему ваш предок так стремился его заполучить? Вулканы его уж точно не интересовали.

— И... почему же?

Внезапно эти двое напомнили Джаид двух хищников, кружащих друг вокруг друга, выбирая момент, чтобы вцепиться в горло, и все не решаясь на рискованный бросок. Она затаила дыхание, краем глаза видя, как жадно слушают Алестара люди на плоту. Лорды слегка подались вперед, даже капитан слегка расслабился...

— Власть, — четко и холодно уронил Алестар. — Не над вулканами и волнами, это всего лишь... приложение к силе. Да, вы сможете поднять или усмирить шторм. Обрушить волну на прибрежную деревню... или город... Не думаю, что это понравится вашим соседям, но кого волнует мнение слабейших? А вот истинная власть — она не в шторме. Сердце позволяет определять любую произнесенную ложь. Оно дарит проникновение в чужие помыслы. Не слишком точное и очень опасное, но большинство после этого выживает и даже становится... более верными подданными, я бы сказал. Безмозглыми — но очень преданными. А еще оно позволяет брать клятвы, которые невозможно нарушить, потому что нарушителя карает его собственная кровь. Об этом вам рассказали?

— О да-а-а, — завороченно протянул Торвальд, не отрывая взгляда от бесстрастного лица Алестара, на котором только глаза горели бешеным синим огнем. — Но не все, как оказалось... А вы... Мой дорогой родич...

Зачем вы говорите мне это?

— Затем, — Алестар улыбнулся краешками губ, и его голос стал еще слаще и мелодичнее, — что вы можете избавить меня от этого бремени. Я единственный наследник своего отца и морского трона — так я всегда думал. Но мне вовсе не хочется править. Посмотрите на меня, Торвальд... Я хочу жить — просто жить. Развлекаться, выигрывать гонки, любить... Я все чаще думаю, что просто не создан для короны. Но я один. Порядок наследования не оставляет мне шансов, а заговорщикам я слишком мешаю, чтобы остаться в живых. Вам нужна власть? Мы договоримся. И вы будете величайшим королем, потому что получите власть, которую невозможно свергнуть. Нерушимые клятвы, распахнутые вам сердца и мысли, возможность убить любого подданного — просто пожелав этого. Вот что такое Сердце...

Джиад успела глубоко вдохнуть соленого влажного воздуха. А потом все случилось, пока она выдыхала. Двое лордов повернулись друг к другу и обменялись взглядами. Гленарвиль сделал шаг назад, а Крумас — на его место — и за спину Торвальда. Блеснуло лезвие. Короткий взмах рукой! И Торвальд удивленно посмотрел на Джиад, которую будто толкнуло изнутри. Ее подзащитный! Она, храмовый страж, смотрела, как убивают того, кого клялась беречь ценой жизни...

— Не смей! — рявкнул Алестар, и она очнулась.

Торвальд, не отрывая от нее изумленного и будто жалобного взгляда, медленно упал на колени, потом лицом в бревно...

— Убийство! — закричал Гленарвиль. — Преступник убил короля! Смерть негодяю!

— Лилайн! — зазвенел в ушах Джиад ее собственный крик.

Каррас боднул капитана головой в живот и, как был, связанный, рванулся к краю плота. Перекатился и почти без всплеска ушел под воду.

Алестар поднял над головой скрещенные руки, подавая сигнал гвардейцам, но те уже и сами плыли к плоту. Джиад прыгнула с салту и нырнула, ища взглядом темное пятно, которое волны уже затянули под плот. Амулет на ее груди сработал мгновенно, стоило вдохнуть воды, на миг передернувшись от боли. И сразу же пришла ясность подводного зрения. Лилайн, извиваясь, барахтался в толще воды совсем близко.

Подплыв к нему, Джиад схватила тяжелое тело и изо всех сил потащила наверх. Один из гвардейцев, оказавшись рядом, помог ей. Вынырнув и снова отплевываясь от воды, Джиад хватанула ртом воздух, показавшийся раскаленным.

— Осторожно! — крикнул Алестар, и над ее головой просвистел

арбалетный болт.

— К берегу! — истошно визжал Гленарвиль. — Скорее к берегу. Измена! Убийство! Проклятый алахасец!

— Не смей! — снова услышала она голос Алестара, но уже не крик, а просто громкий и четкий приказ. — Еще один выстрел — и позавидуете своему королю-покойнику. Всем побережьем! Джад, ты не ранена?

— Нет, — выдавила она, оглянувшись на короля иреназе. — Амулет... Мне нужен амулет... второй...

— Отличная мысль.

Алестар, сидя на салту, беспокойно бьющем хвостом по волнам, улыбнулся так, что Гленарвиль замолчал и попятился от края плота вглубь.

— Мою вещь, — сказал Алестар, в упор глядя на канцлера. — Отдайте то, что на мертвом, и я заберу с собой вашу тайну.

Лилайн полулежал на плече Джад, которая изо всех сил одной рукой держала его, а другой — вцепилась в седло салту, молясь, чтобы зверь не нырнул. Все тот же Камриталь, вынырнув рядом, снова подхватил наемника, пока остальные окружали плот с поднятыми острогами.

Двое лордов опять переглянулись. Капитан стоял, опустив арбалет, а Крумас кивнул Гленарвилю и, опустившись на колени, сорвал с шеи Торвальда золотую цепь с Сердцем Моря. Но Джад сейчас было куда важнее, что на той же цепи висел амулет морского дыхания.

Ираталь, подплыв к плоту, принял цепь и передал ее Алестару.

— Амулет, ваше величество, — отчаянно попросила Джад, не зная даже, поможет ли он уже захлебнувшемуся человеку.

Алестар сорвал с цепочки Сердце и, торопливо подплыв, накинул ее на шею Карраса. Через несколько мучительных мгновений наемник захрипел, начал выдираться из рук Джад, ловя ртом воздух.

— В воду его! — крикнул Алестар. — Быстрее!

Джад отчаянно потянула Лилайна вниз, и там он, наконец, задышал, очумело озираясь вокруг. Сверху над ними прошла и исчезла темная тень — плот стремительно удалялся к берегу.

— Все хорошо, — торопливо сказала Джад, только сейчас разглядев, что вокруг куртки наемника расплывается темное пятно — тот болт, что едва не убил ее, был не первым. — Все хорошо, слышишь? Дыши! Ты можешь дышать. Это магия, но она работает!

— Джи... — попытался улыбнуться Лилайн, снова обмякая в ее руках.

— Уплываем.

Спустившийся вниз Алестар был так бесстрастен, что Джад опять

почуяла неладное. Где радость победителя? Где облегчение?! Он же вернул реликвию!

Но Алестар, поймав ее взгляд, покачал головой.

— Это не оно, — сказал он просто. — Проклятье, Джаад, я чувствовал его совсем рядом и сейчас чувствую. Но это — тоже подделка. Плыдем домой, твоему другу нужен целитель.

— Они обвинили его в убийстве, — с трудом промолвила Джаад. — Вы слышали? Они все свалили на Лилайна...

— Зато он остался жив, — безжалостно напомнил Алестар. — Ты точно не ранена? Иратель, возьмите его на салту! Джаад, отпусти руки, никто ему ничего не сделает. Джаад...

Вокруг привычно замерло море — бесконечная, бескрайняя толща воды. Где-то наверху осталось тело Торвальда, а с ним и клятва Джаад. Клятва храмового стража, преданного и ответившего на предательство тем же. Могла ли она спасти Торвальда? Да, если бы осталась его стражем. Но он решил сам — и ей тоже пришлось решать

Джаад разжала сведенные судорогой руки, беспомощно посмотрев на Алестара. Вокруг — море. Лилайн ранен. И теперь тоже зависит от великодушия короля иреназе, который влюблен в нее, Джаад. И обещал выкупить ее из Храма. Правда, у Алестара свадьба с принцессой, что вот-вот приплывет. И еще заговор, круги от которого ширятся... Но все это будет неважно, если они так и не найдут Сердце Моря, потому что вулканы ждать не станут. Джаад, бывший храмовый страж и бывшая избранная морского короля, поняла вдруг, что ничего не кончилось, как ей казалось еще утром. Самое сложное только начинается.